

Фридрих де ла Мотт Фуке

УНДИНА

Фридрих
де ла Мотт
Фуке

Ундина

ФРИДРИХ ДЕ ЛА МОТТ ФУКЕ • УНДИНА

ФРИДРИХ
ДЕ ЛА
МОТТ ФУКЕ
—
УНДИНА

Фридрих де ла Мотт Фуке

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

FRIEDRICH
DE LA
MOTT FOUQUE

—*—

UNDINE

ФРИДРИХ
ДЕ ЛА
МОТТ ФУКЕ

УНДИНА

Издание подготовили

С. Р. БРАХМАН, Н. А. ЖИРМУНСКАЯ,
Е. В. ЛАНДА, С. В. ТУРАЕВ,
Д. Л. ЧАВЧАНИДЗЕ

МОСКВА «НАУКА» 1990

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*В. Е. Багно, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
И. С. Брагинский, В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская, А. В. Лавров,
Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь), Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
И. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С. В. ТУРАЕВ

Ф $\frac{4603000000-086}{042(02)-90}$ 804-90, I полугодие

ISBN 5-02-012741-8

© Издательство
«Наука», 1990 г.
Составление, перевод,
статьи, примечания

ПОСВЯЩЕНИЕ ¹

Ундина, с памятного дня,
Когда заметил я недаром
Твой чудный свет в преданье старом,
О, как ты пела для меня.

Как часто, пав ко мне на грудь,
Ты поверяла все обиды,
Дня проказливое с виду
И вместе робкое чуть-чуть.

И лира чуткая моя
Звучала, отзываясь сразу
Вослед печальному рассказу,
Что от тебя услышал я.

И повесть о твоей судьбе
Пришла к читателям по нраву,
Хоть ты причудница, но право,
Расположила их к себе.

Ундиночка, не бойся, нет,
Читатель хочет слово в слово
Услышать эту повесть снова:
Ступай же, не смущаясь, в свет.

Посвящение

Будь благоправна, господам
Дворянам поклонись смиренно,
Твоих поклонниц неизменных —
Приветствуй наших милых дам.

А спросят дамы обо мне,
Скажи им так: «Мечом и лирой
Средь бала, празднества, турнира
Ваш рыцарь служит вам вдвойне».

Глава первая

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ПРИЕХАЛ К РЫБАКУ

Давным давно, должно быть, много сотен лет тому назад, жил на свете добрый старый рыбак; однажды вечером сидел он у своего порога и чинил сети. Хижина его стояла среди красивой приветливой местности. Поросшая сочной зеленой травой узкая коса вдавалась в большое озеро, ласково пригнув к прозрачной светло-голубой воде, а волны влюбленно простирали объятия навстречу цветущему лугу, колышались травам и свежей сени деревьев. Казалось, они пришли друг к другу в гости и потому и были так прекрасны. А вот людей здесь было не видеть, кроме разве что рыбака и его домочадцев. Ибо к самой косе подступал дремучий лес, которого многие побаивались — уж очень он был темный и густой, да и водилась там всякая нечисть, которая выделявала невесть что; вот и лучше было не заглядывать туда без надобности. Но старый богобоязненный рыбак спокойно ходил через лес, когда ему случалось носить в город, что за лесом, вкусную рыбу, которую он ловил у себя на косе. Должно быть, потому ему так легко было идти там, что никаких дурных помыслов он не таил в душе, да и к тому же, каждый раз, вступая во мрак этого ославленного людьми места, он звонким голосом и от чистого сердца затыкивал какую-нибудь духовную песню.

Но вот, в тот вечер, когда он, не ожидая ничего худого, сидел над своими сетями, на него вдруг напал необъяснимый страх — из лесного сумрака донесся неясный шум, он все близился и становился все слышнее, словно всадник ехал на козе. Все, что мерещилось старику ненастными ночами, все тайны зловещего леса сразу воскресли в его памяти, и прежде всего — гигантская фигура загадочного белого человека, непрестанно кивавшего головой. Да что говорить — когда он глянул в сторону леса, ему явственно почудилось, будто за сплетением листвы стоит этот кивающий головой человек. Однако вскоре он совладал с собой, рассудив, что до сих пор и в самом лесу с ним не случилось ничего худого, а уж на открытом-то месте нечистая сила и вовсе не сможет взять над ним верх. Он тут же громко, в полный голос и от чистого сердца произнес стих из священного писания, это вселило в него мужество, и ему самому стало смешно, как это он мог так обознаться: кивающий головой человек внезапно обернулся давно знакомым лесным ручьем, который стремил свои пенистые воды в озеро. Ну а шум, как оказалось, произвел нарядно одетый рыцарь на коне, выехавший из-под деревьев и приближавшийся к хижине. Его пурпурный плащ был накинут поверх голубого расшитого золотом камзола, с золотистого берета ниспадали пунцовые и голубые перья; на золотой перевязи сверкал богато изукрашенный редкой работы меч; белый жеребец под ним выглядел стройнее обычных боевых коней и так легко ступал по траве, что на пестро-зеленом ковре и следов не оставалось. Старому рыбаку было все еще как-то не по себе, хоть он уже и смекнул, что такое прекрасное явление не сулит никакой опасности; он учтиво снял шапку перед подъехавшим всадником и продолжал спокойно чинить

свои сети. Рыцарь остановился и спросил, не может ли он со своим конем найти здесь приют на ночь.

— Что до коня, господин мой,— ответил рыбак,— то для него у меня нет лучшей конюшни, чем эта защищенная деревьями лужайка, и лучшего корма, чем трава, что растет на ней. Вам же я с радостью предлагаю разделить со мной ужин и ночлег, какие мне самому послал господь.

Рыцарь был вполне доволен этим, он спешился, с помощью рыбака расседлал и разнуздал коня и, пустив его свободно пастись на цветущей лужайке, сказал хозяину:

— Если бы ты и оказался менее радушным и приветливым, славный старик, тебе бы все равно сегодня от меня не избавиться; ведь перед нами — большое озеро, а пускаться на ночь глядя в обратный путь через этот лес с его диковинами — боже нас спаси и помилуй!

— Лучше и толковать об этом не будем! — сказал рыбак и повел гостя в хижину.

Там у очага, освещавшего скудным отблеском огня полутемную опрятную горницу, сидела в высоком кресле старуха — жена рыбака. При виде знатного гостя она встала и приветливо поклонилась ему, но затем снова заняла свое почетное место, не предложив его пришельцу, на что рыбак с улыбкой заметил:

— Не взывайте, молодой господин, что она не уступила вам самого лучшего сиденья в доме; таков уж обычай у нас бедных людей, самое удобное место отдано старикам.

— Э, муженек,— молвила со спокойной улыбкой жена.— Что это тебе в голову взбрело? Ведь гость наш не какой-нибудь нехристь, так неужто захочет он согнать с места старого человека? Садитесь,— продолжа-

ла она, обращаясь к рыцарю, — вон там есть еще один стул, вполне пригодный, только глядите, не ерзайте и не слишком сильно двигайте его, а то у него одна ножка не очень прочно держится.

Рыцарь осторожно придвинул стул, с улыбкой опустился на него, и на душе у него стало вдруг так легко, словно он давно уже свой в этом маленьком домике и сейчас только воротился сюда издалека.

Между этими тремя славными людьми завязался дружеский разговор. Правда, о лесе, о котором рыцарь все норовил побольше расспросить, старик не очень-то хотел рассказывать, и уж меньше всего сейчас, на ночь глядя; ну, а о своем хозяйстве и прочих делах супруги толковали весьма охотно и с любопытством слушали рассказы рыцаря о его страстих и о том, что у него замок у истоков Дуная, и что зовут его господин Хульдбранд фон Рипгштеттен². Во время беседы гостю не раз слышалось что-то вроде плеска у низкого окошка, словно кто-то брызгал в него водой. Старик при этом звуке всякий раз недовольно хмурился; а когда, наконец, в стекло ударила целая струя, и брызги сквозь плохо пригнанную раму попали в горницу, он сердито встал и угрожающе крикнул в сторону окна:

— Ундина! Кончишь ли ты когда-нибудь озорничать? Да к тому же сегодня у нас в доме гость.

Снаружи все смолкло, потом послышался чей-то тихий смешок, и рыбак сказал, возвращаясь на место:

— Вы уж извините ее, достопочтенный гость, может, она еще какую штуку выкинет, но это без злого умысла. Это наша приемная дочка Ундина; все никак не может отвыкнуть от ребяческих замашек, хоть и пошел ей осьмнадцатый год. Но сердце у нее доброе — это уж верно вам говорю!

— Да, хорошо тебе говорить! — возразила, покачав головой старуха. — Ты-то вернешься с рыбной ловли или там из города и тебе кажутся милыми ее шутки. А вот когда она день-деньской вертится перед носом, да ни одного путного слова от нее не услышишь, и в хозяйстве помощи никакой — в мои-то годы! — да еще боишься все время, как бы не погубила она нас своими глупостями — это уж совсем другое дело, тут и святой не вытерпит!

— Ну ладно, ладно, — усмехнулся хозяин. — У тебя Ундина, у меня озеро. Ведь и оно порой рвет мои сети и пробивает верши, а все равно я люблю его, а ты — несмотря на всю маету — любишь эту милую девчужку. Не так ли?

— И то правда, по-настоящему на нее и сердиться-то нельзя, — отвечала старуха, с улыбкой кивнув головой.

В эту минуту дверь отворилась и белокурая девушка поразительной красоты со смехом скользнула в комнату.

— Ты просто обманул меня, отец! Где же ваш гость? — спросила она, по в ту же минуту, увидев прекрасного рыцаря, застыла в изумлении. Хульдбранд залюбовался прелестной фигуркой, торопясь запечатлеть в своей памяти пленительные черты, пока девушка еще не оправилась от изумления и из скромности не отвернулась от него. Но все вышло совсем иначе. Она долго глядела на него, потом доверчиво к нему подошла, опустилась перед ним на колени и молвила, играя золотой медалью на драгоценной цепочке, висевшей у него на груди:

— О, прекрасный, приветливый гость, как же очутился ты в нашей бедной хижине? Ты, верно, долго блуждал по белу свету, прежде чем попасть к нам?

Ты пришел из страшного леса, прекрасный друг?

Старуха не дала ему ответить — она стала бранить девушку и велела ей тотчас же встать с колен и приниматься за работу. Ундины, не отвечая ей, придвинула к стулу Хульбранда низенькую скамеечку, уселась на нее со своей пряжей и кротко молвила:

— Вот здесь я и буду работать.

Старик повел себя так, как обычно ведут себя родители с избалованными детьми. Он притворился, что не заметил ослушания Ундины и попытался завести разговор о чем-нибудь другом. Но девушка не дала ему и рта раскрыть. Она сказала:

— Я спросила нашего дорогого гостя, откуда он, и еще не получила ответа.

— Я действительно пришел из леса, моя красавица,— ответил Хульбранд, а она продолжала:

— Ну а теперь расскажи мне, как ты туда попал — ведь другие люди боятся туда ходить, и что диковинного с тобой там приключилось — потому что ведь не могло же не приключиться!

Хульбранд слегка вздрогнул при этом воспоминании и невольно глянул в окно — ему почудилось, будто вот-вот оттуда ухмыльнется одна из тех образин, что повстречались ему в лесу. Но за оконным стеклом была лишь глухая черная ночь. Совладав с собой, он только что собирался начать свой рассказ, как старуха перебила его словами:

— Не время, господин рыцарь, не время сейчас для таких историй! — Ундины в сердцах вскочила со своей скамеечки, уперла в бока красивые руки и воскликнула, подступив к рыбаку вплотную:

— Не время рассказывать, отец? Не время? Но я так хочу! Пускай, пускай рассказывает! — И она топнула стройной ножкой об пол, но все это — с такой кокетли-

вой грацией, что Хульдбранду было еще труднее ответить глаза сейчас от ее разгневанного личика, чем прежде, когда она была сама кротость. Однако у старика прорвалось наконец долго сдерживаемое раздражение. Он накинулся на Ундицу, упрекая ее заслушание и дурное поведение при постороннем, жена вторила ему. Тогда Ундина крикнула:

— Коли вам нравится браниться и вы не хотите исполнять мои просьбы, спите одни в вашей старой прокопченной хижине! — И стремглав вылетев из дома, она в мгновение ока скрылась в ночной тьме.

Глава вторая

О ТОМ, КАК УНДИНА ПОПАЛА К РЫБАКУ

Хульдбранд и рыбак вскочили с мест и бросились вдогонку за рассерженной девушкой. Но когда они выбежали наружу, Ундины и след простыл, и даже шорох ее маленьких ножек затих, так что нельзя было узнать, в какую сторону она убежала. Хульдбранд вопросительно взглянул на хозяина дома; он готов уже был поверить, что прелестное виденье, так быстро потонувшее во мраке ночи, было не более как один из диковинных образов, что морочили его только что в лесу; но старик пробурчал себе под нос:

— Это она уже не в первый раз так! А теперь вот

промаешься всю ночь без сна и покоя: кто знает, не случится ли с ней чего худого там, в темноте, ведь одна-одинешенька до самой зари!

— Так пойдем же за ней, отец, бога ради! — тревожно воскликнул Хульдбранд. Старик возразил:— Зачем? Грех был бы отпускать вас одного глухой ночью в погоню за глухой девчонкой, а моим старым ногам не догнать эту озорницу, даже если бы мы знали, куда она побежала! — Тогда давайте хотя бы покличем ее и попросим вернуться,— сказал Хульдбранд и взволнованным голосом стал звать: — Ундица, ах Ундица! Воротись же! — Старик, покачивая головой, все твердил, что криком тут не поможешь; господин рыцарь еще не знает, какая она упрямецца. Но при этом и сам он не мог удержаться, чтобы время от времени не позвать: — Ундица! Унди.ночка! Прошу тебя, вернись хоть на этот раз! — Но все было так, как он предсказывал. Ундины не было ни видно, ни слышно, и так как старик ни за что не хотел допустить, чтобы Хульдбранд один отправился на поиски беглянки, оба, наконец, вынуждены были вернуться в хижину. Здесь они увидели, что огонь в очаге почти погас, а хозяйка, которая куда менее близко принимала к сердцу бегство Ундины и грозящие ей опасности, уже отправилась на покой. Старик раздул тлеющие угли, подбросил сухих дров и сняв с полки при свете вновь вспыхнувшего огня кувшин с вином, поставил его меж собой и гостем.

— Вы тоже тревожитесь за глупую девчонку, господин рыцарь,— молвил он,— давайте лучше скоротаем ночь за вином и беседой, чем ворочаться без сна на тростниковой подстилке. Не так ли?— Хульдбранд охотно согласился, рыбак усадил его на освободившееся почетное место хозяйки, и оба занялись беседой и вином, как и подобает честным и добропорядочным людям.

Правда, при малейшем шорохе за окном, а порою когда и вовсе ничего не было слышно, кто-нибудь из них поднимал голову со словами: — Это она! — Тогда они умолкали на мгновенье, а потом, убедившись, что никого нет, вздыхали и, покачав головой, продолжали разговор. Но так как они не могли думать ни о чем другом, кроме Ундины, то рыцарю только и оставалось, что выслушивать историю о том, как Ундина попала к старому рыбаку, а старику — рассказывать эту историю. Поэтому он начал так:

— Тому, должно быть, лет пятнадцать, шел я однажды глухим лесом в город со своим товаром. Жена, как водится, оставалась дома, а в этот раз была на то и особая, радостная причина: господь послал нам — в наши уже преклонные годы — прелестного младенчика. То была девочка, и мы все толковали меж собой, не покинуть ли нам ради ее блага нашу уютную косу и не поселиться ли где-нибудь в более людном месте, чтобы дать достойное воспитание этому сокровищу, ниспосланному нам небесами. По чести говоря, господин рыцарь, у нас, бедных людей, с этим обстоит не совсем так, как вам, быть может, кажется; но бог ты мой! Каждый делает то, что в его силах. — Ну, так вот, шел я, и всю дорогу дело это не выходило у меня из головы. Наша коса так уж мне полюбилась и такая тоска брала меня всякий раз, как попаду в городскую сутолоку и шум, что я говорил себе: «Вот и ты вскорости поселишься на таком же бойком месте или другом каком, еще и того хуже!» При всем том я не роптал на господа моего, а напротив, в мыслях горячо благодарил его за наше дитяtko, и еще от чистого сердца и по всей правде скажу, что ни на том, ни на обратном пути через лес со мной не приключилось ничего худого или необычного, да и вообще-то ничего ужасного я там

никогда не видывал. Господь всегда был со мной среди тех диковинных теней.

Тут он сдернул шапчонку с лысой своей головы и на некоторое время умолк, творя про себя молитву. Затем вновь прикрыл голову и продолжал:

— Здесь уже, по эту сторону леса, о да, по эту сторону ждала меня беда. Жена выбежала мне навстречу, слезы ручьями лились у нее из глаз; она была в трауре.— Господи боже!— простонал я.— Где же наш ребеночек? Говори! — У того, к кому ты только что воззвал,— ответила она, и молча мы вошли в хижину.— Я тщетно искал глазами маленькое тельце; и тут только узнал, как все это приключилось. Жена сидела с девочкой на берегу озера, весело и беззаботно играла с ней, как вдруг малютка, сидя у нее на руках, перегнулась вперед, словно увидела в воде что-то удивительно прекрасное; жена еще слышит ее смех, видит, как она, наш ангелочек, перебирает ручонками — и в мгновение ока, быстрым движением выскальзывает из ее рук прямо в озеро. Я потом долго искал маленькую утопленницу; но так и не нашел; она как сгинула.

И вот сидим мы, осиротелые родители, в тот вечер в хижине: говорить нам не вмоготу, даже если бы слезы и не душили нас. Сидим и смотрим на огонь в очаге. Вдруг слышим — что-то зашуршало за дверью; она отворилась: на пороге стояла прелестная девчушка лет трех-четырёх, в нарядной одежде, и улыбалась нам. Мы онемели от изумления; я даже не сразу понял — то ли это и вправду крошечное человеческое существо, то ли мне просто привиделось. Но тут я заметил, что у нее с золотистых волосиков и с богатого платья струится вода и смекнул, что ребенок упал в воду, и ему нужно помочь.— Жена,— говорю,— нам никто не мог спасти наше бесценное дитя; так принесем же

хоть другим то статье, которым судьба обделила нас.

Мы раздели малютку, уложили в постель, напоили горячим, она же не произнесла ни слова, а только все улыбалась, не сводя с нас голубых, как озерная гладь, очей.

На другое утро стало ясно, что ничего худого ей не сделалось, и я стал спрашивать, кто ее родители и откуда она. В ответ мы слышали какую-то странную и сбивчивую историю. Должно быть, она была родом откуда-то издалека, ибо я не только за все эти пятнадцать лет не смог ничего разузнать об ее родителях, но и сама-то она говорила, да и теперь порой говорит такие диковинные вещи, что впору думать, не свалилась ли она, чего доброго, с луны. Все толкует о каких-то золотых дворцах с хрустальной крышей и еще бог весть о чем. Самый вразумительный из ее рассказов — это как она с матерью отправилась на прогулку по озеру, упала с лодки в воду, а пришла в себя уже только здесь, под деревьями и тут-то, на веселом берегу, сразу почувствовала себя как дома.

Ко всему этому у нас прибавилась еще одна серьезная забота.

То, что мы оставим ее у себя и воспитаем найденныша вместо нашей утонувшей дочурки, — это-то мы решили сразу. Но кто знает, крещена ли девочка? Сама она ничего не могла сказать об этом. То, что она сотворена во славу и на радость господу, она знает, — так отвечала она нам много раз, — и все, что делается во славу и на радость господу, пусть сотворят и с нею.

Мы с женой рассудили так: ежели она не крещена, то нечего тянуть с этим, ну а ежели крещена, то маслом каши не испортишь — в хороших вещах лучше сделать слишком много, чем слишком мало. И вот ста-

ли мы думать, какое бы ей выбрать имя покрасивее, ведь все равно мы не знали, как нам ее звать. Наконец, решили, что лучше всего ей подойдет Доротея — когда-то я слышал, что оно значит «дар божий»; а ведь она и была нам послана в дар господом, чтобы утешить нас в горе. Но она и слышать об этом не хотела и все твердила, что родители звали ее Ундиной; Ундиной она и хочет остаться. Ну, а мне это имя казалось каким-то языческим, да и в святцах его нет; вот я и надумал посоветоваться со священником в городе. Тот тоже никогда не слышал такого имени — Ундина. С трудом упросил я его отправиться со мной через заколдованный лес, чтобы совершить у нас в хижине обряд крещения. Малютка стояла перед нами такая прелестная в своем нарядном платьице, что сердце у священника растаяло, она так сумела подольститься к нему и тут же так забавно и мило упрямилась, что все доводы против имени Ундина разом вылетели у него из головы. Словом, так и окрестили мы ее Ундиной, и во все время обряда вела она себя благонравно и послушно, хотя обычно была шаловливой и непоседливой. Вот уж в чем жена права: хлебнули мы с ней лиха. Порассказать бы вам —

Рыцарь перебил рыбака, обратив его внимание на шум, как бы от мощных ударов волн о берег; он еще раньше доносился сквозь речь старика; теперь же с возрастающей силой раздавался у самых окон хижины. Оба собеседника выскочили за дверь и при свете восшедшей луны увидели, что ручей, струившийся из леса, вышел из берегов, и вода бешено несется, увлекая в водовороте камни и древесные стволы.словно разбуженная этим грохотом буря прорвала густые тучи, мчавшиеся по небу; озеро ревело под ударами хлещущего ветра, деревья на косе содрогались от корней до

самых вершук и в изнеможении сгибались под бушующими волнами.

— Ундина! боже милостивый, Ундина! — звали перепуганные мужишпы. Но никто не отзывался, и тогда, уже ни о чем не думая, крича и зоря ее, они бросились вов из хижины в разные стороны.

Глава третья

О ТОМ, КАК ОНИ НАШЛИ УНДИНУ

Чем долъше метался Хульдбранд в ночном мраке, так никого и не находя, тем большие смятение и тревога охватывали его. Мысль о том, что Ундина — всего лишь лесной дух, с новой силой овладела им. Уже и сама коса, и хижина, и ее обитатели казались ему сейчас, среди завывания волн и ветра, среди полностью преобразившейся, еще недавно столь мирной местности — обманчиво дразнящим наваждением; но издалека по-прежнему сквозь грохот бури доносились тревожные крики рыбака, звавшего Ундину, и громкие молитвы и пение старухи. Наконец, вплотную подойдя к разлившемуся ручью, он увидел, что тот стремится свой необузданный бег наперерез таинственному лесу, и коса тем самым превратилась в остров. — Боже милостивый! подумал он. — Что, если Ундина отважилась сделать хоть шаг в этом страшном лесу, быть может, в своем смешном упрямстве, именно потому, что я не захотел рассказывать ей о нем, — а тут поток отрезал ее, и она плачет одна одишешенька там, среди этой

нечисти! — Крик ужаса вырвался у него, он стал спускаться к бурлящему потоку, цепляясь за камни и поваленные деревья, чтобы перебраться через него вброд или вплавь и броситься на поиски пропавшей девушки. Ему мерещилось, правда, все жуткое и диковинное, что видел он еще днем под этими стонущими и скрипящими ветвями; в особенности же высокий белый человек на другом берегу — теперь он сразу узнал его — ухмылявшийся и непрестанно кивавший головой. Но именно эти зловещие видения с силой погнали его вперед, как только представилась ему Ундина совсем одна среди них, объятая смертельным ужасом.

Он уже схватил было толстый сосновый сук и, опершись на него, ступил в середину потока, пытаясь удержаться на ногах; с твердой решимостью он шагнул глубже, как вдруг рядом с ним раздался мелодичный голосок: — Не верь, не верь ему! Он коварен, этот старик, этот поток! — Он узнал милый звук этого голоса, остановился как вкопанный во мраке, внезапно скрывшем лунный свет, и у него закружилась голова от вихря бурлящих волн, которые неслись вперед, обдавая его по пояс. И все же он не собирался отступать.

— Если ты не существуешь, если ты всего лишь мираж, я не хочу больше жить, хочу стать тенью, как ты, милая, милая Ундина! — Он громко произнес эти слова и снова шагнул в глубь потока.

— Да оглянись же, оглянись, дурачок! — послышалось вновь совсем рядом, и глянув в ту сторону, он увидел при свете внезапно вышедшей из-за туч луны под сплетенными ветками деревьев на маленьком островке среди бурлящего потока Ундину, со смехом прильнувшую к траве.

О, как кстати ему пришелся теперь его сук! В несколько прыжков одолел он расстояние, отделявшее его от девушки, и очутился рядом с ней на маленьком

клочке земли, надежно заслоненном шумящей листво- вой вековых деревьев. Ундина слегка приподнялась, обвила руками его шею и притянула к себе на мягкую траву.

— Вот здесь ты мне все и расскажешь, прекрасный мой друг! — шепнула она.— Здесь эти старые ворчуны не услышат нас! А этот навес из листьев наверняка уж стоит их жалкой хижины!

— Это само небо! — ответил Хульдбранд и обнял ее, осыпая страстными поцелуями.

Между тем старый рыбак подошел к берегу ручья и крикнул молодым людям:

— Эй, господин рыцарь, я приютил вас как это принято между честными людьми, а вы тут милуетесь тайком с моей приемной дочкой, да к тому же еще заставляете меня тревожиться и искать ее среди глубокой ночи!

— Я сам только что нашел ее, отец,— ответил рыцарь.

— Тем лучше,— сказал рыбак.— Ну, а теперь не мешкая приведи-ка ее сюда, на твердую сушу.

Но Ундина и слышать о том не хотела — уж лучше она отправится с прекрасным чужеземцем в дремучий лес, чем вернется в хижину, где ей во всем перечат и откуда прекрасный рыцарь все равно рано или поздно уедет. С невыразимой прелестью она запела, обнимая Хульдбранда:

Мечтая о просторе,
Волна, покинув падь,
Умчалась в сине море
И не вернется вспять.

При звуках этой песни старый рыбак горько заплакал, но ее это ничуть не тронуло. Она продолжала

целовать и ласкать полюбившегося ей гостя, который, наконец, сказал ей:

— Унди́на, если тебя не трогает горе старика, то меня оно растрогало. Пойдем к нему!

Она в изумлении раскрыла свои огромные голубые глаза и наконец произнесла медленно и неуверенно:

— Ты думаешь? Хорошо, я согласна со всем, чего ты хочешь. Но пусть этот старик сперва обещает мне, что даст тебе рассказать обо всем, что ты видел в лесу, и — ну, а остальное сладится само собой!

— Ладно, ладно, только воротись! — крикнул ей рыбак, не в силах вымолвить больше ни слова. И он протянул ей руки через ручей и кивнул головой в знак согласия на ее требование; при этом его белые волосы как-то чудно упали ему на лицо, и Хульдбранд вновь вспомнил кивавшего головой белого человека из леса. Но, отогнав от себя это наваждение, рыцарь обнял девушку и перенес ее через бурлящий ручей, отделявший островок от твердой суши. Старик прижал Унди́ну к сердцу, осыпал поцелуями и не мог наглядеться и радоваться на нее; появилась и старуха и тоже старалась ласками умиловить беглянку. Никто уже и не думал упрекать ее, тем более, что и Унди́на, забыв свой гнев, осыпала приемных родителей нежными словами и ласками. Заря уже занималась над озером, когда они, наконец, пришли в себя после радостной встречи; буря утихла, птицы дружно запели на влажных ветвях. Так как Унди́на все еще настаивала на обещанном рассказе рыцаря, старики с улыбкой покорились ее желанию. Завтрак накрыли за хижиной под деревьями со стороны озера, и все уселись, радостные и довольные; Унди́на, которая ни о чем другом и слышать не хотела, устроилась на земле у ног рыцаря, и Хульдбранд начал свой рассказ.

Глава четвертая
О ТОМ, ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ
С РЫЦАРЕМ В ЛЕСУ

— Тому назад дней восемь приехал я в имперский город, что находится за лесом. Там как раз готовился турнир и другие рыцарские состязания. Я принял в них участие, не щадя ни коня, ни копья. И вот как-то, когда я, отдав шлем одному из моих оруженосцев, остановился у барьера, чтобы передохнуть немного от этих радостных трудов, мне бросилась в глаза прекрасная дама в богатом убранстве; она сидела на галерее и смотрела на состязания. Я спросил своего соседа, кто это, и узнал, что зовут ее Бертальда и она приемная дочь одного из самых могущественных герцогов этого края. Я заметил, что и она глядит на меня, и, как это бывает с нами, молодыми рыцарями, если поначалу я твердо сидел в седле, то теперь уж и подавно. Вечером я был ее кавалером на танцах, и так продолжалось ежедневно до конца торжеств.

Резкая боль в свисавшей левой руке прервала речь Хульдбранда и привлекла его взгляд к больному месту. Ундина вонзила свои жемчужные зубки ему в палец, и вид у нее был при этом хмурый и недовольный. Но тут же она заглянула ему в глаза с нежностью и грустью и еле слышно прошептала: — Вы поступили точно так же! — Потом она прикрыла лицо руками, а рыцарь, ошеломленный и растерянный, продолжал свой рассказ.

— Эта Бертальда оказалась девушкой надменной и своенравной. На другой день она уже правилась мне гораздо меньше, чем в первый, а на третий — еще того меньше. Но я оставался при ней, ибо она была ко мне

милостивее, чем ко всем другим рыцарям, и так получилось, что я шутя попросил у нее перчатку.

— Я дам вам ее,— молвила она в ответ,— если вы и только вы один расскажете мне, каков же на самом деле этот знаменитый лес, о котором бродит столько дурных толков.

Не так уж нужна была мне ее перчатка, но слово есть слово, и какой же рыцарь, мало-мальски наделенный честолубием, заставит дважды просить себя пройти такой искуc.

— Вы, наверное, полюбились ей? — перебила его Ундина.— Похоже на то,— отвечал Хульдбранд.— Ну, тогда она, должно быть, очень глупа,— со смехом воскликнула девушка.— Гнать прочь от себя того, кого любишь, да еще в такой лес, о котором ходит худая слава! Уж от меня-то этот лес и все его тайны не дождались бы ничего подобного!

— Итак, вчера утром я отправился в путь,— продолжал рыцарь, ласково улыбувшись Ундине.— Стволы сосен розовели в утренних лучах, ложившихся светлыми полосами на зеленую траву, а листья так весело перешептывались, что я в душе посмеивался над людьми, которые опасаются чего-то страшного от этого мирного места. Скоро я проеду лес насквозь туда и обратно, говорил я себе, довольно улыбаясь, но не успел и оглянуться, как уже углубился в густую зеленоватую тень, а открытая прогалина позади меня исчезла из виду. Тут только мне пришло на ум, что в таком огромном лесу я легко могу заблудиться, и это и есть, пожалуй, единственная опасность, грозящая здесь путнику. Я остановился и посмотрел на солнце — оно стояло уже довольно высоко. Взглянув вверх, я увидел в ветвях могучего дуба что-то черное. Подумав, что это медведь, я схватился за меч; и тут вдруг оно говорит

человечьим голосом, но хриплым и отвратительным: — Если бы я здесь наверху не наломал сучков, на чем бы тебя, дуралея, сегодня в полночь стали жарить? — И ухмыльнулось и зашуршало ветвями; мой конь шарахнулся прочь и понес меня, так что я не успел рассмотреть, что это была за чертовщина.

— Лучше не поминайте его, — молвил старый рыбак и перекрестился; жена молча последовала его примеру. Ундина устремила ясный взгляд на своего милого и сказала: — Самое лучшее во всей истории, это то, что на самом деле его не изжарили. Дальше, прекрасный юноша! — Рыцарь продолжал свой рассказ:

— Мой перепуганный конь чуть было не разбил меня о стволы и торчащие сучья. Он был весь в мыле от испуга и возбуждения, и я никак не мог осадить его. Он несся напрямик к каменистому обрыву; и тут мне почудилось будто наперерез взбесившемуся жеребцу кинулся какой-то длинный белый человек; испуганный конь остановился, я вновь сладил с ним, и тут только увидел, что спасителем моим был никакой не белый человек, а светлый серебристый ручей, бурно низвергавшийся с холма и преградивший своим течением путь коню.

— Благодарю тебя, милый ручей! — воскликнула Ундина, захлопав в ладоши. Старик же только задумчиво покачал головой.

— Не успел я твердо усесться в седле и натянуть поводья, — продолжал Хульдбранд, — как вдруг, откуда ни возмись, рядом со мной очутился диковинный человек, крошечный и безобразный, с изжелта-смуглым лицом и огромным носом, почти такой же величины, как он сам. Большой рот его был растянут в глупой ухмылке, он непрестанно отвешивал поклоны и шаркал ногой. Мне стало очень не по себе от этого паяснича-

ния, я коротко кивнул в ответ, поворотил моего все еще дрожащего коня и мысленно пожелал себе другого приключения, а буде такого не окажется,— пуститься в обратный путь, ибо солнце тем временем уже начало клониться к закату. Но тут этот сморчок в мгновение ока отскочил и вновь очутился перед моим жеребцом! — Дорогу! — крикнул я с досадой. — Конь разгорячен и, того и гляди, собьет тебя с ног! — Э, нет, — прогнусавил коротышка и расхохотался еще глупей прежнего. — А где же денежки в награду? Ведь это я остановил вашу лошадь; а не то — лежать бы вам со своей лошадкой там, на дне оврага, ой-ой-ой! — Хватит корчить рожи! — крикнул я, — на, бери свои деньги, хоть все это и вранье, потому что спас меня вовсе не ты, ничтожная тварь, а вон тот добрый ручей! — И швырнул золотой в его диковинную шапчонку, которую он, на манер нищего, протягивал мне. Я поехал прочь; но он продолжал кричать мне вслед и вдруг с непостижимой быстротой вновь оказался подле меня. Я пустил коня галопом, он скачками неся рядом, хоть, видно, туго ему приходилось, и при этом извивался и корчился всем телом, так что глядеть на это было и смешно, и противно, и удивительно, да еще все время вертел над головой монету, взвизгивая при каждом прыжке: — Фальшивые деньги! Фальшивая монета! Фальшивая монета! Фальшивые деньги! — И выдавливал это из глотки с таким хрипом, словно вот-вот после каждого возгласа рухнет замертво оземь. А из раскрытой пасти у него свешивался мерзкий красный язык. В растерянности я придержал коня и спросил: — Что ты кричишь? Чего тебе надо? возьми еще золотой, возьми еще два, только отстань от меня! — Тут он снова начал отвечать свои тошнотворно угодливые поклоны и прогнусавил: — Нет, не золото, сударик мой, никак не

золото! Этого добра у меня у самого вволю, сейчас покажу! — И тут вдруг мне почудилось, что я вижу сквозь зеленый дерн как сквозь зеленое стекло, а плоская земля стала круглой, как шар, и внутри нее копошились, играя серебром и золотом, маленькие кобольды³. Они кувыркались через голову, швыряли друг в друга слитками драгоценных металлов, прыскали в лицо золотой пылью, а мой уродливый спутник стоял одной ногой внутри, другой снаружи. Те подавали ему груды золота, он смеясь показывал его мне, а потом со звоном швырял обратно в бездну. Потом снова показывал кобольдам мой золотой, и они до упаду хохотали и улюлюкали. А затем они потянулись ко мне своими почерневшими от металла пальцами, и — все быстрее и быстрее, все теснее и теснее, все яростнее и яростнее закружилась и забарахталась вокруг эта чертовня — тут меня, как раньше мою лошадь, охватил ужас, я пришпорил коня и, не разбирая дороги, вновь помчался в глубь леса.

Когда я наконец остановился, уже вечерело, потянуло прохладой. Сквозь ветви белела тропинка, которая, мне думалось, должна была вывести меня из лесу в город. Я пытался пробиться к ней, но из-за листьев на меня глядело неясно белеющее лицо с все время меняющимися чертами. Я хотел объехать его, но куда бы ни повернул, оно было тут как тут. В ярости я решил наконец направить коня прямо на него, но тут оно брызнуло в глаза мне и лошади белой пеной, и, ослепленные, мы вынуждены были повернуть назад. И так оно теснило нас шаг за шагом прочь от тропы, оставляя свободным путь лишь в одном направлении. Когда же мы двинулись в ту сторону, оно следовало за нами по пятам, не причиняя, однако, ни малейшего вреда. Когда я изредка оглядывался, я видел, что это

белое струящееся лицо сидело на таком же белом гигантском туловище. Порою казалось, что это движущийся фонтан, но мне так и не удалось увериться в этом. Измученный конь и всадник уступили белому человеку, который все время кивал нам, словно хотел сказать: «Вот так, вот так!» Понемногу мы добрались до выхода из лесу, я увидел траву, и озеро, и вашу хижину, а длинный белый человек исчез.

— И хорошо, что исчез,— сказал старый рыбак и тут же заговорил о том, каким образом его гостю лучше всего добраться в город к своим. Ундина начала потихоньку посмеиваться над ним. Хульдбранд заметил это и молвил: — Мне казалось, ты рада, что я здесь; чего же ты веселишься, когда речь идет о моем отъезде? — Потому что ты не уедешь,— отвечала Ундина.— Попробуй-ка, переправься через разлившийся лесной ручей на лодке, на коне или пешком; как тебе будет угодно. Или лучше, пожалуй, не пробуй, потому что ты разобьешься о камни и стволы, которые уносит течение. Ну, а что до озера, то тут уж я знаю — отец не слишком далеко отплывет на своем челноке.

Хульдбранд с улыбкой встал, чтобы взглянуть, так ли это, как сказала Ундина; старик пошел с ним, а девушка, шутя и дурачась, последовала за ними. Все оказалось так, как сказала Ундина; и рыцарю пришлось уступить и остаться на косе, превратившейся в остров, до тех пор, пока не спадет вода. Когда они втроем возвращались в хижину, рыцарь шепнул на ухо девушке: — Ну как, Ундина? Ты недовольна, что я остался? — Ах, перестаньте,— ответила она нахмурясь.— Если бы я не укусила вас, кто знает, сколько бы вы еще порассказали об этой Бертальде.

Глава пятая
О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ
ЖИЛ НА КОСЕ

Тебе, быть может, доводилось, любезный читатель, после странствий и блужданий по белу свету оказаться в таком месте, которое пришлось тебе по душе; заложная в каждом из нас любовь к своему очагу и мирное спокойствие вновь пробудилось в твоём сердце: родной край со всеми цветами детских лет улыбнулся тебе, и чистой, искренней любовью повеяло от дорогих могил; вот здесь-то и нужно селиться и ставить свою хижину. Быть может, все это заблуждение, в котором ты потом мучительно раскаешься,— не в этом суть, да и сам ты вряд ли захочешь растревлять себе душу горьким привкусом воспоминания. Нет, лучше пробуди в памяти то невыразимо сладостное предчувствие, то ангельское умиротворение, и тогда ты хотя бы отдаленно сможешь представить себе, что было на душе у рыцаря Хульдбранда, когда он жил на косе.

Частенько он с тайной радостью поглядывал, как с каждым днем все более набухает лесной ручей, все шире прокладывая себе русло, и тем самым все дальше отодвигается для него возможность покинуть остров. Днем он подолгу бродил, вооружась старым луком, который нашел в углу хижины и приспособил для стрельбы, подстерегал пролетающих птиц и, подстрелив дичь, отдавал ее изжарить на кухню.

Когда он возвращался с добычей, Ундина не упускала случая упрекнуть его за то, что он так жестоко отнял жизнь у этих милых, веселых созданий, носившихся в небесной лазури; порою при виде мертвых птичек она принималась горько плакать. Но если в дру-

гой раз он возвращался с пустыми руками, она так же серьезно журила его за то, что из-за его неловкости или рассеянности им придется довольствоваться рыбой и раками. И всякий раз он радовался этим милым вспышкам гнева, тем более, что потом она обычно старалась загладить свои выходки нежными ласками.

Старики свыклись с взаимной привязанностью молодых людей; те представлялись им обрученными или даже супружеской четой, подспорьем их старости на этом уединенном острове. Именно эта уединенность укрепила Хульдбранда в мысли, будто он и в самом деле уже стал женихом Ундины. Ему казалось, что там, за лесным ручьем, вовсе нет никакого иного мира, или что попасть туда, к другим людям невозможно; а если случалось, что ржанье его коня словно бы вопрошало и звало к рыцарским подвигам, или сверкнувший на расшитом седле и чепраке герб привлекал его взор, или, со звоном выскользнув из ножен, срывался с гвоздя на стене хижины его добрый меч — тогда он успокаивал себя тем, что Ундина ведь совсем не дочь рыбака, а вернее всего, происходит из какого-то удивительного чужеземного княжеского рода⁴.

Одно лишь было ему в тягость — когда старуха начинала при нем бранить Ундину. Правда, в ответ на это своевольная девушка большей частью открыто смеялась ей в лицо; ему же всякий раз казалось, будто задета его честь, хоть он и понимал, что старуха не так уж неправа, ибо на самом деле Ундина заслуживала в десять раз больше упреков, чем получала; а потому в душе он сочувствовал хозяйке дома, и жизнь текла дальше, все так же мирно и радостно.

Но вот однажды мирное это течение бы нарушено. Дело в том, что рыбак и рыцарь привыкли за обедом и по вечерам, когда снаружки завывал ветер, — как это

всегда бывало с наступлением темноты — коротать время за кружкой. А тут запасы вина, которое рыбак раньше понемногу приносил из города, кончились, и оба они не на шутку приуныли. Ундина весь день мужественно пыталась подтрунивать над ними, не получая в ответ обычных шуток с их стороны. Вечером она вышла из хижины, чтобы, по ее словам, не видеть их скучных, вытянутых физиономий. Но с наступлением сумерек надвинулась буря, вода уже выла и шумела, и рыцарь и рыбак испуганно выскочили за дверь, чтобы воротить девушку, памятуя о той тревожной ночи, когда Хульдбранд впервые переступил порог хижины. Но Ундина уже шла им навстречу, радостно хлопая в ладоши.

— Что вы мне дадите, если я добуду вам вино? Или, впрочем, можете ничего не давать,— продолжала она,— с меня хватит и того, что вы развеселитесь и не будете сидеть с такими постными лицами, как весь этот скучный день. Пойдемте-ка со мной, лесной ручей пригнал к берегу бочку, и я не я буду, если не окажется, что в ней вино.

Мужчины попли следом за ней и, в самом деле, нашли в тихой заводи у берега бочку, которая явно сулила им желанный напиток. Они поспешили вкатить ее в хижину, потому что на вечернем небе уже сгустились грозовые тучи, и в сумерках было видно, как вздымаются на озере белые барашки волн, словно озираясь, скоро ли на них обрушится ливень. Ундина по мере сил помогала мужчинам, а когда внезапный порыв ветра сгустил тучи над их головой, она крикнула, шуливо погрозив в сторону потемневшего неба: — Эй, ты! Смотри не вздумай окатить нас, пока мы еще не под крышей! — Старик прикрикнул на нее за такую дерзость, она же только потихоньку усмехну-

лась, и в самом деле, никакой беды ее слова не накликали. Напротив, все трое, вопреки ожиданиям, добрались до хижины со своей добычей сухими и невредимыми, и только когда уже успели вскрыть бочку и убедиться, что она наполнена отменным вином, оглушительный ливень прорвал густые тучи, и буря налетела на верхушки деревьев и на вздымавшиеся волны озера.

Они сразу же нацедили несколько бутылок от большой бочки, а всего запаса должно было хватить на много дней; сидя у очага, они пили, шутили и чувствовали себя в безопасности от разыгравшейся непогоды. Но тут старый рыбак вдруг произнес серьезным тоном:

— Боже милостивый! Мы тут сидим, радуемся бесценному подарку, а тот, кому он принадлежал, и у кого был отнят потоком, наверное, поплатился жизнью.— Так уж и поплатился! — усмехнулась Ундина, подливая рыцарю вина. Но тот сказал:— Клянусь честью, отец, если бы только я мог разыскать и спасти его, меня не остановили бы ни опасность, ни ночной мрак. В одном могу поклясться — если когда-нибудь суждено мне вернуться в обитаемые места, то я разыщу этого человека или его наследников и дважды, трижды возмещу им это вино.

Его слова пришлись старику по душе; он одобрительно кивнул головой и с чистой совестью и в полное свое удовольствие осушил кубок. Ундина же сказала Хульдбранду:— С возмещением и вообще с твоим золотом можешь поступать как хочешь. А вот бежать на поиски — это глупости. Я бы все глаза себе выплакала, если бы ты погиб из-за этого, да и сам ты охотнее останешься здесь со мной и с этим добрым вином, не так ли? — Пожалуй, что так, — улыбнулся Хульд-

бранд.— Ну вот,— подхватила Ундина,— значит и вправду глупости. Своя рубашка ближе к телу, что тебе до других людей?

Хозяйка со вздохом отвернулась от нее, недовольно покачав головой, рыбаку же изменила на этот раз его обычная снисходительность, и он сурово приструнил девушку.

— Послушать тебя, так можно подумать, что тебя турки и язычники растили! — заключил он свою речь.— Господи, прости нас обоих, никудышное ты чадо!

— Уж какая уродилась, такой и останусь, кто бы ни растил и что бы вы тут ни толковали!

— Замолчи!— прикрикнул на нее рыбак, и она, несмотря на весь свой задор, пугливо съежилась, дрожа всем телом, прижалась к Хульдбранду и еле слышно спросила: — Ты тоже сердисься на меня, прекрасный друг?— Рыцарь сжал ее нежную руку и погладил кудри. Он не мог вымолвить ни слова — его душила досада на старика за его суровость к Ундине, и вот обе пары молча сидели друг против друга в неловком замешательстве.

Глава шестая О ВЕНЧАНИИ

Внезапно тихий стук в дверь прервал наступившую тишину и испугал всех сидевших в хижине; случается ведь, что какая-нибудь неожиданная мелочь взволнует нам душу и вселит в нее ужас. А тут еще так близко был этот проклятый лес, да и коса ведь была теперь недоступна для других людей. Все вопросительно переглянулись; стук повторился и за ним из-за двери послышался глубокий вздох. Рыцарь потянулся было к мечу, но тут старик вымолвил тихо:— Если это то, чего я опасаясь, оружие нас не спасет.— Между тем Ундина подошла к двери и крикнула недовольным и решительным тоном:— Эй вы, духи земли, если вы вздумали безобразничать, Кюлеборн научит вас уму-разуму!

От этой странной речи ужас присутствующих еще усилился; они со страхом поглядывали на девушку, и Хульдбранд уже отважился было спросить ее, что все это значит, когда снаружи раздался голос:— Никакой я не дух земли, а просто дух, пока еще обитающий в земном теле. Если вы готовы прийти ко мне на помощь, вы там в хижине, то отворите, во имя господа бога!

Ундина в эту минуту уже открыла дверь и протянула наружу руку с лампой, осветив ночной мрак, и тут они увидели на пороге старого священника, испуганно отпрянувшего от неожиданности при виде прекрасной девушки. Должно быть, он решил, что дело тут нечисто, раз из такой жалкой лачуги выходит такое прелестное создание, а посему начал громко молиться:— Все добрые духи славят господа, спасителя нашего!

— Я совсем не привидение,— усмехнулась Ундина,— неужели я выпляжу так безобразно? Да к тому же вы видите, ваша молитва не спугнула меня. Я тоже кое-что слышала о господе и умею его славить; правда, всяк делает это на свой лад, на то он нас и сотворил. Войдите, достопочтенный отец, вы попали к добрым людям.

Священник, склонив голову и озираясь, вошел в горницу, вид у него был вполне почтенный и благодушный. Но вода ручьями текла со складок его темного одеяния, с длинной белой бороды и белых кудрей. Рыбак и рыцарь увели его в соседнюю каморку и дали переодеться в сухое платье, передав женщинам в горницу для просушки его промокшую одежду. Пришелец смиренно и ласково поблагодарил их, но решительно отказался принять из рук рыцаря его сверкающий золотым шитьем плащ; он предпочел надеть старую серую куртку рыбака. Они вернулись в горницу, старуха сразу уже уступила священнику свое кресло и не успокоилась, пока он не уселся. Потому как,— молвила она,— вы стары, измучены, да еще и духовного звания.

Ундина подвинула ему под ноги свою скамеечку, на которой она обычно сидела подле Хульдбранда, и вообще вела себя весьма примерно и мило, заботливо ухаживая за добрым стариком. Хульдбранд попытался шепотом на ухо подразнить ее, но она возразила серьезным тоном: Ведь он слуга того, кто сотворил нас всех, этим не шутят.

Рыцарь и рыбак угостили священника едой и вином, и тот, понемногу придя в себя, принялся рассказывать, как он вчера отправился из своего монастыря, что стоит далеко за озером, в резиденцию епископа, чтобы доложить ему, в каком бедственном положении оказа-

лись из-за нынешнего небывалого наводнения монастырь и его угодья. Совершив несколько непредвиденных объездов, вызванных все тем же наводнением, он к вечеру оказался перед разлившимся протоком озера и попытался переправиться через него с помощью двух опытных перевозчиков.

— Но только наша лодчонка коснулась воды, как разразилась ужасная буря, которая и сейчас еще бушует у нас над головой. Волны словно только того и ждали, чтобы затеять бешеную пляску и закружить нас в своем водовороте. Они вырвали весла из рук моих гребцов и унесли прочь их обломки. А нас самих, беспомощных перед темными силами природы, несло по гребням волн к вашему дальнему берегу, который уже проглядывал в тумане и в пене струй. Челнок вертело и кидало с неистовой силой. Не знаю, он ли перевернулся, я ли вылетел из него. В смутном страхе близящейся ужасной гибели я несся все вперед, пока волна не выбросила меня сюда, под деревья, на ваш остров.

— Да уж, поистине остров!— молвил рыбак.— Еще недавно это была коса, а теперь, когда лесной ручей и озеро совсем с ума посходили, все у нас выглядит по-другому.

— И мне так почудилось,— заметил священник.— Когда я в темноте пробирался вдоль воды и кругом неистовствовала буря, я разглядел, наконец, что-то вроде протоптанной тропинки, которая терялась в водовороте, но тут я увидел свет в вашей хижине, отважился пойти на огонек, и вот, благодарю отца небесного, который спас меня из волн и к тому же привел к таким благочестивым людям как вы; тем более, кто знает, увижу ли я еще когда-нибудь в сей жизни живую душу, кроме вас четверых,

— Это почему же? — спросил рыбак. — Кто знает, сколько еще продлится эта игра стихий, — возразил священник. — А я уже в преклонных летах. И слабый ручеек моего земного бытия может иссякнуть и уйти под землю раньше, чем схлынет разлив лесного ручья. Да и вообще легко может случиться, что вода меж вами и лесом будет все прибывать и отрежет вас от остальной земли, так что вам на вашей рыбацкой лодочке будет не доплыть туда, и обитатели твердой суши и вовсе позабудут о вас в своей суете земной.

При этих словах старуха вздрогнула, перекрестилась и молвила: Упаси господь!

Но рыбак, с усмешкой взглянув на нее, сказал: Каков, однако, человек! Ведь уж для тебя-то, дорогая женошечка, ничего бы не изменилось. А ходила ли ты за все эти годы хоть раз дальше опушки леса? И видала ли ты других людей кроме Ундины и меня? А теперь вот к нам пришли господин рыцарь и священник. Если мы превратимся в забытый островок, они останутся у нас. Так ты еще будешь и в выигрыше. — Не знаю, право, — сказала старуха, — а все же как-то жутко становится, как подумаешь, что навеки вечные ты отрезан от других людей, даже если никогда не видел и не знавал их!

— Тогда бы ты остался у нас, остался у нас! — тихонько нараспев промурлыкала Ундина и еще теснее прильнула к Хульдбранду. Но он весь был погружен в дивные и сокровенные видения, возникшие в его душе. С последними словами священника мир, лежащий за лесным ручьем, стал отступать все дальше, становился все более смутным и неясным, а цветущий остров, где он жил, все ярче зеленел и улыбался, овладевая его душой. Невеста представляла пламенеющей розой этого маленького клочка земли, да и всего света, священник

был под рукой. А тут еще хозяйка бросила на девушку сердитый взгляд за то, что та в присутствии духовного лица так тесно прижалась к любимому и, казалось, вот-вот на нее обрушится новый поток докучливых слов и упреков. И тогда рыцарь обернулся к священнику и молвил, неожиданно для самого себя: Перед вами нареченные, достопочтенный отец, и если эта девушка и добрые эти старики согласны, обвенчайте нас сегодня же вечером!

Старики не могли опомниться от изумления. Они, правда, уже кое-что примечали, но никогда не высказывали вслух, и теперь, когда рыцарь сам произнес эти слова, они показались им чем-то новым и неслыханным. Ундина вдруг стала совсем серьезной и задумалась, устремив взгляд в землю, меж тем как священник принялся расспрашивать более подробно обо всех обстоятельствах и осведомился у стариков об их согласии. Потолковав о том, о сем, они объяснились, наконец, начистоту; хозяйка отправилась готовить молодым спальню и извлечь из сундука священные венчальные свечи, которые давно уже были припрятаны у нее для такого торжества. Рыцарь же возился со своей золотой цепью, стараясь отъединить от нее два кольца, чтобы обменяться ими с невестой. Но она, заметив это, очнулась от своего глубокого раздумья и сказала: — О нет! Не такой уж нищей отпустили меня на все четыре стороны мои родители; они, как видно, давно уже предчувствовали, что когда-нибудь настанет такой вечер!

Она быстро вышла за дверь и тотчас же вернулась с двумя драгоценными кольцами; одно она протянула жениху, другое оставила себе. Старый рыбак был вне себя от изумления, а старуха, в эту минуту вошедшая

в комнату, — и того более: они ведь никогда не видели у девушки этих драгоценностей.

— Мои родители, — сказала Ундина, — зашили эти вещицы в нарядное платье, которое было на мне, когда я пришла к вам. И они же запретили мне хотя бы единым словом обмолвиться об этом до самого вечера моей свадьбы. Ну вот, я извлекла их потихоньку и спрятала до сегодняшнего дня.

Священник прервал дальнейшие расспросы и возгласы удивления; он зажег и поставил на стол венчальные свечи и велел жениху и невесте подойти. Короткими торжественными словами он соединил их, старики благословили молодых, и юная невеста задумчиво и с легкой дрожью склонилась на плечо рыцаря. И тут вдруг священник молвил: — Какие вы, право, чудные люди! Что ж вы толковали мне, что вы одни здесь на острове? Все время, пока я совершал обряд, в окно напротив меня глядел внушительного вида высокий человек в белом плаще. Он, должно быть, все еще стоит у двери, если вы пожелаете пригласить его в дом. — Упаси боже! — сказала хозяйка, вздрогнув, старик молча покачал головой, а Хульдбранд бросился к окну. Ему и самому показалось, будто он видит белую голову, которая сразу же скрылась в темноте. Он убедил священника, что тому все это почудилось, и все дружно уселись за стол.

Глава седьмая

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ В СВАДЕБНЫЙ ВЕЧЕР

До и во время венчания Ундина вела себя тихо и благоправно; зато теперь все диковинные и дерзкие причуды, клокотавшие в ней, словно бы с силой выплеснулись наружу. Она донимала своими выходками жениха, родителей и даже высокочтимого пастыря, когда же хозяйка дома попыталась одернуть девушку, рыцарь остановил ее, с серьезным видом напомнив ей, что Ундина — его жена. Между тем ему и самому было не по себе от ребячества Ундины; но ничего тут было не поделать — ни знаки, ни покашливание, ни укоризненные слова не помогали. Всякий раз как новобрачная замечала недовольство своего любимого — а это было не однажды — она, притихнув, подсаживалась к нему, гладила его, улыбалась, шептала ему что-то на ухо, и хмурое чело его прояснялось. Но сразу же какая-нибудь взбалмошная выходка увлекала ее, и вновь начиналась все та же шутовская возня, еще хуже прежнего. Наконец, священник молвил очень серьезным и вместе с тем дружеским тоном:

— Мое милое юное дитя, хоть на тебя и нельзя смотреть без восхищения, однако подумай все же о том, как бы вовремя настроить свою душу в лад с душой твоего избранника.

— Душа? — рассмеялась в ответ Ундина. — Это звучит красиво и для большинства людей служит, быть может, поучительным и полезным уроком. Ну, а если у кого и вовсе нет души — скажите на милость, как же ее настроить? Со мной вот именно так и обстоит!

Священник умолк, глубоко задетый этими слова-

ми и, исполненный благочестивого негодования и скорби, отвернулся от девушки. Она же с вкрадчивой улыбкой приблизилась к нему и молвила:

— Нет, сначала выслушайте толком, а потом уж хмурьтесь, ведь ваш сердитый вид причиняет мне боль, а вы не должны причинять боль ни одному созданию, которое само не сделало вам ничего дурного. Потерпите немного, и я объясню вам, что я хотела сказать.

Казалось, она готовится начать длинную речь, но вдруг загнулась, как бы охваченная внутренней дрожью, и разразилась потоком горьких слез. Окружающие не знали толком что с ней делать и молча глядели на нее, каждый со своей тревогой в сердце. Наконец, она молвила, вытерев слезы и серьезно глянув на священника:— Душа — это, должно быть, что-то очень милое, но и очень страшное. Боже правый! Не лучше ли, святой отец, и вовсе не иметь ее?

Она вновь умолкла, как бы в ожидании ответа. Слезы ее перестали течь. Все, кто был в комнате, поднялись с мест и в ужасе отступили. Она же не сводила глаз со священника, черты ее выражали робкое любопытство, и именно это и наводило такой ужас на окружающих.— Тяжкое, должно быть, бремя — душа,— продолжала она, не дождавшись ответа,— очень тяжкое! Ибо уже сам приближающийся образ ее осеняет меня страхом и скорбью. А мне ведь было всегда так легко, так радостно!

И она вновь залилась слезами и скрыла лицо в складках своей одежды. Тогда священник подошел к ней, лицо его было строгим. Он обратился к ней, заклиная ее всеми святыми отбросить обманчивую оболочку лучезарной кротости, если за ней скрывается недоброе. Она же опустила на колени, повторяя

вслед за ним святые слова, славя господа и клянясь, что никому на свете не желает зла. Наконец, священник сказал рыцарю:— Я оставляю вас, юный супруг, с той, с кем я вас сегодня обвенчал. Насколько я могу судить, в ней нет ничего дурного, но много странного. Я препоручаю ее вашей осмотрительности, любви и верности.

С этими словами он вышел, старики последовали за ним, осеняя себя крестным знамением.

Ундина все еще стояла на коленях. Она приоткрыла лицо и сказала, робко взглянув на Хульдбранда: Ах, теперь ты меня, конечно, покинешь; а ведь я, бедное, бедное дитя, не сделала ничего дурного!

Она произнесла это с такой невыразимой грацией и выглядела так трогательно, что ее жених мигом забыл все то страшное и загадочное, что так испугало его, и поспешил к ней с раскрытыми объятиями. Она улыбнулась сквозь слезы — словно утренняя заря заиграла на ручейках.— Ты не можешь покинуть меня!— доверчиво и вместе с тем твердо шепнула она, и руки ее нежно коснулись щек рыцаря. Это окончательно развеяло злое мысли, которые гнездились в глубине его души и нашептывали ему, что он связал свою судьбу с феей или каким-то иным коварным порождением мира духов; и лишь один вопрос сорвался как бы невзначай с его губ:

— Ундина, милая, скажи только одно: что это ты говорила такое о духах земли и о Кюлеборне, когда священник постучался в дверь?

— Сказки, детские сказки!— ответила смеясь Ундина, вновь обретая свою обычную веселость.— Сперва я нагнала на вас страху, а потом вы на меня. Только и всего. Вот и песне конец, да и всему свадебному вечеру.

— Нет, не конец! — воскликнул опьяненный любовью рыцарь, погасил свечи и, осыпая поцелуями свою прекрасную возлюбленную, озаренную ласковым сиянием луны, понес ее в горницу, где было приготовлено брачное ложе.

Глава восьмая НА УТРО ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Свежий утренний свет разбудил новобрачных. Ундина стыдливо притаилась под одеялом, а Хульдбранд лежал, погруженный в размышления. Ночью каждый раз, как он засыпал, его одолевали странные и жуткие сновидения — какие-то призраки, ухмыляясь исподтишка, сплелись напялить на себя обличье прекрасных женщин, женщины внезапно оборачивались драконами. А когда он пробуждался от этих кошмаров, холодный бледный луч луны светил в окно; с ужасом искал он глазами Ундину, на груди которой уснул. Она лежала рядом с ним и спала, все такая же чарующе прекрасная. И запечатлев на ее розовых губах неслышный поцелуй, он снова засыпал и снова в ужасе пробуждался. Обдумывая все это теперь, в ясном сознании, он упрекал себя за то, что мог хоть на мгновение усомниться в своей прелестной жене. И не таясь, он повинился перед ней, она же протянула ему свою красивую руку, вздохнула из глубины души, но не промолвила ни слова. Только

исполненный бесконечной любви взгляд ее глаз, какого он до сих пор не знал за ней, рассеял его сомнения и сказал ему, что Ундины не таит на него зла. Тогда он с легким сердцем встал и отправился в общую горницу к другим обитателям хижины. Все трое с озабоченным видом сидели у очага, не решаясь вымолвить слово. Казалось, будто священник молится про себя, чтобы отворотить беду. Но когда они увидели новобрачного таким счастливым и радостным, складки на их челе разгладились, а старый рыбак стал даже подшучивать над рыцарем — разумеется, самым благопристойным и чинным образом, так что старуха расплылась в довольной улыбке. Тем временем и Ундины оделась и вошла в горницу. Все хотели было подняться ей навстречу — и замерли в изумлении: такой чужой и вместе с тем такой знакомой показалась им молодая женщина. Первый подошел к ней священник; в его глазах светилась отеческая нежность, а когда он поднял руку для благословения, красавица новобрачная с благоговейным трепетом опустила перед ним на колени. В немногих смиренно кротких словах она повинилась за вчерашние глупые речи и взволнованным голосом попросила помолиться за спасение ее души. Потом встала, расцеловала своих приемных родителей и поблагодарила за все добро, которое она видела от них: О, только теперь я чувствую всем сердцем, как много, как бесконечно много вы сделали для меня, мои дорогие!

Она все ласкала их и не могла оторваться, но заметив, что хозяйка поглядывает в сторону очага, пошла за ней и занялась стиркой, затем накрыла на стол, не позволив старушке ни к чему прикоснуться.

Такой она оставалась весь день: тихой, приветливой, и внимательной, доброй хозяйкой и вместе с

тем нежным, стыдливо целомудренным созданием. Трое из присутствующих, долгие знавшие ее, ежеминутно ждали какой-нибудь выходки, неожиданной смены ее капризного нрава. Но тщетно: Ундина была по-прежнему ангельски кротка и нежна. Священник глаз не мог от нее отвести и несколько раз говорил жениху:— Господин рыцарь, небесная благодетель низошла на вас, вручив вам вчера через меня, недостойного, истинное сокровище; берегите его как зеницу ока и оно принесет вам блаженство земное и вечное.

Перед вечером Ундина со смиренной нежностью взяла рыцаря под руку и тихонько увлекла его из хижины туда, где заходящее солнце озаряло свежую траву и высокие стройные стволы деревьев. Глаза молодой женщины были затуманены грустью и нежностью, на губах бродила загадочная тревога, которая порою пропывалась в еле слышных вздохах.

Молча вела она своего любимого все дальше, отвечая на все его речи только взглядами, которые, правда, ничего не могли объяснить ему, но заключали в себе целое небо любви и робкой преданности. Так дошли они до берега разлившегося лесного ручья, и рыцарь с изумлением увидел, что он течет тихой струйкой, и ни следа нет от бывшего неистовства.

— К завтраму он почти совсем иссякнет,— сказала молодая женщина, с трудом сдерживая рыдания,— и ты сможешь без помехи отправиться, куда захочешь.

— Но только с тобой, Ундина, милая,— ответил смеясь рыцарь.— Подумай, ведь если б мне и впрямь пришла охота сбежать, церковь и духовенство, император и империя — все всполошились бы и вернули тебе беглеца.

— Все дело в тебе, только в тебе,— прошептала она, улыбнувшись сквозь слезы.— И все же я думаю, ты не оставишь меня; уж слишком сильно я люблю тебя. Перенеси меня на островок, что перед нами. Там-то мы все и решим. Я могла бы и сама легко проскользнуть туда по воде, но в твоих руках мне так хорошо и покойно, а если ты все же оттолкнешь меня, то хоть напоследок я побыла в твоих объятиях.

Хульдбранда охватило чувство необъяснимой тревоги, смешанной с умилением, он не знал, что ответить. Взяв ее на руки, он перенес ее на островок и только тут заметил, что это — тот самый, откуда в ту первую ночь он отнес ее к рыбаку. Здесь он опустил свою драгоценную ношу на траву и хотел уже присесть рядом с ней, но она остановила его словами:

— Нет, сядь туда, напротив меня! Я хочу прочесть ответ в твоих глазах раньше, чем его произнесут губы! Выслушай же внимательно, что я расскажу тебе!— И она начала так:

— Знай же, мой любимый, что стихии населены существами, по виду почти такими же, как вы, но только редко-редко они показываются вам на глаза. В огне искрятся и пляшут диковинные саламандры, в недрах земли копошатся тощие, коварные гномы, в лесах шныряют лесовики — их царство — воздух, а в озерах, реках, ручьях обитает обширное племя водяных духов. Как дивно живет им под звенящими хрустальными сводами, сквозь которые просвечивает небо, солнце и звезды! Стройные коралловые деревья с красными и синими плодами растут в садах; ноги мягко ступают по чистому морскому песку и по красивым ракушкам, и все прекрасное, чем владел старый мир и чем новый недостоин насладиться, все это укрыли волны таинственным серебристым покрыва-

лом; в глуби вод высятся гордые величественные столпы, окропленные живительной влагой, а под ее ласками пышно распускаются цветущий мох и гроздья камыша. Те, кто там обитает, прекрасны и пленительны, прекраснее, чем люди. Немало рыбаков заслушивались сладостным пением русалок, поднявшихся из глуби волн⁵, и разнесли по свету молву об их красе; эти дивные жены зовутся у людей ундинами. И ты, мой друг, действительно видишь перед собой ундину.

Рыцарь пытался убедить себя, что на его красавицу-жену вновь напала одна из ее диковинных причуд, и ей просто охота подразнить его затейливо сплетенными сказками. Но сколько бы он ни твердил это, он ни на мгновение не мог поверить себе; странная дрожь пронизала его; не в силах вымолвить слово, он не сводил глаз с прекрасной рассказчицы. Она грустно покачала головой, вздохнула и продолжала:

— Мы были бы гораздо лучше вас, прочих людей,— ибо мы тоже зовем себя людьми, да ведь мы и в самом деле люди по облику и сложению,— но в одном мы хуже вас. Мы и подобные нам порождения других стихий бесследно рассыпаемся в прах духом и телом и, меж тем как вы когда-нибудь воскреснете для новой, более чистой жизни, мы останемся там, где остаются песок, и искра, и ветер, и волны. Потому-то и нет у нас души, стихия движет нами, нередко она покорствует нам, пока мы живем, и развеивает нас, когда мы умрем, и мы веселы и беззаботны, как соловьи и золотые рыбки и прочие дети природы. Однако все на свете стремится ввысь, жаждет подняться на более высокую ступень. Вот и мой отец, могущественный властитель Средиземного моря, пожелал, чтобы его единственная дочь обрела

душу, даже если ей придется заплатить за это страданиями, какие терпят люди, наделенные душой. Но обрести душу мы, порожденные стихией, можем только слившись в сокровенном таинстве любви с кем-либо из вашего племени. Ну вот — теперь у меня есть душа, я обязана ею тебе, мой несказанно любимый, и от тебя зависит сделать меня на всю жизнь счастливой или несчастной. Ибо что станет со мной, если ты в испуге отшатнешься или отвергнешь меня? Но я не хочу удерживать тебя обманом. И если ты меня отвергнешь, то сделай это сразу, сейчас, вернись на тот берег один. Я нырну в этот ручей — ведь это мой дядя, он живет здесь в лесу чудаком-отшельником, вдали от всех своих друзей. Но он могуществен, и многие великие реки чтут и любят его. И так же, как он принес меня, веселое и беззаботное дитя, в семью рыбака, так же и унесет он меня к моим родителям — женщину с любящей, страдающей душой.

Она хотела продолжать, но Хульдбранд, охваченный волнением и любовью, обнял ее и перенес обратно на берег. И только здесь, обливаясь слезами и целуя ее, он поклялся никогда не покидать свою прелестную жену и твердил, что он счастливее, чем греческий ваятель Пигмалион, которому госпожа Венера оживила его мраморную статую⁶, превратив ее в прекрасную возлюбленную. Доверчиво опершись на его руку, Ундина вернулась в хижину и только сейчас всем сердцем почувствовала, как мало значат для нее покинутые ею хрустальные дворцы ее могущественного отца,

Глава девятая

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ УВЕЗ С СОБОЙ МОЛОДУЮ ЖЕНУ

Когда на следующее утро Хульдбранд проснулся, его прекрасной подруги уже не было рядом с ним; и вновь ему пришла на ум неотвязная мысль, что весь его брак и сама прелестная Ундина — всего лишь мираж и мимолетная игра воображения. Но тут она сама вошла в горницу, поцеловала его и, присев на постель, молвила.— Я выходила так рано поглядеть, сдержал ли дядя слово. Все потоки и ручьи уже вернулись в старое русло, и сам он, как и прежде, удивленно и задумчиво струит сквозь лес свои воды. Его друзья в воздухе и в воде тоже утихомирились, все в этих краях успокоилось, пошло своим чередом, и ты можешь посуху вернуться домой когда захочешь.

Хульдбранду вновь показалось, что он грезит наяву — так трудно ему было свыкнуться с мыслью о диковинной родне своей жены. Однако он и виду не подал, а невыразимая прелесть молодой женщины вскоре успокоила все недобрые его предчувствия. Когда короткое время спустя он стоял с ней у входа в дом, озирая зеленеющую косу с ее четко обозначенными водой границами, ему стало вдруг так хорошо в этой колыбели его любви, что у него вырвалось:

— А зачем нам уезжать сегодня? Едва ли в том большом мире нас ждут более радостные дни, чем те, что провели мы здесь, в этом укромном, защищенном тайнике. Давай же проводим здесь еще дважды, трижды закат солнца.

— Как повелит мой господин,— с ласковой покорностью отвечала Ундина,— Вот только старики — им

и так будет больно расставаться со мной, а тут, когда они почувствуют во мне преданную душу, почувствуют, как искренне я научилась теперь любить и чтить их, они, пожалуй, все глаза себе выплачут с горя. Сейчас еще моя кротость и благонравие для них — все равно, что гладь озера, пока недвижим воздух, — ведь так оно со мной всегда бывало. И какое-нибудь деревце или цветок они полюбят так же легко, как полюбили меня. Что будет, если они узнают это новое, обретенное мной любящее сердце, в ту самую минуту, когда должны будут навеки утратить его на этой земле? А смогу ли я утаить его от них, если мы останемся здесь?

Хульдбранд не мог не согласиться с ней; он отправился к старикам и сообщил, что они уезжают в сей же час. Священник вызвался сопровождать молодую чету, вместе с рыцарем они помогли Ундине сесть на коня и не мешкая долее двинулись в сторону леса по высохшему руслу лесного ручья. Ундина беззвучно, но горько плакала, старики провожали ее громкими причитаниями. Казалось, они только сейчас начали понимать, что они теряют в лице своей приемной дочери.

В молчании три путника вступили под густую тень леса. Красивое это было зрелище: на фоне зеленой листвы — прекрасная женщина на чистокровном, нарядно убранном коне, а по бокам ее чинно шествовали почтенный пастырь в белом орденском одеянии и цветущий молодой рыцарь в яркой одежде, опоясанный сверкающим мечом. Хульдбранд не сводил глаз со своей красавицы-жены. Ундина, отерев слезы, не сводила глаз с него, и вскоре между ними завязалась безмолвная, беззвучная беседа, в которой говорят только взгляды и знаки.

И лишь немного погодя они очнулись, внезапно услышав негромкий разговор священника с четвертым спутником, который успел незаметно присоединиться к ним. На нем было длинное белое одеяние, почти такое же, как облачение священника, только на лицо был низко надвинут капюшон, и все это струилось и развевалось широкими складками, так что ему ежеминутно приходилось подбирать полы одежды и перекидывать их через руку или как-либо иначе управляться с ними; впрочем, это ничуть не стесняло его при ходьбе. Молодые заметили его как раз в ту минуту, когда он говорил:

— Вот так-то и живу я здесь в лесу, почтенный отец, уже много лет, хотя меня и не назовешь отшельником в вашем смысле слова. Ибо, как сказано, покаяния я не творю, да и не больно в нем нуждаюсь. Я потому только и люблю так лес, что уж очень занятно и красиво выглядит, когда я в своем развевающемся белом платье пробиваюсь сквозь темную листву, а нежный луч солнца нет-нет да и скользнет по мне и засверкает...

— Вы весьма удивительный человек,— заметил священник,— и мне хотелось бы побольше узнать о вас.

— Ну, а вы-то сами кто такой, если уж на то пошло?— спросил незнакомец.

— Меня зовут патер Хайльман,— молвил священник,— из обители святой Марии, что за озером.

— Так, так,— ответил незнакомец,— а меня зовут Кюлеборн, ну, а если соблюдать учтивость, то следовало бы величать меня господином фон Кюлеборн, а не то, пожалуй, и владетельный барон фон Кюлеборн, ибо я владею всем в этом лесу, а может быть

и за его пределами. Вот, к примеру, я сейчас скажу кое-что этой молодой госпоже.

В мгновение ока он очутился по другую руку священника, совсем рядом с Ундиной и, вытянувшись во весь рост, шепнул ей что-то на ухо. Она испуганно отшатнулась со словами:

— Мне не о чем больше с вами говорить.

— Ого-го,— засмеялся незнакомец,— видно, шибко знатным оказался муженек, коль ты своих родных и признавать не хочешь? Забыла, что ли, своего дядюшку Кюлеборна, который на собственной спине принес тебя сюда?

— Но я прошу вас,— возразила Ундина,— больше не показываться мне на глаза. Теперь я боюсь вас; что, если мой муж станет сторониться меня, увидев меня в таком странном обществе и узнает о такой родне?

— Милейшая племянница,— промолвил Кюлеборн,— прошу не забывать, что здесь я служу вам провожатым; а не то, глядите, как бы духи земли и всякая прочая нечисть не выкинули бы с вами какой-нибудь дурацкой штуки. А посему дозвоьте уж сопровождать вас; кстати, этот старый священник, как видно, лучше вас запомнил меня — он только что уверял, что мое лицо кажется ему очень знакомым и что чуть ли я не был с ним в лодке, когда он упал в воду. Ну, разумеется, это и был я — точнее, та самая волна, которая смыла его за борт и пригнала потом к берегу — прямехонько к тебе на свадьбу.

Ундина и рыцарь взглянули на патера Хайльмана; он брел как во сне и не слышал ни слова из этого разговора. Тогда Ундина сказала Кюлеборну:

— Вот уже виден край леса. Ваша помощь нам больше не нужна, нас ничто не страшит, кроме вас.

Добром прошу вас, сгиньте, отпустите нас с миром!

Кюлеборну явно пришлись эти слова не по вкусу, он скорчил отвратительную гримасу, оскалив зубы в злобной ухмылке, так что Ундина громко вскрикнула и позвала на помощь своего любимого. В мгновение ока рыцарь очутился с другой стороны кося и занес острый клинок над головой Кюлеборна. Но удар пришелся по пенистой струе водопада, низвергавшегося рядом с ними с высокой скалы; с шипеньем и плеском, напоминавшим смех, он обдал их с головы до ног, так что на них места сухого не осталось. Священник промолвил, словно бы очнувшись от сна:

— Так я и думал, ведь ручей тек все время рядом с нами. А поначалу мне было почудилось, будто это человек и умеет говорить.

А водопад совершенно внятно прожурчал на ухо Хульдбранду:

Смелый рыцарь,
Сильный рыцарь,
Я не сержусь,
Я не гневлюсь,
Только будь верный защитник жене,
Иначе вспомнишь ты обо мне!

Через несколько шагов они вышли на опушку леса. Перед ними сверкая в вечерних лучах, широко раскинулся вольный имперский город, а солнце, золотившее его башни, заботливо обсушило промокшие одежды путников,

Глава десятая
О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ
В ИМПЕРСКОМ ГОРОДЕ

Внезапное исчезновение рыцаря Хульдбранда фон Рингштеттена вызвало в имперском городе всеобщую тревогу и сожаление, ибо все успели полюбить его за ловкость на турнире и изящество на балу, за щедрость и приветливый нрав. Его слуги не хотели покидать город без своего господина, однако никто из них не отважился последовать за ним в зловещий сумрак страшного леса. Итак, они продолжали жить на постоялом дворе, в праздном ожидании, как это водится у такого рода людей, и своими сетованиями пытались оживить память о пропавшем рыцаре. Когда же затем вскоре разыгралась непогода и начался паводок, никто уже не сомневался в верной гибели прекрасного чужеземца. Бергальда открыто выказывала свое горе, проклиная себя за то, что толкнула его на злополучную поездку в лес. Герцог с супругой, ее приемные родители, приехали, чтобы увезти ее с собой, но Бергальда уговорила их остаться с ней, пока не станет доподлинно известно — жив Хульдбранд или мертв. Многих молодых рыцарей, усердно домогавшихся ее милостей, она пыталась подвигнуть на розыски благородного искателя приключений. Но обещать в награду свою руку она не решалась — должно быть, все еще надеялась, что он вернется, и она будет принадлежать ему, а за какую-нибудь перчатку с ее руки или ленту никто не спешил ставить на карту жизнь, чтобы воротить столь опасного соперника.

И вот теперь, когда Хульдбранд так неожиданно и внезапно вернулся, слуги, горожане и все кругом

ликовали,— все, кроме Бертальды: ибо если всем пришлось по душе, что он привез с собою такую красавицу-жену, и патера Хайльмана как свидетеля венчания, то Бертальде не оставалось ничего другого, как сокрушаться об этом. Во-первых, она действительно успела всем сердцем полюбить молодого рыцаря, а кроме того ее скорбь во время его отсутствия открыла людским взорам гораздо больше, нежели это подобало. Вот почему она повела себя, как следовало умной женщине, примирилась с обстоятельствами и самым дружеским образом обходилась с Ундиной, которую все в городе приняли за принцессу, избавленную Хульдбрандом в лесу от злых чар. Когда ее самое или ее супруга спрашивали об этом, они отмалчивались или отвечали уклончиво; уста патера Хайльмана были плотно замкнуты для всякой суетной болтовни, к тому же вскоре по прибытии в имперский город он отправился в свой монастырь, так что людям приходилось пробавляться собственными измышлениями, и даже Бертальда знала не больше других.

Ундина же с каждым днем все более привязывалась к Бертальде.

— Наверное, мы когда-то раньше знали друг друга,— частенько говорила она,— или между нами существует какая-то иная, чудесная связь, ведь так вот просто, без всякой причины, поймите меня, без какой-то тайной причины, нельзя сразу полюбить человека с первого взгляда, как я полюбила вас.

Да и Бертальда не могла не сознаться себе, что чувствует к Ундине дружескую склонность, хотя и полагала, что имеет веские причины горько упрекать свою счастливую соперницу. Это взаимное их влечение побудило одну упросить своих родителей отло-

жить день отъезда, а другую — умолить о том же супруга. Более того, уже шла речь о том, что Бертальда на некоторое время отправится с Ундиной в замок Рингштеттен у истоков Дуная.

Как раз об этом и беседовали они однажды вечером, гуляя при свете звезд по городской рыночной площади, окаймленной высокими деревьями. Молодая чета поздно вечером зашла за Бертальдой, и все трое дружески прогуливались под темно-синим небосводом, прерывая свои речи восторгами по поводу великолепного фонтана, неумолчно журчавшего и звеневшего посреди площади. И на душе у них было так хорошо и отрадно, сквозь тень деревьев мелькали огоньки ближних домов, вокруг них плыл неясный гул от голосов играющих детей и неторопливых шагов прохожих; они были одни и в то же время в самой гуще жизнерадостного, приветливого мира. То, что днем казалось трудным, как бы само собой сглаживалось, и трое друзей уже не могли понять, почему поездка Бертальды с ними могла вызвать хоть малейшее сомнение. И тут, как раз когда они собирались назначить день совместного отъезда, от самой середины площади прямо к ним направился какой-то высокий человек; он почтительно поклонился всей компании и что-то шепнул на ухо молодой женщине. Недовольная помехой и тем, кто им помешал, она отошла с незнакомцем на несколько шагов, и оба начали шептаться, словно бы на каком-то чужом языке. Хульбранду показался знакомым этот странный человек, и он стал так пристально всматриваться в него, что не слышал изумленных вопросов Бертальды и не отвечал на них. Впезапно Ундина радостно захлопала в ладоши и со смехом покинула незнакомца, который, недовольно покачивая головой, поспешными шагами по-

шел прочь и спустился в колодец. Тут Хульдбранд окончательно уверился в своей догадке. Бертальда же спросила:

— Что ему было нужно от тебя, Ундина? Ведь это человек, который чистит колодцы, не так ли?

Молодая женщина усмехнулась про себя и ответила:

— Послезавтра, в день твоего ангела, все узнаешь, милое дитя мое!

И ничего больше нельзя было от нее добиться. Она пригласила Бертальду вместе с ее приемными родителями в названный день к обеду, и вскоре они разошлись.

— Кюлеборн?— с тайным содроганием спросил Хульдбранд у своей прекрасной супруги, когда, пропившись с Бертальдой, они шли домой одни по темным улицам.

— Да, это был он,— ответила Ундина,— и он пытался наговорить мне бог знает каких глупостей. Но среди прочих вещей он, сам того не зная, порадовал меня долгожданной вестью. Если ты хочешь узнать ее сейчас же, мой повелитель и супруг, тебе стоит только приказать, и я все тебе расскажу. Но если ты хочешь доставить своей Ундине большую, очень большую радость, отложи расспросы до послезавтра, и тогда тебя тоже ждет сюрприз.

Рыцарь охотно согласился исполнить то, о чем так мило просила его жена, и уже засыпая, она прошептала про себя с улыбкой:

— Как же она обрадуется и удивится вести от человека, что чистит колодцы, эта милая, милая Бертальда!

Глава одиннадцатая

ИМЕНИНЫ БЕРТАЛЬДЫ

Все общество сидело за столом, Бертальда во главе его, убранная как богиня весны цветами и драгоценностями — подарками приемных родителей и друзей. По обе стороны ее сидели Хульдбранд и Унди-на. Когда обильная трапеза близилась к концу и подали десерт, двери по доброму старому немецкому обычаю растворили, чтобы и простой народ мог полюбоваться господским праздником и порадоваться ему. Слуги разносили среди зрителей вино и сласти. Хульдбранд и Бертальда с тайным нетерпением ждали обещанного объяснения и не сводили глаз с Ундины. Но она все еще молчала и только украдкой счастливо улыбалась. Тот, кто знал о ее обещании, мог заметить, что она ежеминутно готова была выдать свой секрет и все же откладывала это, наслаждаясь отсрочкой, как порою делают дети с любимым лакомством. Бертальда и Хульдбранд разделяли с ней это блаженное чувство, с робкой надеждой ожидая нового счастья, которое должно было слететь к ним с ее губ. Тут гости стали просить Ундины спеть. Она, казалось, обрадовалась этой просьбе, велела принести лютию и запела:

Утро так ясно,
Ярки цветы,
Пышны душистые травы
Над озера шумного берегом!
Что это в травах
Блещет светло?
Цвет ли чудесный ниспослан вдруг
Небом на этот счастливый луг?

Это малое дитя
Забавляется цветами
В золотом зари сиянье.
Ах, откуда ты? Откуда?
От неведомых прибрежий
Принесла тебя волна.
Малютка, тянешь ручки тщетно,
Ничьей руки не встретишь ты,
Лишь равнодушно, безответно
Вокруг колышятся цветы.
Ничто их в мире не тревожит,
Удел цветов — благоухать,
И блеск их заменить не сможет
Тебе заботливую мать.
Всего лишившись без возврата,
Что лучшего есть в жизни сей,
Дитя, не ведаешь утраты
Душой младенческой своей.
Вот славный герцог скачет в поле,
Вот он склонился над тобой;
Тебя взрастить для славной доли
Берет в свой замок родовой.
Пускай ты в роскоши и в неге
Росла, пусть блещешь красотой,
Осталось счастье на берегу,
Увы, неизвестном тобой.

Ундина с грустной улыбкой опустила люльку; у герцога и его супруги слезы стояли в глазах.

— Вот так все и было в то утро, когда я нашел тебя, бедная милая сиротка,— промолвил с глубоким волнением герцог,— прекрасная певунья права: главного, лучшего мы так и не смогли дать тебе,

— Но теперь послушаем, что же случилось с несчастными родителями,— сказала Ундина, коснувшись струн и запела:

Распахнувши двери комнат,
Все перевернув вверх дном,
Мать уже себя не помнит,
Вновь пустой обходит дом.

Дом пустой! Нет слов больнее
Для того, кто в том дому
Пел, дитя свое лелея,
Колыбельную ему.

Зелены все так же буки,
Светел так же солнца свет,
Ищет мать, ломая руки,
Да напрасно: дочки нет.

Вет вечеря прохлада,
Вот отец домой спешит,
Но душа его не рада,
Но из глаз слеза бежит.

И в дому его объемлет
Холод смертной тишины,
Он не смех дитяти внемлет,
А рыдания жены,

— О, Боже! Ундина! Где мои родители?— плача воскликнула Бергальда.— Ты знаешь, ты, конечно, знаешь, ты узнала это, удивительное создание, иначе так не терзала бы мне сердце. Быть может, они уже здесь? Неужели это так?

Ее глаза обежали все блестящее общество и остановились на владетельной даме, сидевшей рядом с ее приемным отцом. Тогда Ундина оглянулась на дверь и из глаз ее брызнули слезы умиления.

— Где же бедные, заждавшиеся родители?— спросила она, и тут из толпы выступил старый рыбак с женой. Они вопросительно глядели то на Ундину, то на знатную красавицу, которая, как им сказали, была их дочерью.

— Это она!— пролепетала сияющая от восторга Ундина. Старики, громко плача и славя господа, бросились обнимать свое вновь обретенное дитя.

В гневе и ужасе Бертальда вырвалась из их объятий. Это было уж слишком для ее гордой души, такое открытие в ту самую минуту, когда она твердо надеялась вознестись еще выше и уже видела над своей головой корону и царственный балдахин. Ей подумалось, что все это измыслила ее соперница, чтобы с особой изощренностью унизить ее перед Хульдбрандом и всем светом. Она набросилась на Ундину с упреками, а на стариков — с бранью; злобные слова «обманщица» и «продажный сброд» сорвались с ее губ. Тут старая рыбацкая произнесла про себя совсем тихо:

— Ах, господи, какой злой женщиной она выросла, а все же чует сердце, что это моя плоть и кровь.

Старик же, сложив руки, молча молился о том, чтобы эта, вон там, не оказалась его дочерью. Ундина, смертельно бледная, металась от стариков к Бертальде, от Бертальды к старикам; внезапно ее словно низвергнули с небес, что грезилось ей в мечтах, в пучину ужаса и страха, какая ей и во сне не снилась.

— Да есть ли у тебя душа? Есть ли у тебя на самом деле душа, Бертальда?— выкрикнула она в лицо разгневанной подруге, словно для того, чтобы привести

ее в чувство после внезапного приступа безумия или умопомрачающего кошмара. Но когда она увидела, что исступление Бертальды все растет, когда отвергнутые родители в голос зарыдали, а все общество, споря и негодуя, разбилось на партии, она с таким сдержанным достоинством испросила позволения взять слово здесь в доме своего супруга, что все вокруг смолкли, как по мановению волшебства. Она встала во главе стола, где раньше сидела Бертальда, смиренная и вместе с тем гордая под взглядами окружающих, и обратилась к ним со следующими словами:

— О, люди, глядящие на меня с такой злобой и растерянностью, вы, так жестоко разрушившие мне праздник! О, боже, я ведь даже понятия не имела о ваших нелепых обычаях, о вашем бесчеловечном образе мыслей и, должно быть, до конца своих дней не смогу с ними смириться. Не моя вина, что я взялась за все это не с того конца, поверьте, дело только в вас, хоть вы и не желаете этого понять. Поэтому мне почти нечего сказать вам, но одно я сказать должна: я не солгала — в этом даю слово. Я не могу и не хочу приводить никаких доказательств, но слово свое я готова подтвердить клятвой. Мне сказал об этом тот, кто заманил Бертальду в воду, унес ее прочь от родителей и потом положил на пути герцога на зеленую лужайку.

— Она колдунья, — крикнула Бертальда, — ведьма, она водится со злыми духами. Она сама призналась в этом!

— Нет! — сказала Ундина, и во взгляде ее отразилось целое небо невинности и искренности. — Никакая, я не ведьма, взгляните на меня сами!

— Ну, тогда она обманщица и хвастунья, — перебила ее Бертальда, — не смеет она утверждать, что я дочь этих простых людей. Мои светлейшие родители, про-

шу вас, уведите меня из этого общества, увезите меня из этого города, где все только и норовят высмеять и опозорить меня.

Но старый герцог не двинулся с места, а супруга его сказала:

— Мы должны знать, как все обстоит на самом деле. И боже меня сохрани сделать хоть шаг из этой залы, прежде чем мы не узнаем всю правду.

Тут старая рыбачка приблизилась к герцогине, низко поклонилась ей и молвила:

— Вы сняли у меня камень с души, высокая, благочестивая госпожа! Вот что я вам скажу: если эта сердитая барышня — моя дочь, у нее на спине между лопатками должно быть родимое пятно в виде фиалочки и такое же на левой ступне. Может быть, она благоволит выйти со мной из залы.

— Не стану я раздеваться перед мужичкой! — надменно воскликнула Бертальда, повернувшись к ней спиной.

— А передо мной придется, — строго возразила герцогиня. — Вы последуете за мной, сударыня, в соседнюю комнату, и эта славная старушка пойдёт с нами.

Они скрылись втроем, а все прочие остались в зале в молчаливом ожидании. Вскоре женщины вернулись, лицо Бертальды было мертвенно бледным, а герцогиня сказала:

— Право остается правом; посему объявляю, что хозяйка этого дома сказала правду. Бертальда дочь рыбака, и это все, что вам надлежит знать.

Герцогская чета удалилась со своей приемной дочерью; рыбак и его жена по знаку герцога последовали за ними. Остальные гости разошлись в молчании или тихо перешептывались, а Ундина с рыданиями упала в объятия Хульдбранда.

Глава двенадцатая
О ТОМ, КАК ОНИ ПОКИНУЛИ
ИМПЕРСКИЙ ГОРОД

Господин фон Рингштеттен, по правде сказать, предпочел бы, чтобы в этот день все сложилось по-иному; но и так, как оно вышло на самом деле, было не столь уж неприятно ему — ведь его прелестная жена показала себя такой доброй, сердечной и незлобивой.

— Если я и дал ей душу, — говорил он себе, — то она оказалась лучше, чем моя собственная. — И с этой минуты он думал уже только об одном: как утешить плачущую Ундину и на следующий же день покинуть место, которое после сегодняшнего происшествия должно было ей опостылеть. Правда, суждения о ней были единодушны. От нее и раньше привыкли ждать всяких чудес, поэтому удивительное открытие относительно происхождения Бертальды не так уж поразило всех, и всеобщее неодобрение обратилось именно против последней и ее необузданной выходки. Но обо всем этом рыцарь и его жена ничего не знали. К тому же и то, и другое больно задело бы Ундину, а посему лучше всего было поскорее оставить позади старые городские стены.

С первыми лучами солнца у ворот гостиницы оставилась нарядная карета для Ундины; кони Хульдбранда и его оруженосцев уже били в нетерпении копытом. Рыцарь вывел из дверей свою красавицу жену; тут дорогу им заступила молоденькая рыбачка.

— Нам нет нужды в твоём товаре, — сказал ей Хульдбранд, — мы уезжаем.

Рыбачка горько заплакала, и тут только супруги узнали в ней Бертальду. Они тотчас же вернулись с ней

в дом и услышали от нее, что герцог и герцогиня так были разгневаны ее вчерашней черствостью и резкостью, что отказали ей в своем покровительстве, оделив ее, правда, богатым приданым. Рыбак тоже был ими щедро одарен и вчера же вечером отправился с женой восвояси.

— Я хотела пойти с ними,— продолжала она,— но старый рыбак, которого считают моим отцом —

— Он и есть твой отец, Бертальда,— перебила ее Ундина.— Человек, который, как ты думала, чистил колодец, все подробно рассказал мне. Он убеждал меня не брать тебя с собой в замок Рингштеттен и тут-то и проговорился об этой тайне.

— Ну, хорошо,— сказала Бертальда,— мой отец — пусть так — мой отец сказал: «Я не возьму тебя с собой, пока ты не изменишь свой нрав. Ты должна прийти к нам одна через заколдованный лес; только этим ты докажешь, значим мы что-нибудь для тебя или нет. Но не приходи к нам знатной дамой, приходи простой рыбачкой!» Вот я и собираюсь поступить так, как он сказал; ведь все от меня отвернулось, и я теперь окончу свои дни бедной дочерью рыбака, в глуши у нищих родителей. А леса я и правда боюсь. Там, говорят, водится всякая мерзкая нечисть, а я так пуглива. Но что толку? Сюда я пришла только затем, чтобы попросить прощения у благородной госпожи фон Рингштеттен за свое вчерашнее непростительное поведение. Я чувствую, прекрасная дама, у вас были добрые намерения, но вы не знали, как больно вы меня раните, и тогда у меня от испуга и неожиданности вырвались те дерзкие и безрассудные слова. О, простите, простите меня! Я ведь и без того уже несчастна! Подумайте сами, кем я была еще вчера поутру, в начале вашего пиршества, и что я сегодня!

Ее слова потонули в потоке хлынувших слез, и так же горько плача, Ундина кинулась ей на шею. Прошло немало времени, пока растроганная молодая женщина смогла вымолвить слово; и первым ее словом было:

— Ты поедешь с нами в Рингштеттен! Все останется по-прежнему, только говори мне снова «ты» и не называй меня дамой и благородной госпожой! Подумай, ведь детьми нас обменяли; уже тогда судьбы наши переплелись, и мы сплетем их впредь так тесно, что никакая человеческая сила не разлучит нас. Едем в Рингштеттен! А там уж рассудим, как нам поделить все по-сестрински!

Бертальда бросила исподлобья робкий взгляд на Хульдбранда. Ему стало жаль этой красивой девушки, которая оказалась теперь в таком бедственном положении; он предложил ей руку и ласково стал убеждать довериться ему и его жене.

— Вашим родителям мы дадим знать, почему вы не пришли,— сказал он и многое еще хотел добавить по поводу славных стариков, но увидев, что Бертальда при этом упоминании болезненно вздрогнула, умолк. Вместо этого он взял ее под руку, усадил первой в карету, Ундину вслед за ней, а сам рысью поехал рядом, так бойко подгоняя возницу, что вскоре они оказались за чертой имперского города, оставив позади все тягостные воспоминания. И вот уже обе женщины с удовольствием любовались живописной местностью, по которой катилась карета.

Через несколько дней, уже к вечеру, они прибыли в замок Рингштеттен. Управителю и слугам было что порассказать молодому хозяину, так что Ундина с Бертальдой остались наедине. Они прогуливались по высокому крепостному валу и любовались лучезарной па-

норамой благословенной Швабии, раскинувшейся перед их взорами.

Тут к ним с учтивым поклоном приблизился высокий человек, и Бертальде показалось, что это тот самый колодезных дел мастер из имперского города. Сходство это выступило особенно ясно, когда Ундина сделала ему недовольный, почти угрожающий знак удалиться, и он торопливым шагом пошел прочь, покачивая головой — совсем как тогда — и исчез в ближнем кустарнике.

Ундина же молвила:

— Не бойся, милая Бертальда, на этот раз злой мастер не сделает тебе ничего дурного.

И она рассказала ей подробно всю историю, и кто она сама, и как старики потеряли Бертальду, и как там появилась Ундина. Вначале Бертальда пришла в ужас от этих речей; она решила, что на ее подругу напало безумие. Но мало-помалу она убедилась, что все это — правда, уж слишком связным был рассказ Ундины, слишком совпадал он со всем тем, что произошло, и, что самое главное, за это говорило то внутреннее чувство, в котором неизменно являет нам себя истина. Ей было странно, что, оказывается, и она сама живет в одной из тех сказок, которые ей до сих пор приходилось только выслушивать. Она не сводила с Ундины благоговейного взгляда, но не могла избавиться от чувства ужаса, от чего-то жуткого, что вставало между ней и подругой. А за ужином не могла не удивляться тому, что рыцарь выказывает такую влюбленность и ласку существу, которое после всех этих открытий казалось ей скорее призраком, чем человеком.

Глава тринадцатая
О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ
В ЗАМКЕ РИНГШТЕТТЕН

Тот, кто записал эту историю,— ибо она взволновала его сердце и он хотел бы, чтобы она и другим запала в душу — просит тебя, любезный читатель, об одном снисхождении. Не взыщи, если теперь он в нескольких кратких словах коснется большого промежутка времени и лишь в общих чертах сообщит тебе, что происходило в замке. Он хорошо знает, что можно было бы весьма искусно, шаг за шагом показать, как Хульдбранд постепенно отвратился сердцем от Ундины и потянулся к Бертальде, как Бертальде все более отвечала ему пылкой любовью, и как оба они стали испытывать к его несчастной супруге не столько сострадание, сколько страх, ибо видели в ней существо иного порядка; как Ундина плакала и слезы ее пробуждали в душе рыцаря угрызения совести, но не пробудили былой любви, и хотя порой он и обходился с ней ласково, но вслед за тем его вновь охватывало какое-то жуткое чувство и гнало прочь от нее навстречу человеческому существу — Бертальде. Если пишущий владеет искусством повествования, все это можно или нужно было бы описать. Но сердце у него слишком сжимается от боли при мысли обо всем этом, ибо он сам пережил нечто подобное и страшится даже тени этих воспоминаний. Тебе, верно, знакомо подобное чувство, любезный читатель, ибо таков уж удел смертных. И счастье твое, если при этом ты больше получаешь, нежели отдавал, ибо в таких обстоятельствах брать доставляет большее блаженство, чем давать. Тогда подобные воспоминания отзовутся в твоей душе

лишь сладостной болью и, быть может, по щеке скатится горячая слеза при мысли об увядших цветах, которые когда-то так радовали тебя. Ну, и довольно об этом — не будем растревлять себе сердце тысячью уколов, а скажем лишь, что все вышло именно так, как я уже сказал. Бедная Ундина грустила, те двое тоже были не слишком веселы, особенно Бертальда, которая склонна была в любом отступлении от ее желаний видеть ревнивые происки оскорбленной хозяйки дома. Поэтому она прочно усвоила властный тон, которому Ундина покорялась с безропотной грустью, а ослепленный Хульдбранд решительно поддерживал его.

Еще более расстроили отношения между обитателями замка всякие диковинные штуки, происходившие с Хульдбрандом и Бертальдой в сводчатых переходах — ни о чем таком раньше никто и не слыхивал. Высокий белый человек, в котором Хульдбранд слишком хорошо узнал дядюшку Кюлеборна, а Бертальда — призрачного колодезных дел мастера, нередко появлялся перед ними, грозя им, особенно Бертальде, так что она несколько раз заболела от испуга, и уже подумывала было, не покинуть ли замок. Но она слишком любила Хульдбранда, к тому же не чувствовала за собой никакой вины, ибо ни разу между ними дело не дошло до настоящего объяснения. С другой же стороны, она не знала, куда ей податься: Старый рыбак, в ответ на известие господина фон Рингштеттена, что Бертальда находится у него, нацарапал неразборчивым почерком, насколько позволяли ему возраст и непривычка к писанью: «Я теперь бедный старый вдовец, ибо верная дорогая жена моя скончалась. Но как бы одиноко мне ни жилось в своей хижине, пускай уж лучше Бертальда остается там, а не здесь у меня. Пусть только не

вздумает причинить зло моей милой Ундине, а не то я прокляну ее!» Последние слова Бертальда пропустила мимо ушей, но зато хорошо запомнила, что может не возвращаться к отцу,— ведь и все-то мы ведем себя в подобных случаях точно так же.

Однажды, когда Хульдбранд выехал за ворота замка, Ундина собрала слуг и велела прикатить большой камень, чтобы вплотную завалить им великолепный колодец посреди замкового двора. Люди пытались возражать ей, говоря, что им придется тогда носить воду снизу, из долины. Ундина печально улыбнулась:

— Мне очень жаль, что вам прибавится работы, дети мои,— сказала она.— Я готова была бы сама носить кувшины с водой, но этот колодец надо замуровать. Поверьте мне на слово, иначе нельзя, этим мы избежем гораздо большей беды.

Слуги рады были угодить своей кроткой госпоже; без дальнейших расспросов они взялись за огромный камень. Поднятый их руками на воздух, он уже повис над колодцем, как вдруг прибежала Бертальда и крикнула, чтобы они остановились: ей де несут из этого колодца воду для умывания, а вода эта особенно хороша для ее кожи и она ни за что не допустит, чтобы его замуровали. Однако Ундина с обычной своей мягкостью, но с необычной решительностью настояла на этот раз на своем; она сказала, что ей, хозяйке дома, пристало распоряжаться по хозяйству так, как она сочтет нужным, и ей не перед кем отчитываться, кроме своего супруга и господина.

— Но глядите же, глядите,— возмущенно и испуганно воскликнула Бертальда,— как эта бедная чистая водица бьет ключом, извивается в муках и отчаянии, что ее скроют от ясного солнышка и приветливых человеческих лиц, которым она служит зеркалом!

И в самом деле, струя воды от подземного родника шипела и плескалась самым удивительным образом — казалось, будто что-то хочет силой пробиться из-под земли наружу, но Ундина еще строже потребовала, чтобы ее приказание было исполнено. Впрочем, строгость эта была излишней. Замковая челядь столь же охотно повиновалась своей кроткой госпоже, сколь рада была случаю осадить своенравную Бертальду, и как бы та ни бранила их и ни грозила, камень вскоре прочно накрыл отверстие колодца. Ундина задумчиво облокотилась на него и своим тонким пальчиком начертала что-то на его поверхности. Но, должно быть, у нее в руке было что-то острое и едкое, ибо когда она отошла, а другие приблизились, они увидели вытравленные на камне какие-то диковинные знаки, которых до этого никто на нем не замечал.

Когда вечером рыцарь вернулся, Бертальда встретила его вся в слезах и рассыпалась в жалобах на поведение Ундины. Он бросил на жену суровый взгляд, и бедная женщина удрученно опустила голову, однако, сохранив самообладание, молвила:

— Мой супруг и повелитель не станет ведь бранить своих крепостных, не выслушав их, а уж свою законную супругу и подавно.

— Говори, что побудило тебя совершить этот странный поступок,— с мрачным видом произнес рыцарь.

— Я бы хотела сказать тебе это наедине,— вздохнула Ундина.

— Ты можешь так же точно сказать это и при Бертальде,— возразил он.

— Хорошо, если ты так велишь,— сказала Ундина,— но не требуй этого! О, прошу тебя, не требуй этого!

Она выглядела такой смиренной, прекрасной и покорной, что в сердце рыцаря мелькнул луч прежней,

светлой поры. Он ласково взял ее под руку и увел в свой покой, где она обратилась к нему с такими словами:

— Ты ведь знаешь моего злобного родича Кюлеборна, о возлюбленный повелитель, и часто к неудовольствию своему встречал его в переходах замка. Бертальду он не раз пугал так сильно, что ей случалось занемочь. А все оттого, что у него нет души, он — порождение стихии, способен отражать лишь внешнюю сторону мира, внутренняя же сущность остается ему недоступной. Порой он видит, что ты недоволен мной, а я со своим детским умом плачу из-за этого, Бертальда же, может быть, в то самое время случайно смеется. Вот он и вообразил себе бог весть что и незванный-непрошенный вмешивается то так, то этак в нашу жизнь. Что толку, что я браню его за это, сержусь и отсылаю прочь? Он не верит ни одному моему слову. Его скудное бытие не знает, как схожи меж собой страдания и радости любви, как тесно они переплетаются друг с другом, так что их не разделить никакой силой. Из-под слез проглядывает улыбка, и улыбка отворяет двери слезам.

Улыбаясь и плача, она глядела снизу вверх на Хульдбранда, который вновь ощутил в своем сердце все очарование прежней любви. Она почувствовала это, теснее прижалась к нему и продолжала сквозь слезы радости:

— Раз уж словами его было не утихомирить, я вынуждена была запереть перед ним дверь, а его единственная дверь к нам — этот колодец. С духами всех прочих родников, вплоть до самой долины, он рассорился, и лишь дальше вниз по Дунаю, куда влились кое-кто из его друзей, вновь начинается его царство. Потому-то я и велела завалить отверстие колодца кам-

нем и начертала на нем знаки, которые сковывают всю силу не в меру ретивого дяди. Теперь он не станет поперек дороги ни тебе, ни мне, ни Бертальде. Люди же могут, невзирая на эти знаки, приложив самые обычные усилия, откатить этот камень. Им это не помешает. Итак, если хочешь, сделай так, как настаивает Бертальда, но поистине, она не ведает, о чем просит. Именно в нее прежде всего метил этот мужлан Кюлеборн, а если бы стряслось то, против чего он предостерегал меня, и что могло бы случиться без злого умысла с твоей стороны,— ах, милый, и тебе грозила бы опасность!

Хульдбранд почувствовал всем сердцем великодушие своей жены: как старательно она оттесняла своего грозного защитника, да к тому же еще и навдекла на себя упреки Бертальды! Он нежно обнял ее и молвил с чувством:

— Камень останется на месте, и все останется навеки так, как ты хочешь, моя милая, родная Ундина!

Она робко ластилась к нему, счастливая, что слышит вновь давно умолкнувшие слова любви, и наконец сказала:

— Любимый друг, раз ты сегодня так добр и ласков со мной, могу ли я осмелиться просить тебя об одной вещи? Видишь ли, ты в чем-то схож с летним днем. В самый разгар своего сияющего великолепия он внезапно обвивает чело сверкающим грозным венцом и предстает в раскатах грома истинным царем и земным божеством. Вот так и ты — очами и устами мечешь молнии и гром, и это очень тебе к лицу, хоть я и плачу, глупая, порой от этих вспышек гнева. Но никогда не делай этого на воде или хотя бы вблизи какой-нибудь воды⁷. Понимаешь, тогда мои родичи получат власть надо мной. Неумолимые в своей ярости,

они вырвут меня из твоих объятий, вообразив, что одной из их рода нанесена обида, и до конца своих дней я буду вынуждена жить там внизу, в хрустальных дворцах и не смогу подняться к тебе наверх, а если бы они и послали меня к тебе — о боже! это было бы в тысячу раз хуже! Нет, нет, дорогой мой, если ты хоть немного любишь свою бедную Унди́ну, ты не допустишь этого!

Он торжественно обещал ей выполнить ее просьбу, и супруги вышли из своего покоя влюбленные и счастливые. Тут им повстречалась Бертальда с несколькими работниками, которых она успела кликнуть.

— Ну что, тайные переговоры, как видно, закончены, и камень можно убрать,— сказала она ворчливым тоном, который усвоила себе в последнее время.— Эй, люди, отправляйтесь и беритесь за дело!

Но рыцарь, возмущенный ее вызывающим поведением, коротко и строго бросил:

— Камень останется на своем месте.

Вдобавок он стал корить Бертальду за резкое обращение с Ундиной, после чего работники с плохо скрываемой улыбкой удовольствия разошлись по своим делам, Бертальда же, побледнев, поспешила уйти в свою комнату.

Наступило время ужина, а Бертальда все не появлялась. За ней послали; слуга нашел ее покои пустыми и принес только запечатанное письмо, предназначенное господину рыцарю. Тот, ошеломленный, вскрыл его и прочел: «Я со стыдом чувствую, что я всего лишь бедная рыбачка. Если на мгновение я забыла об этом, то искуплю свою вину в жалкой лачуге моих родителей. Живите счастливо со своей красавицей женой!»

Ундина была искренне опечалена. Она горячо просила Хульдбранда поспешить за исчезнувшей подругой

и воротить ее. Увы, ей незачем было торопить его. В нем с новой силой вспыхнуло влечение к Бертальде. Он метался по всему замку, расспрашивая, не видел ли кто, куда направилась прекрасная беглянка. Ему ничего не удалось узнать, и он уже сел на коня, чтобы поскакать наудачу по той дороге, по которой привез сюда Бертальду, когда к нему подошел один из его оруженосцев и сказал, что видел ее на тропе, ведущей в Шварцталь. Рыцарь стрелой промчался через ворота в указанном направлении, не слушая испуганного возгласа Ундины, кричавшей ему вслед из окна:

— В Шварцталь? О, только не туда, Хульдбранд, только не туда! Или хотя бы возьми с собой меня, бога ради!

Но видя, что все ее мольбы тщетны, она поспешно приказала оседлать своего белого иноходца и поскакала вслед за рыцарем, отказавшись от какого-либо сопровождения.

Глава четырнадцатая
О ТОМ, КАК БЕРТАЛЬДА
ВЕРНУЛАСЬ ВМЕСТЕ С РЫЦАРЕМ

Шварцталь, или Черная долина, лежала в глубокой впадине, окруженной горами. Как она зовется теперь, мы не знаем. А в те времена местные жители окрестили ее так из-за густого сумрака, в котором она тонула, заслоненная от солнечного света высокими деревьями,

по большей части елями. От этого даже родник, струившийся между скал, казался совсем черным и далеко не таким веселым, как ручьи, в которых отражается ясное голубое небо. В наступивших сумерках все в этом месте выглядело особенно мрачным и диким. Рыцарь в тревоге пробирался на коне вдоль ручья, то опасаясь, что выехал слишком поздно и упустил след беглянки, то боясь, невзначай обогнать ее, если она где-то притаилась, желая остаться незамеченной. Между тем он порядком углубился в долину и мог бы уже догнать девушку, если бы выбранный им путь оказался верным. Мысль, что, может быть, он ошибся, заставляла его сердце биться сильнее и тревожнее. Что станет с хрупкой, беззащитной Бертальдой, если он не найдет ее, в грозную непогоду, которая зловеще надвигается на долину? Но вот наконец сквозь ветви на склоне горы мелькнуло что-то белое. Ему показалось, что он узнал белое платье Бертальды, и он устремился туда. Но неожиданно конь его уперся, встал на дыбы, и Хульдбранд, чтобы не терять времени, спешился — к тому же верхом ему все равно было не пробраться сквозь заросли кустарников, — привязал хряпящего жеребца к дереву и осторожно протиснулся сквозь кусты. Ветки, влажные от вечерней росы, хлестали его по лбу и щекам; из-за гор доносились глухие раскаты грома, все казалось таким странным, что его внезапно охватил страх перед белой фигурой, простертой перед ним на земле. Он ясно различал теперь, что это была спящая или лежащая без сознания женщина в длинном белом платье, какое было сегодня на Бертальде. Он подошел к ней совсем близко, шурша ветвями, бряцая мечом — она не шевелилась. — Бертальда! — окликнул он сначала тихо, потом повторяя все громче — она не слышала. Наконец, он что было силы про-

кричал дорогое имя, и тотчас же из глубины горных пещер отозвалось гулкое эхо: «Бертальда!»— но спящая не пробудилась. Он склонился над ней. Сумрак долины и надвигающаяся ночь не давали ему разглядеть ее черты. Охваченный тревогой и сомнениями, он почти припал к земле совсем рядом с ней и в ту же минуту вспышка молнии осветила долину. Он увидел перед собой безобразно искаженное лицо и услышал глухой голос:— Ну-ка поцелуй меня, влюбленный пастишок!— С криком ужаса Хульдбранд отпрянул, мерзкое видение устремилось за ним.

— Домой!— пробурчало оно,— нечисть не дремлет. Домой, или я схвачу тебя!— И оно потянулось к нему своими длинными белыми руками.

— Коварный Кюлеборн!— вскричал рыцарь, совладав с собой.— Что мне за дело до твоих штук, кобольд! На, получай свой поцелуй!— И он яростно обрушил свой меч на белую фигуру. Но та рассыпалась миллионами брызг, и оглушительный ливень, окативший рыцаря с головы до ног, не оставил у него ни малейшего сомнения, кто был его противник.

— Он хочет отпугнуть меня от Бертальды,— вслух произнес рыцарь самому себе,— он воображает, что в страхе перед этой дурацкой чертовщиной я отдам ему во власть бедную испуганную девушку, и он сможет выместить на ней свою злобу. Как бы не так! Немощный дух стихии! На что способно сердце человека, когда оно захочет по-настоящему, захочет не на жизнь, а на смерть,— этого тебе не понять, жалкий гаер!

Он ощутил истинность своих слов, почувствовал, как они влили ему в душу мужество. К тому же, удача ему снова улыбнулась, ибо не успел он дойти до места, где был привязан конь, как явственно услышал поблизости жалобный зов Бертальды, доносившийся

до него сквозь нарастающий рокот грома и завывание ветра. Быстрыми шагами он устремился на звук ее голоса и увидел дрожащую всем телом девушку, которая тщетно силилась вскарабкаться по отвесному склону горы, чтобы хоть как-то выбраться из жуткого мрака долины. Он ласково заступил ей дорогу, и каким бы гордым и смелым ни было ее решение бежать из замка, теперь она была слишком счастлива, что милый ее сердцу друг вызволит ее из этого страшного одиночества и безмятежная жизнь в радушном доме вновь раскроет ей свои любящие объятия. Она безропотно последовала за ним, но выглядела такой обессиленной, что рыцарь был рад, когда наконец довел ее до своего коня; отвязав его, он хотел посадить прекрасную страпницу в седло, чтобы осторожно повести коня под уздцы сквозь смутные тени, окутывавшие долину.

Но животное совсем взбесилось от диких выходов Кюлеборна. Рыцарю и самому-то было бы нелегко вскочить на спину храпящего и бьющего копытами жеребца, посадить же в седло трепещущую Бертальду нечего было и думать. Итак они решили вернуться домой пешком. Таща под уздцы лошадь, рыцарь другой рукой поддерживал спотыкавшуюся девушку. Бертальда собрала все силы, чтобы поскорее миновать злоеущую низину, но усталость свинцовым грузом тянула ее к земле, она дрожала всем телом, отчасти после пережитого испуга, когда она металась по лесу, преследуемая Кюлеборном, отчасти от страха перед завыванием бури и ударами грома, разносившимися по горам.

Наконец она выскользнула из рук своего спутника, упала на поросшую мхом землю и молвила:

— Оставьте меня, благородный рыцарь, все равно я изнемогаю от усталости и страха, меня ждет здесь смерть — расплата за мое безрассудство.

— Ни за что на свете, дорогой друг, я не покину вас!— воскликнул Хульдбранд, тщетно пытаюсь усмирить бесновавшегося коня, который стал еще сильнее храпеть и биться. В конце концов, рыцарь был рад уже тому, что ему удалось удержать животное в некотором отдалении от девушки, чтобы не испугать ее еще более. Но не успел он отвести на несколько шагов разгоряченного коня, как она начала жалобно звать его, решив, что он и в самом деле собирается покинуть ее в этой страшной чаше. Хульдбранд вконец растерялся и не знал, как ему быть: он охотно пустил бы разъяренного жеребца на волю, чтобы он перебесился и успокоился, но боялся, что тот промчится своими подкованными копытами по узкой тропе как раз там, где лежала Бертальда.

В этой растерянности и смятении он вдруг с облегчением услышал за собой приближающийся стук колес по каменистой дороге. Он позвал на помощь; в ответ раздался мужской голос, который велел ему потерпеть, а вскоре в кустах мелькнули две белых лошади, рядом с ними — белая куртка возницы, а за его спиной — большой белый холст, прикрывавший, как видно, кладь, которую он вез. По крику «тпруу!» своего хозяина лошади стали. Он подошел к рыцарю и помог ему обработать бесновавшегося коня.— Вижу, вижу, что с этой тварью. Когда я в первый раз проезжал по этим местам, с моими лошадьми было ничуть не лучше. Все дело в том, что здесь живет презлющий водяной, который тешится подобными проделками. Но я знаю одно словечко, если позволите, я шепну его на ухо коню, и он сразу станет шелковым, совсем как мои лошадки.

— Попробуй свое средство и поскорей помоги мне!— воскликнул в нетерпении рыцарь.

Тут возница пригнул к себе голову бесновавшегося коня и прошептал ему на ухо несколько слов. В мгновение ока животное успокоилось, присмирело, и только храп да пена у губ свидетельствовали о недавнем возбуждении. Хульдбранду не до того было, чтобы спрашивать возницу, как это ему удалось. Он договорился, что тот посадит Бертальду в повозку, где, по его словам, сложены были тюки с мягкой ватой, и доставит ее в замок Рингштеттен; рыцарь же поедет рядом с ними верхом. Но конь был так изнурен своим недавним буйством, что не смог бы везти хозяина на столь далекое расстояние, и возница предложил Хульдбранду сесть вместе с Бертальдой в повозку. А коня можно ведь и сзади привязать.

— Дорога идет под гору, — добавил он, — и моим лошадям это будет нетрудно.

Рыцарь принял предложение и сел с Бертальдой в повозку, конь послушно поплелся за ними, а возница бодро зашагал рядом, внимательно поглядывая по сторонам. В тишине и сгущавшемся мраке ночи под замиравшие звуки удалявшейся грозы Бертальда и Хульдбранд наконец-то почувствовали себя в безопасности; они всецело отдались блаженному ощущению неторопливой и удобной езды. Между ними завязалась задумчивая беседа. Он нежными словами упрекал ее за своенравный побег; она смиренно и растроганно просила простить ее, и все, что они произносили, источало свет, подобно лампе, которая во мраке ночи подает любовнику знак, что возлюбленная ждет его. Рыцарь не вдумывался в значение произносимых ею слов, ибо чувствовал истинный смысл того, что она хотела сказать, и отвечал только на него. Вдруг возница визгливо гикнул:

— Эй, пошли! Скачите, кони, живей, что есть мочи, припомните, кто вы такие!

Рыцарь высунулся из повозки и увидел, что лошади бредут или вернее почти плывут в бурлящей воде; колеса повозки поблескивали и шумели как мельничные, а возница взобрался на повозку, спасаясь от набегающей волны.

— Что это за дорога? Ведь она прямо ведет в реку!— крикнул Хульдбранд вознице.

— О нет, господин рыцарь,— усмехнулся тот в ответ.— Как раз наоборот. Это река хлынула на дорогу. Оглянитесь-ка, видите, все залито!

И в самом деле, все дно долины колыхалось и бурлило от взбунтовавшихся, растущих на глазах волн.

— Это Кюлеборн, тот злобный водяной, хочет потопить нас!— воскликнул рыцарь.— Нет ли у тебя, дружище, еще какого-нибудь словечка против его колдовства?

— Пожалуй, есть одно,— молвил возница,— но я не могу и не желаю произнести его, пока вы не узнаете, кто я такой!

— Время ли сейчас загадывать загадки?— крикнул рыцарь.— Вода поднимается, и какое мне дело, кто ты такой?

— Кое-какое дело все же есть,— откликнулся возница,— ведь Кюлеборн—это я сам!— И его искаженное злобой ухмылкой лицо заглянуло в повозку; но и повозки уже не было, и лошадей— все растеклось, изошло пеной, рассыпалось шипящими брызгами, и сам возница взвился в воздух гигантским водяным столбом, смысл тщетно барахтавшегося коня и словно башня навис над головами тонущей пары, готовый безвозвратно похоронить их под собой.

И тут сквозь грохот воды раздался мелодичный голос. Луна вышла из-за туч, и озаренная ее светом на склоне горы показалась Ундина. Она грозила волнам, журила их, и вот уже зловещий водяной столб с ропотом и ворчанием исчез, вода тихо заструилась в лунном сиянье, и Ундина, словно белая горлинка, спорхнула с вершины горы, схватила рыцаря и Бертальду и унесла с собой, вверх на зеленую сочную лужайку; там она дала им подкрепиться изысканными яствами, придавшими им мужества и сил; потом помогла посадить Бертальду на своего белого иноходца, и таким образом все трое добрались до замка Рингштеттен.

Глава пятнадцатая

ПОЕЗДКА В ВЕНУ

После этого происшествия жизнь в замке потекла мирно и спокойно. Рыцарь все более убеждался в ангельской доброте Ундины, которая таким чудесным образом проявилась в Шварцтале, подвластном Кюлеборну, когда она вовремя подроспела, чтобы спасти их. Ундина тоже пребывала в спокойной уверенности, которая всегда живет в душе, твердо знающей, что она на верном пути. К тому же во вновь пробудившейся любви и уважении супруга ей маячил проблеск надежды и счастья. Бертальда, со

своей стороны, всячески изъясляла благодарность и робкое смирение, нисколько не стремясь поставить это себе в заслугу. Всякий раз, когда кто-нибудь из суиругов пытался объясниться с ней по поводу замурованного колодца или приключений в Шварцтале, она горячо просила пощадить ее, ибо история с колодцем повергала ее в стыд, а воспоминание о Шварцтале — в ужас. Поэтому она так ничего и не узнала ни о том, ни о другом; да и к чему ей это было? Итак, мир и радость зримо воцарились в замке Рингштеттен. Все твердо были уверены в этом и полагали, что отныне жизнь будет дарить им одни лишь прекрасные цветы и плоды.

В таких обнадеживающих обстоятельствах пришла и миновала зима, и весна глянула в окно радостно настроенным людям своими светло-зелеными побегами и ясным голубым небом. Ей было так же хорошо, как им, им — как ей. Что же удивительного, что весенние аисты и ласточки пробудили в них жажду странствий! Однажды, гуляя, они спустились в долину к истокам Дуная, и Хульдбранд стал рассказывать о красоте этой могучей реки, которая все набухая и ширясь, течет между цветущими землями, как на берегах ее сверкает пышная пленительная Вена и с каждым шагом растет мощь и величие реки.

— Как чудесно было бы проехать по Дунаю до самой Вены! — вырвалось у Бертаальды, но она тут же спохватилась и, покраснев, умолкла, вновь обретая свое нынешнее смирение и скромность. Именно это и растрогало Ундину, и движимая желанием доставить радость своей подруге, она сказала:

— А кто же мешает нам предпринять это путешествие?

Бертальда была вне себя от радости и обе женщины сразу же принялись живейшими красками рисовать себе приятное путешествие по Дунаю. Хульдбранд присоединился к ним, но внезапно с тревогой шепнул Ундине на ухо:

— А ведь там снова начинаются владения Кюлеборна!

— Пусть только попробует появиться,— отвечала она со смехом,— ведь я буду рядом, а при мне он не решится причинить зло.

Тем самым последнее препятствие отпало; все начали собираться в дорогу и вскоре отправились в путь, бодрые и исполненные радужных надежд.

О, люди, не удивляйтесь, что все всегда получается не так, как мы ожидали. Зловещие силы, подстерегающие нас, чтобы принести нам гибель, охотно убаюкивают намеченную жертву сладостными песнями и золотыми сказками, меж тем как спасительный посланец неба нередко повергает нас в ужас, громко постучавшись к нам в дверь.

Первое время они целые дни напролет чувствовали себя удивительно счастливыми. По мере того, как их барка спускалась вниз по величавой полноводной реке, ландшафт становился все красивее. Но однажды, когда они плыли вдоль обычно приветливой местности, чью красоту уже заранее предвкушали, неугомонный Кюлеборн стал непрерывно показывать свою силу. Поначалу, правда, он лишь подразнивал их, ибо Ундине удавалось укоризненными словами усмирять встречный ветер и вздымающиеся волны, и могучий недруг покорно склонялся перед ее волей. Но потом вновь и вновь возобновлялись его наскоки, и снова Ундине приходилось вмешиваться, увещевать, так что веселое на-

строение путешественников порядком было испорчено. А тут еще гребцы стали опасливо перешептываться, недоверчиво глядя на трех господ; и даже собственные слуги, заподозрив неладное, провожали своих хозяев настороженными взглядами. Хульдбрад частенько говорил себе: И все это оттого, что когда человек и русалка заключают такой диковинный союз, это не может быть союз равного с равным.

Пытаясь снять с себя вину, как это любим делать все мы, он нередко думал: ведь я же не знал, что она русалка. То беда моя, а не вина, что меня неотступно преследуют причуды этой дикой родни. Подобные мысли в какой-то степени укрепили его мужество, но вместе с тем он чувствовал все большее раздражение и испытывал все большую враждебность к Ундине. Он смотрел на нее хмурым взглядом, и бедняжка хорошо понимала, что это значит. Однажды вечером измученная всем этим и постоянными усилиями в борьбе с выходками Кюлеборна, она крепко уснула, убаюканная мерным покачиванием барки.

Но не успела она сомкнуть веки, как кому-то на судне почудилась сбоку у борта, где он стоял, безобразная человеческая голова, всплывшая над водой и притом не плашмя, как у пловца, а торчком, будто на кол посаженная; но вместе с тем она продолжала плыть рядом с судном. Каждый торопился показать другому ужаснувший его предмет и встречал на лице собеседника такое же выражение ужаса, но руки и взгляд были устремлены в другую сторону, совсем не в ту, откуда ухмылялась и грозил омерзительная рожа. Когда же они, пытаясь объясниться друг с другом, стали наперебой кричать: Гляди вон туда, нет сюда! — тут перед каждым из

них представляли все рожи, мерещившиеся прочим, и вода вокруг судна кишела этими страшными харирами. Поднявшийся крик разбудил Ундину. Едва она открыла глаза, как все скопище уродливых лиц сгнуло. Но Хульдбранд был вне себя от этих мерзких фокусов. Он уже готов был разразиться проклятиями, но Ундина устремила на него смиренно умоляющий взгляд и тихо произнесла: Бога ради, мой супруг, мы на воде; не сердись на меня сейчас!

Рыцарь промолчал, сел и погрузился в глубокую задумчивость. Ундина шепнула ему на ухо:

— Не лучше ли было бы, мой милый, прервать это безрассудное путешествие и мирно вернуться в замок Рингштеттен?

Но Хульдбранд злобно пробормотал сквозь зубы:

— Значит мне предстоит быть пленником в собственном замке, и свободно дышать я могу лишь пока замурован колодец? Да пусть эта твоя дикая родня —

Ундина зажала ему рот своей прекрасной ручкой. Он умолк и долго не произносил ни слова, вспомнив все, что она раньше говорила ему. Между тем Бертальда была погружена в странные и смутные размышления. Она многое знала о происхождении Ундины, однако не все, и прежде всего для нее оставался неразгаданной и зловещей тайной грозный Кюлеборн; она даже ни разу не слышала его имени. Раздумывая об этих удивительных вещах, она, сама того не замечая, растегнула золотое ожерелье, которое Хульдбранд подарил ей несколько дней тому назад, купив его у бродячего разносчика товаров. Она перебирала его пальцами, наклонившись над поверхностью воды и как бы в полусне любовалась его мерцающими отблесками, игравшими в лучах вечернего солнца. И вдруг из глубины

Дуная высунулась чья-то большая рука, схватила ожерелье и погрузилась с ним в воду. Бергальда громко вскрикнула, в ответ из глуби реки раздались раскаты зловещего хохота. Тут уж рыцарь не мог сдерживать гнева. Вскочив с места, он разразился яростной бранью, проклинал всех, кто навязывается ему в родичи и вмешивается в его жизнь и вызывал их на поединок, кто бы они ни были, водяные или сирены. Бергальда меж тем оплакивала потерянное ожерелье, столь дорогое для нее, и своими сетованиями только подливала масла в огонь, распаляя гнев рыцаря. Ундина же, перегнувшись через борт и окунув руку в воду, бормотала что-то вполголоса и лишь изредка прерывала свой таинственный шепот, чтобы умоляюще сказать супругу:

— Милый, только не брани меня здесь, брани, кого хочешь, только не меня здесь! Ты же знаешь —

Действительно, его заплетающийся от гнева язык пока еще не произнес против нее ни одного слова. И вот она вытащила влажной рукой из воды чудесное коралловое ожерелье, которое так искрилось, что почти ослепило глаза присутствующих.

— Возьми,— сказала она, ласково протягивая его Бергальде,— это я велела принести тебе взамен потерянного, и не печалься долее, бедняжка.

Но рыцарь бросился между ними, вырвал ожерелье из рук Ундины и, швырнув его обратно в реку, яростно вскричал:

— Значит ты все еще водишься с ними? Отправляйся же к ним со всеми своими подарками, а нас, людей, оставь в покое, колдунья!

Бедная Ундина устремила на него неподвижный взгляд, из глаз ее заструились слезы, рука, ласково подносившая Бергальде подарок, все еще оставалась протянутой. Потом она горько расплакалась, как пла-

чет понапрасну и больно обиженное дитя. Наконец, она произнесла слабым голосом:

— Ах, милый друг, прощай! Они тебе ничего не сделают. Только храни мне верность, чтобы я могла защитить тебя от них. Но я должна уйти, уйти навек до конца этой юной жизни. О горе, горе, что ты наде- лал! О горе, горе!

И она исчезла за бортом. Бросилась ли она в воду, растеклась ли в ней, никто не знал — быть может, и то, и другое, а может быть, ни то, ни другое. Только вско- ре ее след растворился в Дунае, и лишь легкие вспле- ски волн всхлипывали вокруг барки, и сквозь их лепет можно было явственно различить: «О горе, горе! Хра- ни верность! О горе!»

А Хульдбранд, обливаясь слезами, лежал на палубе, и вскоре глубокий обморок окутал несчастного своей спасительной тенью.

Глава шестнадцатая О ДАЛЬНЕЙШЕЙ ЖИЗНИ ХУЛЬДБРАНДА

К сожалению, или быть может, лучше сказать, к счастью, наша печаль не столь уж долговечна. Я го- ворю о той глубокой печали, которая питается из со- кровенного родника жизни и так тесно сливается с утраченным любимым существом, что оно словно бы уже и не утрачено вовсе, и мы всю жизнь благоговей-

но священнодействуем перед его образом, пока не падет для нас та последняя преграда, что давно уже пала для него. И хотя добрые люди действительно продолжают это священнодействие, ими владеет уже не та первая, истинная печаль. Другие, чужеродные картины оттеснили и вплелись в нее; мы познаем, сколь быстротечно все земное, хотя бы уже по нашей собственной боли, и я вынужден повторить: печаль наша, увы, недолговечна!

Это испытал и господин фон Рингштеттен — на благо ли себе или нет — об этом мы узнаем, продолжив нашу историю. Первое время он только и делал, что плакал так же горько, как плакала бедная доверчивая Ундина, когда он вырвал у нее из рук сверкающее ожерелье, которым она надеялась так мирно и любовно все загладить. И он протягивал руку, как она тогда, и снова начинал плакать, как она. В душе он тайно надеялся в конце концов насмерть истечь слезами; да и у многих из нас в минуту неизбывного страдания разве не мелькала подобная мысль, теша нас мучительной радостью? Бертальда плакала вместе с ним, и так они долгое время жили вдвоем в замке, чтя память Ундины и почти забыв о своей былой взаимной склонности. Но и в это время добрая Ундина являлась Хульдбранду во сне; она ласково и нежно гладила его и затем с тихим плачем удалялась, так что, проснувшись, он толком не знал, отчего были влажны его щеки — от ее ли слез или от его собственных.

Но сновидения эти с течением времени становились все реже, скорбь рыцаря все слабее, и все же он, быть может, никогда в жизни ничего другого и не пожелал бы, как вот так постоянно вспоминать Ундины и говорить о ней, не появившись неожиданно в замке старый

рыбак, всерьез потребовавший возвращения своей дочери Бертальды. Ему стало известно об исчезновении Ундины, и он не мог потерпеть, чтобы Бертальда и далее оставалась в замке у неженатого мужчины.

— Ибо,— молвил он,— мне все равно, любит ли меня моя дочь или нет, но тут речь идет о чести, а там, где говорит честь, все остальное умолкает.

Намерение старого рыбака и злоещее одиночество среди опустевших покоев и коридоров замка, грозившее рыцарю в случае отъезда Бертальды, пробудило то, что успело заснуть и забыться в скорби по Ундине: влечение Хульдбранда к прекрасной Бертальде. У рыбака немало было возражений против предполагаемой свадьбы. Старик очень любил Ундину и полагал, что никому ведь толком неизвестно, действительно ли она умерла. Но покоится ли ее недвижимое, холодное тело на дне Дуная, плывет ли, гонимое волнами в океан, все равно — Бертальда повинна в ее смерти, и не гоже ей занять место бедной изгнанницы. Однако и рыцаря рыбак тоже искренне любил; просьбы дочери, которая стала теперь намного мягче и послушнее, ее слезы об Ундине — все это соединилось вместе, и в конце концов, он, должно быть, дал свое согласие, ибо безропотно остался в замке; тотчас же был отправлен гонец за пастером Хайльманом, который в былые счастливые дни благословил Ундину и Хульдбранда, а теперь должен был освятить второй брак рыцаря.

Едва набожный старик прочел письмо господина фон Рингштеттена, как сразу же собрался в путь, торопясь добраться до замка еще скорее, чем добирался оттуда гонец. Когда у священника от быстрой ходьбы перехватывало дыхание или дряхлое тело его начинало ныть от усталости, он говорил себе: «Быть может, я еще успею вовремя, чтобы не дать свершиться безза-

конию. Терпи, изнемогающая плоть, не падай, пока не достигнешь цели!» И он с новыми силами все шел и шел, не давая себе отдыха, пока однажды вечером не вступил в затененный листвой двор замка Рингштеттен.

Жених и невеста сидели рука в руку под деревом, старый рыбак в глубокой задумчивости рядом с ними. Едва завидев патера Хайльмана, они вскочили с мест и с радостными возгласами окружили его. Он же, без долгих слов, пожелал уединиться с женихом.

Увидев, что удивленный рыцарь медлит выполнить его желание, священник сказал:

— К чему терять время и говорить с вами наедине, господин фон Рингштеттен? То, что я собираюсь вам сказать, точно так же касается Бергальды и рыбака, и пусть они выслушают сразу то, что им надлежит выслушать, и чем скорее, тем лучше. Так ли вы уверены, рыцарь Хульдбранд, что ваша первая супруга действительно умерла? Я в этом сомневаюсь. Не буду более говорить о тех удивительных вещах, которые с ней происходили, да я и не знаю толком ничего об этом. Но вне всякого сомнения она была вам скромной и верной женой. И вот, последние четырнадцать ночей напролет она стояла у моего изголовья, ломая свои тонкие ручки и говорила со стоном: «Ах, останови его, святой отец! Я еще жива! О, спаси его тело! Спаси его душу!» — Я не мог понять, чего хочет ночное видение; но тут явился ваш гонец, и я поспешил сюда — не для того, чтобы обвенчать, а чтобы разлучить тех, кто не должен соединиться. Оставь ее, Хульдбранд! Оставь его, Бергальда! Он еще принадлежит другой, и разве не видишь ты на лице его печать скорби об исчезнувшей супруге? Не очень-то похож он на жениха, и дух мой говорит мне, что если ты и не оставишь его, не видать тебе счастья и радости.

Все трое почувствовали сердцем, что патер Хайльман говорит правду, но верить этому не хотели.

Даже старый рыбак успел настолько поддаться уговорам, что думал, все должно произойти только так, как они обсудили и порешили в последние дни.

Поэтому все они в гневной запальчивости напустились на священника, отменяя все его предостережения, так что тот, наконец, покинул замок, одолеваемый тревожными сомнениями и наотрез отказавшись от предложенного ночлега и трапезы.

Хульдбранд же убедил себя, что священник — просто одержимый фантазиями чудака, и с наступлением дня послал в соседний монастырь за другим патером, который, не задумываясь, согласился обвенчать их через несколько дней.

Глава семнадцатая

СОН РЫЦАРЯ

То было в предрассветный час, уже на исходе ночи. Рыцарь в полусне лежал на своей постели. Когда он пытался заснуть по-настоящему, ему мешало какое-то странное чувство ужаса, отпугивавшее сон, ибо во сне человеку являются призраки. Когда же он всерьез пытался пробудиться, вокруг проносилось слабое дуновение, словно бы от лебединых крыльев, раздавался вкрадчивый лепет волк, вновь погружавший его в сла-

достную и зыбкую дремоту. Наконец, он все же, как видно, заснул, ибо ему почудилось, будто и в самом деле шелестящие лебединые крылья подняли его на воздух и под звуки нежного пения понесли далеко над морем и сушей.

— Лебединая песнь, лебединая песнь,— повторял он про себя,— это ведь значит смерть.

Но должно быть, она имела и другое значение. Ему вдруг показалось, будто он парит над Средиземным морем. И когда он взглянул вниз на воду, она превратилась в чистейший хрусталь, так что сквозь него просвечивало дно. Он страшно обрадовался, потому что разглядел там Ундину, сидевшую под светлыми хрустальными сводами. Правда, она горько плакала и показалась ему очень грустной, совсем не такой, как в те счастливые времена, когда они жили вместе в замке Рингштеттен, особенно вначале, да и потом, незадолго до того злополучного путешествия по Дунаю. Рыцарь успел подробно и с волнением припомнить все это, а между тем Ундина как будто и не замечала его. Тут появился Кюлеборн и стал бранить ее за слезы. Тогда она овладела собой и взглянула на него властно и надменно, так что тот испугался.

— Хоть я и живу здесь, под водой,— молвила она,— я все же принесла с собой свою душу. И потому имею право плакать, хоть тебе и невдомек, что значат такие слезы. И они — блаженство, как все блаженство для того, в ком живет верная душа.

Он недоверчиво покачал головой и сказал, немного подумав:

— И все же, племянница, ты подвластна нашим духам стихии и должна осудить и лишити его жизни, если он вступит в новый брак и нарушит тебе верность.

— До сей поры он еще вдовец,— сказала Ундина,— и хранит любовь ко мне в своем опечаленном сердце.

— Но одновременно и жених,— злорадно усмехнулся Кюлеборн,— дай срок, пройдет несколько дней, последует благословение священника, и тогда тебе придется подняться наверх и покарать двоеженца смертью.

— Я не смогу,— улынулась в ответ Ундина.— Ведь я прочно замуровала колодец от себя и своих присных.

— Но если он выйдет из замка,— сказал Кюлеборн,— или велит когда-нибудь вскрыть колодец! Ибо он ничуть не задумывается над всеми этими вещами!

— Именно поэтому,— молвила Ундина, все еще улыбаясь сквозь слезы,— именно поэтому он мысленно витает сейчас над Средиземным морем и слышит и видит во сне наш разговор, который будет ему предостережением. Я все предусмотрела и устроила.

Тут Кюлеборн метнул яростный взгляд на рыцаря, погрозил ему, топнул ногой и стремглав погрузился в воду. И рыцарю почудилось, будто он раздулся от злобы и превратился в огромного кита. Лебеди вновь запели, захлопали и зашелестели крыльями; рыцарю показалось, что он летит над Альпами, над реками, летит к замку Рингштеттен и просыпается в своей постели.

Он действительно проснулся на своей постели и в ту же минуту вошел паж и доложил, что патер Хайльман все еще находится в этих краях; паж встретил его вчера ночью в лесу, в хижине, которую старик построил себе из древесных стволов, прикрыв их хворостом и мхом. На вопрос, что он здесь делает, ибо благословить молодых он ведь отказался, священник ответил:

— Благословение требуется не только у брачного алтаря, и хотя прибыл я сюда не ради свадьбы, может быть, состоится иное торжество. Нужно обождать.

К тому же слова «венчальный» и «печальный» не так уж разнятся между собой, и не понимает этого только тот, кто пребывает в беспечности и ослеплении.

Рыцаря одолевали смутные и странные мысли по поводу этих слов священника и собственных своих сновидений. Но человеку трудно отказаться от того, что он однажды забрал себе в голову, а посему все осталось так, как было решено.

Глава восемнадцатая О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ИГРАЛ СВАДЬБУ

Если бы я вздумал рассказать вам, как в замке Рингштеттен играли свадьбу, вам показалось бы, что перед вами груды блестящих и праздничных вещей, на которые наброшено траурное покрывало, и под ним все это великолепие не столько восхищает нас, сколько выглядит насмешкой над тщетой земных радостей. Не то, чтобы какая-нибудь чертовщина нарушила торжество, ибо мы ведь знаем, что замок был надежно защищен от колдовских проделок водяной нечисти. Но и у рыцаря, и у рыбака, и у всех гостей было такое чувство, будто главное лицо на празднестве отсутствует и этим главным лицом должна быть всеми любимая, ласковая Ундина. Стоило только двери открыться, как все взоры устремлялись туда, и когда по-

являлся всего лишь дворецкий с новыми блюдами или виночерпий вносил новое благородное вино, все опять уныло опускали глаза и мгновенно вспыхнувшие искорки веселья и шуток снова гасли под влагой скорбных воспоминаний. Беспечнее и потому веселее всех была невеста; но и ей порой казалось странным, что она сидит во главе стола в зеленом венке и расшитом золотом платье, меж тем как недвижимое холодное тело Ундины покоится на дне Дуная или плывет гонимое волнами в океан. Ибо с той минуты, как ее отец произнес эти слова, они непрестанно звучали у нее в ушах и особенно сегодня никак не хотели умолкнуть.

С наступлением вечера гости разошлись, но не так, как обычно бывает на свадьбах — подгоняемые нетерпеливым ожиданием жениха, а уныло и сумрачно разбрелись, охваченные тоскливым предчувствием надвигающейся беды.

Бертальда в сопровождении своих девушек пошла раздеваться, рыцарь удалился со слугами; но здесь, на этом унылом торжестве, и в помине не было обычных шуточных, веселых проводов жениха и невесты.

Бертальда, желая приободриться, велела разостлать перед собой свои богатые одежды и разложить драгоценности, которые подарил ей Хульдбранд; она хотела выбрать себе на завтра самый красивый и веселый наряд. Служанки рады были случаю наговорить молодой госпоже всяких приятных вещей, не преминув при этом превознести в самых живых словах красоту новобрачной. Они все более и более углублялись в рассуждения об этом предмете, пока наконец Бертальда, бросив взгляд в зеркало, не вздохнула:

— Ах, неужели вы не замечаете здесь, сбоку, на шее легких веснушек?

*С. Рულъ. В рыбацкой хижине.
Рисунок к повести Фюке «Ундина»*

К. Д. Фридрих. Ущелье скал

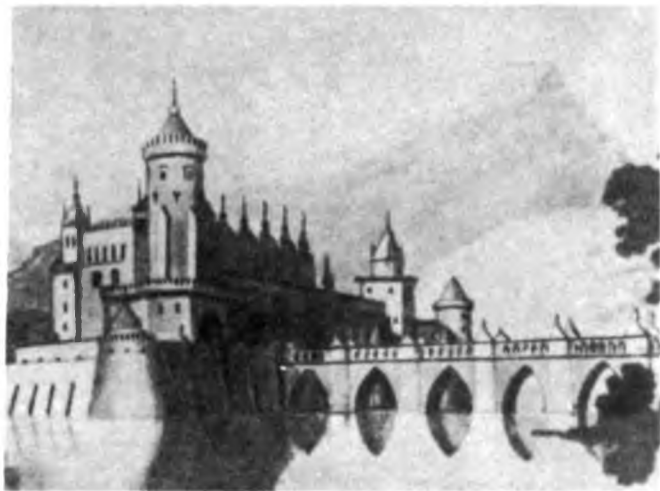

К. П. Брюллов. Портрет В. А. Жуковского

*Портрет
Йоганны Ойнике -
исполнительницы
партии Ундины
в опере
Э. Т. А. Гофмана*

*К. Ф. Шинкель.
Замок Рингштеттен.
Декорация к опере
Э. Т. А. Гофмана*

Э. Т. А. Гофман. Автопортрет

*Сцена из спектакля Жана Жироду «Ундина»
(Париж, 1939)*

*Жан Жироду.
Фотография*

*Сцена из спектакля Жана Жироду «Ундина»
(Париж, 1939)*

Они взглянули, убедились в правоте слов своей госпожи, но назвали это прелестными родинками, крохотными пятнышками, которые только оттеняют белизну ее нежной кожи. Бертальда, покачав головой, сказала, что все же это портит ее.

— А ведь я могла бы избавиться от них,— вздохнула наконец она.— Но замковый колодец, из которого я прежде брала такую чудесную, очищающую кожу воду, замурован. Хоть сегодня бы иметь одну бутылку этой воды!

— Только-то и всего?— засмѣялась проворная служанка и выскользнула из комнаты.

— Но не вздумала же эта сумасшедшая,— спросила Бертальда с радостным изумлением,— сегодня вечером откатить камень?

В ту же минуту она услышала шаги во дворе и увидела в окно, как услужливая девушка вела нескольких мужчин прямо к колодцу; на плечах они несли жерди и другой необходимый инструмент.

— Впрочем, такова моя воля,— улыбнулась Бертальда.— Только пусть не мешкают.

И радуясь при мысли, что сейчас довольно одного ее намека, чтобы исполнено было то, в чем ей некогда так оскорбительно отказали, она стала следить за работой на освещенном луной замковым дворе.

Люди с усилием взялись за огромный камень. Порою кто-нибудь из них вздыхал, вспоминая, что они руют то, что сделали по приказанию прежней, любимой госпожи. Впрочем, работа ладилась быстрее, чем можно было ожидать. Казалось, какая-то сила снизу, из колодца помогает приподнять камень.

— Похоже, вода в нем бьет фонтаном,— с изумлением переговаривались между собой работники. Камень поднимался все выше и выше, и вот, почти без по-

мощи людей, медленно, с глухим грохотом покатился по мощеному двору. А из отверстия колодца торжественно поднялось что-то вроде белого водяного столба; они подумали сперва, что это и в самом деле бьет фонтан, но потом разглядели очертания бледной, закутанной в белое покрывало женщины. Она горько плакала и, в отчаянии заломив руки над головой, двинулась медленным, мерным шагом по направлению к дому. Челядь в страхе бросилась прочь от колодца; мертвенно бледная новобрачная в ужасе застыла у окна вместе со своими служанками. Проходя под самыми окнами ее комнаты, белая фигура с жалобным стоном подняла вверх голову, и Бертальде показалось, что она узнает бледные черты Ундины. Но та уже прошествовала мимо тяжелыми, скованными, медленными шагами, как будто шла на плаху. Бертальда крикнула, чтобы позвали рыцаря; но никто из служанок не решился тронуться с места, да и сама новобрачная умолкла, словно испугавшись звука собственного голоса.

Пока они, все еще в страхе, стояли у окна, недвижные как изваяния, странная гостя достигла входа в дом, поднялась по хорошо знакомой лестнице, прошла через хорошо знакомые покои, все так же молча и в слезах. О, как совсем по-иному она когда-то проходила здесь!

Рыцарь тем временем успел отпустить своих слуг. Полураздетый, погруженный в печальные мысли, он стоял перед высоким зеркалом; рядом с ним тускло горела свеча. Вдруг кто-то тихо, совсем тихо постучал пальцем в дверь. Так бывало, стучала Ундина, когда хотела подразнить его.

— Все это фантазии! — громко сказал он сам себе, — Пора идти в брачную постель!

— О да, пора, но в холодную! — послышался снаружи плачущий голос, и вслед затем он увидел в зеркале, как дверь медленно, медленно отворнется и в комнату входит белая странница. Она чинно затворила за собой дверь и молвила тихим голосом:

— Они открыли колодец, и вот я здесь, и ты должен умереть.

По прерывистому биению своего сердца он почувствовал, что так оно и будет, но прикрыл глаза руками и произнес:

— Не дай мне обезуметь от ужаса в мой смертный час. Если твое покрывало таит под собой ужасный лик, не откидывай его и исполни приговор так, чтобы я тебя не видел.

— Ах, — отвечала вошедшая, — неужели ты не хочешь еще разок взглянуть на меня? Я так же хороша, как тогда на косе, когда ты посватался ко мне!

— О, если бы это было так, — простонал Хульбранд, — и я бы мог умереть от твоего поцелуя!

— О да, любимый, — молвила она. И откинула покрывало, и из-под него показалось ее прокрасное лицо, озаренное волшебной, небесной улыбкой. Охваченный трепетом любви и близкой смерти, рыцарь наклонился к ней, она поцеловала его и уже не выпускала, прижимая к себе все крепче и плача так, словно хотела выплакать всю душу. Слезы ее проникали в глаза рыцаря и сладостной болью разливались в его груди, пока наконец дыхание его не прервалось и безжизненное тело тихо не выскользнуло из ее объятий на подушки.

— Я исплакала его насмерть, — сказала она слугам, встретившимся ей у входа в покой, и медленно прошла мимо испуганной челяди прямо к колодцу.

Глава девятнадцатая
О ТОМ, КАК ХОРОНИЛИ
РЫЦАРЯ ХУЛЬДБРАНДА

Патер Хайльман пришел в замок, как только в округе стало известно о смерти господина фон Рингштеттена и в ту самую минуту, когда монах, венчавший несчастных новобрачных, охваченный ужасом, скрылся за воротами замка.

— Хорошо, хорошо,— ответил Хайльман, когда ему сообщили об этом,— теперь вступаю в свои обязанности я, и никаких помощников мне не надобно.

И он принялся утешать невесту, ставшую теперь вдовой, хотя она, с ее мирским жизнелюбивым нравом, не слишком была способна внять его утешениям. Старый рыбак, напротив, гораздо легче смирился с судьбой, постигшей его дочь и зятя, и когда Бертальда, не переставая проклинать Ундину, назвала ее убийцей и колдуньей, старик спокойно промолвил:

— Иначе оно и не могло кончиться. Я вижу в этом не что иное, как суд божий, и уж наверно никто не принял так близко к сердцу смерть Хульдбранда, как та, кому выпало на долю свершить этот приговор, как бедная, покинутая Ундина!

При этом он помогал в устройстве похорон, подобавших рангу усопшего. Погребение должно было состояться на сельском кладбище, где покоились все предки рыцаря, щедро жертвовавшие, как и он сам, местной церкви. Щит и шлем уже лежали на крышке гроба, их надлежало опустить в могилу вместе с покойником, либо господин Хульдбранд фон Рингштеттен умер последним в роде; похоронный кортеж открыл свое скорбное шествие, печальное пение возносилось

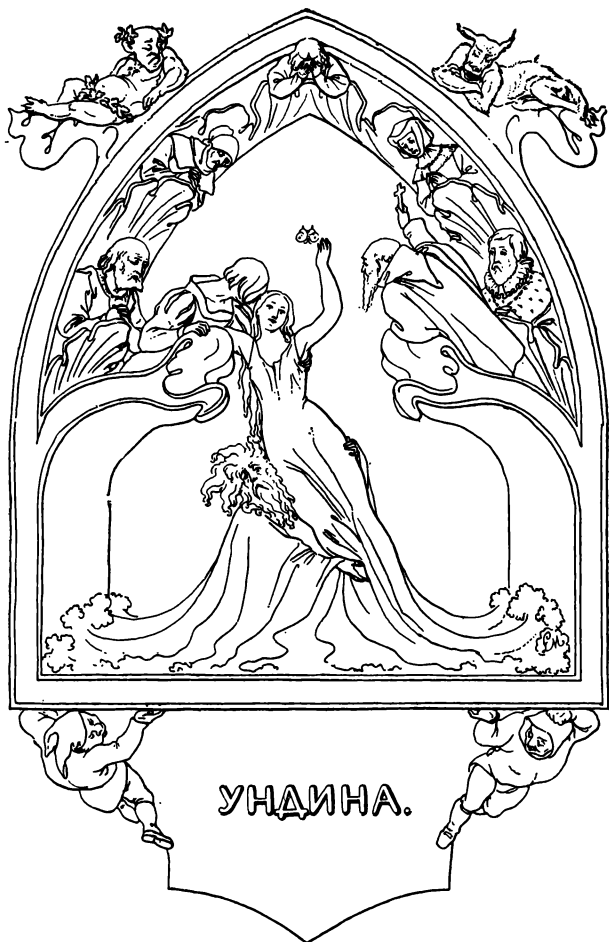
к ясному голубому небу; впереди шел Хайльман, высоко держа в руках распятие, за ним безутешная Бертальда, опираясь на старика-отца. И вдруг среди одетых в черное плакальщиц, окружавших вдову, появилась белая фигура, закутанная в покрывало, воздевавшая руки в безысходном отчаянии. Необъяснимый ужас охватил тех, кто шел рядом с ней, они шарахнулись назад и в стороны, еще более напугав тех, кто теперь оказался возле белой незнакомки, так что в траурном шествии возникло смятение. Несколько смельчаков отважились заговорить с ней и попытались вывести ее из процессии, но она сама словно бы выскальзывала у них из рук и все же снова и снова появлялась и продолжала медленно и торжественно следовать в их рядах.

В конце концов, постепенно продвигаясь вперед среди испуганно расступившихся служанок, она оказалась за спиной Бертальды. Но тут она замедлила шаги, так что вдова не заметила ее, и она беспрепятственно продолжала идти за Бертальдой, смиренно опустив голову.

Так двигались они до самого кладбища; там погребальная процессия остановилась и окружила вырытую могилу. Только тут Бертальда увидела непрошенную спутницу и, охваченная не то гневом, не то ужасом, велела ей покинуть место упокоения рыцаря. Но фигура под покрывалом тихо покачала головой и как бы в мольбе воздела к ней руки. Бертальду это тронуло, она со слезами вспомнила, как ласково тогда, на Дунае, Ундина протянула ей коралловое ожерелье. К тому же патер Хайльман сделал всем присутствующим знак умолкнуть и помолиться за упокой души усопшего, ибо в это время стали насыпать могильный холм. Бертальда молча преклонила колена, и все последова-

ли ее примеру, после всех — могильщики, кончившие свое дело. Когда же все поднялись с колен, белой незнакомки среди них уже не было; там, где она преклонила колена, журчал в траве серебристый ручеек; он все струился, извиваясь, пока не опоясал могильный холмик рыцаря, потом потянулся дальше и влился в пруд, находившийся рядом с кладбищем. И еще много лет спустя окрестные жители показывали этот ручеек и уверяли, что это бедная, отвергнутая Ундина на свой лад обвивает любимого ласковыми руками.

*Шмуцтитул Г. Майделя к 1-му изданию «Ундины»
в переводе В. А. Жуковского
(СПб., 1837)*

ДОПОЛНЕНИЯ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

УНДИНА ¹

Старинная повесть

Бывали дни восторженных видений;
Моя душа поэзией цвела;
Ко мне летал с вестями чудный гений;
Природа вся мне песнию была.

Оно прошло, то время золотое;
С природы снят магический венец;
Свет узанный свое лицо земное
Разоблачил, и призракам конец.

Но о Мечте, как о весенней птичке,
Певавшей мне, с усладой помню я;
И Прелести явленьем по привычке
Любуется, как встарь, душа моя.

Здесь есть *одна* — жива как вдохновенье,
Как ясная надежда молода —
На душу мне ее одно явленье
Поэзию наводит завсегда...

Перед пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвен я стоял.
«Кто обречен святому новоселью
Тобой в жильцы?» — Судьбу я вопрошал.

И с первою блеснувшей мне денницей
Уж милый гость в той колыбели был;
Он в ней лежал под царской багрянницей,
Прекрасен, тих, как божий ангел мил.

Года прошли — и мой расцвел младенец,
Прекрасен, тих, как божий ангел мил;
И мнится мне, что неба уроженец
Утехой в нем на землю прислан был.

Его-то я порою здесь встречаю
Как чистую Поэзию мою;
Им иногда я душу воскрешаю;
При нем подчас, забывшись, и пою.

Глава I

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ПРИЕХАЛ В ХИЖИНУ РЫБАКА

¹ Лет за пятьсот и поболее случилось, что в ясный
весенний
Вечер сидел перед дверью избушки своей
престарелый
Честный рыбак и починивал сеть. Сторона та, в
которой
Жил он, была прекрасное место. Луг, где стояла
Хижина, длинной косою входил в широкое лоно
Моря: можно было подумать, что берег душистый

В светло-лазурные, чудно прозрачные воды с
любовью
Нежной теснился, что море, влажной трепещущей
грудью
Нежно прижавшись к нему и его обнимая,
пленялось
¹⁰ Свежестью шелковой зелени, блеском цветов и
прохладой
Темных сеней древесных. Правда, в краю том
немного
Было людей: рыбак с женою, и только; дремучий
Лес отделял полуостров от твердой земли.
И ужасен
Был тот лес своей темнотой неприступной; и слухи
Страшные были об нем в народе; там было нечисто:
Злые духи гнездились в нем и пугали прохожих
Так, что не смели и близко к нему подходить. По
смирный,
Старый рыбак не боялся враждебных духов; на
продажу
Рыбу носил он в город, лежавший за лесом; полон
²⁰ Набожных мыслей, входил он в его глубину, и пи
разу
Там ничего он не встретил, хранимый небесною
силой,
Сидя беспечно в тот вечер за неводом, вдруг он
услышал
Шум в лесу, как будто бы топот коня и железной
Брони звук; он слушает: шум приближается;
робость
Им овладела, и все, что до тех пор в ненастные ночи
Снилось ему о таинственном лесу, представилось
разом
Мыслям его; особенно ж один, великанского роста,

- Белый, всегда головою странно кивающий.
В темный
Лес он со страхом глядит, и ему показалось, что в
самом
30 Деле сквозь черные ветви смотрит кивающий
призрак.
Вспомнив, однако, что все никакой еще не
случилось
С ним беды ни в лесу, ни в избушке, в которой
так долго
Жил он с женою вдвоем, что нечистый над ними
не властен,
Он ободрился, прочел молитву, и сделалось скоро
Даже ему и смешно, когда он увидел, какую
Шутку с ним глупая робость сыграла: кивающий
образ
Был не что иное, как быстрый ручей, из середины
Леса бегущий и с пеной впадающий в озеро;
шум же,
Слышанный им, был от рыцаря: шагом на белом
40 Бодром коне из чащи лесной он ехал и прямо
К хижине их приближался. Мантией алого цвета
Был покрыт его фиолетовый, золотом шитый,
Стройный колет; на бархатном черном берете
вилися
Белые перья; висел у бедра на цепи драгоценной
Меч с золотой рукоятью искусной работы; а белый
Рыцарев конь был статен, силен и жив; он, копытом
Легким едва к луговой мураве прикасаясь,
воздушной
Поступью шел и, сгибая красивую шею, как лебедь,
Грыз узду, облитую пеной. Старик, пораженный
50 Видом статного рыцаря, невод покинул и, снявши
Шляпу, смотрел на него с приветной улыбкой.

Приближась,
Рыцарь сказал: «Могу ль я с конем найти здесь
на эту
Ночь убежище?» — «Милости просим, гость
благородный;
Лучшим стойлом будет коню твоему наш зеленый
Луг, под кровлей ветвистых деревьев; а вкусную пищу
Сам он найдет у себя под ногами; тебе ж мы охотно
Угол очистим в нашем убогом жилище и ужин
Скудный с тобою разделим». Рыцарь, кивнув
головую,
Спрыгнул с коня, его разнуздал и по свежему лугу
⁶⁰ Бегать пустил; потом сказал рыбаку: «Ты охотно,
Добрый старик, принимаешь меня, но когда б и не
столько
Был ты сговорчив, то все бы со мной не разделался
нынче:
Море, вижу я, здесь перед нами, и дале дороги
Нет никакой; а вечером поздно в этот проклятый
Лес возвращаться избави боже!» — «Не станем об
этом
Слишком много теперь говорить», — сказал,
озираясь,
Старый рыбак и в хижину ввел усталого гостя.
Там, перед ярким огнем, горевшим в камине и в
чистой
Горнице трепетный блеск разливавшим, на стуле
широком
⁷⁰ С спинкой резною сидела жена рыбака пожилая.
Гостя увидев, старушка встала, ему поклонилась
Чинно и села опять, ему отдать не подумав
Место свое. Рыбак, засмеявшись, сказал:
«Благородный
Рыцарь, прошу не взыскать,

что хозяйка моя свой покойный
Стул для себя сберегла: у нас такой уж обычай;
Лучшее место всегда старикам уступается».—

«Что ты,
Дедушка! — с кроткой усмешкой сказала хозяйка.—
Ведь гость наш,
Верно, такой же христов человек, как и мы,
и придет ли,
Сам ты скажи, молодому на ум, чтоб ему

уступали
80 Старые люди лучшее место? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку,— она продолжала,— да
только

Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна».
Рыцарь взял осторожно скамейку, придвинул к
камину,
Сел, и сердцу его так стало приятно, как будто б
Был он у милых родных, возвратяся из чужи в
отчизну.

Стали они разговаривать. Рыцарь разведать
о страшном
Лесе хотел, но рыбак ночью порою боялся
Речь о нем заводить; зато о своей одинокой
Жизни и промысле трудном своем рассказывал
много.

90 С жадностью слушали муж и жена, когда
говорил им
Рыцарь о том, как в разных землях он бывал, как
отцовский
Замок его у истоков Дуная стоит, как прекрасна
Та сторона; он прибавил: «Меня называют
Гульбрандом,
Имя же замка Рингштеттен».— Так говоря, не
однажды

Рыцарь слышал какой-то шорох и плеск за
окошком,
Точно как будто водой кто опрыскивал стекла
снаружи.
Всякий раз с досадой нахмуривал брови, слышав
плесканье,
Старый рыбак; но когда же как ливнем вдруг
обдало стекла,
Так, что окно зазвенело и в горницу брызги
влетели,
¹⁰⁰ С сердцем вскочил он и крикнул в окошко с
угрозой: «Ундина!
Полно проказничать; стыдно; в хижине гости». При
этом
Слове стало там тихо, лишь изредка слышен был
легкий
Шепот, как будто бы кто потихоньку смеялся.
«Почтенный
Гость, не взъщи,— сказал рыбак, возвратившись на
место,—
Может быть, шалостей много еще ты увидишь, но
злого
Умысла нет у нее. То наша дочка Ундина,
Только не дочка родная, а найденыш; сущий
младенец,
Все проказит, а будет ей лет уж осьмнадцать; но
сердце
Самое доброе в ней». Покачав головою, старушка
¹¹⁰ Молвила: «Так говорить ты волен; когда ты усталый
С ловли приходишь домой, то тебе на досуге
забавны
Эти проказы; но с утра до вечера дома глаз на глаз
С нею пробыв, от нее не добиться путного слова —
Дело иное; тут и святой потеряет терпенье».—

«Полно, старуха,— рыбак отвечал,— ты бьешься с
Ундиной,
Я с причудливым морем: разве не часто мой невод
Портит оно и плотины мои размывает, а все мне
Любо с ним; тоже и ты, хоть порою и охнешь,
однако
Все Ундиночку любишь. Не так ли?» — «Что правда,
то правда;
¹²⁰ Вовсе ее разлюбить уж нельзя», — кивнув головою,
Кротко сказала старушка. Вдруг растворилась
настежь
Дверь, и в нее белокурая, легкая станом, с веселым
Смехом впорхнула Ундина, как что-то воздушное ².
«Где же
Гости, отец? Зачем ты меня обманул?» Но, увидя
Рыцаря, вдруг замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнув звездами под сумраком черных ресниц,
устремилась
Быстро на гостя, а он, изумленный чудным
явленьем,
Был как вкопанный, жадно смотрел на нее и боялся
Взор отвести: он думал, что видит сон, и взглядеться
¹³⁰ В образ прекрасный спешил, пока он не скрылся.
Ундина
Долго смотрела, пурпурные губки раскрыв, как
младенец;
Вдруг, востепенувшись резвою птичкой, она
подбежала
К рыцарю, стала пред ним на колена и, цепью
блестящей,
К коей привешен был меч, играя, сказала:
«Прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очутился ты в нашей
Хижине? Долго ты по свету должен был

- странствовать прежде,
Нежели к нам дорогу найти? Скажи, через лес наш
Как ты проехал?» Но он отвечать не успел: на
Ундину
Крикнула с сердцем старушка: «Оставь в покое,
Ундина,
140 Гостя: встань и возмись за работу», Ундина, ни
слова
Ей не сказавши в ответ, схватила скамейку и, севши
Подле Гульбранда с своим рукоделем, тихонько
шепнула:
«Вот где я буду работать», Старик, притворясь, что
не видит
Новой проказы ее, хотел продолжать; но Ундина
Речь перебила его: «У тебя я спросила, мой милый
Гость, откуда приехал ты к нам? Дождусь ли
ответа?» —
«Из лесу прямо приехал я, прелесть моя». —
«Расскажи же,
Как ты в лесу очутился и что в нем чудного
видел?»
Трепет почувствовал рыцарь, вспомнив о лесе;
невольно
- 150 Он обратил глаза на окошко, в которое кто-то
Белый, ему показалось, глядел: но было в окошке
Пусто, за стеклами ночь густая чернела.
Собравшись
С духом, рассказ он готов был начать, но старик
торопливо
Молвил ему: «Недоброе время теперь нам об лесе
Речь заводить; расскажешь нам завтра»,
Услышавши это,
С места вскочила Ундина, и глазки ее засверкали,
«Нынче, не завтра он должен рассказывать! нынче,

теперь же!» —
Вскрикнула с сердцем она и, бровки угрюмо
нахмурив,
Топнула маленькой ножкою об пол; и в эту минуту
160 Так забавно мила и прелестна была, что в
Гульбранде
Вспыхнуло сердце, и он еще боле пленился
смешною,
Детской ее запальчивостью, нежели резвостью
прежней.
Но рыбаки, рассердясь не на шутку, причудницу
начал
Крепко журить за ее упрямство и дерзкую
вольность
С гостем, Старушка пристала к нему, Тут Ундина
сказала:
«Если браниться хотите со мной, а того не хотите
Сделать, о чем я прошу, так прощайте ж; одни
оставайтесь
В вашей скучной, дымной лачужке», С сими
словами
Прыгнула в двери она и в минуту во мраке пропала,

Глава II

О ТОМ, КАК УНДИНА В ПЕРВЫЙ РАЗ
ЯВИЛАСЬ В ХИЖИНЕ РЫБАКАМ

- ¹ Рыцарь вскочил, за ним и рыбак, и бросились оба
В дверь, чтоб ее удержать, но напрасно: Ундина
Скрылась, что даже было нельзя догадаться, в
Сторону вздумалось ей побежать. Испуганным
Рыцарь спросил рыбака: что делать? «Уж это не в
Раз,— рыбак проворчал,— такими побегами часто
Нас забавляет она; теперь опять мне придется
Целую ночь напролет без сна проворочаться с боку
На бок на жесткой постеле моей: ведь мало ль что
Встретиться ночью!» — «Зачем же медлить? Пойдем
Сами за нею», — «Труд бесполезный; ты видишь,
Тьма на дворе: куда мы пойдем? И кто угадает,
Где она спряталась?» — «Будем по крайней мере,—
Рыцарь,— хоть кликать ее». И кричать он начал:
Где ты, Ундина?» Старик покачал головою: «Как
Рыцарь, кричи, она не откликнется нам, а, уж верно
Где-нибудь близко сидит; еще ты не знаешь, какая
Это упрямец», Так говоря, старик с беспокойством

- В темную ночь глядел и не мог утерпеть, чтоб
туда же
²⁰ Вслед за Гульбрандом не крикнуть: «Ундиночка!
милая! где ты?»
- Правду, однако, он предсказал: никакой там Ундины
Не было. Долго кричав понапрасну, они наконец
возвратились
Оба в хижину; там уж было темно, и старушка,
Менее мужа о том, что с Ундиной случится,
заботясь,
Спать улеглась, и в камине огонь, догоревши,
потухнул;
Только немногие уголья тлели, и синее пламя,
Изредка вспыхнув, трепещущий свет разливало и
гасло.
- Снова разведши огонь, рыбак наполнил большую
Кружку вином и поставил ее перед гостем. «Мы оба,
³⁰ Рыцарь, едва ли заснем; так не лучше ли будет,
когда мы,
Вместо того чтоб в бессоннице жесткой рогожей
Грешное тело тереть, посидим у огня и за
добрый
Кружкой вина о том и другом побеседуем? Как ты
Думаешь, добрый мой гость?» Гульбранд согласился
охотно.
- Сесть принудив его на почетном оставленном стуле,
Честный старик поместился с ним рядом, и вот
дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждом
малейшем
Шорохе — стукнет ли что в окошко, и даже нередко
Просто без всякого стука и шороха — вдруг
умолкали
- ⁴⁰ Оба и, палец поднявши, глаза неподвижно уставив

В двери, слушали; каждый шептал: идет! и не
тут-то
Было; не шел никто; и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговор. «Расскажи мне,— сказал
напоследок
Рыцарь,— как вам случилось найти Ундину?» —
«А вот как
Это случилось,— рыбак отвечал.— Тому уж
двенадцать
Будет лет, как я с товаром моим через этот
Лес был должен отправиться в город; жену я
оставил
Дома, как то бывало всегда, а в то время и нужно
Было ей дома остаться³. Зачем, ты спросишь?

- Господь нам
- ⁵⁰ В поздние наши лета даровал прекрасную дочку;
Как же было покинуть ее? Товар мой продавши,
Я возвращался домой и, солгать не хочу, не
случилось
Мне ничего, как и прежде, в лесу недоброго
встретить;
Бог мне сопутствовал всякий раз, когда через этот
Страшный лес мне идти удавалось, а с ним и
опасный
Путь неопасен». При этом слове старик с
умиленным
Видом шапочку снял с головы и, руки сложивши,
В набожных мыслях минуты на две умолкнул;
потом он
Шапочку снова надел и так продолжал: «Я с
веселым
⁶⁰ Сердцем домой возвращался, а дома ждало
несчастье:
Вся в слезах навстречу ко мне жена прибежала,

«Царь небесный! что случилось? — я
воскликнул.— Где наша
Дочка?» — «Она у того, чье имя в эту минуту,
Бедный мой муж, призываешь», — жена отвечала.

И молча,
Горько заплакав, пошел я за нею в хижину; тела
Милой малютки моей я глазами искал там, но тела
Не было, Вот как это случилось: с нашим

младенцем
Подле воды на траве жена спокойно сидела;
С ним в беззаботном веселье играла она; вдруг
малютка

⁷⁰ Сильно к воде протянулась, как будто чудесное
что-то

В светлых примета струях; и видит жена, что наш
милый

Ангел смеется, ручонками что-то хватая; но в этот
Миг как будто какой невидимой силой швырнуло
В волны дитя, и в их глубине бедвяжка пропала.
Долго я тела искал, но напрасно, нигде и

приметы
Не было. Вот мы, на старости две сироты, в
безотрадном

Горе сидели в тот вечер вдвоем у огня и молчали:
Если б и можно было от слез говорить, то не стало б
Духу; и так мы оба молчали, глаза устремивши

⁸⁰ В тусклый огонь; как вдруг в дверях послышался
легкий

Шорох; они растворились — и что же видим мы?
Чудной

Прелести девочка, лет шести, в богатом уборе,
Нам улыбаясь как ангел, стоит на пороге. Сначала
Мы в изумленьи не знали, живой ли то был
человек

Или обманчивый призрак какой; но скоро приметил
Я, что вода с золотых кудрей и с платья малютки
Капала; я подумал, что верно, младенец недавно
Был в воде и что скорая помощь нужна.

И, вздохнувши,

Так сказал я жене: «Никто не подумал спасти нам
⁹⁰ Милое наше дитя; по крайней мере мы сами
Сделаем то для других, чего не могли нам другие
Сделать и что на земле блаженством было бы
нашим».

Мы раздели малютку, ее положили в постель и
напиться

Дали горячего ей; а она все молчала и только,
Светло-небесными глазками глядя на нас,
улыбалась.

Скоро заснула она и свежа, как цветочек весенний,
Утром проснулась; когда ж мы расспрашивать
стали, откуда

Родом она и как попала к нам в хижину, толку
Не было в странных ответах ее никакого; и вот уж
¹⁰⁰ Ровно двенадцать лет, как с нами живет, а добиться
Путного мы не могли от нее ничего; по рассказам
Вздорным ее подумать легко, что она к нам упала
Прямо с луны: о каких-то замках прозрачных,
жемчужных

Гротах, коралловых рощах и разных других
небылицах

Все твердит и теперь, как твердила тогда; удалось
Выведать только одно, что, катаясь по морю в лодке
С матерью, в воду упала она и что волны на здешний
Берег ее принесли, где она и очнулась... В сомненьи
Тяжком остались мы, хотя и было нетрудно

¹¹⁰ Нам решиться на место родной потерянной дочки
Взять чужую, нам данную богом самим, но не знали

Мы, крещена ли она иль нет? Сказать же об этом
Нам ничего не умела бедняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по воле господней
В здешнем свете, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что с волей господней согласно.

И вот что

Мы в таком затрудненьи придумали вместе с
женою:

Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
¹²⁰ Долг святой совершить не будет греха. Но какое
Дать ей имя? И в ум нам пришло, что ее Доротеей
Было б всего приличней назвать: мы слышали, что
значит

Это имя *дар божий*, она же была милосердным
Господом богом дарована горести нашей в отраду.
Но об имени этом она и знать не хотела. «Ундиной
Звали меня отец мой и мать; хочу и остаться
Вечно Ундиной!» Но было ли то христианское имя,
Мы не знали. И вот я пошел за священником в
город;

Он согласился прийти к нам; сначала имя Ундины
¹³⁰ Было противно ему, как и нам; но наша малютка,
В платье странном своем, была так чудесно
красива,

Так ласкалась к нему и в то же время так мило,
Так забавно спорила с ним, что сам он не в силах
Был противиться ей,— и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотреть на нее в продолженье
святого

Таинства: дикая резвость исчезла, и тихим,
смирненным
Агнцем стояла она, как будто бы чувствуя, что с
ней

В это время творилось. Правду молвить, немало
С нею хлопот нам, и если бы все рассказать мне...»

Но рыцарь
140 Тут прервал рыбака; он шепнул: «Послушай!
 послушай!
Что там?» Не раз уж во время рассказа был он
 встревожен
Шумом воды; но в эту минуту был явственно
 слышен

Рев потока, который бежал с возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились к двери;
В месячном свете открылося им, что ручей,
 выходящий

Из леса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
С треском деревья, в море бежал; и было все небо,
Так же как море, взволновано; тучи горами
 катились

Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
150 Вся окрестность под блеском и тьмой трепетала;
 при свисте
Вихря было внятно, как море свирепое голос
Свой воздымало и как, скрипя от вершины до
 корня,

Гнулись и шумно сшибались ветвями дерева.
 «Ундина!..

Царь мой небесный!.. Ундина!» — старик закричал;
 но ответа

Не было. Оба тогда побежали, забывши о буре,
Каждый своею дорогою к лесу, и громко при шуме
Ветра в ночной глубине раздавалось: «Ундина!
 Ундина!»

Глава III

О ТОМ, КАК БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА

- ¹ Странное что-то чувствовал рыцарь, скитаясь во
Ночи, под шумом бури, один, в бесполезном
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь
В темном лесу его обманувший, была; и при свисте
Вихря, при громе воды, при треске деревьев, при
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны
Начал он думать, что море, луг, источник, рыбацья
Хижина, старый рыбак и все, что с ним ни
Было обман; но жалобный крик старика, зовущий
Ундины,
¹⁰ Все ему издали слышался. Вот наконец очутился
Он на самом краю лесного ручья, который в разливе
Бурном своем бежал широкою мутной рекою,
Так, что от леса отрезанный мыс, на котором стояла
Хижина, сделался островом. «Боже! — рыцарь
Что, когда Ундина отважилась в лес, и назад ей
Нет оттуда дороги, и там у злых привидений
Плачет она одна в темноте?» От ужаса вскрикнув,
Он поспешно поднял с земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сук, чтоб, держась за него,
В лес через воду. Хотя и сам он дрожал, вспоминая

Все, что там видел прошедшим днем; хотя и
казалось

В эту минуту ему, что стоял там, ровен с деревьями,
Белый, слишком знакомый ему великан и, оскалив
Зубы, кивал ему головою,— но самый сей ужас
Только что с большею силою влек его в лес: там
Ундина

В страхе, одна, без защиты была. И вот уж
ступил он

Смелой ногою в кипучую воду, как вдруг недалеко
Сладостный голос сказал: «Не ходи, не ходи,
берегися

Злого потока; старик сердит и обманчив». Знакомы
80 Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
Он же стоял в воде, озирался и слушал; но месяц
Темной задернуло тучей, и волны быстро неслись,
Ноги его подмывая, и он, через силу держася,
Был как в чаду, и кружилась его голова; и глазами
Долго искав в темноте, наконец он воскликнул:
«Ундина!

Ты ли? Где ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Сам в поток за тобой; откликнись; мне лучше
погибнуть,

Нежели быть без тебя». И глубже в воду пошел он.
Тот же голос и так же близко сказал: «Оглянись!»

40 В эту минуту вышел месяц из тучи, и рыцарь
В блеске его увидел Ундину. Был маленький остров
Подле берега быстрым разливом ручья образован;
Там, под навесом деревьев густых, в траве
угнездившись,

Призраком светлым сидела Ундина. Было нетрудно
В этом месте поток перейти, и Гульбранд очутился
Вмиг близ Ундины на мягкой траве; она ж,
приподнявшись,

Руки вокруг шеи его обвила и его поневоле
Рядом с собой посадила. «Теперь ты расскажешь
мне, милый,
Повесть свою,— шепнула она,— мы одни; старики
нас

⁵⁰ Здесь не услышат и скучным своим ворчаньем не
могут

Нам помешать; а эта густая древесная кровля
Стоит их хижины дымной». — «Здесь рай,
Ундина!» — воскликнул

Рыцарь, прижавши ко груди ее с поцелуем
горячим.

В эту минуту рыбак, проискавши напрасно Ундины,
К месту тому подошел и увидел их с берега.

«Рыцарь! —

Он закричал,— непохвальное дело ты делаешь; нами
Был ты доверчиво принят; а ты теперь, обнимаясь
С нашей дочкой, шепчешься с нею тайком и оставил
В страхе меня, старика, одного по-пустому за нею

⁶⁰ Бегать в потемках». — «Я сам,— отвечивал
рыцарь,— лишь только

В эту минуту встретился с нею». — «Тем лучше;
скорее ж

Оба ко мне перейдите сюда на твердую землю».

Но Ундина о том не хотела и слышать; и лучше
В страшный лес она соглашалась с милым,

прекрасным

Гостем пойти, чем в несносную хижину, где не
хотели

Делать того, о чем просила она, и откуда

Рано или поздно прекрасный гость удалится.

Прижавшись

Крепко к нему, она гармонически, тихо запела

- «В душевной долине волна печально трепещет и
бьется;
- ⁷⁰ Влившись в море, она из моря назад не польется». Горько заплакал рыбак, услышав ту песню; ее же Слезы его как будто не трогали: к рыцарю с
детской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказал ей:
«Ундина,
Разве не видишь, как плачет отец? Не упрямясь ж;
нам должно,
Должно к нему возвратиться». В немом изумленьи
Ундина
Быстро свои голубые глаза на него устремила,
Кротко сказала потом: «Когда ты так думаешь,
милый,
Я согласна». И с видом покорным, глаза опустивши,
Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно
- ⁸⁰ Рыцарь поток перешел. Старик со слезами на шею
Кивулся к ней и в радости был как дитя;
прибежала
Скоро к ним и старушка; свою возвращенную дочку
Нежно они целовали; упреков не было; в добром
Сердце Ундины все также утихло, и их обнимала
С лаской сердечной она, просила прощенья,
смеялась,
Плакала, милые все имена им давала. А утро
Тою порой занялось, и буря умолкла, и птицы
Начали петь на свежих, дождем ожемчуженных
ветках;
Стало светло, и опять приступать принялася
Ундина
- ⁹⁰ К рыцарю с просьбой, чтоб начал рассказ свой.
И так согласились
Завтрак принести под деревья. Ундина проворно
уселась

Я танцевал; и так продолжалось во все остальные
Дни турнира». В эту минуту почувствовал рыцарь
Сильную боль в опущенной левой руке;

оглянувшись,
Видит он, что Ундина, жемчужными зубками
стиснув
Палец ему, сердито нахмурила бровки, и в глазах,
Ярко светившихся, бегали слезки⁴; потом, на
Гульбранда

²⁰ С грустным упреком взглянув, она ему погрозила
Пальцем; потом вздохнула, потом наклонила
головку.

Рыцарь, смутившись, умолк на минуту; потом он
рассказ свой

Так продолжал: «Бертальда прекрасна, нельзя не
признаться;

Но чересчур уж горда и причудлива; мне во второй
раз

Нравилась мене она, чем в первый, а в третий раз
мене,

Чем во второй. Однако мне показалось, что боле
Всех других я замечен был ею, и это мне
льстило.

Вот мне вздумалось в шутку ее попросить, чтоб
перчатку

Мне свою подарила она. „Подарю,— отвечала

³⁰ С гордой усмешкой Бертальда,— если осмелишься,
рыцарь,

Съездить один в заколдованный лес наш и верные
вести

Мне принесешь о том, что в нем происходит“.

Перчатка

Мне дорога не была; но было бы рыцарю стыдно
Вызов такой от себя отклонить, и я согласился».—

«Разве тебя не любила она?» — спросила Ундина.
«Я ей нравился,— рыцарь ответствовал,— так мне
казалось».—

«О! так она сумасшедшая,— вскрикнула громко
Ундина,
С радостным смехом захлопав в ладоши.— Кто ж
не безумный

С милым себя разлучит и его добровольно в
волшебный

⁴⁰ Лес на опасное дело пошлет? От меня б не
дождался

Этот лес такой неслыханной почести».— «Рапо
утром вчера,— продолжал Гульбранд, улыбнувшись
Ундине,—

Я отправился в путь. Спокойно сияли деревья
В блеске зари, полосами лежавшем на зелени
дерна;

Было свежо; благовонные листья так сладко
шептались;

Все так манило под сумрак прозрачный, что я по-
неволе

Злился на глупых людей, которым страшилища в
райском

Месте таком могли померещиться. Въехал я в
чащу;

Мало-помалу все стало пустынно и тихо; густая,

⁵⁰ Лес предо мной и за мною сдвигался, как будто
хватая

Тысячью рук волшебных меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержал: посмотреть,
высоко ли

Было солнце, хотел я; глаза подымаю и что же
Вижу? Черное что-то копышется в ветвях дубовых.
Я подумал, что то был медведь; обнажаю поспешно

Меч. Но вдруг человеческим голосом, диким,
визгливым,
 Мне закричали: «Кстати пожаловал; милости
просим;
 Мы уж и веток сухих наломали, чтоб было на чем
нам
 Вашу милость изжарить». Потом, с отвратительно
диким
⁶⁰ Смехом оскаливши зубы, чудовище так зашумело
 Ветвями дуба, что конь мой, шарахнувшись,
бросился мимо
 Вскачь, и я не успел разглядеть, какой там
гнездилися
 Дьявол», При имени этом рыбак и старушка с
молитвой
 Перекрестились; Ундина ж тихонько шепнула:
«Всего здесь
 Лучше, по-моему, то, что ты не изжарен, мой
милый
 Рыцарь, и то, что ты с нами. Рассказывай далее».—
«Конь мой
 Мчался как бешеный,— рыцарь сказал,— им владеть
не имел я
 Силы; вдруг перед нами стремнина, и скачет со
мною он
 Прямо в нее; но в самое ж это мгновение кто-то
⁷⁰ Длинный, огромный, седой, перерезавши нашу
дорогу,
 Вдруг перед диким конем повалился, и конь,
отшатнувшись,
 Стал, и снова я им овладел. Озираюся — что же?
 Мой спаситель был не седой великан, а блестящий
 Пенный ручей, бежавший с холма»,—
«Благодарствую, милый,

Добрый ручей»,— закричала, захлопав в ладоши,
 Ундина,
 Тяжко вздохнув и нахмурясь, рыбак покачал
 головою;
 Рыцарь рассказывал дале: «Собрав повода,
 укрепился
 Я на седле. Вдруг вижу, какой-то стоит человек
 Рядом с конем, отвратительный, грязный горбун,
 земляного

- ⁸⁰ Цвета лицо, и нос огромный такой, что, казалось,
 Был он длиною со все остальное тело уroda.
 Он хохотал, оскаливал зубы, шаркал ногами,
 Гнул ся в дугу. Я его оттолкнул и, коня
 повернувши,
 Был готов пуститься в обратный путь (уж
 склонилось
 Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но
 карлик,
 Прянув как кошка, дорогу коню заслонил.
 «Берегися,—
 Я закричал,— раздавлю». Но урод, исковеркавшись,
 снова
 Начал визжать: «Сперва заплати за работу; ты в
 пропасть
 Вместе с конем бы слетел, когда бы не я
 подвернулся».—

- ⁹⁰ «Лжешь ты, кривляка,— сказал я,— не ты, а этот
 источник
 Нас сохранил от паденья. Но вот тебе деньги;
 оставь нас,
 Дай дорогу». И бросив одну золотую монету
 В шапку уроду, поехал я шибче; но снова явился
 Рядом со мной он; я шпору коня; конь скачет, но
 сбоку

Скачет и карлик, кривляясь, коверкаясь, с хохотом,
с визгом,
Высунув красный с локоть длиною язык. Чтоб
скорее
С ним развязаться, бросаю опять золотую монету
В шанку ему; но, с хохотом диким оскаливши
зубы,
Начал кричать он: «Поддельное золото! золота
много
100 Есть у меня! погляди! полюбуйся!» И в эту минуту
Мне показалось, что вдруг просветлела земная
утроба;
Дерн изумрудом прозрачным сделался; взор мой
свободно
Мог сквозь него проникать в глубину; и тогда мне
открылась
Область подземная гномов: они гомозились,
роились,
Комкались в клубы, вились, развивались, сгребали
металлы,
Сыпали в кучи рубин, и сапфир, и смарагд и
пускали
Вихри песка золотого друг другу в глаза. Мой
сопутник
Быстро метался то вниз, то вверх; и ему подавали
Слитки огромные золота; мне показав их со
смехом,
110 Каждый он в бездну бросал, и, из пропасти в
пропасть со звоном
Падая, все в глубине исчезали. Тогда он монету,
Данную мною, швырнул с презрительным хохотом
в бездну;
Хохотом, шканьем, свистом ему отвечали из
бездны.

Вдруг взгомозилися все и, толпяся, толкаясь,
полезли
 Кверху, когтистые, пылью металлов покрытые
пальцы
 Все на меня растопорщив; вся пропасть, казалось,
кипела;
 Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе...
 Ужас меня одолел; дав шпоры коню, без оглядки
 Я поскакал... и не знаю, долго ль скакал; но
очнувшись,
¹²⁰ Вижу, что нет никого; привиденья исчезли;
прохладно
 Было в лесу, и вечер уже наступил. Сквозь деревья
 Бледно мелькала тропинка, ведущая из лесу в
город.
 Взъехать спешу я на эту тропинку; но что-то
седое,
 Зыбкое, дым не дым, туман не туман, поминутно
 Вид свой меняя, стало меж ветвей и мне заслонило
 Путь; я пытаюсь объехать его, но куда ни поеду —
 Там и оно; рассердившись, скачу напролом; но
навстречу
 Прыщет мне пена, и ливнем холодным я обдаю, и
рвется
 Конь мой назад; ослеплен, промочен до костей, я
бросаюсь
¹⁸⁰ Вправо и влево, но все не могу попасть на тропинку,
 Белый никак на нее не пускает меня. Попытаюсь
 Ехать обратно — за мной по пятам он, но смирен
и волю
 Путь продолжать мне дает; но лишь только опять
на тропинку
 Въеду — он тут, и опять заслоняет ее, и холодной
 Певой меня обдает. Наконец пошеволе я выбрал

- Ту дорогу, к которой меня он теснил так упорно;
Он унялся, но все от меня не отстал и за мною
Бледно-гуманным столбом подвигался; когда же
случалось
Мне оглянуться, то чудилось мне, что этот
огромный
- 149 Столб с головой, что в меня упирались тускло и
зорко
С чудным каким-то миганьем глаза и кивала
Всякий раз голова, как будто меня понукая
Ехать вперед. Но порою мне просто казалось, что
этот
Странный гонитель мой был лесной водопад.
Наконец я,
Выехав из лесу, здесь очутился и встретился с
вами,
Добрые люди. Тогда пропал и упрямый мой
спутник».
- Рыцарь кончил рассказ свой. «Мы рады тебе,
благородный
Гость наш,— сказал рыбак,— но пора о том нам
подумать,
Как бы тебе возвратиться в город». Ундина,
услышав
- 150 Эти слова, начала про себя тихомолком смеяться
С видом довольным. То рыцарь заметив, сказал ей:
«Ундина,
Разве ты рада разлуке со мною? Чему ты
смеешься?» —
«Я уж знаю чему,— отвечала Ундина.— Отведай
Этот сердитый поток переплыть — верхом иль на
лодке,
Как угодно — ан нет, не удастся! а морем... давно я
Знаю, что этого сделать нельзя; и отец недалеко

В море уходит с лодкой своею. Итак, оставайся
С нами, рад ли, не рад ли. Вот чему я смеюся.
Рыцарь с улыбкою встал, чтоб видеть, так ли то
было,
¹⁶⁰ Что говорила Ундина; встал и рыбак; а за ними
Вслед и она. И подлинно, все опрокинуто было
Бурей в лесу; поток разлился, и стал
полуостров
Островом. Рыцарь не мог о возврате и думать,
и должен
Был поневоле он ждать, пока в берега не вольется
Снова поток. Возвращаясь в хижину рядом с
Ундиной,
Он ей шепнул: «Что скажешь, Ундиночка? Рада ль,
что с вами
Я остаюсь?» — «Полно, полно,— она проворчала,
Бровки нахмурив,— не вздумай тебя укусить я за
палец,
Ты бы не то рассказал нам об этой несносной
Бертальде».

Глава V

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ЖИЛ У РЫБАКА В ХИЖИНЕ

¹ Может быть, добрый читатель, тебе случалось в
жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Место, где было тебе хорошо, где живущая в
каждом

Сердце любовь к домашнему быту, к семейному
миру
С новою силой в тебе пробуждалось; и снова ты
видел
Край родимый; и все обаяния младости, блага
Первой, чистой любви на могилах минувшего снова
В прежней красе расцветали, и ты говорил,
отдыхая:
Здесь живетя сладко, здесь сердцу будет приютно.
¹⁰ Вспомнив такую минуту, когда очарованной думой
Ты обнимал безыменное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что должен был чувствовать
рыцарь,
Вдруг поселившись в этом пределе, далеко от света.
Часто он с радостью тайной смотрел, как поток,
свирепея,
День ото дня расширялся, и остров все дале и дале
В море входил, разлучаяся с твердой землею;
казалось,
Мир кончался за ним. На сердце рыцаря стало
Тихо, светло и легко. Рыбак был мудрец
простодушный⁵;
Зная людей, изведав тревоги житейские, бывши
²⁰ Ратником сам в молодых летах, на досуге он
много
Мог рассказать про войну и про счастье, несчастье
земное;
Словом, он был живая летопись; время без скуки
Шло в разговорах меж старцем отжившим и
юношей, полным
Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо из
жизни
Взятая здравым рассудком и верою в бога,
вливалась

В душу Гульбранда и в ней поселяла блаженную
ясность.
Бодрый старик промыслял по-прежнему рыбною
ловлей;
Был не без дела и рыцарь: в хижине, к счастью,
нашелся
Старый доспех рыбака, самострел; его починивши,
30 С ним ежедневно рыцарь ходил на охоту; а вечер
Вместе все перед ярким огнем проводили, и полный
Кубок тогда частенько постукивал в кубок: в запасе
Было вино, и нередко с ним длилась беседа до
поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою Ундина.
В этом жилище, куда суеты не входили, каким-то
Райским виденьем сияла она: чистота херувима,
Резвость младенца, застенчивость девы,
причудливость Никсы,
Свежесть цветка, порхливость Сильфиды,
изменчивость струйки...
Словом, Ундина была несравненным, мучительно
милым,
40 Чудным созданием; и прелесть ее провицала, томила
Душу Гульбранда, как прелесть весны, как
волшебство
Звуков, когда мы так полны болезненно сладкою
думой.
Но вертлявый, проказливый нрав и смешные
причуды Ундины
Были подчас и докучливой мукой; зато и журили
Крепко ее старики; и тогда шалунья так мило
Дулась на них, так забавно ворчала; потом так
сердечно
С ними, раскаясь, мирилась; потом проказила снова,
и снова

Ей доставалось; и все то было волшебною тайной
Сетью, которою мало-помалу опуталось сердце
60 Рыцаря. С нею он стал неразлучен; с каждою
мыслью,
С каждым чувством слилась Ундина. Но, им обладая,
Той же силе она и сама покорялась; хотя в ней
Все осталось по-прежнему — резвость, причуды,
упрямство,
Вздорные выдумки, детские шалости, взбалмошный
хочот,
Но Ундина любила — любила беспечно, как любит
Птичка, летая средь чистого неба⁶. Старик и
старушка,
Видя Ундину и рыцаря вместе, невольно привыкли
Их почитать женихом и невестой. И рыцарю также
Часто на мысль приходило, что в мир для него
невозвратно
60 Вход загражден, что с людьми никогда уж ему не
встречаться.
Если ж случалось, что рыцарев конь, на свободе
бродивший
По лугу, ржаньем своим его пробуждал и как
будто
Спрашивал: скоро ли в битву? иль если ему
попадался
Брошенный щит на глаза, иль праздно на стенке
висевший
Меч, ненароком сорвавшись с гвоздя, из ножен
выдвигался
В звонком паденьи, — дума о славе и подвигах
бранных
Душу его шевелила. Но в этой тревоге себя он
Тем утешал, что возврат для него невозможен;
к тому же

Мнилось ему, что Ундина была рождена не для
низкой
70 Доли; и, словом, он верил, что все то не случай,
а божий

Промысел было. И так один за другим неприметно
Дни уходили, ясные, тихие. Но и в спокойном
Этом быту напоследок случилось расстройство:

привыкли
Каждый вечер рыбак и рыцарь, отужинав, с полным
Кубком час-другой проводить в разговоре радушном;
Вдруг недостало вина: запас рыбака небогатый
Вышел; а нового взять было негде. Наморщив
Лбы, сидели Гульбранд и рыбак за столом;

а Ундина,
Глядя на них, умирала со смеху. Скучен и долог
80 Был тот вечер, и рано все разошлись. На другой

день
Около ужина вышла Ундина из хижины. «Вы мне
Оба несносны,— сказала она,— не хочу я на ваши
Длинные лица смотреть и слушать вашу зевоту»,
С этим словом захлопнула двери и скрылась.

А вечер
Был ненастен, ветер шумел, и море сердилось.
В страхе рыбак и рыцарь вскочили, вспомнив, как
в первый

Раз они перепуганы были Ундиной. Но только
В двери за нею они собрались побежать, как
Ундина

Им навстречу явилась сама. «За мною! за мною
80 Все!— закричала она,— гостинец прислало нам
море;

Бочка, и, верно, с вином, лежит на песке». За
Ундиной

Все пошли, и подлинно бочка нашлася; поспешно

- Рыцарь, старик и с ними Ундина ее покатили
К хижине; буря сбиралась; сквозь сумерки было.
Видно, как на море волны свои подымали седые
Головы, дождь вызывая из туч; и тучи бежали
Быстро и шумно, как будто грозясь напасть на
идущих;
Вот уж начали сыпаться первые капли. Ундина
Вдруг повернула головку и, пальчик поднявши,
сердито
¹⁰⁰ Им погрозила туче и ей закричала: «Смотри ты,
Туча, не смей замочить нас; еще нам далеко до
дома».
С сердцем рыбак ей сказал: «Уймися, Ундина,
грех!» И, умолкнув,
Стала она про себя потихоньку смеяться. Однако
Засухо все добрались до места; но только успели
Бочку под кровлю поставить и вскрыть и отведать,
какое
Было вино в ней, как дождь проливной зашумел,
зашатались
С скрипом дерева, и море дико завывало. Но бурю
В хижине скоро забыли; за полными кружками
снова
Ум разогрелся, и ожили шутки; и этой беседе
¹¹⁰ Прелесть двойную давал огонек, всегда столь
приятный
В теплом приюте, при шуме ветра и моря, во время
Ночи ненастной. Но вдруг старик, как будто что
вспомнив,
Стал задумчив; потом, помолчавши минуту,
сказал он:
«Царь небесный, помилуй нас грешных! Мы здесь
на досуге

- Шутим и этим прекрасным вином веселимся;
а бедный
Прежний хозяин его, быть может, погиб и, волнами
Брошенный бог весть куда, лишен погребенья».
При этом
Слове Ундина с лукавой усмешкой подвинула
кружку
К рыцарю. «Пей, не бойся»,— она прошептала. Но
рыцарь
120 За руку взял старика и воскликнул: «Я честью
клянуся,
Если б могли мы его отыскать и спасти, то ночная
Буря помехою мне не была бы; с опасностью
жизни
Я бы на помощь к нему побежал; зато обещаюсь,
Если когда возвращуся в край обитаемый, вдвое,
Втрое ему иль детям его заплатить за прекрасный
Этот напиток, который без воли его нам достался».
Добрый старик кивнул головою в знак одобренья;
В нем успокоилась совесть, и с большим вкусом он
допил
Кружку. Но тут Ундина сказала Гульбранду: «Ты
денег
130 Сколько угодно можешь за это вино рассорить;
но бросаться
В воду и жизни своей не жалеть... вот это уж
глупо
Сказано было; а что же будет со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль,
ты лучше с Ундиной
Здесь останешься?» — «Правда, Ундиночка»,—
рыцарь с улыбкой
Ей отвечал: «Признайся ж, что глупо сказал ты;
ведь каждый

Сам себе ближе; и что до других нам?..» Старушка,
услышав
Это, тяжело вздохнула; а добрый рыбак, не
стерпевши,
Начал кричать на Ундину: «У турков, у нехристей,
что ли,
Выросла ты, прости мне, господи? Что за горячку
140 Снова ты нам говоришь, греховодница?» Вдруг
замолчавши,
Робко Ундина прижалась к Гульбранду; потом
прошептала:
«Что же такое сказала я им? Уж и ты не сердит ли,
Милый мой рыцарь?» Но рыцарь, пожавши ей руку,
расправил
Кудри, упавшие кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвечивал: брань рыбака его оскорбила.
Так сидели все четверо, молча, нахмутивши брови;
Добрую четверть часа продолжалось это молчанье.

Глава VI

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ЖЕНИЛСЯ

¹ Вдруг, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и
невольно
Вздрыгнули все, как будто недоброе что-то почуя:
Страшный лес был близко, а к хижине доступ
разливом
Был загражден человеку живому; кому же в такую

Позднюю пору зайти к ним? Они с беспокойством
 смотрели
 Друг на друга. Снова послышался стук;
 и поспешно
 Рыцарь схватился за меч. «Не поможет твой меч,—
 сотворивши
 Крест, рыбак прошептал,— когда здесь случается
 с нами
 То, о чем и подумать боюсь я». Но в эту минуту
¹⁰ Прыгнула с места Ундина и в дверь закричала
 сердито:
 «Кто там? Если то ваши проказы, духи земные,
 Будет беда вам; мой дядя Струй вас порядком
 проучит».
 Пуще прежнего все оробели, слова те услышав.
 Друг на друга взглянули старик и старушка;
 а рыцарь
 Встал и хотел уж Ундину спросить, но тут из-за
 двери
 Голос сказал: «Я не дух, человек, христианин;
 впустите
 Ради господа бога меня». При этом поспешно
 Ундина
 Дверь отперла и, поднявши ночник, во внутренность
 темной
 Ночи стала светить: престарелый священник стоял
 там.
²⁰ Он при виде Ундины назад отступил, приведенный
 В робость ее поразительной прелестью; в бедной
 лачужке
 Встречу такой красоты он волшебством иль делом
 бесовским
 Счел и воскликнул: «С нами господь и пречистая
 дева!» —

«Я не бес,— засмеявшись, сказала Ундица,— не бойся;
Милости просим, отец; войди, здесь добрые люди». Патер вошел и ласково всем поклонился; приятен Был он лицом; веселая кротость сияла во взорах. Но по складкам длинного платья его, с
распущенных
Белых волос и седой бороды катилися градом
30 Капли: его промочило дождем. В боковую каморку Тотчас его отвели, чтоб раздеть; а старушка с
Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огне.
С благодарным
Чувством услуги старик принимал; он, надев
рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышел, и
снова
Все за столом перед светлым каминным уселись;
старушка
Гостю сама уступила почетный стул, а Ундица
В ноги ему свою скамейку подвинула Рыцарь,
То увидя, шепнул ей шутливое слово; но с важным
Видом она отвечала: «Он божий служитель; не
должно
40 Этим шутить». Поужинав, добрым вином
подкрепивши
Силы свои, священник рассказывать начал,
каким он
Образом свой монастырь, лежащий близ моря,
вчерашним
Утром покинул. «Я был к епископу нашему в город
Послан,— сказал он.— Хотя и есть по изгибу залива
Путь, но морем ближе; и я с гребцами надежными
лодку

Нанял; с богом мы съездили; нынче ж поутру в
обратный
Поплыли путь; по сделался ветер противный; а к
ночи
Буря — и буря, какой мне ни разу видать не
случалось;
Ветром вырвало весла из рук у гребцов; беспомощно
50 Были мы преданы морю, которого волны, как цепку,
Наш челнок подымали с хребта на хребет; и несло
нас
Прямо сюда; сквозь туман и сквозь пену чернел в
отдаленьи
Этот берег; уж были мы близко; но бедную лодку
Нашу так и кружило; вдруг поднялась и на нас
повалилась
С страшным шумом большая волна; и сам я не
знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпал из лодки,
Только я вдруг очутился в воде. Господь не
дозволил
Мне погибнуть... я был принесен невредимо на этот
Остров». — «Да, остров, — сказал со вздохом рыбак, —
но давно ли
60 Был он твердой землею? Как же не скажешь, что
море
С нашим потоком бурлит заодно?» — «И сам я
подумал
Что-то подобное, — патер сказал, — когда я тащился
Берегом вашим впотьмах, предо мною мелькнула
тропинка;
Я по ней и пошел; но эта тропинка исчезла
Вдруг перед лесом; ее перерезал поток. Тут
сверкнул мне
В вашей хижине свет, и тотчас сюда повернул я.

Слава господу богу! меня он спас, да и к добрым
Людям еще мне путь указал; но зато уж отныне,
Кроме вас, никого на земле не встречать мне;
отныне

⁷⁰ В этом углу весь мир для меня заключен». —

«Почему же?» —

Рыцарь спросил. «Да кто ж, — отвечивал патер, —
узнает,

Скоро ли кончится эта война беспорядочных
стихий?»

Я же стар, и силы мои, конечно, иссякнут
Прежде, чем этот разлившийся бурный поток; да
случиться

Может и то, что день ото дня все шире и шире,
Глубже и глубже он делаться будет, и вы

напоследок

Так далеко от земли отодвинетесь в море, что в
людях

Даже и память об вас совсем пропадет; и тем
легче

Может это случиться, что вас от земли заслоняет

⁸⁰ Лес дремучий; поток же, я видел, так дик и
порывист,

Так широк, что и крепкому судну не будет
возможно

Силы его одолеть», — «Сохрани нас господь и
помилуй», —

Крест сотворивши, сказала старушка. «Чего же,
хозяйка,

Так испугалась? — рыбак возразил. — Не то же ли
будет

С нами, что было? Чудное дело желанья людские!
Разве не все одни мы здесь жили? Ни разу во
столько

- Лет не ходила ты дале опушки нашего леса.
Кроме меня, старика, и Ундины, кого ты видала?
Ныне же стало у нас и людно: господь бог послал
нам
- ⁹⁰ Добрых гостей на житье. Пускай совсем разлучится
Остров наш с твердой землею и люди о нас
позабудут,
Нам же прибыль». — «Что правда, то правда, —
сказала старушка, —
Только, признаться, мне как-то страшно подумать,
что вечно
Нам уж с людьми не сойтись, что земле навсегда
мы чужие».
- То услыша, Ундина прижалась к рыцарю, жаркой
Ручкой стиснула руку ему и, уставивши глазки,
Полные острых лучей, на него, нараспев
прошептала:
«Ты останешься с нами, ты останешься с нами».
Рыцарь молчал; он был очарован каким-то
виденьем;
- ¹⁰⁰ Был глубоко в себя погружен и, Ундиной,
желанным,
Найденным счастьем жизни полный в душе, не
расслушал
Слов Ундины, проказницы резвой, сидевшей с ним
рядом;
Миг настал роковой: священник своими словами
Все сомненья решил; все дале и дале за темный
Лес убегал обитаемый свет; а остров цветущий,
Где так сладко жилось, все свежей, зеленей, все
приятней
Сердцу его становился: невеста, как чистая роза,
Там расцветала; и к ним как будто бы свыше был
послан

- Божий священник: то явно было не случай.
К тому же
- 110 Рыцарь заметил, как строго старик поглядел на
Ундину
В ту минуту, когда, позабыв о служителе церкви,
Так беззаботно она к нему приласкалась.
Ундину
Сильной рукой обхвативши, рыцарь встал и
воскликнул:
«Честный отец, мы жених и невеста; во имя
господне
Благослови нас, если дадут позволение эти
Добрые люди». Рыбак и старушка весьма изумились.
Правда, им часто входило на мысль, что такая
развязка
Рано иль поздно случиться должна; но об этом
молчали
Даже друг с другом они; и в это мгновение было
- 120 Вовсе неожиданным для них предложение рыцаря.
Долго
Слова ему отвечать они не умели. Ундина ж
Вдруг присмирела, задумалась, глазки потупила в
землю.
Тою порою священник, спросясь с стариком и
старушкой,
Начал готовить венчальный обряд; старушка,
очистив
Наскоро горницу ту, где жила с рыбаком, отыскала
Две восковые свечи, которые были во время
Оно на свадьбе ее зажжены; а рыцарь из звеньев⁷
Цепи своей золотой отделил два кольца, чтоб с
невестой
Было чем обручиться. Все устроив, священник
- 130 Брачные свечи зажег и сказал жениху и невесте:

«Дайте руку друг другу». Ундина, как будто
проснувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснела и, руку
Давши ему, стыдливо и трепетно стала с ним рядом.
Кончив венчальный обряд, новобрачных отец их
духовный
Перекрестил; старики ж молодую жену и
Гульбранда
Обняли с чувством родительским, громко рыдая.
Но в этот
Миг священник сказал: «Вы странные люди! не
сами ль
Вы говорили, что этот остров безлюден, что, кроме
Вас четверых, не живет никого здесь? А я в
продолженье
¹⁴⁰ Службы все видел, что кто-то в это окошко, в
широком
Белом платье, седой и длинный, глядел; за
дверями,
Верно, стоит и теперь он и ждет, чтоб впустили». —
«Спаси нас
Дева пречистая, божия мать», — сказала
старушка;
Молча рыбак покачал головою; а рыцарь к окошку
Бросился: не было там никого; но что-то в потемках,
Видел он, белой струею мелькнуло и скрылось.
«Отец мой,
Ты ошибся», — сказал он священнику. Все
беззаботно
С этим словом кругом огонька по-прежнему сели.

Глава VII
О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ
В СВАДЕБНЫЙ ВЕЧЕР

¹ Смирно стояла Ундина во все продолжение обряда;
Но лишь только он кончился, вдруг, как будто
волшебной
Силой какой, что ни было в ней и причуд и
беспутных
Выдумок, все забродило и вспенилось; вдруг
принялася
Всех тормозить, старика, старушку и рыцаря, не
был
Даже и сам священник оставлен в покое. Суровым
Словом хотела хозяйка шалунью унять, как бывало;
но рыцарь

С значащим взглядом назвал ее *своею женою*;
Та замолчала. И сам он, однако, таким поведением
¹⁰ Не был доволен; но тут ни его увещанья, ни ласки,
Ниже упреки — ничто помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замечала досаду
Рыцаря; нежно тогда к нему прижимаясь, ручонкой
Милой своею трепала его по щеке и шептала
На ухо слово любви с небесной улыбкой; но снова
С первою взбалмошной мыслию то ж начиналось, и
пуще,
Нежели прежде. Священник сказал напоследок:
«Ундина,
Резвость такая забавна, но в эту минуту
приличней
Было бы вам, новобрачной, подумать о том, как с
душою

²⁰ Данного богом супруга свою сочетать христиански

Душу».—«Душу?— смеясь, закричала Ундина.—
 Такое
 Слово приятно звучит; но много ли в этом приятном
 Звуке смысла? А если кому души не досталось,
 Что тому делать? Еще сама я не знаю, была ли,
 Есть ли душа у меня?» Оскорбленный глубоко,
 священник
 Строго взглянув на нее, замолчал; испугавшись,
 Ундина
 С детским смиреньем к нему подошла и шепнула:
 «Послушай,
 Добрый отец, не сердися, мне это так грустно, так
 грустно,
 Что и сказать не могу я; не будь же со мною,
 незлобным,
³⁰ Робким созданием, так строг; напротив того, с
 снисхождением
 Выслушай то, что хочу исповедать искренним
 сердцем».
 Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердце
 Ундины;
 Что-то хотела сказать, но вдруг побледнела и
 горько,
 Горько заплакала. Все на нее с любопытством
 смотрели;
 Что творилось с нею, не ведал никто. Напоследок
 Слезы обтерла она и священнику, в сильном
 волнении
 Сжавши руки, сказала: «Отец мой, не правда ль,
 ужасно
 Душу живую иметь? И не лучше ль, скажи мне,
 не лучше ль
 Вечно пробыть без души?..» Она замолчала,
 оставив

⁴⁰ Острый, расстроенный взор на священника. Все
поднялися

С мест, как будто дичая ее; не дождавшись ответа,
С тяжким вздохом она продолжала: «Великое бремя,
Страшное бремя душа! при одном уж ее ожиданьи
Грусть и тоска терзают меня; а доньше мне было
Так легко, так свободно». Она опять зарыдала,
Скрыла в ладони лицо и, свою наклонивши

головку,
Плакала горько, а светлые кудри, скатясь на
прекрасный

Лоб и на жаркие щеки, повисли густым покрывалом.

⁵⁰ С строгим лицом подошел к ней священник.

«Ундина,— сказал он,—

Именем господа бога тебе говорю: исповедуй
Душу свою перед нами, и, если таится в ней злое,
Бог милосерд, он помилует». Тихим, покорным
младенцем

Стала она перед ним на колена, и, руки сложивши,
Набожно к нему глаза подняла, и крестилась, и, имя
Божие славя, твердила, что не было зла никакого
В сердце ее. Священник сказал, обратясь к

Гульбранду:

«Рыцарь, вам поверяю я ту, с которою ныне
Сам сочетал вас: душою она беспорочна, но много

⁶⁰ Чудного в ней. Примите мой добрый совет:

осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердного
бога

С верой оставьте». Сказав, новобрачных священник
Перекрестил и вышел; за ним рыбак и старушка,
Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина
Все еще на коленях стояла в молчаньи; когда же
Все удалились, она потихоньку лицом обернулась

К рыцарю, кудри раздвинула, мало-помалу, как
будто
В чувство входя, головку свою подняла и уныло
Очи лазурные, полные слез, на него устремила.
70 «Милый, ты верно, также покинешь меня,—
прошептала
Робко она,— но чем же ты, бедная, чем виновата?»
Руки ее так призывно, так жарко к нему поднялися,
Взоры ее так похожи на небо прекрасное стали,
Голос ее так глубоко из сердца раздался, что
рыцарь
Все позабыл и в порыве любви протянул к ней
объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась к милому в руки
Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела³.

Глава VIII

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ

¹ Свежий утренний луч разбудил новобрачных;
блаженством
Ясные очи Ундины горели; а рыцарь в глубокой
Думе молчал про себя; всю ночь он видел какой-то
Странный, мучительный сон: все снилось ему, что
хотели

Бесы его обольстить под видом красавиц, что в
змеев

Адских красавицы все перед ним обращались.

Проснувшись

В страхе, он начал смотреть недоверчиво: тут ли
Ундина?

Нет ли в ней какой перемены?.. Но было все тихо,
Буря кончилась; полный месяц светил, и Ундина

¹⁰ Сном глубоким спала, положивши горячую щеку
На руку; вольно дышала она, и сквозь сон, как
журчанье,

Шепот невнятный бродил по жарко раскрывшимся
губкам.

Видом таким успокоенный, рыцарь заснул, но в
другой раз

Тот же сон! наконец засияла заря, и проснулись
оба.

Сон рассказавши, рыцарь просил, чтоб Ундина
простила

Страх безрассудный ему. Вздохнувши, прекрасную
руку

С грустью она ему подала, и ни слова; но сладкий,
Полный глубокой любовью взгляд, какого дотол
Рыцарь в лазоревых глазках ее не встречал,
безответно

²⁰ Выразил все. С довольным сердцем он встал и к
домашним

Вышел; все трое сидели молча, на лицах их видно
Было, что тяжко тревожило их ожиданье

развязки;

Видно было, что внутренне бога священник молил:
да поможет

Им защититься от козней врага. Но как скоро
явился

С ясным лицом новобрачный, то вмиг и у них
просияли
Души и лица; рыбак и старушка заплакали; к небу
Взор благодарный поднял священник. Потом и
Ундина
Вышла; они хотели пойти к ней навстречу, но стали
Все неподвижны: так знакома и так незнакома
30 Им в красоте довершенной она показалась.
Священник
Первый к ней подошел; но лишь только он руку,
чтоб дать ей
Благословение, поднял, она ему поклонилась
В землю и стала прощенья просить в словах
безрассудных,
Сказанных ею вчера; потом примолвила: «Добрый
Друг, помолись о спасеньи моей души
многогрешной».
Вставши, она обняла стариков, и то, что сказала
Им, было так полно души, так было их слуху
Ново и так далеко от всего, что прежде пленяло
В ней, не касаясь до сердца, что оба они,
зарыдавши,
40 Стали молиться вслух и ее называли небесным
Ангелом, дочкой родною; она же с сердечным
смиреньем
Их целовала; такой и осталась она с той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, в
то же
Время девственно чистым, божественно милым
созданьем.
Рыцарь, старик и старушка, давно уж привыкнув к
причудам
Детским ее, все ждали, что снова она, как и
прежде,

- Станет проказить, но в этот раз они обманулись:
Ангелом тихим осталась Ундина. Священник,
любуясь
Ею, воскликнул: «Радуйтесь, рыцарь; господь
милосердый
50 Вам даровал чрез меня, недостойного, редкое
счастье;
Будет добро вам и в здешней и в будущей жизни,
когда вы
Чистым его сохраните. Господь помощи вам обоим». Около
вечера с нежностью робкой Ундина, взявши
Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздух. Безоблачно солнце садилось, светя на
зеленый
Дерн сквозь чащу дерев, за которыми тихо горело
Море вдаль. Во взорах жены молодой трепетало
Пламя любви, как роса на лазурных листьях; но,
казалось,
Грустная тайна уста ей смыкала, порой
выражаясь
60 Вздохом невинным. В молчаньи она вела за собой
Рыцаря дале; когда же с ней говорил он, ответа
Не было, взор один отвечал; но в этом сердечном
Взоре целое небо любви и смиренья лежало.
Так подошли напоследок они к лесному потоку...
Что же рыцарь увидел? Разлив уже миновался;
Мелким ручьем стремился поток. «Он исчезнет
К утру совсем,— сказала Ундина, скрывая
рыданье,—
Завтра кончится все, и тебе уж препятствия боле,
Милый, не будет отсель удалиться, как скоро
захочешь». —
70 «Вместе с тобою, Ундиночка»,— рыцарь отвечивал.
«Это

В воле твоей,— шепнула она, усмехаясь сквозь
слезы.—
Друг, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душою твоя, и навек. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на руках на этот зеленый
Остров; там уютней. Хотя и самой мне сквозь
волны
Было б нетрудно туда проскользнуть, но, друг, мне
так сладко
Быть на руках у тебя. И если нам должно
расстаться,
То хоть в последние счастьем земным подышу я
Здесь у тебя на груди». И, растроган, встревожен,
80 Рыцарь Ундину на руки взял и понес через воду.
Было то место знакомо, то был островок, на котором
Встретился рыцарь с Ундиною в бурю. Ее опустил
он
Тихо на шелковый дерн и хотел поместиться с ней
рядом.
«Нет, не рядом со мной, а против меня ты садись,
Милый,— сказала она,— хочу я прежде, чем словом
Будешь отвечать мне, твой ответ в
непритворных
Взорах твоих заранее угадывать. Слушай. Ты должен
Знать, уж на деле узнал ты, что есть на свете
создания,
Вам подобные видом, но с вами различного
свойства.
90 Редко их видите вы. В огне живут саламандры,
Чудные, резвые, легкие; в недрах земли,
неприступных
Свету, водятся хитрые гномы; в воздухе веют
Сильфы; лоно морей, озер и ручьев населяют
Духи веселые вод. Прекрасно и вольно живется

Там, под звонкокристальными сводами; небо и
солнце
Светят сквозь них; и небесные звезды туда
проницают;
Там на высоких деревьях коралловых пурпуром
ярким,
Темным сапфиром блистают плоды; там гуляешь по
мягким
Свежим песочным коврам, узорами раковин пестрых
¹⁰⁰ Хитро украшенным; многое, бывшее чудом
минувших
Лет, облеченное тайным серебряных вод
покрывалом,
Видится там в величавых развалинах: влага с
любовью
Их объемлет, в мох и цветы водяные их рядит,
Пышным венцом тростника их седые главы
обвивает.
Жители стран водяных обольстительно милы,
прекрасней
Самых людей. Случалось не раз, что рыбак,
подглядевши
Деву морскую — когда, из воды подымаясь тайно,
Пела она и качалась на зыбкой волне, — повергался
В хладную влагу за нею. Ундиными чудные эти
¹¹⁰ Девы слывут у людей. И, друг, ты теперь пред
собою
В самом деле видишь Ундицу». Гульбранд
содрогнулся;
Холод по членам его пробежал; неподвижен, как
камень,
Молча и дико смотрел он в лицо рассказчицы
милой,
Сил не имея очей отвести. Покачав головою,

- Знаешь все, и если меня оттолкнуть ты решился,
¹⁴⁰ Сделай это теперь же: один перейди на противный
Берег; я брошусь в этот поток — он мой дядя;
издавна
В нашем лесу он свободную, чудную жизнь, как
пустынный,
Розно с родней и друзьями проводит. Он силен и
многим
Старым рекам и могучим потокам союзник. Принес
он
Некогда к жителям хижины здешней меня
беззаботным,
Ясным, веселым младенцем; и он же ныне отсюда
В дом отца моего меня отнесет измененным, живую
Душу принявшим созданием, любящей, скорбящей
женою».
- Дале она говорить не могла; пораженный,
пленный,
¹⁵⁰ Рыцарь ее обхватил, и на руки поднял, и вынес
На берег; там перед небом самим повторил он обет
свой:
С ней неразлучно жить на земле и делить все
земное.
В сладком согласии, за руки взявшись,
медлительным шагом
В хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнув
Благо святое души, перестала жалеть о прозрачном
Море и влажных жилищах отцовского чудного
царства.

*Г. Майдель. Иллюстрация к IX главе
1-го издания «Ундины» в переводе В. А. Жуковского*

- 20 В этом краю; побудем же здесь; никто нас не
гонит». —
«Что ты, мой друг, прикажешь, то и будет, —
сказала с покорным
Видом Ундина, — но слушай: моим старикам
разлучаться со мною
Тяжко и так, а они еще не знают Ундины,
Новой, нежной, любящей, смиренной Ундины; и все
им
Мнится еще, что смиренья мое не надежней покоя
Вод; и меня легко позабудут они, как весенний
Цвет, как быстрюю птичку, как светлое облако; дай
же
Милый, в тот миг, как навек на земле нам должно
расстаться,
Скрыть мне от них тобой сотворенную, верную душу.
- 30 Если же долее здесь мы пробудем, то буду ль уметь
я
Так притвориться, чтоб им моя не открылася
тайна?»
Рыцарь был убежден, и вмиг собралися в дорогу;
Снова коня оседлали; священник вызвался с ними
В город идти через лес и с рыцарем вместе Ундине
Сесть помог на седло. Обнялися; расстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбак и старушка
Были голосом, глядя за нею вслед и как будто
Вдруг догадавшись, какое сокровище в эту минуту
В ней потеряли. В грустном молчаньи вперед
подвигались
- 40 Путники. Гущи лесной уж достигли они, и
прекрасно
Было видеть в зеленой тени на разубранном пышно
Гордом коне молодую робкую всадницу, справа
Старого патера в белой одежде, а слева, в богатом

Пестром уборе, прекрасного рыцаря. Бережно чашей
Леса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видел; Ундина же влажные очи свои в упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихий, немой разговор начался между ними из

нежных
Взглядов и вздохов. Но вдруг он был прерван
каким-то

⁵⁰ Шепотом странным: шел рядом с священником
кто-то четвертый,
К ним недавно приставший. Он-то шептал. Как
священник,
Был он в белом платье, лицо закрывалось каким-то
Странным, широким покровом, которого складки,
как волны,

Падали с плеч и стан обвивали, и он беспрестанно
Их поправлял, закидывал на руку полы, вертелся,
Прыгал; но это ему ни идти, ни болтать не мешало.
Вот что шептал он в ту минуту, когда молодые
Вслушались в речи его: «Уж давно, давно,
преподобный,

В этом лесу я живу, как у вас говорится, монахом;
⁶⁰ Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мне
любо
Жить на воле в глуши и в этом белом, волнистом
Платье под тенью густою разгуливать. Часто и
солнце

Чудно сверкает по складкам моим; а когда я
кустами
Крадусь, бывает такой веселый шорох, что сердце
Прыгает...» — «Вы человек замечательный, — молвил
священник, —

Я бы желал покороче узнать вас», — «А ты кто,
когда уж

Дело у нас пошло на расспросы?— сказал
незнакомец.

«Патер Лаврентий, священник Марииинской
пустыни».— «Дельно;

Я же, просто сказать, свободный лесной обыватель⁹;
⁷⁰ Имя мне Струй; ремесла не имею; волен как птица;
Нет у меня господина; гуляю, и все тут. Однако
Нужно мне кое-что молвить вот этой красавице».

С этим

Словом он прынул к Ундине, вдруг вырос, и подле
Уха ее очутилась его голова. Но Ундина

В страхе его оттолкнула, воскликнув: «Поди
поскорее
Прочь; я более с вами не знаюсь».— «О! о! да
какая ж

Замужем стала она спесивая! с нами, роднею,
Знаться не хочет! Да кто же, скажи мне, пожалуй,
не я ли,

Дядя твой Струй, малютку тебя на спине из
подводной

⁸⁰ Области на берег здешний принес? Позабыла?»—
«Оставь нас,

Именем бога тебя умоляю,— сказала Ундина.—
Ты мне страшен; ты сделаешь то, что и муж мой
дичиться

Станет меня, как скоро увидит с такою роднею».—
«Здесь я недаром; хочу проводить вас, иначе едва ли
Вам через лес удастся пройти безопасно. А этот
Патер уж знает меня; говорит он, что будто

Был я в лодке, когда он в воду упал; и конечно,
Был я в лодке; я в эту лодку прынул волною,
Вырвал его из нее и на берег вынес, чтоб свадьбу

⁹⁰ Можно было сыграть вам». Ундина и рыцарь при
этом

Слове взглянули на патера: шел он, как будто в
глубокий

Сон погруженный, не слыша того, что вблизи
говорилось.

«Вот и лесу конец,— сказала дяде Ундина,—

Помощь твоя теперь не нужна, оставь нас;
простимся

С миром; исчезни». Струй рассердился; он сделал
такую

Страшную харю и так глазами сверкнул, что
Ундина

Громко вскрикнула; рыцарь выхватил меч и хотел им
В голову Струя ударить, но меч по волнам водопада

С свистом хлестнул, и в воде как будто шипящий

¹⁰⁰ Хохот раздался; рыцаря обдало пеной холодной.

Патер, вдруг очнувшись, сказал: «Я предвидел, что
это

С нами случится, лесной водопад был так близко;
и все мне

Мнилось до сих пор, что он живой человек и как
будто

С нами шепчет». И подлинно рыцарю на ухо внятно
Вот что шептал водопад: «Ты смелый рыцарь, ты

бодрый
Рыцарь; я силен, могуч; я быстр и гремуч; не

сердиты
Волны мои; но люби ты, как очи свои, молодую,

Рыцарь, жену, как живую люблю я волну¹⁰...» — и
волшебный

Шепот, как ропот волны, разлетевшейся в брызги,
умолкнул.

¹¹⁰ Кончился лес, и вышли в поле они: там имперский
Город лежал перед ними в лучах заходящего

солнца,

Глава X

О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ
В ИМПЕРСКОМ ГОРОДЕ

¹ В этом имперском городе все почитали погибшим
Нашего рыцаря ¹¹, все сожалели о нем, а Бертальда
Боле других; она себя признавала причиной
Смерти его, и совесть терзала ей сердце, и милый
Рыцарев образ глубоко в него впечатлен был
печалью.

Вдруг он явился, живой и женатый, а с ним и
свидетель
Брака его, отец Лаврентий; весь город нежданном
Чудом таким приведен был в волнение; прелесть
Ундины

Всех поразила, и слух прошел, что в лесу из-под
власти

¹⁰ Злого волшебника рыцарь избавил ее, что породы
Знатной она. Но на все вопросы людей любопытных
Рыцарь отвечивал глухо; патер же был на
рассказы

Скуп, да и скоро в свой монастырь возвратился он;
словом,

Мало-помалу толки утикли; одной лишь Бертальде
Было грустно: скорбя о погибшем, она поневоле
Сердцем привыкла к нему и его *своим* называла.
Скоро, однако, она одолела себя; от природы
Было в ней доброе сердце, но чувство глубокое
долго

В нем не могло сохраняться, и здесь легкомыслие
было

²⁰ Верным лекарством. Ундины ласкала она, а Ундине,
Простосердечной, доброй Ундине боле и боле

Нравилась милая, полная прелести сверстница.

Часто

Ей говорила она: «Мы, верно, с тобою, Бертальда,
Как-нибудь были прежде знакомы, иль чудное

что-то

Есть между нами; нельзя же, чтоб кто без причины,
без сильной,

Тайной причины, мог так кому полюбиться, как ты
мне

Вдруг полюбилася с первого взгляда». И в сердце
Бертальды

Что-то подобное было, хотя его и смущала

Зависть порою. Как бы то ни было, скоро друг с
другом

³⁰ Стали они неразлучны, как сестры родные. Но

рыцарь

Был готов уж в замок Рингштеттен, к истокам
Дуная

Ехать, и день разлуки, может быть вечной разлуки,
Был недалеко; Ундина грустила; и вот ей на мысли
Вдруг пришло, что Бертальду с собою в замок

Рингштеттен

Могут они увезти, что на то герцогиня и герцог,
Верно, по просьбе ее согласятся. Однажды об этом
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроем рассуждали. Был

теплый

Летний вечер, и темною площадью города вместе
Шли они; синее небо глубоко сияло звездами;

⁴⁰ В окнах домов сверкали огни; перед ними ходили
Черные тени гуляющих; шум разговоров, слиянье
Музыки, пенья, хохота, крика детей наполняли
Чудным каким-то говором воздух, и он напоен

был

Весь благовонием лип, вокруг городского фонтана

Густо насаженных. Здесь, от шумной толпы в
отдаленьи,
Близ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущих вод, их слушая шум и любясь на
влажный
Сноп фонтана, белевший сквозь сумрак, как
веющий, легкий
Призрак; и их веселило, что так они в многолюдстве
50 Были одни, и все, что при свете казалось столь
трудным,
Сладилось само собой без труда в тишине
миротворной
Ночи; и было для них решено, что Бергальда
поедет
В замок Рингштеттен. Но в ту минуту, когда
назначали
День отъезда они, подошел к ним, как будто из
мрака
Вдруг родившийся, длинный седой человек,
поклонился
Чинно, потом кивнул головою Ундине и что-то
На ухо ей прошептал. Ундина, нахмуривши бровки,
В сторону с ним отошла, и тогда начался между
ними
Шепот на странном каком-то чужом языке; а
Гульбранду
60 В мысли пришло, что он с незнакомцем где-то
встречался;
Тщетно Бергальда его осыпала вопросами; рыцарь
Был как в чаду и все с беспокойством смотрел на
Ундину.
Вдруг Ундина, захлопавши с радостным криком в
ладоши,
Кинулась прочь, и блаженством глазки сверкали;

с досадой
 Сморщивши лоб и седой покачав головой,
 незнакомец
 Влез в водоем, где вмиг и пропал. Тут решилось
 сомнение
 Рыцаря. «Что, Ундина, с тобою смотритель
 фонтанов
 Здесь говорил?»—спросила Бертальда.
 С таинственным видом
 Ей головкой кивнула Ундина. «В твои именины,
⁷⁰ Послезавтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой
 милый,
 Милый друг; я тебя и твоих приглашаю на этот
 Праздник к себе». Другого ответа не было. Скоро
 После того они проводили Бертальду и с нею
 простились.
 «Струй?»—спросил с содроганьем невольным
 рыцарь Ундины,
 С ней оставшись один в темноте перед герцогским
 домом.
 «Ов,—отвечала Ундина,—премножество всякого
 вздора
 Мне насаждал; но, между прочим, открыл и такую
 Нехотя тайну, что я себя не помню от счастья.
 Если велишь мне все рассказать сию же минуту,
⁸⁰ Я исполню приказ твой; но, милый, Ундине большая
 Радость была бы, когда б ей теперь промолчать ты
 позволил».
 Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
 В чем отказать Ундине, столь мило просящей?
 И сладко
 Было ей в ту ночь засыпать; она, забываясь
 Сном, потихоньку сама про себя с улыбкой шептала:
 «Ах, Бертальда как будет рада! какое нам счастье!»

Глава XI
О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ
НА ИМЕНИНАХ БЕРТАЛЬДЫ

- ¹ Гости уж были давно за столом, и Бертальда,
царица
Праздника, в золоте, перлах, цветах, подаренных
друзьями
Ей в именины, сидела на первом месте, Ундина
С правой руки, а рыцарь с левой. Обед уж кончался;
Подали сласти; дверь была отперта; в ней теснилось
Множество зрителей всякого звания; таков был
старинный
Предков обычай: каждый праздник тогда почитался
Общим добром, и народ всегда пировал с господами.
Кубки с вином и закуски носили меж зрителей
слуги;
- ¹⁰ Было шумно и весело; рыцарь Гульбранд и
Бертальда
Глаз не сводили с Ундины; они с живым
нетерпеньем
Ждали, чтоб тайну открыла она; но Ундина
молчала;
Было заметно, что с сердца ее и с уст, озаренных
Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться;
Но (как ребенок, любимый кусок свой к концу
берегущий)
Все молчала она, чтоб продлить для себя
наслажденье.
Рыцарь смотрел на нее с неописанным чувством;
Ундина
В детской своей простоте, с своим добродушным
прелесть

- Ангела божия в эту минуту имела. Вдруг гости
20 Стали ее убеждать, чтоб спела им песню. Сверкнули
Ярко ее прекрасные глазки; поспешно схватила
Цитру и вот какую песню тихо запела:
«Солнце сияет; море спокойно; к берегу с любовью
Воды теснятся. Что на душистой зелени берега
Светится, блещет? Цвет ли чудесный, посланный
небом
Свежему лугу? Нет, светлоокый, ясный младенец
Там на зеленом дерне играет. Кто ты, откуда,
Милый младенец? Как очутился здесь, на чужбине?
Ах! из отчизны был он украден морем коварным.
30 Бедный, чего ж ты между цветами с жадностью
ищешь?
Цвет благовонный жив, но без сердца; он не
услышит
Детского крика; он не заменит матери нежной.
Лучшего в жизни рано лишен ты, бедный младенец.
Мимо проехал с свитою герцог; в пышный свой
замок
Взял он сиротку; там герцогиня благостным сердцем
Бедной сиротке мать заменила. Стала сиротка
Девой милой, радостью сердца, прелестью взоров;
Милую деву промысел божий щедро осыпал
Всем... но отдаст ли лучшее в жизни, мать и отца,
ей?»
40 С грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Песня ее растрогала всех, а герцог с женою
Плакали. Герцог сказал: «Так точно случилось в
то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердный
Бог наградил нас тобою; но права певица, не можем
Лучшего блага земного тебе возвратить мы, родную
Мать и родного отца», Ундина снова запела:

- «Мать тоскует, бродит, кличет... нет ей ответа;
Ищет, ищет, что ж находит? дом опустелый.
О, как мрачен, как ужасен дом опустелый,
50 Где дотоле днем и ночью мать в упоеньи
Целовала, миловала дочку родную!
Будет снова заниматься ярко денница;
Придут снова дни весенни, благоуханны;
Но денница, дни весенни, благоуханны
Не утешат боле сердца матери бедной;
Все ей чуждо; в целом свете нет ей отрады;
Невозвратно все пропало с дочкой родною». —
«О Ундина! ради бога открой мне! ты знаешь,
Где отец мой и мать; ты этот, этот подарок
60 Мне приготовила. Где они? Здесь? Отвечай мне,
Ундина».
- Взор Бертальды, сверкая, летал по собранью; меж
знатных
С ними сидевших гостей выбирала она. Но Ундина
Вдруг залилася слезами, к толпе обратилась, рукою
Знак подала и воскликнула: «Где вы? явитесь,
Найденной дочери вашей отец и мать!» Расступилась
С шумом толпа; из средины ее рыбак и старушка
Вышли; робко глаза устремили они на Ундицу.
«Вот она, ваша родная дочь!» — закричала Ундина,
Им указав на Бертальду; и с громким рыданьем на
шею
- 70 Бросились к ней старики; но Бертальда с
пронзительным криком
Их от себя оттолкнула; страх, изумленье, досада
Вдруг на лице ее отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкий удар для ее надменной души, ожидавшей
Нового блеска с открытием знатных родителей! Кто
же?
- Кто же эти родители? Нищие!.. В эту минуту

В мысль ей пришло, что все то придумано хитро
Ундиной
С тем, чтоб унижить ее перед светом и рыцарем.
«Злая
Ложь! обманщица! подкуп!»— вот что твердила
Бертальда,
Гневно смотря на старушку, на мужа ее и Ундицу.
80 «Господи боже!— тихонько старушка шептала.—
Какое ж
Злое созданье стала она! а все-таки сердце
Чует мое, что она мне родная». Рыбак же,
сложивши
Руки, молился, чтоб бог не карал их, послав им
такую
Дочь; а Ундина, как ангел, вдруг утративший небо,
Бледная, в страхе внезапном, не ведая, что с ней
Делалось, вся трепетала. «Опомнись, Бертальда!
Бертальда,
Есть ли душа у тебя?»— она повторяла, стараясь
Доброе чувство в ней возбудить, но напрасно;
Бертальда
Точно была вне себя; она в исступленьи кричала
90 Криком; рыбак и старушка плакали горько, а гости,
Странным явленьем таким изумленные, начали
шумно
Спорить, кто за Ундицу, кто за Бертальду; в
ужасный
Все пришло беспорядок, и вот напоследок Ундина,
С чувством своей правоты, с благородством
невинности мирной,
Знак подала рукой, и все замолчали. Смиренно,
Тихо, но твердо сказала она: «Вы странные люди!
Что я вам сделала? Чем раздражила я вас? И за
что вы

Наше вполне». То слыша, старушка приблизилась
робко
120 К герцогу, низко ему поклонилась и вот что
сказала:
«Вы, государь, своим высоким герцогским словом
Вдруг на разум меня навели. Скажу вам, что если
Ваша питомица подлинно дочь нам, то должно, чтоб
были
Три родимых пятна, как трилиственник видом, под
правой
Мышкой ее и точно такие же три на подошве
Правой ноги. Позвольте, чтоб с нею я вышла». От
этих
Слов побледнела Бертальда, а герцог велел
герцогине
Выйти вместе с нею и взять с собой старушку.
Скоро назад возвратились они; герцогиня сказала:
130 «Правда правдой; все то, что здесь объявила
хозяйка
Наша, есть сущая истина: эти добрые люди
Точно отец и мать питомицы нашей Бертальды».
С этим словом герцог с женой и с Бертальдой и
вместе
С ними, по воле герцога, старый рыбак и старушка
Вышли; гости, кто веря, кто нет, разошлись;
а Ундина,
Горько, горько заплакав, упала в объятья мужа.

Глава XII

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ И УНДИНА
УЕХАЛИ ИЗ ИМПЕРСКОГО ГОРОДА

- ¹ Рыцарь с глубоким чувством любви смотрел на
Ундины.
«Мною ль,— он думал,— дана ей душа иль нет, но
прекрасней
Этой души не бывало на свете; она как небесный
Ангел». И слезы Ундины с нежнейшим участием
друга
Он отирал, целуя ей очи, уста и ланиты.
Город имперский, который ей стал ненавистен,
покинуть
Он решился немедля и все велел приготовить
К скорому в замок Рингштеттен отъезду. Вот на
другой день
Рано поутру была подана к крыльцу их повозка;
¹⁰ Рыцарев конь и кони его провожатых за нею,
Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; уж
рыцарь
Вышел с своей молодою женой и готов был ей руку
Дать, чтоб в повозку ее посадить; но в эту минуту
К ним подошла молодая девушка с неводом, в
платье
Рыбной торговли. «Нам товар твой не нужен, мы
едем».—
Рыцарь сказал ей. Она заплакала взрыд, и
Бертальду
В эту минуту узнали Гульбранд и Ундина;
поспешно
Вместе с нею они возвратились в дом, и Бертальда
Им рассказала, как герцог вчерашним ее поведением

- ²⁰ Был раздражен, как ее от себя отослал, подаривши
Ей большое приданое, как старик и старушка,
Также богато им одаренные, город того же
Вечера вместе покинули. «С ними хотела пойти я,—
Так продолжала Бертальда в слезах,— но старик,
о котором
Все говорят, что он мой отец...»—«Он отец твой,
Бертальда,
Точно отец,— сказала Ундина,— ты помнишь, как
ночью
К нам подошел седой человек, твой смотритель
фонтанов;
Он-то мне все и сказал; меня убеждал он, чтоб
в замок
Наш Рингштеттен тебя не брала я с собой, и
неволью
- ³⁰ Тайна с его языка сорвалась...»—«Ну, отец мой,
когда уж
Должен он быть мне отцом,— продолжала
Бертальда,— сказал мне
Вот что: «Ты с нами не будешь до тех пор, пока не
исправишь
Гордого сердца; осмелся одна через этот дремучий
Лес к нам пройти, тогда я поверю, что нашей
роднею
Быть желаешь; но скинь богатый убор; рыбаковой
Дочерью к нам явися...» И я на все уж решилась;
Что он велел, то и будет; меня, несчастную, целый
Свет оставил; бедная дочь рыбака, я в убогой
Хижине жизнь безотрадную скрою и скоро умру
там
- ⁴⁰ С горя. Правда, лес волшебный меня устрашает,
Бродят там, слышно, духи, а я так пуглива; но что
же

Делать? К вам же пришла я затем, чтобы загладить
вчерашний
Свой проступок признаньем вины. О! забудьте,
простите!

Я и так уж несчастна безмерно; вспомните, что я
Утром вчерашним была, что была еще при начале
Вашего пира и что я теперь...» Опустивши в ладони
Голову, плакала горько она, и меж пальцев бежали
Слезы. Вся также в слезах, к ней на шею упала

Ундина,

Долго безгласна была, напоследок сказала: «Ты с
нами

⁶⁰ В замок Рингштеттен поедешь; что положили мы
прежде,

То и сделаем; только ты будь со мной, как
привыкла

Быть; говори мне по-прежнему „ты“. Вот видишь
ли? В детстве

Нас обменяли одну на другую; тогда уж мы были
Связаны тесно судьбою; сплетем же узел наш сами
Так, чтоб уже никогда никакой человеческой силе
Не было можно его разорвать. Теперь ты поедешь
С нами прямо в Рингштеттен; что ж после, как
сестры родные,

Мы меж собою разделим, о том успеем, приехав
В замок, условиться». То услышав, Бергальда
взглянула

⁶⁰ Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не
меньше

Жаль и ему; и руку подав ей, вот что сказал он:
«Вверьте себя беззаботно сердцу Ундины. А к
вашим

Добрым родителям мы, по прибытии в замок,
отправим

Тотчас гонца, чтоб знали они, что сделалось
с вами».

Под руку взявши Бертальду, ее посадил он в
повозку,

Рядом с нею Ундину и бодро поехал за ними
Рысью и скоком. Повозка летела: скоро имперский
Город пропал далеко назад, с ним вместе пропало
Там и все грустное прошлое; весело шла по
прекрасной

⁷⁰ Людной стране их дорога, и мало ли, долго ли
длился

Путь их, но вот напоследок в один прекраснейший
летний

Вечер они приехали в замок Рингштеттен. Был
должен

Рыцарь заняться хозяйством своим; молодая ж
хозяйка

Вместе с гостьей пошли осматривать замок.

Построен

Был на крутой он горе посреди равнин благодатной
Швабии; вид из него был роскошный; и по валу
вместе,

За руки взявшись, гуляли Ундина с Бертальдою;
вдруг им

Встретился долгий седой человек; Бертальде
знакомы

Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь,

⁸⁰ Знак ему подала, чтоб он удалился, и скорым

Шагом, тряся головой, он пошел и пропал за
кустами,

В мысли пришло ей, что то ночной городской их
знакомец

Был, смотритель фонтанов. «Не бойся, Бертальда,—
сказала

*Г. Майдель. Иллюстрация к XIII главе
1-го издания «Ундины» в переводе В. А. Жуковского*

Глава XIII
О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ
В ЗАМКЕ РИНГШТЕТЕНЕ

- ¹ Здесь мы с тобой остановимся, добрый читатель;
прости мне,
Если тебе о том, что после случилось, немного
Буду рассказывать; знаю, что можно бы было
подробно
Мне описать, как мало-помалу рыцарь наш сердцем
Стал от Ундины далек и близок к Бертальде, как
стало
Сердце Бертальды ему отвечать и час от часу жарче
Тайной любовью к нему разгораться, как стали
Ундины
Он и она дичиться и в ней существо им чужое
Видеть, как Ундина плакала, как пробуждали
¹⁰ Слезы ее заснувшую совесть Гульбранда, а прежней
В нем любви уже пробудить не могли, как порою
Жалость его к Ундине влекла, а ужас невольню
Прочь отталкивал, сердце ж стремил к Бертальде,
созданью
С ним однопородному... знаю, что это все я умел бы,
Добрый читатель, порядком тебе рассказать; но
позволь мне
Лучше о том позабыть, что так больно душе;
испытали
Все мы неверность здешнего счастья; ты сам,
вероятно,
Был им обманут, таков уж земной человеческий
жребий.
Счастливы еще, когда при разделе житейского был
ты

Должно закрыть нам, иль с нами случится большое
несчастье).

Всем служителям было приятно угодное сделать
Доброй своей госпоже; без дальних расспросов
огромный

Камень был поднят; и он, показалось, как будто бы
добрый

Волей давшись им в руки, с земли поднялся и как
будто

Сам рванулся колодезь задвинуть. Но в эту
минуту

⁷⁰ К ним прибежала из замка Бертальда. «Не троньте
колодца,—

Громко она закричала,— его вода умываньем
Лучшим мне служит; его запереть никак не
позволю».

Но Ундина с своим обычным смиреньем ба этот
Раз осталася в воле своей непреклонна. «Я в
здешнем

Замке хозяйка,— сказала она, улыбаясь
прискорбно,—

Мне за всем наблюдать; и здесь мне приказывать
может

Только рыцарь, мой муж и мой господин».—
«Посмотрите,—

С сердцем вскричала Бертальда,— подумать можно,
что этой

Бедной, невинной воде самой не хочется с божьим
⁸⁰ Светом расстаться: как жалко она трепещет и
бьется!»

В самом деле, чудно кипя и шипя, из-под
камня

Ключ пробивался, как будто спеша убежать, и как
будто

- «Я исполню волю твою,— она продолжала,—
Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй».
Голос ее был так убедителен, очи так нежны,
Все в ней являло такую покорность, что в сердце
Гульбранда
Солнечный луч минувших дней пробежал; он
Ундину
- ¹¹⁰ Дружески за руку взял и в ближнюю горницу с
нею
Вышел; и вот что ему сказала она: «Уж коварный
Дядя мой Струй довольно известен тебе; не один
раз встречался
Он с тобою здесь в замке; Бертальде же так он
Страшен, что может она умереть. Он бездушен, он
просто
Отблеск стихийный наружного мира; что в жизни
духовной
Здесь происходит, то вовсе чуждо ему; здесь глядит
он
Только на внешность одну. Замечая, как ты
недоволен
Мной иногда бываешь, как я, неразумный младенец,
Плачу, как в то же время Бертальду, случайно быть
может,
- ¹²⁰ Что-нибудь заставляет смеяться, в своем
безрассудстве
Видит он то, чему здесь и признака нет, колобродит,
Злится и в наши дела незванный мешается; пользы
Нет от того никакой, что ему я грожу и гоняю
С сердцем отсюда его; он мне, упрямый, не верит;
в бездушной,
Бедной жизни своей никогда не будет способен
Он постигнуть того, что в любви и страданье и
радость

Так пленительно сходны, так близко родня, что
разрознить
Их никакая сила не может: с улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы рождают улыбку». И очи,
130 Полные слез, с улыбкой поднявши, она исподлобья
Робко смотрела Гульбранду в лицо; и все
трепетанье
Прежней любви он почувствовал в сердце; Ундина
глубоко
То поняла, к нему прижалась нежней и в
блаженстве
Радостных слез продолжала: «Когда словами
не можно
Нам бестолкового дядю Струя унять, то затворим
Вход ему в замок; единственный путь, которым
сюда он
Может свободно всегда проникать, есть этот
колодезь;
Он с другими духами здешних источников в ссоре;
Царство ж его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
140 Вот для чего я на камне, которым колодезь
задвинут,
Знаки свои написала: они беспокойного дядю
Струя власти лишили, и он ни тебя, ни Бертальдю
Боле не будет тревожить; он камня не сдвинет. Но
людям
Это легко; ты можешь исполнить желанье
Бертальды;
Но, поверь мне, она не знает, чего так упрямо
Требует; Струй на нее особенно злится. А если
Сбудется то, что он предсказал мне (хотя и без
всякой
Мысли худой от тебя), то и сам ты, мой милый, не
будешь

- Вне опасности». Рыцарь, глубоко проникнутый в сердце
150 Великодушным поступком своей небесной Ундины,
Обнял ее с горячностью прежней любви. «Мы не
тронем
Камня; отныне ж и все, что ты когда ни
прикажешь,
Будет в замке от всех, как теперь, исполняемо
свято,
Друг мой Ундиночка». Так ей рыцарь сказал, и
Ундина,
Руку целуя ему в благодарность за милое, столько
Времени им позабытое слово любви, прошептала
Робко: «Милый мой друг, ты ныне со мной так
безмерно
Милостив, ласков и добр, что еще об одном
попрошу я.
Видишь ли... Ты для меня как светлое лето; в
сильнейшем
160 Блеске своем оно иногда себя покрывает
Огненно-грозным венцом громовых облаков и
владыкой,
Истинным богом земли нам является; точно таков
ты
Кажешься мне, когда, на меня прогневан бывая,
Грозно сверкаешь, гремишь и очами и словом; и
в этом
Милый, твоя красота, хотя и случится порою
Мне, безрассудной, плакать; но слушай, друг мой:
воздержан
Будь на водах от гневного слова со мною; единым
Словом таким меня передашь ты в волю подводных
Сродников; мстя за обиду их рода, они невозвратно
170 В море меня увлекут, и там в продолжение целой

Жизни я буду под влажно-серебряным сводом в
неволе

Плакать, и мне уж к тебе не прийти; а если приду
я...

Боже! то это будет и пуще тебе на погибель.
Нет, мой сладостный друг, избавь меня от такого
Бедствия». Рыцарь торжественно дал обещанье
исполнить

Просьбу ее, и они с веселым лицом
возвратились

В горницу, где их Бертальда ждала. Она уж успела
Слуг к колодцу послать, чтоб они, по первому знаку
Рыцаря, камень свалили с него. «Не трогайте
камня,—

180 Холодно рыцарь сказал,— и помните все, что
Ундина

В замке моем одна госпожа, что ее приказанья
Святы». При этом слове Бертальда, в лице
изменившись,

Скрылась. Вот уж и ужина час наступил, а
Бертальды

Не было. Рыцарь послал за нею, но вместо
Бертальды

В спальне ее опустевшей нашли записку на имя
Рыцаря; вот что стояло в записке: «Вы приняли,
рыцарь,

В дом свой меня, недостойную дочь рыбака, и о
низком

Роде своем я безумно забыла; за то в наказание
Доброю волей иду к отцу рыбаку, чтоб, в убогой
190 Хижине скрывшись, о счастье земном не мечтать;
наслаждайтесь

Долго им вместе с вашей прекрасной супругой»,
Ундина

Сильно была опечалена; рыцаря вслед за
Бертальдой
Стала она посылать — ее убеждения, однако,
Были ненужны; он сам на то был готов. Но в какую
Сторону ехать за ней? Никто об этом не ведал.
Рыцарь сидел на коне и хотел уж свой путь
наудачу
Выбрать, как вдруг явился пастух и сказал, что
Бертальда
Встретилась с ним у входа Черной Долины; стрелой
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что в окошко
²⁰⁰ Вслед за ним кричала Ундина: «Не езд! не езд,
Милый! постой! Гульбранд, берегися Черной
Долины!
Стой! назад! иль, бога ради, позволь мне с тобою
Ехать!..» Но рыцарь уж был далеко. Ундина
поспешно
Села сама на коня и одна за ним поскакала.

Глава XIV

О ТОМ, КАК ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА

¹ Эта долина, в то время слывшая Черной Долиной, Очень близко была от замка, а как называют Нынче ее, неизвестно; тогда ж поселяне ей имя Черной дали за то, что глубоко среди диких утесов, Елями густо заросших, лежала она, что кипучий,

Быстрый поток, на скалистом дне ущелья
шумевший,
Черен меж елей бежал и что небо нигде голубое
В мутные воды его не светило. В сумерки стало
Вдвое темней и ужасней меж елей и диких утесов.
¹⁰ Рыцарь с трудом пробирался вдоль берега; страшно
Было ему за Бертальду, и засветло встретиться с
нею
Он торопился; по всем сторонам с напряженным
вниманьем
Взор обращал он, и сердце в нем билось сильнее;
он со страхом
Думал: что будет с нею, если заблудится в этом
Диком месте, ночью и в грозу, которая черной,
Тяжкой тучей шла на долину? Вдруг показалось
Белое что-то ему в потемках, на склоне утеса;
Он подумал, что было то платье Бертальды, и
шпорить
Начал коня; но конь захрапел, уперся, и уши
²⁰ Чутко подняв, не шел ни назад, ни вперед; чтоб
напрасно не тратить
Времени, рыцарь спрыгнул с седла, к опрокинутой
ветром
Ели коня привязал и пеший вперед пробираться
Начал кустами; он спотыкался; упорные ветви
Били его по лицу и как будто нарочно сплетались
Сетью, чтоб дале не мог он идти; он ломал их, а
небо
Тою порою все боле и боле мрачилось, и глухо
Гром гремел по горам, и все кругом становилось
Странным таким, что он уж и робость чувствовать
начал,
Глядя на белый образ, к которому ближе
и ближе

- ³⁰ Все подходил и который лежал на земле
неподвижно.
С духом собравшись, к нему наконец подступил он;
сначала
Сучьями тихо потряс, мечом позвенел — никакого
Нет ответа. «Бертальда! Бертальда!» — он начал
сначала
Тихо, потом все громче и громче кликать — ответа
Все ему нет. Наконец закричал он так громко, что
эхо
Вместе с ним закричало повсюду: «Бертальда!» —
напрасно;
То же молчанье, Тогда он к ней наклонился; но
было
Так уж темно, что, не могли под носом видеть,
пригнулся
К самой земле он лицом, и в эту минуту сверкнула
⁴⁰ Яркая молния; все осветилось, и что же в блеске
увидел
Рыцарь? Под самым лицом его отразилась из
черной
Тьмы безобразно-свирепая харя, и голос осиплый
Взвыл: «Поцелуйся со мной, пастушок дорогой!»
Приведенный
В ужас, кинулся рыцарь назад; но свирепая харя
С визгом и хохотом кинулась вслед. «Зачем ты?
Куда ты?
Духи на воле! назад! убирайся! иль будешь ты
нашим!» —
Вот что выла она, и длинные руки хватали
Рыцаря. «Струй проклятый! — Гульбранд закричал,
ободрившись, —
Это твои проказы! постой, я тебя поцелую!»
⁵⁰ Сильно он треснул по харе мечом; она разлетелась

В брызги, и рыцарь пеной, шипящей, как хохот,
был облит

Весь с головы до ног; тогда объяснилось, с кем он
Дело имел. «Меня удержать он, я вижу, намерен,—
Рыцарь громко сказал,— он думает, я испугаюсь
Шуток бесовских его и Бертальду бедную брошу
Злому духу во власть. Демон бездушный не знает,
Как всемогущ человек своей непреклонною волей!»
Сам он почувствовал истину слов сих; новая

бодрость
В нем родилась, и как будто бы счастье с этой
минуты

⁶⁰ Стало с ним заодно: к своему коню возвратиться
Он еще не успел, как уж явственно сделался

слышен
Жалобный голос Бертальды, зовущей на помощь
сквозь шумный

Ветер и говор грозы, подходившей час от часу
ближе.

Он полетел на крик и увидел Бертальду. Из
страшной

Черной Долины сиялся выйти, она по крутому
Боку ее тащилась кверху; тут заступил ей
Рыцарь дорогу; и как ни твердо, в своей

оскорбленной
Гордости, прежде решилась она на побег, но
встретить Гильбранда

Было ей радостно; ужас, испытанный ею в дороге,

⁷⁰ Сердце ее умирил, а светлая жизнь в безмятежном
Замке так ласково руки к ней простирала, что
рыцарь

Тотчас ее за собою идти убедил. Но Бертальда
Силы почти не имела; Гильбранд с большим
затрудненьем

- Голос мужской откликнулся; скоро в потемках
мелькнули
Две огромные белые лошади, с ними погонщик
Роста огромного, в белом плаще; и фура покрыта
100 Белой холстиной была, как все повозки с товаром,
«Стойте, клячи!»— крикнул погонщик, и лошади
стали,
Он подошел к Гульбранду, который с конем
одичалым
Все еще бился. «Я вижу, в чем дело,— сказал он,—
с моими
Белыми то же случилось, когда я в первый раз с
возом
Этой долиной тащился; здесь гнездится какой-то
Бес водяной: он великий проказник, проезжим
покою
Нет от него; но мне удалось сведать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадке
На ухо».— «Делай что хочешь, но только скорее»,—
воскликнул
110 Рыцарь, кипя нетерпением. Погонщик, как слабую
ветку,
Вытянул шею коня, на дыбы вскочившему; что-то
В ухо ему шепнул, и как вкопанный стал он, лишь
только
Жарко пыхтел, и пар от него подымался. Не время
Было Гульбранду расспрашивать, как совершилось
чудо;
Он убедил погонщика взять в повозку Бертальду,
Сам же хотел провожать ее на коне; но усталый
Конь едва шевелил ногами. «Садитесь-ка, рыцарь,
В фуру и вы,— погонщик сказал,— дорога отсюда
Под гору будет; коня же привяжем сзади повозки».
120 Рыцарь сел с Бертальдою в фуру, коня привязали

- Сзади, бичом захопал погонщик, дернули дружно
Лошади, фура поехала. Было темно; утихая,
Глухо вдали гремела гроза; в усладительно мирном
Чувстве своей безопасности, в сладком покое, в
волшебном
Мраке ночи, свободе речей благосклонном, меж
ними
Скоро сердечный, живой разговор начался: в
выраженьях
Ласковых рыцарь Бертальде пенял за побег.
Торопливо,
Трепетным голосом, вся в волненьи Бертальда
проступок
Свой извиняла, и речи ее таинственно-ясны
- 130 Были, как свет лампы, когда во мраке от милой
Милому знак подает, что его ожидают. Рыцарь
Был в упоеньи. Но вдруг пробудил их погонщиков
голос.
«Клячи, тяните живее!— кричал он,— дружно! беда
нам!»
Рыцарь поспешно из фуры выглянул — что ж он
увидел?
Лошади, по брюхо в мутной воде, не шагали, а
плыли;
Не было видно колес; они, как на мельнице, с
шумом,
С пеной и с брызгами резали волны; погонщик на
козлы
Влез и правил стоймя, и был уж в воде по колено.
«Что за дорога такая?— спросил у погонщика
рыцарь.—
140 Прямо идет в середину потока». — «Напротив!—
погонщик
С смехом сказал,— поток идет в середину дороги;

Видите сами: это сущий потоп; мы пропали». Подлинно, вся глубина долины кипела волнами; Выше и выше они подымались. «Это злодей наш Струй! утопить нас он хочет,— рыцарь
воскликнул.— Товарищ,
Нет ли и против него у тебя какого словечка?»—
«Есть словечко,— погонщик сказал,— да надобно
прежде
Сведать вам, кто я и как прозываюсь!»—«Не время
загадки
Нам загадывать,— рыцарь сказал.— вода прибывает;
150 Имя твое здесь ненужно».—«А так-то ненужно,—
погонщик
С диким хохотом гаркнул,— что, просим не
гневаться, сам я
Струй!»— И ужасную харю свою он оставил в
повозку...
Но повозка уж боле была не повозка, уж были
Лошади боле не лошади; все разлетелось,
расшиблось
В пену, в шипучую воду, и сам погонщик поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня, который
напрасно
Рвался и бился, умчал за собой в глубину, и ужасно
Начал снова расти и расти, и горой водяною
Вырос, и был уж готов на Бертальду и рыцаря,
силой
160 Волн увлеченных, упасть, чтоб громадой своей
задавить их...
Вдруг сквозь шум гармонически-сладостный голос
раздался;
Вышел из облака месяц, и в свете его над долиной
явился
Образ Ундины; она погрозила волнам—и, разбившись

Пылью, гора водяная, ворча и журча, убежала;
В блеске месяца мирно поток заструился; и белым
Голубем свеяла тихо Ундина в долину; и, руку
Рыцарю вместе с Бертальдой подав, на муравчатый
берег

Их за собой увела; там они отдохнули; Ундинин
Конь был отдан Бертальде; за нею пешком
потихоньку

¹⁷⁰ Рыцарь с женою пошли; и так возвратились все
в замоk.

Глава XV

О ТОМ, КАК ОНИ ЕЗДИЛИ В ВЕНУ

¹ С этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно
В замке Рингштеттене. Рыцарь все чувствовал боле
и боле

Прелесть небесную доброго сердца Ундины,
забывшей

Все для спасенья соперницы. В доброй Ундине
Всякая память о прошлом исчезла: она беззаботным
Сердцем любила и, зная, что шла прямою дорогой,
Ясную в нем питала доверенность; все в настоящем
Было ей радостно; в будущем все улыбалось.

Бертальда,
Снова ей с прежней любовью всю душу отдав,
благодарной

- ¹⁰ Кроткой и нежной являлась; короче, замок
Рингштеттен
Стал обителью светлого счастья. Дни пролетали
Быстро за днями; зима наступила; зима
миновалась;
Вот и весна с благовонно-зеленой своей муравою,
С светло-лазоревым небом своим улыбнулась
веселым
Жителям замка; стало на сердце их радостно, стало
и смутно.
Что ж тут дивиться, если, при виде, как в воздухе
вешнем
Нитью вились журавли и легкие ласточки мчались,
Стало и их позывать в далекую даль. Раз
случилось
Рыцарю вместе с женою и Бертальдой в прекрасное
утро
- ²⁰ Около светлых истоков Дуная гулять; им об этой
Славной реке он рассказывал много: как протекала
Пышным, широким потоком она по землям
благодатным,
Как на ее берегах прекрасная Вена сияла,
Как по ней величаво ходили суда, как бежали
Мимо плывущих назад берега, услаждая их очи
Зрелищем пажитей, нив, городов и рыцарских
замков.
«О!— сказала Бертальда,— как было бы весело
съездить
В Вену водой...»— но опомнясь, она покраснела и
взоры.
Робко потупила. Милым ее смущеньем Ундина
- ³⁰ Тронувшись, руку ей подала, и в ней загорелось
Сильно желанье утешить подругу свою. «Да за чем
же

Дело стало?— сказала она.— Ничто не мешает
Съездить нам в Вену». Бергальда запрыгала с
радости. Вместе
Стали они учреждать поездку свою и заране
Тем, что представится им на пути, восхищались.
И рыцарь
С ними был заодно; Ундине, однако, шепнул он:
«Вспомни о Струе; ведь он могуч на Дунае».— «Не
бойся,—
С смехом сказала Ундина,— пускай он попробует
сделать
Что-нибудь с нами; я тут! при мне уж никак
колобродить

- ⁴⁰ Он не посмеет». Ответом таким уничтожены были
Все затрудненья, и с бодрым духом, с веселой
надеждой
Стали готовиться в путь. Но скажите мне, добрые
люди,
Все ли сбывается так на земле, как надежда сулит
нам?
Хитрая Власть, стерегущая нас для гибели нашей,
Сладкие песни, чудные сказки подмеченной жертве
На ухо часто поет, чтоб ее убаюкать. Напротив,
Часто спасительный божий посланник громко и
страшно
В двери наши стучится. Как бы то ни было, наши
Путники весело плыли в первые дни по Дунаю:
⁵⁰ День ото дня река становилась шире и виды
Пышных ее берегов живописней. Но вдруг — и на
самом
Чудно-преlestном месте — открыл свои нападенья
Бешеный Струй; то были сначала простые помехи
(Волны бурлили без ветра; ветер отвсяду, меняясь,
Дул и судно качал); но Ундина одною угрозой,

- ⁸⁰ Сон. Но едва на мгновенье одно успели закрыться
 Светлые глазки ее, как вдруг перед каждым из
 бывших
 В лодке, в той стороне, куда он смотрел, появилась,
 Вынырнув с шумом из вод, голова с растворенным
 зубастым
 Ртом и кривлялась, выпучив страшно глаза.
 Закричали
 Разом все; отразился на каждом лице одинакий
 Ужас, и каждый в свою указывал сторону с
 криком:
 «Здесь! сюда посмотри!» И из каждой волны
 создалась
 Вдруг голова с ужасным лицом, и поверхность
 Дуная
 Вся как будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
⁹⁰ Щелкала множеством зуб, хохотала, гремела,
 шипела,
 Шикала. Крик разбудил Ундицу, и вмиг при
 возренье
 Гневном ее пропали страшилища все. Но рыцарь
 ужасно
 Был раздражен; с умоляющим взглядом Ундица
 сказала:
 «Ради бога, здесь на водах меня не брани ты».
 Он умолкнул, сел и задумался. «Друг мой,—
 шепнула
 Снова Ундица,— не лучше ль нам дале не ездить?
 Не лучше ль
 В замок Рингштеттен обратно отправиться? В замок
 Будем спокойны». — «Итак,— проворчал,
 нахмурившись, рыцарь,—
 В собственном доме своем осужден я жить как
 невольник!

- 100 Только до тех пор и можно дышать мне, пока на
 колодце
 Будет камень! Чтоб этой проклятой родне...» Но
 Ундина
 Речь его перебила, с улыбкой ему наложивши
 На губы руку. Опять замолчал он, вспомнив о
 данном
 Им обещанье Ундине. В эту минуту Бертальда,
 В мыслях о том, что делалось с ними, сидела на
 крае
 Лодки и в воды глядела; сама того не приметив,
 С шеи своей она сняла ожерелье, подарок
 Рыцаря; им водила она по поверхности ровных
 Вод, любуясь, как будто сквозь сон, сверканьем
 жемчужных
- 110 Зерен в прозрачной, вечерним лучом орумяненной
 влаге,
 Вдруг расступилась вода, и кто-то, огромную
 руку
 Высунув, ею схватил ожерелье и быстро пропал с
 ним.
 Вскрикнула громко Бертальда, и хохот
 провзительный грянул
 Отзывом крика ее по водам. Тут более рыцарь
 Гнева не мог удержать; он вскочил в исступленьи
 и в реку
 Начал кричать, вызывая на битву с собой всех
 подводных
 Демонов, нис и сирен; а Бертальда своим
 безутешным
 Плачем о милой утрате и пуще его раздражала.
 Тою порою Ундина, к реке наклонясь, окунула
- 120 Руку в прозрачные волны и что-то над ними
 шептала;

¹⁴⁰ Был без вины жестоко наказан, с тяжким
рыданьем
Плакать и вот что сказала потом истощенным от
горя
Голосом: «Ах, мой сладостный друг! ах, прости
невозвратно!
Их не бойся; останься лишь верен, чтоб было мне
можно
Зло от тебя отвратить. Но меня уводят; отсюда
Прочь мне должно на всю молодую жизнь.., о мой
милый,
Что ты сделал! ах, что ты сделал! о горе! о горе!..»
Тут из лодки быстро она в реку ускользнула:
В воду ль она погрузилась, сама ли водой
разлилася,
В лодке никто не приметил; было и то, и другое,
¹⁵⁰ Было ни то, ни другое. Следа не оставив, в Дунае
Вся распустилась она; но долго мелкие струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая; и вслух
доходили
Внятно как будто слова: «О горе! будь верен!
о горе!..»
С жалобным криком рыцарь упал, и обморок
сильный
Душу ему на минуту отвел от тяжелой муки.

Глава XVI
О ТОМ, ЧТО ПОСЛЕ СЛУЧИЛОСЬ
С РЫЦАРЕМ

¹ Как нам, читатель, сказать — к сожаленью или к
счастью, что наше
Горе земное ненадолго? Здесь разумею я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое с милым, потерянным благом сливает
Нас воедино, которым утрата для нас не утрата,
Смерть вдвоем бытие, а жизнь порыв

непрестанный

К той черте, за которую милое наше из мира
Прежде нас перешло. Есть, правда, много

избранных

Душ на свете, в которых святая печаль, как свеча
пред иконой,

¹⁰ Ярко горит, пока догорит; но она и для них уж
Все не та под конец, какою была при начале,
Полная, чистая; много, много иного, чужого
Между утратою нашей и нами уже протеснилось;
Вот наконец и всю изменяемость здешнего в самой
Нашей печали мы видим... итак, скажу:

к сожаленью,

Наше горе земное ненадолго. Это и рыцарь

Также изведал — к худу ль, к добру ль своему, мы
увидим.

Он сначала только и мог, что плакать, так горько
Плакать, как плакала бедная, кроткая, ангел
доброты, Ундина,

²⁰ Стоя в лодке, когда он отпял у ней ожерелье,
Коиm она все поправить так мило хотела; потом он
Так же и руку вверх подымал, как Ундина, и снова

Плакал, и весь изойти слезами хотел. И Бертальда
Вместе с ним плакала искренно, горько. Друг подле
друга

В замке Рингштеттене тихо жили они, сохраняя
Свято память Ундины и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. К тому ж в это время
случалось

Часто и то, что Гульбранда во сне посещала
Ундина:

Грустно к постеле его подходила она, и смотрела
³⁰ Пристально в очи ему, и плакала молча, и тихо,
Тихо потом назад уходила, так что, проснувшись,
Сам он наверно не знал, его ли, ее ли слезами
Были так влажны щеки его. Но вот напоследок
Эти сны об Ундине стали час от часу реже;
Стало на сердце рыцаря тише; в нем скорбь
призаснула.

Но, быть может, что он для себя ничего и
придумать
В жизни не мог бы иного, как только чтоб память
Ундины

Верно хранить и об ней горевать, когда б не явился
В замке наш честный старый рыбак и не стал от
Гульбранда

⁴⁰ Требовать дочери. Сведав по слуху о том, что с
Ундиной

Сделалось, доле терпеть он уже не хотел, чтоб
Бертальда

В замке одном жила с неженатым. «Рада ль, не
рада ль

Будет мне дочь, о том я теперь и знать не желаю,—
Он говорил,— но где о честном имени дело,
Там разбирать уж нельзя». С приходом его
пробудилось

- Старыми липами, замка Рингштеттена. Рыцарь с
невестой,
Веселы, рядом с ними рыбаки, задумчив, под тенью
Лип сидели. Увидя отца Лаврентия, рыцарь
- ⁷⁰ С радостным криком вскочил, и все его окружили.
Но священник был молчалив, прискорбен; хотел он
Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь, как
будто
Весть худую предчувствуя, медлил вступить в
особливый
С ним разговор. Священник сказал напоследок:
«Тапться
Здесь мне не нужно; до всех вас касается то, что
скажу я;
Слушайте ж, рыцарь. Точно ль уверены вы, что
супруга
Ваша скончалась? Мне не верится это. Хоть много
Было разной молвы и об ней самой и о роде
Чудном ее — что правда, что нет, я не знаю,— но
знаю
- ⁸⁰ То, что она была добронравной, верной, смиренной,
Благочестивой женою; а вам я скажу, что с
недавних
Пор она по ночам начала мне являться: приходит,
Плачет, ломает руки, вздыхает и все говорит
мне:
„Честный отец, удержи ты его; я жива; о, спаси
ты
Тело ему! о, спаси ты душу ему!..“ И сначала
Сам я понять не умел, чего хотело виденье:
Вдруг посольство отсюда — и здесь я; но я не для
брака
Здесь, для развода. Гульбранд, откажись от
Бертальды; Бертальда,

Рыцарь не может быть мужем тебе, им владеет
другая.
90 Верьте мне, верьте, или ваш брак вам не будет на
радость».
Рыцарь с досадою выслушал старца Лаврентия;
долго
Спорили жарко они; напоследок патер с сердитым
Видом из замка ушел, не желая и ночи единой
В нем провести. Гульбранд, уверив себя, что
священник
Был сумасброд и мечтатель, послал в монастырь,
по соседству
С замком лежавший, за патером; тот без труда
согласился
Брак совершить, и день для обряда был тут же
назначен.

Глава XVII О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ВИДЕЛ СОН

¹ Было время меж утра и ночи, когда на постеле
Рыцарь, сонный не сонный, лежал. Уже забываться
Начал он; вдруг перед ним невидимкой ужасное
что-то
Стало; и он очнулся, как будто услышав какой-то
Голос, шепнувший: к тебе подошел посетитель
бесплотный;

Силиться стал он, чтоб вовсе проснуться, но вот он
услышал
Снова: как будто над ним и под ним лебединые
крылья
Веяли, волны журчали и пели; и он, утомленный,
В сладкой дремоте опять упал головой на подушку.
¹⁰ Вот наконец и подлинно сон овладел им; и начал
Видеть во сне он, как будто им слышанный шум
лебединых
Крыльев крыльями стал, что будто его подхватили
Эти крылья и с ним над землей и водой полетели
С сладостным веяньем, с звонким стenanьем. «Стон
лебединый!
Стон лебединый! (себе непрестанно твердил
поневоле
Сонный рыцарь) ведь он предвещает нам смерть».
И казаться
Стало ему, что под ним Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пел: расступись, озарись, Средиземное
море.
Вниз посмотрел он: лазурные воды стали
прозрачным,
²⁰ Чистым кристаллом, и мог он насквозь до самого
дна их
Видеть; и там он увидел Ундины; под светлым,
кристальным
Сводом сидела она и плакала горько; и было уж
много,
Много в ее лице перемены; не та уж Ундина
Это была, с которою в прежнее время так счастлив
Был он в замке Рингштеттене: очи, столь ясные
прежде,
Были тусклы, щеки впали, болезнен был образ.
Все то рыцарь заметил; но ею самой он, казалось,

- Не был замечен. И вот подошел к ней, рыцарь
увидел,
Струй, как будто с упреком за то, что так безутешно
30 Плакала; тут Ундина с таким повелительным видом
Встала, что Струй перед нею как будто смутился.
«Хотя я
Здесь под водами живу,— сказала она,— но с собою
Я принесла и душу живую; о чем же так горько
Плачу, того тебе никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, как все блаженно тому, кто имеет
Верную душу». Струй, покачав головою с сомнением,
Начал о чем-то думать, потом сказал: «Ты, как
хочешь,
Чванься своею живою душою, но все ты под властью
Наших стихийных законов, и все ты обязана
строгий
40 Суд наш над ним совершить в ту минуту, когда он
Верность нарушит тебе и женится снова». — «Но в
этот
Миг он еще вдовец,— отвечала Ундина,— и
грустным
Сердцем любит меня». — «Вдовец, я не спорю,— со
смехом
Струй отвечал,— но он и жених, а скоро и мужем
Будет; тогда уж ты, не прогневайся, с нашим
посольством,
Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство сама ты
Знаешь какое — смерть». — «Но знаю и то, что не
можно
В замок Рингштеттен войти мне,— сказала с
улыбкой Ундина: —
Камень лежит на колодце». — «А если он выйдет
из замка? —
50 Струй возразил,— А если велит он камень с колодца

Сдвинуть? Ведь он об этих безделках забыл.—

«Для того-то,—

С ясной сквозь слезы улыбкой сказала она,— и
летает

Духом теперь он поверх Средиземного моря и

слышит

Сонный все то, что мы с тобой говорим; я нарочно

Это устроила так, чтоб он остерегся». Примета

Рыцаря, Струй взбесился, топнул ногой,

кувыркнулся

В волны и быстро уплыл, раздувшись от ярости

китом.

Лебеди снова со звоном, со стоном начали веять,

Начали реять; и снова рыцарю видеться стало,

⁶⁰ Будто летит он, летит над горами, летит над водами,

Будто на замок Рингштеттен слетел и будто

проснулся.

Так и было; проснулся Гульбрад у себя на постеле.

В эту минуту вошел кастелян объявить, что близ

замка

Встречен был патер Лаврентий, что он в лесу

недалеко

Сделал себе из сучьев шалаш и в нем поселился.—

Мне на вопрос, зачем он живет здесь, когда

отказался

Рыцарев брак освятить, отвечал он: «Разве одни

лишь

Браки должны освящать мы? Другие нередко

обряды

Нам совершать случается. Если не мог пригодиться

⁷⁰ Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье

Может легко перейти в гореванье. Итак, кто имеет

Очи — да видит; кто уши имеет — да слышит».—

В раздумье

- ¹⁰ Смутны; казалось всем, что на празднике с ними
кого-то
Главного нет и что этим главным никто уж не мог
быть,
Кроме смиренной, ласковой, всеми любимой
Ундины.
Всякий раз, когда отворялися двери, невольно
Все на них обращали глаза и ждали; когда же
Вместо желанной являлся иль с блюдом дворецкий,
иль ключник
С кубком вина благородного, каждый печально в
тарелку
Взор опускал и сидел безгласен, как будто бы в
грустной
Думе о прошлом. Всех веселее была молодая;
Но и ей самой как будто совестно было
- ²⁰ В брачном зеленом венце, в жемчугах и в богатом
венчалном
Платье на первом месте сидеть, тогда как Ундина
«Трупом, еще не отпетым, на дне Дуная лежала
Или носима была без приюта морскими
волнами»,
Эти отцовы слова и прежде мучили ей сердце;
Тут же они отзывались в ушах ее беспрестанно.
Рано гости оставили замок, и каждый с каким-то
Тяжким предчувствием. Рыцарь пошел к себе,
молодая
Также к себе — раздеваться. Кругом новобрачной
Были прислужницы. Вот, чтоб немного свои
порассеять
- ³⁰ Черные мысли, Бертальда велела подать дорогие
Перстни, жемчужные нитки и платья, рыцарем к
свадьбе
Ей подаренные; стала примеривать то и другое.

- Льстя ей, прислужницы вслух восхищались ее
красотою;
С видом довольным слушая их, Бертальда
смотрелась
В зеркало; вдруг сказала: «Ах! боже! какая досада!
Вот опять у меня на шее веснушки; а можно б
Тотчас согнать их; стоило б только водой из
колодца
Нашего раз обтереться; ах, если б мне нынче ж
хоть кружку
Этой воды достали!» — «О чем же тут думать?» —
сказала,
40 Бросившись в двери, одна из прислужниц. «Неужто
успеет
Эта проказница камень поднять?» — с довольной
усмешкой
Вслед за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро
Сделался шум на дворе: с рычагами к колодцу
бежали
Люди. Бертальда села подле окна и при ярком
Блеске полной луны, освещавшем двор замка, ей
было
Видно все, что делалось там. Работники дружно
Двинули камень, хотя иному из них и прискорбно
Было подумать, что им теперь надлежало
разрушить
То, что было приказано сделать прежнею, доброй
50 Их госпожою; но труд был не так-то велик, как
сначала
Думали; им изнутри колодца как будто какая
Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили
Между собою работники: «Можно подумать, что
бьет там
Сильный ключ». И в самом деле с отверстия камень

- Свет проливала свеча. Вдруг кто-то легонько
⁸⁰ Стукнул в дверь... так точно бывало стучалась
 Ундина.
 «Все это призрак! — сказал он.— Пора мне в
 постелю». — «В постеле
 Будешь ты скоро, но только в холодной», — шепнул
 за дверями
 Плачущий голос. И в зеркало рыцарь увидел, как
 двери
 Тихо, тихо за ним растворились, как белая
 гостья
 В них вошла, как чинно замок заперла за собою.
 «Камень с колодца сняли, — она промолвила тихо, —
 Здесь я; и должен теперь умереть ты». Холод, по
 сердцу
 Рыцаря вдруг пробежавший, почувствовать дал, что
 минута
 Смерти настала. Зажавши руками глаза, он
 воскликнул:
⁹⁰ «О, не дай мне в последний мой час обезуметь от
 страха!
 Если ужасен твой вид, не снимай покрывала и
 строгий
 Суд соверши надо мной, мне лица твоего не
 являя». —
 «Ах! — она отвечала, — разве еще раз увидеть,
 Друг, не хочешь меня? Я прекрасна, как прежде,
 как в оный
 День, когда твоею невестою стала». — «О, если б
 Это правда была, — Гульбранд воскликнул, —
 о, если б
 Мне хоть один поцелуй от тебя! и пускай бы
 В нем умереть!» — «Охотно, возлюбленный мой», —
 покрывало

Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною,
прежней
100 Милой, любящей, любимой Ундиною первых,
блаженных
Дней предстала. И он, трепеща от любви и от
близкой
Смерти, склонился к ней в руки. С небесным она
поцелуем ¹²

В руки его приняла, но из них уже не пустила
Боле его; а крепче, все крепче к нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, как будто
Выплакать душу хотела; и, быстро, быстро лиясь,
Слезы ее проникали рыцарю в очи и с сладкой
Болью к нему заливались в грудь, пока напоследок
В нем не пропало дыханье и он не упал из
прекрасных

110 Рук Ундины бездушным трупом к себе на подушку.
«Я до смерти его ушлакала», — встреченным ею
Людам за дверью сказала Ундина и тихим,
воздушным
Шагом по двору, мимо Бертальды, мимо стоявших
В страхе работников, прямо прошла к колодцу,
безгласной,
Грустной тенью спустилась в его глубину и пропала.

Глава XIX

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ БЫЛ ПОГРЕБЕН

- ¹ Патер Лаврентий, услышав о том, как внезапно и
чудно
Кончил жизнь владетель замка Рингштеттена,
тотчас
В замке явился; и он, входя на двор, осененный
Липами, встретился там с монахом, недавно
вещавшим
Рыцаря; в ужасе тот удалиться спешил. «Так и
должно! —
Патер Лаврентий сказал.— Теперь моя наступила
Очередь; мне помощник не нужен». Хотел он
невесте,
Вдруг овдовевшей, отрадное слово сказать в
подкрепление;
Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.
- ¹⁰ Старый рыбак молился и плакал и, в горе смиряясь,
Думал: «Оно иначе и быть не могло — то господний
Суд»; и, конечно, Гульбрандова смерть никому не
могла быть
Так тяжела, как именно той, которую с смертной
Вестью прислали к нему, отверженной, бедной
Ундине»,
Стали готовить обряд похоронный, как было
прилично
Сану покойника: тело его положить надлежало
Подле церкви приходской, там, где были гробницы
Предков его, одаривших множеством вкладов
богатых
Эту церковь. И щит и шлем уж лежали на кровле

- ²⁰ Гроба, чтоб с ним опуститься в могилу, ибо наш
рыцарь
Был последний в роде своем, который с ним вместе
Кончился весь. И ход печальный уже начинался;
Песнь погребальная к светлоспокойной небесной
лазури
Тихо всходила; с длинным крестом, во всем
облаченъи
Патер Лаврентий шел впереди; за ним шла
Бертальда
В горьких слезах, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдруг посреди Бертальдиных жевцин, одетых в
глубокий
Траур и шедших в свите ее, заметили белый
Образ, в длинном, густом покрывале, тихо идущий,
³⁰ Грустно потупивши голову. Страхом проникнут был
каждый,
Шедший подле такого товарища; все сторонились,
Пятились, так что порядок хода расстроился.
Силой
Два смельчака хотели незванного из ряду вывести;
Но, от них ускользнувши, как легкая тень, он на
прежнем
Месте явился опять и последовал тихо за гробом.
Вот напоследок он мало-помалу, меняясь местом
С теми, кто в страхе спешил от него удалиться,
подле
Самой вдовы очутился; но ею сначала примечен
Не был и сзади пошел смиренно-печальный,
Достигнул
⁴⁰ Ход до кладбища, и все обступили могилу. Тут в
первый
Раз Бертальда незванного гостя увидела, в страхе
Стала она рукою махать, чтоб он удалился;

Но покровенный, кротко упорствуя, тряс головою,
Руки к ней простирал и как будто молил о пощаде.
Вспомнила тут невольно Бертальда Ундину, как
руку

К ней она подняла на Дунае, когда ей хотела
Так добродушно подать ожерелье, и как под водами
Скрылась потём навсегда. Но в это мгновение подал
Знак отец Лаврентий, чтоб все умолкли. И стали
⁵⁰ Гроб опускать в могилу, и мало-помалу засыпал
Был он землею. Когда же совсем был набросан
могильный

Холм и читать последнюю начал молитву
священник,

Стала вдова на колени, стали и все на колени,
В том числе и могильщики, кончивши насыпь.

Когда же
Снова все встали... уж белый образ пропал; а на
месте,

Где он стоял на коленях, сквозь травку сочился
прозрачный

Ключ; серебристо вяясь, он вперед пробирался,
покуда

Всей не обвил могилы; тогда ручейком побежал он
Дале и бросился в светлое озеро ближней долины.

⁶⁰ Долго, долго спустя про него тех мест поселяне
Чудную повесть любили прохожим рассказывать;
долго,

Долго жило поверье у них, что ручей тот Ундина,
Добрая, верная, слитая с милым и в гробе Ундине.

1831—1836

УНДИНА

Волшебная опера в 3 актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рыцарь Хульдбранд фон Рингштеттен

Старый рыбак

Его жена

Ундина, их приемная дочь

Хайльман, патер

Кюлеборн, водяной дух

Герцог

Герцогиня

Бертальда, их приемная дочь

Водяные духи и духи других стихий.

Свита герцога. Рыцари и дамы.

Всадники и пажы.

Место действия: Первый акт разыгрывается то в хижине рыбака, то в диком скалистом ущелье. Вторым актом: Площадь в имперском городе, покои рыцаря, парадный зал, лес, берег реки (Дупая). Третий акт:

Покой в замке Рингштеттен, сад подле замка,

I АКТ

Действие происходит в рыбацкой хижине с единственным окном в задней стене.

Жена рыбака сидит у очага и прядет. Рыцарь Хульдбранд и старый рыбак стоят у открытой двери, в которую сквозь ночной мрак видны заросли.

№ 1. ИНТРОДУКЦИЯ

Хульдбранд и рыбак

Ах, Ундина, ах, малютка,
Нас услышь, вернись домой!
Ночью в чаще леса жутко
Среди нечисти лесной.

Жена рыбака

Вам она, поди, смеется,
В лес сквозь мрак ночной летя.
Раньше камень отзовется,
Чем строптивное дитя.

Хульдбранд

Мчим за пею, я в тревоге.

Рыбак

Хром я, тяжек на подъем.

Хульдбранд

Я-то, к счастью, легконогий.

Рыбак

Как, оставить вас вдвоем?

Жена рыбака

Я-то знаю, что девица
Так живуча, как сорняк.

Рыбак

Быть вдвоем вам не годится.

Хульдбранд

Отпусти меня, рыбак.

Вместе

Рыбак

Ни за что, нет, ни за что.
Трепещу я!

Жена рыбака

Не тревожусь без причины,
Сяду тихо у огня.

Хульдбранд и рыбак

Ах, вернись, вернись, Ундина,
Ах, не слышишь ты меня!

Хульдбранд

Боже мой! Что же теперь будет?

Рыбак

А то, что уже часто бывало: промаешься полночи без сна, тревожась о баловнице. Так поступала она не раз, когда ей перечили.

Жена рыбака

И всегда на другое утро возвращалась веселой и невредимой и делала вид, будто ничего и не случилось. Еще и тревожиться о негоднице! Сядь у очага и успокойся, отец, и вы тоже, господин рыцарь. Теперь уж ничего не поделать (*Все садятся*).

Хульдбранд

Не понимаю вашего спокойствия! Рисковать таким сокровищем!

Жена рыбака (*смеясь*)

Сокровище? Вы позабыли, наверное, что говорите о приеме бедного рыбака. Вот прекрасная госпожа

Бертальда из имперского города, приемная дочь герцога, пославшая вас с турнира, как вы нам рассказывали, в этот заколдованный лес, вот она, правда, сокровище.

Хульдбранд

Ах! Мне теперь не до нее.

Жена рыбака

Вот как? И все же вы отважились отправиться в этот лес, где водится всякая нечисть, и проехали его вплоть до нашей пустынной косы, только лишь затем, чтобы получить ее перчатку как залог любви?

Хульдбранд

Рыцарские обычаи при дворе и только. Прошу вас, очень прошу, не будем говорить о Бертальде. Мне сейчас не нужен никто, кроме Ундины. И, если уж мне нельзя бежать на поиски, то расскажите, по крайней мере, как попало к вам это прелестное создание?

Жена рыбака

Ах, господин рыцарь! Это очень печальная история, и лучше бы нам не толковать об этом!

Рыбак

Жена! Что бы ты там ни говорила, и у тебя душа не на месте из-за Ундины. Все трое мы думаем лишь о милой озорнице, так давай расскажем, как попала она к нам. Но я не хочу тебя слишком печалить, а поэтому скажу лишь немного: уже в преклонные годы, лет шестнадцать тому назад господь даровал нам дочурку. И вот, когда малютке было около года, жена

сидела с ней на берегу озера; как вдруг девочка выскользнула из ее рук прямо в воду — должно быть русалка заманила дитя. Ах! Как мы горевали. Так и не удалось мне найти ее тело. Но в тот же вечер все обернулось по-другому: и на душе вдруг стало легко и светло,

№ 2. РОМАНС

Рыбак

Мы в нашей хижине сидели,
Тоскуя, слышим легкий стук,
Дверные петли заскрипели,
И нам дитя явилось вдруг.

Румяней роз, белее снега,
И кудри золотом горят,
Хоть ростом с локоток, одета
В невесты княжеской наряд.

Хульдбранд

Если это была Ундина, то я вижу ее как живую.

Жена рыбака

Только она подросла теперь.

Хульдбранд

От этого она не стала хуже. Но, пожалуйста, рассказывайте дальше, почтенный старик.

Рыбак

Как зыбь морская облекала
Ее одежда, и по ней,
По жемчугам вода стекала,
По золоту ее кудрей,

К нам дочка, я сказал, вернулась,
Тебя, дитя, Господь дарит.
Она мне странно улыбнулась:
Смеется иль благодарит?

И так улыбкою лучилась,
Нельзя милей и краше быть,
Что каждый бы почел за милость
Ее беречь, ее любить.

Х у л ь д б р а н д

О, я верю в это от всего сердца.

Ж е н а р ы б а к а

Я тоже, но только если не ждешь от нее помощи по дому. Ну, а кому выпала такая горькая доля — нет... больше я не прибавлю ни слова. Ничего от нее нельзя добиться; у нее вечно проказы на уме.

Р ы б а к

Послушай, мать! может она рождена совсем для другой жизни, чем та, которую должна делить с нами.

Х у л ь д б р а н д

И она никогда не рассказывала вам о своих родителях и откуда она родом?

Р ы б а к

Только очень редко, и получалось что-то несусветное. Она и мать катались однажды на лодке, та недоглядела, и девочка упала в воду. Тут ее подхватила волна и вынесла к нам на берег. Ундиной, твердит она, звали ее родители, и не станет она откликаться ни на

какое другое имя, кроме своего диковинного, хотя я частенько пытался называть ее Дёртхен. Порою она рассказывает, как прекрасна ее родина, но тут уж голова и вовсе кругом идет.

Х у л ь д б р а н д

Продолжайте, продолжайте: вы только доставите мне удовольствие.

Р ы б а к

Там золото — дерёв убранство,
Прозрачен свод хрустальный там,
Темно-пурпурные пространства
И звездный блеск, понятно ль вам?

Ж е н а р ы б а к а

Отец, ну как господину рыцарю понять это? Он-то ведь разумный человек.

Р ы б а к

Конечно. Но все же она, когда хочет рассказать про свою родину, ни о чем другом не говорит.

№ 3. СЦЕНА

Р ы б а к

Раскаты волн, бурунов пенье,
Валов невиданных кипенье.

Х о р в о д я н ы х д у х о в

Они кипят, встают как стены,
Белеют гребни их от пены.
Они то вверх, то вниз стремятся,
Их песни вековечно длятся.

Вместе

Рыбак

Ты слышь гул со всех сторон?

Хор водяных духов

Из озера несется он.

Жена рыбака

Слышишь, старый.

Рыбак

Волн удары.

Рыбак, его жена, Хульдбранд

Воды полны,

Выше волны.

Хор водяных духов

В бой! На сушу рвись скорей.

Берег — наш, засовы сбей

С окон, створок

Словно морок,

Окружаем луг водой.

Хульдбранд

Боже, боже,

Кто поможет

Ей среди стихии злой!

Рыбак

Ах, пропала.

Хульдбранд

Нет, нимало,

Я б спасти ее сумел.

Вместе

Ж е н а р ы б а к а
Смерть найдешь ты,
Пропадешь ты!

Х у л ь д б р а н д
Не пропасть тому, кто смел.

Р ы б а к
Что ж, в дорогу,
Слава богу,
Я — мужчина, я иду.

Вместе

Ж е н а р ы б а к а
Ищешь смерти.

Р ы б а к и Х у л ь д б р а н д
В круговерти
Иль спасу, иль смерть найду.

Ж е н а р ы б а к а
Сил нет боле,
Ах, доколе
Эту смелость мне терпеть.

Вместе

Х о р в о д я н н ы х д у х о в
Эй, вскипайте,
Нагоняйте,
Братья, ужас на людей.

Перемена декораций.

Ночь; дикая местность, в центре на высоком утесе видна Ундина. Бурные лесные потоки низвергаются с утеса, из них выглядывают и снова исчезают дикие животные. Из самого большого водопада, со сторо-

*ны театра выступает высокий мужчина в белой мах-
тии: это — Кюлеборн. Хор водяных духов поднимается
из потоков и начинает петь.*

Х о р в о д я н ы х д у х о в

В яростных брызгах
Кружитесь, кипите,
В пене качайтесь,
В отблесках, бликах.

К ю л е б о р н

Видишь, как в пене
За валом вал встанет.
Все так ли?

У н д и н а

О да!
Пусть ваше пенье
Кружит и дурманит,
Водоворотом
Вейся, вода.

К ю л е б о р н

Волны, качайтесь,
Встаньте же в пене.

Х о р в о д я н ы х д у х о в
В яростных брызгах... и т. д.

У н д и н а

Должен вечно он со мною
Быть на острове вдвоем.

К ю л е б о р н

Ах ты бедное дитя!

Вместе

У н д и н а

Что за жалобы такие.

К ю л е б о р н

Слышишь волн и ветра вой?
Неверны сыны людские
Словно вихрь и вал морской.

У н д и н а

Тихе, старый, тишина!

К ю л е б о р н

Берегись! Берегись!
Волны, качайтесь, так хочет она,

Х о р в о д я н ы х д у х о в

В яростных брызгах... и т. д.

Х у л ь д б р а н д

За волной встает волна!
Слышу зов сквозь рев стихии,
Ты не бойся, я с тобой,

У н д и н а

Чу! Он здесь, чтоб быть со мною,
Так оставь же нас вдвоем,

К ю л е б о р н

Неверны сыны людские
Словно вихрь и вал морской.
Берегись! Берегись!

Вместе

Вместе

Вместе

У н д и н а

Пусть слова угроз пустые
Сгинут словно снег весной,
Тише, тише!

Вместе

К ю л е б о р н

Хочет девчонка — получит сполна,
Кюлеборн и водяные духи исчезают.

У н д и н а

Уж нет преград, закрывших к счастью путь,
И дышит любовью,
Одною любовью грудь.

Появляется Хульдбранд.

Х у л ь д б р а н д

Кто это на крутом утесе?

У н д и н а

Ах, это я.

Х у л ь д б р а н д

Поверить чудному виденью?

У н д и н а

Да, это я.
О милый мой, приди ко мне, я жду!

Х у л ь д б р а н д

Иду!

Подземные духи, извиваясь, вылезают из земли и преграждают ему дорогу.

Хор подземных духов

Назад, назад, назад!

Хульдбранд

К блаженству преграда
Страшилищ отряд.
Чего же вам надо?

Хор подземных духов

Назад, назад, назад!

Хульдбранд

Сбивает с дороги
Страшилищ отряд!

Хор подземных духов

Протянешь здесь ноги!
Назад, назад, назад!

Вместе

Ундина

Молчите, мерзкие уроды!
Вас вместе с силами природы
Собрал старик,
Мой дядя Кюлеборн в преступной злобе,
Не смейте покидать в земной утробе
Своих пещер без спросу, сгиньте вмиг!

Подземные духи исчезают.

Ундина

Преодолей, мой милый,
Поток и будь со мной.

Хульдбранд

Ты прибавляешь силы,
Ундина, ангел мой.

Он взбирается на утес.

Ундина

В счастливом этом месте
Поведать должен мне
Ты о своей невесте
При герцогском дворе.

Хульдбранд

Я счастлив, что мы вместе,
Но не удастся мне
Поведать о невесте
При герцогском дворе.

Ундина

Невесты нет?

Хульдбранд

Вот мой ответ:
О есть, малютка, есть.

Ундина

Где, при дворе?

Хульдбранд

Не при дворе,
Моя невеста здесь!

Ундина и Хульдбранд

Как мил ночной порою
Мне звук твоих речей,

Им вторит лес листвою,
Журчанием — ручей.

Хульдбранд

И как манит.

Ундина

Как ворожит.

Ундина и Хульдбранд

Любимых блеск очей.

Появляется рыбак.

Рыбак

Рыцарь! Это ты? Не мешкай,
Счастье мне верни мое,

Ундина

Мне вернуться — вот насмешка —
В наше тесное жилье,

Рыбак

Ах, вернись, в тоске по милой
Дочке выплачу глаза.

Ундина

Плачь — не плачь, но в дом постылый
Не вернет меня слеза.

Рыбак

Ах, Ундина!

У н д и н а

Как мешал нам
Он, но больше нет препон,
Пусть себе болтает он!

Х у л ь д б р а н д

Ах, седого старика страданья,
Эти горькие рыданья
Сердце жгут больней огня.

У н д и н а

Слушай не его — меня,

Р ы б а к

Что велишь — исполню я,
Ах, не слышишь ты меня,
Р ы б а к и Х у л ь д б р а н д
Ах, вернись, вернись, Ундина!

У н д и н а

О, будь спокоен, весел будь,
Перенеси через поток меня,
Что хочешь ты, того хочу и я!

Хульдбранд переносит Ундины через поток.

Кюлеборн (снова показываясь)

Она совсем сдурела,
Над нами власть имела,
Поверила девица
Пустым словам людей.

Р ы б а к

Не покидай вас боле,
Твоей покорен воле,

Вместе

Что хочешь — все свершится,
Иди ко мне скорей.

У н д и н а

Разумны эти речи,
Не будешь мне перечить,
И счастьем завершится
Чреда моих затей.

Х у л ь д б р а н д

Как можно быть с ней строгим,
Когда за все тревоги
Нам воздаст сторицей
Улыбкою своей.

Вместе

К ю л е б о р н

Она совсем сдурела,
Поверила девица
Пустым словам людей.

Р ы б а к, У н д и н а и Х у л ь д б р а н д

Застыла ночь в молчанье,
Спешим домой сквозь мрак,
Ах, ночь прекрасна так!

К ю л е б о р н

Спешите вы к венчанью,
Безумен этот шаг,
Я рядом, я — ваш враг!

Вместе

День (*Хижина рыбака*).

Ж е н а р ы б а к а

Куда же они запропастились? Ее ведь все равно не найти, а если бы и нашли, она станет еще строптивее, коли заметит, как ее разыскивают. (*Стук в дверь.*) Чу! Это мой муж? Или рыцарь?.. Странно. Ночью порою так страшно открыть, когда стучат. Еще бы! Как знать, что там за дверью. (*Вновь стучат в дверь.*) Это ты, муженек? Ну, господи помилуй и спаси, куда ни шло. (*Открывает дверь. Входит Хайльман.*) Боже милостивый!

Х а й л ь м а н

Да святится имя его. Мое одеяние могло бы вам подсказать, что меня не отпугнут святые слова.

Ж е н а р ы б а к а

Бог мой! Вы ведь не знаете, что за чудеса порою тут творятся. И как это ночью, в бурю вы оказались так неожиданно здесь, на пустынной косе?

Х а й л ь м а н

Волны выбросили меня на ваш берег. Из дальнего монастыря меня послали к нашему епископу; из-за нынешнего наводнения мне пришлось переправляться через разбушевавшийся поток. Вдруг на нас обрушился страшный ураган, и когда оба гребца в челноке гребли изо всех сил, неожиданно из озера поднялся и шагнул к нам весь в белой пене великан — вероятно, это был водяной смерч: челн перевернулся, а я, потеряв сознание, упал в разлившийся поток. Не знаю, спаслись ли гребцы, сам я очнулся здесь, вблизи вашего жилища,

Ж е н а р ы б а к а

О, какое несчастье, достопочтенный господин! Но мы позаботимся о вас,

№ 4. СЦЕНА

(Те же и Ундина, Хульдбранд, рыбак, позже Кюлеборн)

У н д и н а

Ну вот и мы, матушка! Теперь вы можете *(замечая Хайльмана, сразу смиренно склоняется перед ним)*, О, достопочтенный посланец божий! Как же я вас раньше не увидала! Добро пожаловать в нашу бедную хижину! Тысячу раз добро пожаловать! Вот и все, что я, бедная неразумная девушка, могу сказать вам.

Х а й л ь м а н

О прелестное дитя, я не знаю, может ли земное создание сделать это лучше, чем ты.

Р ы б а к

Добро пожаловать в нашу хижину, достопочтенный господин.

Ж е н а р ы б а к а

Благочестивый старец попал к нам, спасаясь от бури. Он чуть было не утонул в разлившемся потоке.

У н д и н а

Как? И о нем так плохо позаботились? Отец и мать, где же вы были? *(Достаёт вино и кушанья, подогревает их на огне, придвигает кресло к огню и усаживает в него патера.)*

Хульдбранд

О, какое заботливое, приветливое гостеприимство!

Жена рыбака

Такой я еще никогда ее не видела,

Рыбак

Вот и хорошо поступает; но дайте-ка и нам подсесть к огню и налей-ка, жена, чего-нибудь. *(Все садятся у очага, жена рыбака и Ундина хозяйничают.)*

Рыбак *(обращаясь к Хайльману)*

Что вы думаете, достопочтенный отец, о наводнении? Оно сегодня так грозно разбушевалось в нашем краю,

Хайльман

Нелегкое это дело, друг мой, настолько постигнуть природу, чтобы осмелиться сказать, чего она хочет. Однако, то, что она может захотеть, в воле божьей, и в этом всегда наилучшее утешение. *(Ундина склоняется в глубоком поклоне.)*

Жена рыбака

Да, да, как нужно сегодня людям такое утешение.

Хайльман

Оно всегда им было нужно, добрая женщина. Если, например, ваш клочок земли навсегда останется островом, и все люди по ту и эту сторону озера будут думать, что вы погибли, и забудут вас совсем...

Жена рыбака

Ах! Да сжалятся господь над нами!

Рыбак

Ничего, жена, нельзя знать! И что тебе из этого?
Мы уже давно живем совсем уединенно.

Хульдбранд

И какое должно быть счастье в таком уединении.
Мне ничего лучшего не надо.

Ундина (*тихо напевает, прильнув к Хульдбранду*)
У нас в дому остался
Тот, в ком вся жизнь моя,

Жена рыбака

Как ты себя ведешь, Ундина!

Хульдбранд

А я не вижу ничего предосудительного в том, что
невеста выказывает любовь к жениху.

Ундина

Ведь правда, дорогой друг?

Хульдбранд

И вообще я хочу покончить со всеми этими придирками и поучениями. Я прошу почтенного патера обручить меня с Ундиной и благословить нас.

(*Ундина бросается в объятия Хульдбранда, рыбак и его жена в изумлении всплескивают руками.*)

Хайльман (*обращаясь к старикам*)

Что скажете, добрые люди? Может быть, это против
вашей воли? Ведь вы родители?

Рыбак

Мы и вправду заменяем родителей, добрый господин. Но быть против помолвки? Нет, ничуть!

Жена рыбака

Просто бывает ведь, что не ожидаешь так скоро какого-нибудь события, хоть оно и по душе тебе. А когда оно вдруг совсем неожиданно наступает, то недолго и растеряться с испуга. Мы согласны и с радостью говорим — да!

Хайльман

А что скажет прелестная девушка?

Ундина (*склоняясь в глубоком поклоне*)

Поступайте по вашему желанию и по воле моего возлюбленного, достопочтенный отец! Правда, не знаю, не омрачит ли благословение тяжелой грозной тучей мое беспечное существование, но ведь будет же солнечный свет; много света. Благословите же нас.

Хульдбранд

Ундина! О чем ты? Ты вся дрожишь.

Ундина

Дай ему благословить нас, любимый. Для меня это воистину благословение.

№ 5. СЕКСТЕТ

Хайльман

Господь, благословение твое
Сегодня призываю я на них,

Храните крепко счастье свое,
Отныне вы, невеста и жених,

Х у л ь д б р а н д

Страхи позабуди,
Свет любви верной
Радостью безмерной
Осветит наш путь.

У н д и н а

Полнит светлый путь
Радостью безмерной,
И любовью верной,
И тревогой грудь!

Р ы б а к

Нас не позабудьте.

Ж е н а р ы б а к а

Бережливы будьте,

Р ы б а к

Счастье вам двоим

Ж е н а р ы б а к а

Он — с тобой, ты — с ним,

В окне показывается Кюлеборн.

К ю л е б о р н

Люди ленивые,
Глупые, лживые,
Веришь ты им,
Тварям таким?

Ундина, Хульдбранд, Хайльман, рыбак и
его жена

Что там в окошке мелькает такое,
Прочь убирайся, виденье ночное.

Хайльман

В какой-то я истоме,
Пора мне, видно, спать.

Рыбак

Пока вы в нашем доме,
Вам — лучшая кровать.

Кюлеборн

Веришь ты им,
Тварям таким?

Ундина и Хульдбранд

Радостью безмерной
Осветит наш путь
Свет любви верной,
Новой жизни путь!

Хайльман, рыбак и его жена

Радостью безмерной
Осветит ваш путь
Свет любви верной,
Новой жизни путь!

Вместе

Рыбак вместе с женою уводят Хайльмана.

Хульдбранд

Моя прелестная невеста, что с тобою? Твой взор
светится любовью, но ты трепещешь, и на лице твоём

смертельная бледность сменяется пламенным румянцем,

У н д и н а

Хульдбранд! Настал торжественный и страшный час. Не называй меня своей невестой, пока не выслушаешь всего, что я скажу. Я верну тебе твое слово.

Х у л ь д б р а н д

Тебя не называть невестой? Ундина?

У н д и н а

Молчи! И сядь там в кресло, а я стану здесь перед тобою. Я должна глядеть тебе прямо в глаза. В них, как в волшебной книге, я прочту свою судьбу: жизнь или смерть. Ах, сладостный друг, пусть это будет жизнь. *(Она усаживает Хульдбранда в кресло и становится перед ним.)* Хульдбранд! В мире кроме людей существуют другие создания, у них такой же облик, как у вас, а иногда еще краше. Их называют духами стихий. Среди них особенно щедро одарены прелестью духи вод. Только одного, ах, только одного недостает бедным духам стихий — души! Душу они могут обрести, лишь получив благословение их любовного союза с человеком. Хульдбранд, милый Хульдбранд, у меня есть теперь, есть душа.

Х у л ь д б р а н д

Ундина, что с тобою? Ты грезишь, Ундина?

У н д и н а

Да-да, Ундина! Ундинами зовутся водяные девы. Ты обручился с ундиной, прекрасный юноша.

Хульдбранд

У меня голова идет кругом.

Ундина

Ах! не бойся быть со мною. Мои родители пожелали, чтобы я обрела душу и после смерти не превратилась бы в брызги волн и пены, как другие ундины, не имеющие души. Правда, они знали, что часто душа страдает, ах, я это чувствую сейчас так глубоко — и все же они послали меня к людям. Мой дядя Кюлеборн был против. Это необыкновенный ручей, который течет здесь в лесном уединении. Ему пришлось все же принести меня сюда на берег. Я поняла, что он же вынес своей волной на берег и патера, чтобы тот нас благословил. И вот у меня есть душа. Но если ты меня страшишься, я уйду обратно в воды, как бы ни скорбела моя душа. Кюлеборн отнесет меня обратно на родину, в подводные хрустальные дворцы, или я скользну сама в поток, и буду плакать пока не выплачу глаза и у меня не разобьется сердце.

№ 6, ФИНАЛ

Хульдбранд

Не покину,
Будь моей!
Верен я любви своей.

Ундина

Лучше сгину,
Чем причиной
Стану гибели твоей.

Х у л ь д б р а н д

Прочь преграды,
Будь моей.

У н д и н а

Ты отрада,
Ты услада
Тайной думы был моей.

Вместе

Х у л ь д б р а н д

Верен я любви своей,
Вечно буду верен ей,
Вечно будешь ты моей.

Вместе

У н д и н а

Вечно буду я твоей,
Верен будь любви своей.
Только ты слово держи свое свято,
Смерть за измену будет расплатой,

Х у л ь д б р а н д

Слово сдержу, а не станет любви,
Смерть, словно милость, ко мне призови.

У н д и н а

Клятвы причиной гибели станут.

Х у л ь д б р а н д

Гибель как дар я приму от тебя.

У н д и н а

Петли ужасные жизнь твою стянут.

Хульдбранд

Свяжут навеки меня и тебя,

Ундина

Кто слова своего
Не сдержит, ждет его,
О горе...

Хульдбранд

Что, Ундина?

Ундина

Страшусь сказать...

Хульдбранд

Кончина!

Ундина

Мне преступить закон
Не должно сметь,
Изменник осужден...

Хульдбранд

На смерть,

Ундина

Да, на смерть,

Хульдбранд

О, сохраню вовеки
Я верную любовь,

Ундина

Я счастлива навеки,
Страх не вернется вновь,

Вместе

У н д и н а и Х у л ь д б р а н д

И верностью навеки
Мы сохраним любовь,
Блаженную любовь.

Рыбак, его жена и Хайльман возвращаются.

Р ы б а к и е г о ж е н а

Просохла лесная тропа, слава богу,
На озере тихо, поток замолчал.

Х а й л ь м а н

Пора вам со мною пуститься в дорогу,
Чтоб в церкви господней я вас обвенчал.

У н д и н а и Х у л ь д б р а н д

Мы радостно пустимся в эту дорогу,
Чтоб в церкви господней он нас обвенчал.

Р ы б а к

Ах, мука,

Ж е н а р ы б а к а

Разлука

Р ы б а к и е г о ж е н а

Нам, дочка, с тобой.

Х у л ь д б р а н д и У н д и н а

Наверно мы скоро
Вернемся домой.

Х а й л ь м а н

Как счастливы оба
Любовью такой,

Вместе

Ундина, Хульдбранд и Хайльман

Прощайте, родные,
Вернемся скоро к вам.

Рыбак и его жена

Езжайте, родные,
Скорей вернитесь к нам.

Вместе

Появляется Кюлеборн.

Кюлеборн

Окажите мне услугу,
Взяв сквозь ведьмин лес с собой,
Видно, знаете округу,
Сам я в чащу — ни ногой.

Хайльман

Здесь ты, и всю округу
Знаешь как никто другой.

Ундина

Не шуми, прошу как друга,
Иль поссоримся с тобой.

Кюлеборн

Что ж, услугу за услугу,
Не нарушу ваш покой.

Рыбак, его жена, Хульдбранд и Хайльман

Попутчик мне ужасен,
Но лучше промолчу,
Я день, что так прекрасен,
Испортить не хочу.

Ундина и Хульдбранд

Как бы опасность ни грозила,
Нас охранит любви сила,
И не уступим мы врагу.

Хайльман

Как бы опасность ни грозила,
Святой любви спасет вас сила,
И вас не одолеть врагу.

Рыбак и его жена

Что ж, в путь, как бы опасность
ни грозила,
Вас охранит любви сила,
И вас не одолеть врагу.

Вместе

Кюлеборн

Мне ваша болтовня грозила,
Но что сильнее, чем духов
Я, дерзких, вас подстерегу.

Конец I акта,

II АКТ

№ 7. ИНТРОДУКЦИЯ

Большая, окаймленная деревьями площадь в имперском городе, в центре ее — красивый колодец. Ундина и Бергальда прогуливаются.

Бергальда

Вечер, небо ясно,
Веет ветерок,
И с листком согласно
Шепчется листок,

У н д и н а

Бег слежу я взглядом
В небе тучек двух,
Мчит их ветер рядом
Легкие как пух.

Б е р т а л ь д а и У н д и н а

Так и нас с тобою
Нашей жизни бег,
Как сестру с сестрою,
Съединит навек.

У н д и н а

Да, милая Бертальда, ты права. Именно то же чувствую и я, с тех пор как мы так нежно полюбили друг друга. Даже на моего дорогого супруга, моего любимого Хульдбранда я гляжу теперь, когда ты с нами, с еще большей любовью.

Б е р т а л ь д а

Да и мне стало легче на душе, сердце мое ожило, едва вы оба вернулись из заколдованного леса,

У н д и н а

О, я верю, потому что.., только не сердись на меня. Ты все же поступила тогда немного легкомысленно, послав Хульдбранда в этот лес,

Б е р т а л ь д а

О, прошу тебя, оставь, не будем об этом говорить (закрывает глаза рукой).

У н д и н а

Ах, боже упаси, дорогая Бертальда! Если этот разговор причиняет тебе боль — конечно, я не буду боль-

ше об этом говорить. Давай останемся навсегда любящими сестрами.

Б е р т а л ь д а

Охотно!

У н д и н а

Меж нами существует, должно быть, глубокая таинственная связь, и притом с младенческих лет, раз мы так искренне полюбили друг друга.

Б е р т а л ь д а

Должно быть так! Уж хотя бы потому, что мы обе найденыши.

У н д и н а

Ты совсем ничего не знаешь о своих родителях?

Б е р т а л ь д а

Ничего. Однажды утром, во время верховой прогулки, герцог, мой приемный отец нашел меня, малое дитя на лугу. Вот все, что я знаю. Ах, если бы кто-нибудь принес мне весть о моих настоящих родителях! Ведь я всегда так одинока, как тростинка на ветру, и буду еще более одинокой, когда расстанусь с тобою.

У н д и н а

Этого не будет. Ты поедешь с нами в замок Рингштеттен. Знай, что Хульдбранду ты очень по душе, а твои приёмные родители, конечно, дадут свое согласие.

Б е р т а л ь д а

О боже! Если б это могло получиться!

У н д и н а

А почему бы и нет! Не надо только представлять себе все таким невозможным.

№ 8. СЦЕНА

Из колодца медленно вылезает Кюлеборн.

Б е р т а л ь д а *(говорит под музыку)*

Что это? Кто этот странный человек?

У н д и н а *(говорит под музыку)*

Не тревожься, милая Бергальда! Уж я-то его знаю, он не причинит тебе зла!

К ю л е б о р н

Унди́на, подожди!

У н д и н а

Я подойду, но, водяной гляди,
Расправлюсь я
С тобой, попробуй только тронь дитя.

Б е р т а л ь д а

Кто это там? Смущен мой разум,
Я трепещу,
И смысла я ищу,
И не постигну разом,
Что тот, кто у колодезя стоит,
Пришел, покинув воды,
Из мира, что от нас сокрыт,
Из мест, где духи водят хороводы,

И где металлом
Звенит, столкнувшись с валом,
Могучий вал!
Меня же мой ответ
И напугал.
Пришлец иль нет
Он к нам со дна?

У н д и н а

Ха-ха-ха-ха.

Б е р т а л ь д а

О горе мне.

У н д и н а

Ха-ха-ха-ха, Гони тоску,
Гони тоску.

К ю л е б о р н

Верь старику,
Ундина, берегись!
Будь начеку,
Ундина, берегись!

Недовольный Кюлеборн исчезает в колодце.

Б е р т а л ь д а

Ундина, что за странности происходили тут? Мне кажется, что все это привиделось во сне. Вдруг из колодца поднялся какой-то человек, отозвал тебя в сторону. Он, должно быть, чистит колодцы? Что ему было нужно от тебя, Ундина?

У н д и н а (смеясь)

Ах дорогая Бертальда, не думай о нем. Это — глупое неотесанное создание. Он хотел было наболтать мне всяких неприятных вещей, и при этом у него нечаянно сорвалась с языка весть, воистину бесценная весть! Ах, дорогая, если б только ты знала! Ах, теперь мы совершенно счастливы.

Б е р т а л ь д а

Скажи мне все сейчас же, милая чудесная подруга, что это за весть?

У н д и н а

Нет обожди, это должно стать настоящим праздником. О, как ты обрадуешься. Ведь сегодня твои именины — я пригласила к нам твоих приемных родителей и будет еще много, очень много веселых гостей. Скоро ты все узнаешь! Пойдем, дорогая Бертальда.

Б е р т а л ь д а

Я как во сне. (Они уходят, взявшись за руки и напевая.)

№ 9. ИНТРОДУКЦИЯ

Б е р т а л ь д а и У н д и н а

Липы молодые
Шелестят листвою
Скоро сны златые
Сменит день златой.

Перемена декораций.

*Маленькая горница в покоях рыцаря Хульдбранда.
Рыбак и его жена.*

Рыбак

Ну вот, мы здесь! Нас прямо-таки насильно привезли с нашей косы в этот город, и теперь мне страшно, что здесь нас ждет.

Жена рыбака

Вот, точно так и у меня на душе, отец. Но кто же может отказать нашей дорогой Ундине.

Рыбак

Прежде ты бывало не так ласково с ней говорила.

Жена рыбака

Видит бог, как она стала мне дорога в последние мгновения перед отъездом. Как будто с благословением священника в ней вспыхнуло и засияло что-то совсем новое, такое прекрасное и вместе с тем милое и доверчивое. И вот... ах ей угрожает наверняка опасность,

Рыбак

Я и сам боюсь того же. Неспроста же на берегу озера завелась вся эта нечисть.

Жена рыбака

А мои сны, отец, мои сны!

Рыбак

Гляди-ка, вот и она сама идет, чтобы нас встретить. О милое приветливое создание. Видел ли кто-нибудь существо прелестнее, чем она?

(Те же и Ундина.)

У н д и н а

Ах, вы пришли как раз вовремя. Добро пожаловать! Еще раз добро пожаловать!

Ж е н а р ы б а к а

Ах, какая ты красавица, Ундина!

Р ы б а к

Мы благодарим вас, прелестная госпожа, за ваш сердечный прием. А вот вовремя ли мы пришли, в этом я не уверен. По крайней мере ваш слуга сказал нам, что у вас большой праздничный пир, а тут вас позвали, чтобы встретить нас, простых бедных людей. Это совсем некстати!

Ж е н а р ы б а к а

Некстати?! Право же, отец, все-таки кстати. Ведь мы были и остались ее приемными родителями.

У н д и н а

Это очень кстати, дорогие мои, более того, это прекрасно. Пойдемте со мною и обождите недолго у входа в зал. Я приготовила вам замечательный подарок.

Р ы б а к

Самый лучший подарок для нас твое счастье, Ундина. Но мне показалось, что твои ясные глаза затуманились как от капель росы. Ах!

№ 10. АРИЯ

У н д и н а

Ах, счастье, кто ж твоим обманам
Не доверял,

Носил меня по океанам
Могучий вал,
Меня волна, резвясь, качала,
И глубина
Сокрыв, вновь к свету возвращала
От ночи дна.
Любовь всевластна над Ундиной,
Влечет ко дну,
По волнам мчалась над пучиной,
Теперь тону.
Я чувствую, грядут напасти,
Спасенья нет,
И все ж. пока мне блещет счастье
Как солнца свет.

Перемена декораций.

Большой роскошный зал; богато накрытый стол. Во главе стола сидит Бертальда, с одной стороны от нее — Хульдбранд, с другой — место Ундины. Герцогиня сидит рядом с Хульдбрандом, герцог — рядом с Ундиной, далее — множество рыцарей и дам. Звучит застольная музыка. Пока поет хор, входит Ундина с Рыбаком и его женой и, сделав им знак, по которому они остаются у дверей, садится на свое место.

№ 11. ХОР

Хор

Флейта и арфа, слух наш ласкают,
Скрипки и лютни слышится глас,
Музыка звуки в узоры сплетает,
Песни веселые радуют нас.

Входит Ундина.

Герцог

Гляди! Вошла сюда, и вот,
Как будто осветился весь покой,

Бертальда

О, что она мне принесет,
Тревогой грудь теснится и тоской.

Хор

Флейта и арфа слух наш ласкают... и т. д.

Герцог

Умолкни, музыка, на время,
Красавица, нам песню спой, прошу!

Ундина

Охотно, государь, и скину бремя
Предчувствий, что давно в душе ношу.

Поет.

Утро так ясно,
Ярки цветы,
Пышны душистые травы
Над озера шумного берегом!
Что это в травах
Блещет светло?
Цвет ли чудесный ниспослан вдруг
Небом на этот счастливый луг?
Это малое дитя
Забавляется цветами
В золотом зари сияньи.
Ах, откуда ты? Откуда?
От неведомых прибрежий
Принесла тебя волна.

Малютка, тянешь ручки тщетно,
Ничьей руки не встретишь ты,
Лишь равнодушно, безответно
Вокруг колышатся цветы.
Ничто их в мире не тревожит,
Удел цветов — благоухать,
И блеск их заменить не сможет
Тебе заботливую мать.
Всего лишившись без возврата,
Что лучшего есть в жизни сей,
Дитя, не ведаешь утраты
Душой младенческой своей.
Вот славный герцог скачет в поле,
Коня сдержал, склонился, вот
Тебя взрастить для славной доли
В свой замок родовой берет.
Пускай ты в роскоши и в неге
Росла, пусть блещешь красотой,
Осталось счастье на берегу,
Увы, не знаемом тобой.

Герцог

О да, все так и было,
Когда нашел Бертальду среди трав.

Герцогиня

И сердце не забыло,
Как наполнилось оно,
Заботу сладкую узнав,
Все это было так давно,
Права Ундина, что ни говори,
И то, что может дать
Тебе, дитя, родная мать,
Мы дать, увы, паверно, не смогли.

У н д и н а

Судьба сиротки вас волнует,
Тогда послушайте о том,
Как мать рыдает и тоскует
На бреге дальнем и глухом.

Поет.

Распахнувши двери комнат,
Все перевернув вверх дном,
Мать уже себя не помнит,
Вновь пустой обходит дом.
И в дому отца объемлет
Холод смертной тишины,
Он не смех дитяти внемлет,
А рыдания жены.

Б е р т а л ь д а

Ундина, ждате нет мочи,
Скажи скорей!
Быть может чьи-то очи
Уже следят за дочерью своей!
Счастливым день! Исчез из сердца страх,
Из благородных дам какую,
Я обниму сейчас как мать родную?

У н д и н а

Вот мать, а вот отец твой.

Б е р т а л ь д а

Ах!

У н д и н а

Они, они.

Рыбак и его жена

Гляди-ка ты, гордячка
Не хочет нас обнять.

Вместе

Бертальда

Вы в самом деле,
В своем уме ли?
Обнять? Я ваша дочь?
Подите прочь!

Жена рыбака

Видеть мне страшно мое порожденье,

Ундина

Боже, все люди ужель таковы.

Рыбак и его жена

То родная дочь, увы.

Вместе

Бертальда

Что же, дворянка родилась рыбачкой!

Ундина

Люди, очнитесь,
Это их дочка,

Рыбак и его жена

Ужасная дочь.

Ундина

Вот мать и отец.

Бертальда

Постылые, прочь!

У н д и н а

Бертальда, есть ли душа у тебя!

Б е р т а л ь д а

Что за безумье,
Постылые, прочь!

Р ы б а к и е г о ж е н а

Ужас в душе
Не превозмочь.

Х о р

Мы все теперь в смущенье,
Как нам найти решенье.

Х у л ь д б р а н д

Твоим вестям, Ундина,
Она совсем не рада.

У н д и п а

Меня бранить не надо!

Х о р

Мы все теперь в смущеньи... и т. д.

Вместе

Х у л ь д б р а н д

Ундина!

Х о р

Загадку эту разом
Решить не может разум,
Кто прав не в силах право
Судить мы, право.

У н д и н а

Ах, успокойтесь, вас прошу!
Смутили праздник мой
Вы яростью слепой.
Поди пойми,
Как жить с людьми,
Что я от вас сношу!
Послушайте, прошу,
Нет лжи в словах моих, они
Правдивы были искони.
Она их дочь, могу я доказать,
Но лучше клятву в этом дам теперь!

Б е р т а л ь д а

Хвастунья, чем ты можешь доказать!

У н д и н а

Бертальда, ах, мне жаль тебя, поверь!

Б е р т а л ь д а

Нет, докажи!

У н д и н а

Достаточно, поверь,
И клятв моих.

Б е р т а л ь д а

Поведал кто тебе?

У н д и н а

Тот, кто тебя из дома
Сюда принес сквозь шторм и ночь.

Б е р т а л ь д а

Ты, ведьма, с черной магией знакома,
Бегите, люди, прочь!

У н д и н а

Ужели я как ведьма выгляжу точь-в-точь?

Б е р т а л ь д а

Бежим, бежим.

Г е р ц о г

Молю, храни нас Боже.
Свет истины, да будет так,
Пусть нам преодолеть поможет
Сомнений наших мрак.

Ж е н а р ы б а к а

Ах, герцогиня, добротой бездонной
Исполнены вы в этот страшный час,
Я сердце вам как пред мадонной
Хочу излить сейчас.
И если эта злючка наша дочь,
Увы, на самом деле,
Должны найти вам истину помочь
Две родинки фиалковых на теле.

Г е р ц о г и н я

О да, все это так!
Права Ундина, как ни больно.

Г е р ц о г

Бертальда, этого довольно,
Ступай за ними, твой отец — рыбак!

Герцог, Бертальда, рыбак и его жена уходят.

Хор

Мы расходимся в печали,
Замолчали,
И в умах
Лишь смятение и страх.

Ундина

Милый мой, не хмурься, право,
Грустно мне уже и так!
Я, русалка, ваши нравы
Не могу понять никак.

Хульдбранд

Милая моя Ундина,
Не сержуся я ничуть,
Через горы и долины
Завтра рано утром — в путь!

Ундина

Милый мой, не хмурься, право...

и т. д.

Хор

Мы расходимся в печали... и т. д.

Вместе

№ 12. АРИЯ И ХОР

Перемена декораций

*Низкорослый, темный лес. Появляется Кюлеборн; во-
круг него со всех сторон мелькают водяные души.*

Кюлеборн

Родня, настали сроки,
Все сколько ни на есть,
Пороги и потоки,

Ключи, ручьи,
Ужасны и жестоки,
Вставайте все на месть.

Хор водяных духов

Вождь, изволь повелевать,
Все исполнит наша рать.

Кюлеборн

Погибнет рыцарь, завлечен в пучину,
За то, что отвратил от нас Ундиону.
Поглядывает он к тому же
На рыбака дрянную дочь,
Любезничать он с ней не прочь,
Объединимся, братья, дружно,
Нам погубить их разом нужно,
Не сможет им никто помочь.

Хор водяных духов

Вождь, изволь повелевать,
Отомстит им наша рать.

Кюлеборн

Подъедет к замку вскоре,
И мы в вечерний час
Примчим туда ему на горе,
Он не уйдет от нас!
И там, где ключ в саду струится,
Нам надо будет притаиться.
Как только обнаружится измена.
Так наша месть обрушится мгновенно!

Исчезает.

Хор водяных духов

Вождь, изволь повелевать,
В бой веди ты нашу рать.

Исчезают.

Входит Бертальда.

Бертальда

О боже! Что со мною будет? Мрачно и жутко шумит лес, ручьи, как крадущиеся звери со зловещим рокотом пробираются меж деревьев. А я отвергнута и одинока. О горе, горе мне! Неужели никто не сжадется надо мною? Ах, Хульдбранд, какое несчастье ты на меня навлек. Твое учтивое ухаживание на турнире — оно вскружило мне голову. Хоть бы умереть.
(Падает без чувств. Появляется Хульдбранд.)

Хульдбранд

Еще раз, еще раз, милый жалобный голос, дай услышать тебя! Кто бы ты ни была, твой рыцарь, твой спаситель близко.

Бертальда *(тихо)*

О горе мне! Горе!

Хульдбранд

Не оттуда ли из-за ветвей доносится шепот? *(Подходя ближе.)* Боже мой! Благородная Бертальда, это вы?

Бертальда

Благородная Бертальда? Так вы хотите еще и посмеяться над дочерью бедного рыбака? Ах, рыцарь Хульдбранд, уж вам-то не следовало бы так поступать.

Хульдбранд

Пусть князья и рыцари в сраженьи или на турнире посмеются надо мною, если я думал смеяться над вами, прекрасная Бертальда. Но скажите же мне, бога ради, как оказались вы в этом глухом лесу?

Бертальда

Так знайте же. Рассерженная неожиданным раскрытием тайны моего рождения, я прогневала безрассудными речами герцога и герцогиню, моих приемных родителей. Они отвергли меня и велели мне вернуться к рыбаку и его жене; но и те не захотели взять меня с собой. Они сказали: если ты испытываешь искреннее раскаяние и любовь к нам, докажи это; отправься к нам совсем одна через огромный дремучий лес. Я попыталась сделать это, но страх и усталость сломили меня, и я прошу Вас, оставьте меня одну, чтобы я могла тихо и покорно умереть. Ах! Как изменилась моя судьба,

Хульдбранд

Именно поэтому, дорогая Бертальда, поверьте, она может еще раз измениться. Послушайте! Увидина и я держим путь в замок Рингштеттен. Я удалился от своей свиты, услышав ваши жалобные стоны. Поедемте с нами, Вы находитесь под моей защитой.

Бертальда

Мне так страшно, так жутко, как будто что-то запрещает следовать за вами,

Хульдбранд

Ну и пусть себе запрещает, Не слушайся никого, кроме меня, и пойдём!

№ 13. ДУЭТ

Б е р т а л ь д а

Увы, мне жутко!

Х у л ь д б р а н д

Смелей, малютка.
Остер мой меч, тверда рука,

Б е р т а л ь д а

Свет солнца тмится.

Х у л ь д б р а н д

Сквозь мрак пробиться
Сумеет ясный блеск клинка.

Б е р т а л ь д а

Какое счастье,
Что от ненастья
Защитой служит рыцарь мой.

Х у л ь д б р а н д

Что буря злая,
Ведь за тебя я
Мир вызвать весь готов на бой.

Б е р т а л ь д а

Враждебны воды.

Х у л ь д б р а н д

Злых сил природы
Я не боюсь на пути,

Бер т а л ь д а

Защитник милый.

Х у л ь д б р а н д

Прочь, страх постылый.

Б е р т а л ь д а

Готова за тобой идти.

Х у л ь д б р а н д

За мной, дитя.

Х у л ь д б р а н д и Б е р т а л ь д а

Пусть кружит вихрь зловеще,

Вздымая прах столбом,

Но честь и верность блещут

На гербе родовом.

Уходят.

(Перемена декораций. Пустынный берег реки).

Появляется Ундина со свитою дам и пажей,

У н д и н а

Остановитесь здесь. Ни шагу дальше, пока наш благородный господин не возвратится.

П а ж

Благородная госпожа! Не тревожьтесь о таком рыцаре, как господин Хульдбранд фон Рингштеттен. Вы можете по-прежнему продолжать вашу прогулку по этой тропе. Тем временем подъедут повозки и кареты и там, где мы встретимся с ними, окажется, конечно, и наш рыцарь.

У н д и н а

Нет, молчите! Я умираю от тревоги за него. Вот здесь мы будем ждать, пока он не выйдет из густой

чащи. Если с ним что-нибудь случится, то мы скорее сможем прийти ему на помощь.

(Все располагаются на берегу реки.)

П а ж

На помощь! В помощи наш рыцарь обычно не нуждается. Тот, кто видел его в битве или на турнире, легко мог в этом убедиться.

Д а м а

Гляди-ка. Вот и он во всем своем великолепии, а об руку с ним прекрасная дама.

У н д и н а

Слава богу! Ах, та, кого он ведет, это же моя милая бедная Бергальда *(Хульдбранд и Бергальда подходят)*.

Х у л ь д б р а н д

Дорогая Ундина! Вот я привел тебе подругу, которая поедет с нами в замок Рингштеттен. Надеюсь, ты рада?

У н д и н а

Рада ли я? Ах, дорогая Бергальда, не сердись больше на меня за мой неуместный поступок на твоих именинах. Право же, я не думала ничего дурного; но я не солгала тогда и никогда не лгала.

Б е р г а л ь д а

Если бы ты смогла простить мне резкие и грубые речи, добрая Ундина. *(Они обнимаются. По знаку рыцаря один из свиты приносит ему ларчик с драгоценностями.)*

Хульдбранд

Прекраснейшая госпожа, примите от меня вот это и докажите тем самым, что не пренебрегаете моей верной рыцарской службой,

Бертальда

О какой щедрый и прекрасный подарок! Как сверкают эти камни.

Хульдбранд

А вы не хотели бы надеть это ожерелье? Правда, оно, быть может, того не заслуживает.

Бертальда

Дорогой друг, ожерелье слишком прекрасно для меня. Но я как дитя, мне хочется еще немного поиграть с ним и полюбоваться, как оно сверкает в лучах солнца.

Ундина

Как весело всем нам, как радостно. Мы отдохнем здесь в прохладе, около светлых вод, и будем плясать и играть, делать все, что придет нам на ум. Иди, Хульдбранд, и садись между мною и Бертальдой.

№ 14. ФИНАЛ

Хор

Тени прохладны,
Доли отрадны,
Струи упруги
И зелен покос.
Праздник встречайте,
Други, подруги,

Кудри венчайте
Венками из роз.

Б е р т а л ь д а

Нет ничего, клянусь,
Прекрасней этих бус
Из камня-самоцвета.
Их подарил мой друг,
Глядите, чудо это,
От солнечного света
В них пламя вспыхивает вдруг.

Она держит ожерелье над волнами. Огромная рука высовывается из воды и вырывает у нее украшение.

Б е р т а л ь д а

О горе мне!

Х у л ь д б р а н д

Коварная вода!

Б е р т а л ь д а

Украден камень благородный.
Увы, увы!

Х у л ь д б р а н д

Народ подводный,
Обман твой подлый и негодный
Сейчас нас заманил сюда!
И ты из них!

У н д и н а

Любимый мой,
О, не бранись, прошу, на глади вод,

Или меня изгнание ждет,
Нас разлучат с тобой.
И чтоб со мною ты сумел
Заговорить без злобы снова,
Твой гнев, что как волна вскипел,
Сейчас мое излечит слово.
Ну-ка, быстро, вал могучий,
Дорогой верни залог,
Не найдешь, обшарь поток,
Чтобы дар пучины лучший
Ты примчать в замену смог,

Милосвидный мальчик подымается из волн и преподносит Ундине коралловое ожерелье.

Х о р

Откуда, паж кудрявый,
Несет тебя волна?
Ужели, боже правый,
Ты сын речного дна?

Мальчик исчезает в воде.

У н д и н а

Спасибо, паж! Прими, Бергальда, дар!

Б е р т а л ь д а

Он сердцу не смягчит удар.
И сердце, нет, не радо,
Ничто не мило мне,
Искать замен не надо
Ни в чаще, ни на дне.

Х у л ь д б р а н д

Нам головы морочишь
Злокозненной волшбой!

Дождаться, фея, хочешь
Расправы над собой.

*Он вырывает украшение из рук Ундины и швыряет его
в поток.*

У н д и н а

О, не брани меня на водах,

Х у л ь д б р а н д

Буду.

У н д и н а

О, не брани.

Х у л ь д б р а н д

И в гневе не забуду.

Тебя проклясть, колдунья.

Над волнами подымается облако тумана.

У н д и н а

Ты слов моих не побоялся,
Теперь пришел всему конец,
Не ты ль в любви вечной клялся,
И сам над нею насмеялся,
Должна вернуться в свой дворец,

Х у л ь д б р а н д

Прости меня и будь со мною,
Себя не помнил в гневе я.

У н д и н а

Увы! Под крышей водяною,
Как за тюремною стеною,
Пройдет в рыданиях жизнь моя.

Душа твоя хранит пускай
Мне верность, и другой не знай
Любви, не дай увлечь
Ты сердце в круговерть,
Не дай себя обречь.

Х у л ь д б р а н д

На смерть, на смерть!

У н д и н а

На смерть!
Но если даст душе покой
Неверность лишь, навек закрой
В саду источник старый,
Вмуруй мою печать,
Бессильны будут чары,
Тогда люби опять,

Х у л ь д б р а н д

Не быть тебе со мною?

У н д и н а

О нет, любимый, нет!

Унесена

(Ундина исчезает в тумане)

волною,
Ты слов моих не побоялся!

Х у л ь д б р а н д

Увы, я гибели дождался.

Над водой, угрожая, появляется Кюлеборн.

К ю л е б о р н

Теперь во власти ты моей!

Б е р т а л ь д а

Увы, затмился свет очей.

Х у л ь д б р а н д

Зачем в сраженьях жив остался,
Зачем не сгинул средь мечей!

Х о р

Ее от нас волна умчала,
Спешим в тоске домой, к причалу.
Не свидеться нам больше с ней.

Вместе

III АКТ

№ 15. ИНТРОДУКЦИЯ

Покой в замке Рингштеттен.

№ 16. РЕЧИТАТИВ И АРИЯ

Б е р т а л ь д а

Как жутко, тяжело давит замка свод,
Как стен его угрюм и мрачен вид,
И слышу я дразнящий лепет вод,
Ах, он меня страшит.
И здесь любви не поселиться вновь,
Увы, лишь сон и дружба и любовь.
В сей юдоли,
Здесь, на сумрачной земле
Лишь видения оне,
Лишь видения, не боле.
Все же веришь поневоле,
Счастья ждешь в грядущем дне.
Как бы духи не пугали,
Раз моим любимым стал,

Страхи ночи миновали,
Вечный день любви настал,

Б е р т а л ь д а

Что с вами, дорогой рыцарь? Ваша душа все еще окутана туманной завесой того страшного дня?

Х у л ь д б р а н д

О, да, Бертальда! о да! Но ведь должна же она развестись? Ведь это было всего лишь наваждение?

Б е р т а л ь д а

И я так думаю!

Х у л ь д б р а н д

И вот, я чувствую себя как тот, кто пробудился ото сна. У меня в ушах все еще раздается жалобный плач, в глазах моих все еще стоят пролитые тогда слезы. Резким холодом обдает меня утренний воздух.

Б е р т а л ь д а

Резким холодом? Ах, дорогой рыцарь!

Х у л ь д б р а н д

Это не о тебе, Бертальда. Ведь только в твоей любви я найду впредь единственное утешение.

№ 17. ТРИО

Б е р т а л ь д а

Ужель ты у любви во власти?

Х у л ь д б р а н д

Нет никого тебя милей.

Б е р т а л ь д а

Сердца в одной сжигаем страсти,
Любимый мой, мое ты счастье,
И никого мне нет милей.

Х у л ь д б р а н д

Любимая, мое ты счастье,
И никого мне нет милей.

Вместе

Раздается голос Кюлеборна.

К ю л е б о р н

Близки вы к гибели своей.

Б е р т а л ь д а

О этот голос как из ада.

Х у л ь д б р а н д

Я обниму тебя любя.

Б е р т а л ь д а

Своей судьбе счастливой рада.

К ю л е б о р н

Не радость, горе ждет тебя.

Б е р т а л ь д а

О ужас!

Х у л ь д б р а н д

Кобольд, прочь отсюда!
Зачем смущаешь наш покой!

К ю л е б о р н

Ты не ищи жены, покуда
Жене принадлежишь другой.

Б е р т а л ь д а

Он тащит прочь со страшной силой,
Я трепещу!

Х у л ь д б р а н д

Не уходи!
Со мной не справится он силой.

Б е р т а л ь д а

Как твой сияет взор, мой милый,
Укроюсь на твоей груди.

Х у л ь д б р а н д

Как взор сияет девы милой,
Укройся на моей груди.

Раздается голос Кюлеборна.

К ю л е б о р н

Вам поцелуй грозит могилой,
И ждет вас гибель впереди.

Бертальда уходит.

Х у л ь д б р а н д (*говорит под музыку*)

Что со мной будет? Любовь обманчиво манит меня
вдаль над землей, и любовь же в тоске протягивает
мне мертвенные руки из-под земли. Ах, та, подзем-
ная, — она-то и есть настоящая! Порой сквозь плеск
воды так явственно звучит ее голос. Довольно! —

Вместе

Прочь, виденья! Бертальда — вот моя настоящая невеста, все остальное — только наваждение!

Появляется Хайльман.

Хульдбранд

Кого я вижу? Это вы, благочестивый отец?

Хайльман

Да, дорогой господин,— это я. Направляясь в Рим, я проходил мимо и подумал: наконец, ты увидишь, как счастливы те двое, кого ты связал узами вечной верности. Но, увы, мой благородный рыцарь! Вы не выглядите счастливым.

Хульдбранд

Так обычно бывает в жизни, благочестивый отец. Все только сон и суета.

Хайльман

Да хранит вас господь. Я уверен, что Ундина думает иначе.

Хульдбранд

Ундина? — Вы действительно, воистину верите в это?

Хайльман

Я вас не понимаю.

Хульдбранд

Та, с которой вы меня тогда обвенчали, дорогой друг, была на самом деле русалкой и уже вновь растворилась в волнах и пене.

Х а й л ь м а н

Вы сами себя обманываете. Это была прелестная, благочестивая женщина. То, что она ведет свой род от духов водной стихии, она сама доверчиво открыла мне после свадьбы,

Х у л ь д б р а н д

Вот, видите? То был всего лишь призрак. Я, правда, любил ее со всей страстью пылкого сердца, да и теперь еще люблю ее в своих снах — не смейтесь надо мной. Но теперь я обручился с воистину земным созданием, с прекрасной Бертальдой,

Х а й л ь м а н

Но вы не нарушите супружеской верности.

Х у л ь д б р а н д

Супружеская верность призраку!

№ 18. ДУЭТ

Х а й л ь м а н

Будь верен слову своему,
Не лги душой и телом,

Х у л ь д б р а н д

Кто раз один солгал, тому
Горючий стыд уделом,

Х а й л ь м а н

Ужель ты не сберег в душе
Воспоминаний милых,

Х у л ь д б р а н д

Ни сил, ни младости уже,
Давно и след простыл их.

Х а й л ь м а н

Увы, ты бледен стал на вид.
Злосчастная година!

Х у л ь д б р а н д

В душе как колокол звенит:
Ундина, ах, Ундина.

Х а й л ь м а н

Вернись.

Х у л ь д б р а н д

С дороги не свернет,
Кто все решил однажды.

Х а й л ь м а н

Ну что ж, сам сеет, сам и жнет
Свою судьбину каждый.

СЦЕНА 3

Появляются герцог и герцогиня в сопровождении свиты. Рядом с ними — Бертальда.

№ 19. ХОР

Х о р

Время и место
Поздравить нам их,
Славься, невеста,
Будь славен, жених.

Хульдбранд

О мой высокочтимый князь, какая честь. Какой блеск придает моему замку ваше посещение и также ваше, благородная госпожа, заменившая мать моей невесте.

Герцог

Дорогой рыцарь, похоже будто радостное просветление, о котором вы говорите, необходимо всем нам.

Хульдбранд

Вам тоже так кажется? Да, действительно, с некоторых пор жизнь стала такой тусклой.

Герцогиня

Вы хотите сказать — с тех пор, как исчезла Ундина. Я почти не знала это удивительное дитя, и все же мне так недостает ее.

Хульдбранд

Бог мой! Нужно начать новую жизнь, иначе прошлое изведет тебя на смерть. И ваш приезд в наш замок вливает в меня силы. Прочь, все печальные воспоминания!

Герцог

Пусть будет так! Давайте веселиться. Я никогда не мог вычеркнуть из сердца Бертальду, какой бы суровый вид я ни принимал.

Герцогиня

И вы хотите возвысить ее, сделав госпожей фон Рингштеттен?

Хульдбранд

Да, и намерен отпраздновать это, а заодно и ваш, сулящий счастье, приезд радостным увеселением в саду. Сердце мое снова бьется свободно и смело, как давно не билось. Не угодно ли вам пройти со мною в парадные покои замка?

Хор

Время и место... и т. д.

Перемена декораций.

Сад, на заднем плане замок, отражающийся в водах озера. К главным воротам замка, выстроенным в пышном готическом стиле, ведет арочный мост. В центре, на переднем плане водоем с замураванным источником.

(Входят рыбак и его жена.)

Рыбак

Господин рыцарь пригласил нас со всей торжественностью, тут ничего не скажешь, и обходится с нами тоже очень приветливо.

Жена рыбака

Да, мы здесь в замке, так сказать, на правах тестя и тещи.

Рыбак

Мне это совсем не к лицу.

Жена рыбака

Конечно нет.

Рыбак

У меня и тогда замирало сердце, когда мы прошлый раз отправились в имперский город по просьбе нашей милой Ундины, и повидали ее в последний раз; а теперь, право, мне еще более тяжело теснит грудь, чем прежде.

Жена рыбака

Что таить, я чувствую то же самое.

Рыбак

Ах Ундина! Наша любимая Ундина!

Жена рыбака

Замолчи, ты разбиваешь мне сердце.

Рыбак

Так дай мне по крайней мере спеть песенку, которую она бывало так любила напевать по вечерам у очага.

№ 20. СЦЕНА И ТРИО

Рыбак

В прохладном царстве, где свет
мерцает,

Русалка живет на дне,
Камнями яркими там играет...

Ундина

И плачет тайком в тишине.

Рыбак

Чу, поет.

Ж е н а р ы б а к а

Ты слышишь тоже?

Вот опять.

Р ы б а к и е г о ж е н а

Со дна плывет

Странный звук на стон похожий.

Р ы б а к

Слышу вновь она поет.

То она.

Ж е н а р ы б а к а

Она запела.

Р ы б а к и е г о ж е н а

Что за полный тайны звук.

Появляется Кюлеборн.

К ю л е б о р н

В полный голос бы запела,

Так почуяли б испуг.

Р ы б а к

Чужеземец в платье ярком,

Как попал к нам, кто ты есть?

К ю л е б о р н

К жениху пришел с подарком,

Приготовил к свадьбе месть.

Р ы б а к

Дух, оставь нас всех в покое,

Что за злоба без конца?

К ю л е б о р н

Смог бы, так своей рукою
Покарал бы молодца.

Ж е н а р ы б а к а

Ах, мне страшно.

Р ы б а к

Прочь отсюда.
Портить праздник нам не смей.

Вместе

К ю л е б о р н

Дурь любовная покуда
Не прошла в душе у ней,
Все же свершит над ним расправу,
Лишь забьет источник вновь.

Ж е н а р ы б а к а

Что за голос, боже правый,
Ужас студит в жилах кровь.

Р ы б а к

Дух, оставь нас всех в покое,
Прочь уйди, урод, скорей.

Вместе

К ю л е б о р н

Одному я рад, не скрою,
Он погублен будет ей.

Р ы б а к

Эй ты, уродливый пестро разряженный малый, скажу тебе только одно: я иду честным прямым путем,

и нам с тобою не по дороге. Если ты не уберешься, я призову патера Хайльмана, чтобы он тебя заклял.

(Музыкальный антракт. Кюлеборн исчезает)

Рыбак

Видишь? Вот как надо обходиться с таким народом. Вволю я насмотрелся на этих нелюдей у озера и в заколдованном лесу.

Жена рыбака

Но я по-прежнему дрожу.

Ундина

И плачет тайком в тишине.

Рыбак

Если б только знать, что нежное пение, доносящееся из-под земли, действительно голос нашей милой приемной дочки Ундины.

Жена рыбака

А кто же это может быть другой, отец? Ведь это пение так глубоко отозвалось у нас в душе.

Те же и герцог, герцогиня, Бертальда, Хульдбранд, Хайльман.

Хульдбранд

Ну любезный, почтенный рыбак, как вам нравится у меня? Надеюсь, что все хорошо.

Рыбак

О, конечно, уважаемый господин!

Хульдбранд

Нет, вы говорите не от чистого сердца. Скажите откровенно, вам что-нибудь не по душе?

Жена рыбака

Вы обо всем позаботились.

Хульдбранд

Но быть может кто-нибудь из челяди?

Жена рыбака

Нет, но чувствовать себя здесь как дома мы все-таки не можем.

Хульдбранд

Говорите! Настоятельно прошу вас.

Рыбак

Ну, уж если вы так велите, благородный господин! Тогда мы вам поведаем, что здесь слоняется диковинный малый в платье, сплетенном из мха, а поверх него надеты орденские ленты из кораллов. Он позволяет себе вмешиваться во все дела такого сиятельного господина, как вы.

Хульдбранд

Мой гнев поразит его со страшной силой.

Жена рыбака

Да, если только вы его поймаете.

Хульдбранд

О, я догадываюсь, кто это. Он, верно, осмеливался возражать против моей женитьбы?

Рыбак

Не стану этого отрицать.

Бертальда

Нет, я предпочла бы со спокойной душой царствовать в хижине, чем жить в рыцарском замке, где всякая нечисть может говорить, что ей вздумается. Здесь какая-то жуткая, неверная жизнь.

Хульдбранд

Довольно. Больше это не может продолжаться. Решительно и бесповоротно я порываю со всеми колдовскими силами и во всеуслышание объявляю Бертальду своей невестой.

Герцог

Ну, значит мы прибыли в добрый час.

Герцогиня

Я хотела бы этого от всей души, но не знаю, так ли оно на самом деле.

Хайльман

Что до меня, я в этом глубоко сомневаюсь.

Хульдбранд

Музыку! — сказал я, и сколько еще ждать, чтобы принесли кушанья и бокалы.

(Во время действия уже внесли столы. Теперь все садятся. Чаши с вином передают друг другу.)

№ 21. ФИНАЛ

Х о р

Кто с нами и пьет и пирует,
Кто звонкую песню поет,
Тот рад, что удача дарует
В наследной усадьбе
Хульдбранду на свадьбе
И счастье, и праздничный блеск,
и почет.

Б е р т а л ь д а

Когда весь мир смеется
И счастлив весь,
Источник остается
Закрытым здесь.
Пускай струя заплещет,
Пускай польет,
Пусть радугой заблещет
И запоет.

Х у л ь д б р а н д

Источник!

Р ы б а к

Но Ундины
На это был запрет.

Б е р т а л ь д а

Ужели господина
Другого нет?

Х у л ь д б р а н д

Ах, милая, не надо...

Б е р т а л ь д а

И в этот день
Мне к счастью преграда
Ундины тень.

Х у л ь д б р а н д

О, не сердись...

Б е р т а л ь д а

Должна я
Увы, молчать.

Х у л ь д б р а н д

Мы для тебя родная,
Сорвем печать.
Пускай струится смело
Живой родник.
Лопаты пустим в дело,
Откроем вмиг,

Оруженосцы и латники начинают размуровывать источник.

Х о р

Кто в зелени пьет и пирует..., и т. д.

Латники разбирают кладку. Бьет струя. Из нее выступает Ундина.

У н д и н а

Спокойной ночи.

Герцог, герцогиня, Хайльман, Бертальда,
рыбак, его жена и хор

Горе, он пропал, мы тоже!

Хульдбранд

Мне поцелуем очи,
Прошу, закрой.

Ундина

До смерти, милый мой,
Ундина зацелует.

Хор

Горе.

Хульдбранд

Блаженство мне дарует,
Навек закроет очи.

Ундина

Спокойной ночи.

Она, обняв, целует Хульдбранда; над его головой вспыхивает молния и он безжизненно опускается на руки Хайльману.

Герцог, герцогиня, Бертальда,
рыбак, его жена и хор

О горе, сила зла
Его во мрак свела,
Ему закрыла очи.

Хайльман

Ему, о тише, тише,
Господня сила свыше
Смерть от любви дала.

Заключительный хор.

Над озером поднимается облако серого тумана.

1-й и 2-й хоры

Страсти муки,
Счастья слезы,
Все теперь в прошедшем дне,
Песни звуки,
Сердца грезы,
Все с Ундиною на дне,
Волны плещутся одне.
Пусть спокойной будет ночь,
Суета мирская прочь,
Пусть спокойной будет ночь.

Конец оперы

ЖАН ЖИРОДУ

УНДИНА

Пьеса в трех действиях
По мотивам сказки графа де ла Мотт Фуке

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ундина
Евгения
Берта
Королева Изольда
Саламбо
Грета
Венера
Судомойка
Виоланта
Русалки
Придворные дамы
Рыцарь
Камергер
Август
Водяной царь
Король
Первый судья
Второй судья
Мато
Главный смотритель королевских
театров
Ульрих
Бертран
Дрессировщик тюленей
Свинопас
Рыцари

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Рыбацкая хижина. За стенами буря.

Старый Август. Старая Евгения.

Август (у окна.) Что она там делает в такую тьму?

Евгения. Незачем беспокоиться. Она видит в темноте.

Август. В такое ненастье!

Евгения. Будто ты не знаешь, что дождь ее не мочит!

Август. Ну, вот, теперь она запела! Как ты думаешь, это она поет? Что-то я не узнаю ее голоса.

Евгения. А кто же еще? Кругом на двадцать миль ни одного жилья.

Август. Голос доносится то с середины озера, то с вершины водопада.

Евгения. Потому что она то на середине озера, то на вершине водопада.

Август. Смейся, смейся... Ты-то в ее возрасте не бось не прыгала по ручьям забавы ради, в самый разлив!..

Евгения. Однажды я попробовала. Меня выудили за ноги. Разок попробовала сделать то, что она делает по сто раз на день — прыгает в пучину, ловит в чашу водопада... Да что там, помню, я была вроде нее, когда пыталась ходить по воде!

Август. Мы дали ей слишком много воли, Евгения. Девчонке в пятнадцать лет не пристало бегать по лесам в такой час. Я с ней серьезно потолкую. Она желает штопать свое белье не иначе как на верхушке скалы, читать молитвы, окунувшись головою в воду...

Если бы тебя так воспитали, что бы с нами было сегодня?

Евгения. Разве она не подсобляет мне по хозяйству?

Август. Ну, тут много можно бы сказать...

Евгения. Чего тебе еще надо? Не моет ли она, что ли посуду? Не чистит башмаки?

Август. Вот, вот! Как раз про это я ничего не знаю.

Евгения. Разве эта тарелка не чистая?

Август. Не в том дело. Я говорю тебе, что никогда не видел ее ни за мытьем, ни за чисткой.. И ты тоже...

Евгения. Ей больше нравится работать на вольном воздухе.

Август. Да, да! Но ей требуется равное время, чтобы вымыть одну тарелку или дюжину, вычистить один башмак или три пары башмаков. Минуты не пройдет, а уж она возвращается. Тряпки в руки не брала, к щетке не притрагивалась,— а все чисто, все блестит... Выяснила ты ту историю с золотыми тарелками? И никогда у нее не бывает грязных рук... А сегодня, знаешь что она натворила?

Евгения. Был ли за пятнадцать лет хоть день, когда бы она не выкинула чего-нибудь такого, что и в голову не придет?

Август. Она подняла решетку в запруде. И вся форель, что я запускал туда с самой весны, улизнула... Я успел перехватить только одну рыбку, ту, что у нас нынче на обед (*внезапно отворяется окно*)... Это еще что такое!

Евгения. Ты же видишь. Это ветер.

Август. А я тебе говорю, что это она!.. Лишь бы опять не устроила представление с головами, как в те

непогожие вечера... Только вспомню того белого старика, у меня прямо мурашки по спине бегают.

Евгения. А мне больше нравится голова той женщины в жемчугах... Во всяком случае, если ты боишься, затвори окно!

При вспышке молнии в оконном проеме показывается голова старика в короне; по бороде струится вода.

Голова. Поздно, Август!..

Август. Увидишь, поздно или нет, Ундина!

Он затворяет окно. Оно снова распаивается. Возникает освещенная молнией прелестная головка няяды.

Голова няяды. Добрый вечер, милая Евгения!
(Исчезает.)

Евгения. Ундина, отец недоволен! Иди домой!

Август. Идешь ты домой, Ундина? Считаю до трех. Если не послушаешься до третьего счета, я задви-ну засов... Будешь почевать на дворе.

Удар грома.

Евгения. Ты шутишь!

Август. Увидишь, шучу или нет! Ундина, раз...

Удар грома.

Евгения. Это невыносимо, после каждой твоей фразы гремит!

Август. Разве я виноват?

Евгения. Поторопись, а не то снова ударит. Всем известно, что ты умеешь считать до трех!

Август. Ундина, два!

Удар грома.

Евгения. Ты просто невозможен!

Август. Ундина, три!

Гром не гремит.

Евгения (*в ожидании удара грома*). Будет тебе, кончай, мой бедный Август!

Август. Я-то кончил! (*Задвигает засов.*) Вот так!.. Теперь мы спокойно поужинаем.

Дверь распаивается настежь. Август и Евгения в испуге оглядываются. На пороге стоит рыцарь в латах.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Август. Евгения. Рыцарь.

Рыцарь (*щелкая каблуками*). Рыцарь Ганс фон Виттенштейн цу Виттепштейн.

Август. А меня зовут Августом.

Рыцарь. Я позволил себе поставить моего коня к вам на гумно. Конь, как известно каждому, составляет важнейшую часть всадника.

Август. Я оботру его, сеньер.

Рыцарь. Благодарствую. Уже сделано. Я сам обтираю его по-арденнски. Здесь вы обтираете их по-швабски. Трете против шерсти. От этого она теряет блеск: Особенно у руанских скакунов, Можно мне присесть?

Август. Будьте как дома, сеньер.

Рыцарь. Какая непогода! У меня с самого утра вода течет за шиворот. Она вытекает по ложбинкам для стока крови. Но все равно, я весь вымок... Вот чего мы, рыцари, больше всего боимся, когда на нас латы... Дождя и блохи.

Август. Может быть вы снимете латы, сеньер, раз вы здесь ночуете.

Рыцарь. Ты когда-нибудь видел, любезный мой Август, как рак меняет свой панцирь? Это так же

сложно! Сперва я отдохну... Ты сказал, что тебя зовут Августом, верно?

Август. А мою жену Евгенией.

Евгения. Не обессудьте нас. Такие имена непривычны для странствующих рыцарей.

Рыцарь. Ты и представить себе не можешь, добрая женщина, какая радость для странствующего рыцаря, целый месяц понапрасну блуждавшего по Фарамондскому и Осмондскому лесам¹, набрести на Августа и Евгению в самый час ужина.

Евгения. Верно, сеньер! Хоть и не гоже задавать вопросы гостю, может быть, вы простите мне такой вопрос: не голодны ли вы?

Рыцарь. Голоден. Очень голоден. Я охотно разделю с вами вашу трапезу.

Евгения. Мы-то ужинать не станем, сеньер. Но у меня есть одна форель. Может быть вы ее съедите?

Рыцарь. Обожаю форель.

Евгения. Желаете зажаренную на сковороде или на решетке?

Рыцарь. Я? Я желаю заварную.

Август и Евгения испуганы.

Евгения. Заварную? Эдак у меня лучше получаются головни со сливочным маслом...

Рыцарь. Вы спрашиваете моего мнения, Я люблю только заварную форель.

Август. Евгения так жаривает ее в сухарях, что просто чудо.

Рыцарь. Постойте-ка! Ведь заварная рыба — это когда ее живьем бросают в кипяток?

Август. Вот именно, сеньер.

Рыцарь. И она сохраняет свой вкус, свою нежность, потому что кипящая вода застает ее врасплох?

А в г у с т. Врасплох, очень точно сказано, сеньер.

Р ы ц а р ь. Тогда никаких сомнений. Я желаю заварную форель.

А в г у с т. Иди, Евгения, приготовь заварную...

Е в г е н и я (*в дверях*). Фаршированная без жира — тоже очень вкусно...

А в г у с т. Иди...

Евгения идет на кухню. Рыцарь удобно располагается на своем сидении.

Р ы ц а р ь. Я вижу, что в этих краях любят странствующих рыцарей.

А в г у с т. Рыцарей мы любим больше, чем армии. Странствующий рыцарь — признак того, что война окончилась.

Р ы ц а р ь. Что до меня, то я больше люблю войну. Я не злой человек. Я никому не желаю ничего дурного. Но я люблю войну.

А в г у с т. У каждого свой вкус, сеньер.

Р ы ц а р ь. Я люблю поговорить. От природы я разговорчив. На войне всегда найдется кто-нибудь, с кем можно завязать беседу. Если свои в дурном настроении, заговариваешь с пленными, с войсковыми священниками, — эти самые болтливые. Подбираешь раненого противника, он тебе рассказывает разные истории. А в качестве странствующего рыцаря мне не с кем было и словом перемолвиться, — если не считать эха, — за весь тот месяц, что я так бешено скакал через этот лес... Ни души... А видит бог, мне есть что сказать!

А в г у с т. Говорят, сеньер, что странствующие рыцари понимают звериный язык?

Р ы ц а р ь (*немного заговариваясь*). Не в том смысле, как ты думаешь. Разумеется, они нам кое-что говорят. Для рыцаря каждый дикий зверь — символ, и

потому его рычание или рев становятся символической фразой, которая огненными литерами вписывается в наш мозг. Если хочешь, животные, скорее пишут, нежели говорят. Но всегда одно и то же. Животное каждой породы говорит тебе только одну фразу, причем говорит издали и нередко угрожающим тоном... Олень о чистоте, кабан — о презрении к благам земным. И при этом говорит с тобою всегда только старый самец. А ведь за его спиной есть прелестные оленихи, очаровательные маленькие свинки... Так нет же, вечно тебе читает проповедь старик с десятью отростками на рогах, либо кабан — отшельник.

А в густ. Но ведь есть еще и птицы!

Рыцарь. Птицы нам не отвечают. Я очень разочаровался в птицах. Они всегда заводят одну и ту же канитель, твердят странствующему рыцарю, что лгать — дурно. Я пытаюсь их заинтересовать. Спрашиваю, как они поживают, хорош ли выдался год в отношении линьки или кладки яиц, утомительное ли дело высидывать птенцов? Ничего не получается. Они нас не удостоивают ответа.

А в густ. Меня это удивляет применительно к жаворонку, сеньер... Жаворонку должно бы нравиться изливать душу.

Рыцарь. Высокий ворот не позволяет рыцарю разговаривать с жаворонками.

А в густ. Но если так, что же привело вас в эти места, ведь отсюда редко кто возвращается!

Рыцарь. А как ты полагаешь? Разумеется, женщина.

А в густ. Я не стану вас расспрашивать, сеньер.

Рыцарь. Почему же? Напротив! Ты будешь меня расспрашивать, и немедленно! Вот уже тридцать дней, как я не говорил о ней, Август! Не думаешь же ты,

что я упущу удобный случай наконец-то поговорить о ней, раз уж мне повстречались две человеческие души!.. Спрашивай! Спроси как ее зовут, да поживее...

А в г у с т. Сеньер...

Р ы ц а р ь. Спрашивай, если ты и впрямь намерен узнать ее имя!

А в г у с т. Как ее имя?

Р ы ц а р ь. Ее зовут Берта, рыбак! Какое прекрасное имя!

А в г у с т. От души говорю, великолепное!

Р ы ц а р ь. Другие зовутся Анжелика, Диана, Виоланта! Кто угодно может называться Анжеликой, Дианой, Виолантой. Но только она, одна-единственная заслуживает свое гордое, трепетное, волнуемое имя... И ты, Евгения, наверно, хочешь знать, хороша ли она?

Е в г е н и я (*которая входит*). Хороша ли она?

А в г у с т. Речь идет о Берте, о графине Берте, бедная моя жена.

Е в г е н и я. Ах, вот что! Хороша она?

Р ы ц а р ь. Евгения, наш король повелел мне закупать для него лошадей. Вот почему я остаюсь барышником даже с женщинами. От меня не ускользнет ни малейший изъян. У помянутой мною Анжелики на большом пальце правой руки ноготь неровный. У Виоланты золотая блеска в глазу. В Берте все совершенно.

Е в г е н и я. Мы донельзя рады этому, сеньер.

А в г у с т. Должно быть, красиво, когда золотая блеска в глазу?

Е в г е н и я. Что ты вмешиваешься не в свое дело, Август!

Р ы ц а р ь. Блеска? Не думай так, любезный хозяин. День-другой эта блеска тебя позабавит. Тебе забавно будет запрокидывать лицо своей Виоланты под

лунным светом, целовать ее при огнях факелов... На третий день ты ее возненавидишь, уж лучше бы — подумаешь ты, — чтобы в глаз моей дамы попала мошка!

А в г у с т. А как это выглядит? Как зернышко слюды?

Е в г е н и я. Ты нам действуешь на нервы со своими блестками! Не мешай говорить рыцарю!

Р ы ц а р ь. Верно, славный мой Август! Откуда такое пристрастие к Виоланте? Когда Виоланта сопровождает нас на охоту, ее белая кобыла постоянно сбивает себе колени. Это красиво, белая кобыла с кровоточащими коленями, особенно, если присыпать ссадины угольным порошком. Когда Виоланта несет в покои королевы подсвечник, она вечно ухитряется поскользнуться и упасть на каменные плиты. Когда старый герцог берет Виоланту за руку и рассказывает ей веселую историю, она начинает плакать...

А в г у с т. Виоланта? Плакать?

Р ы ц а р ь. Насколько я успел узнать тебя, Август, ты думаешь спросить у меня, что делается с блесткой в глазу, когда человек плачет?

Е в г е н и я. Разумеется, он думает спросить об этом сеньер. Он упрям, как осел!

Р ы ц а р ь. Он будет думать об этом только до той поры, как увидит Берту... Потому что вы приедете на свадьбу, любезные хозяева! Я вас приглашаю! Берта поставила единственным условием нашего брака мое возвращение из этого леса. И если я вернусь, то лишь благодаря вам... И ты увидишь свою Виоланту, рыбака, увидишь ее большой рот, ее маленькие ушки, ее греческий носик, каштановые волосы, увидишь, как она выглядит рядом с моим черным ангелом!.. А теперь, добрая Евгения, принеси мне заварную форель... Она переварится!

Дверь отворяется, появляется Ундина.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же. Ундина.

Ундина (*застыв на пороге*). Как вы прекрасны!

Август. Что ты говоришь, дерзкая девчонка?

Ундина. Я говорю: как он прекрасен!

Август. Это наша дочка, сеньер. Она непривычна к обществу.

Ундина. Я говорю, я счастлива узнать, что мужчины могут быть так прекрасны... У меня сердце замирает!..

Август. Замолчи!

Ундина. Я вся трепещу.

Август. Ей пятнадцать лет, рыцарь. Простите ее...

Ундина. Я же знала, что должен таиться какой-то смысл в том, чтобы быть девушкой. Смысл в том, что мужчины тоже прекрасны...

Август. Ты докучаешь нашему гостю...

Ундина. Вовсе я ему не докучаю... Я ему нравлюсь... Видишь, как он на меня смотрит... Как тебя зовут?

Август. К сеньеру не обращаются на ты, бедное дитя!

Ундина (*приближается*). Как он красив! Посмотрите на это ухо, отец, это же драгоценная раковина! Как ты можешь подумать, что я скажу «вы» в такое ухо!... Кому ты принадлежишь, милое ушко?.. Как его зовут?

Рыцарь. Меня зовут Ганс...

Ундина. Мне надо было самой догадаться. Когда ты счастлива и открываешь рот, то произносишь: «Ганс»...

Рыцарь. Ганс фон Виттенштейн..

Ундина. Когда поутру выпадает роса, и на сердце грустно, и с уст твоих слетает пар, невольно произносишь «Ганс»...

Рыцарь. Фон Виттенштейн цу Виттенштейн...

Ундина. Какое прелестное имя! Как прелестно, когда в имени звучит эхо!.. Зачем ты здесь?.. Ты пришел за мной?..

Август. Ну, довольно, иди в свою комнату...

Ундина. Забери меня!.. Увези меня!

Входит Евгения с блюдом.

Евгения. Вот ваша заварная форель, сеньер, кушайте на здоровье, это будет лучше, чем слушать нашу дочку...

Ундина. Заварная форель!

Рыцарь. Она просто великолепна!

Ундина. Ты посмела приготовить заварную форель, матушка!..

Евгения. Замолчи. Так или иначе, она сварена...

Ундина. О, моя милая форель, ты с самого рождения плавала в холодной воде!

Август. Не станешь же ты плакать из-за форели!

Ундина. Они называют себя моими родителями... И они тебя поймали... И бросили тебя живьем в кипяток!

Рыцарь. Это я им велел, девочка.

Ундина. Вы? Мне следовало самой догадаться... Если поглядеть на вас вблизи, все становится ясно... Вы грубое животное, да?

Евгения. Извините нас, сеньер!

Ундина. Вы ни в чем ничего не понимаете, да? И это рыцарство, это отвага!.. Вы гоняетесь за велика-

нами, которых и на свете-то нет., а когда маленькое живое существо прыгает в прозрачной воде, вы заставляете бросать его в кипяток!

Рыцарь. И я его ем, дитя мое! Ибо нахожу его сочным!

Ундина. Сейчас увидите, какое оно сочное... (*Выбрасывает форель в окно.*) Ешьте теперь... Прощайте...

Евгения. Куда ты опять уходишь, малютка?

Ундина. Там, за дверью есть кто-то, кто ненавидит людей и хочет рассказать мне все, что о них знает... Прежде я всегда затыкала уши, у меня было свое мнение... А теперь — конечно, я буду слушать...

Август. Она уходит из дому в такой час!

Ундина. Через минуту я буду знать все, узнаю, какие они, что они такое, что могут сделать, Тем хуже для вас...

Август. Силой тебя удержать, что ли?

Она отскакивает от него.

Ундина. Я уже знаю, что они лгут, что те, кто красив, безобразны, те, кто отважен, трусы, я знаю, что ненавижу их!

Рыцарь. Они тебя полюбят, крошка...

Ундина (*не оборачивается, но останавливается*). Что он сказал?

Рыцарь. Ничего... Я ничего не сказал.

Ундина (*от дверей*). Повторите, чтобы было слышно!

Рыцарь. Они любят тебя, крошка.

Ундина. А я их ненавижу.

Исчезает в ночи.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Рыцарь. Август. Евгения.

Рыцарь. Поздравляю. Хорошо вы ее воспитали.

Август. Господу богу известно, что мы выговаривали ей за каждый проступок.

Рыцарь. Надо было ее поколотить.

Евгения. Попробуйте, поймайте ее!

Рыцарь. Запереть, оставить без сладкого.

Август. Она ничего не ест.

Рыцарь. Ей везет. А я умираю с голоду. Приготовьте мне другую заварную форель. Хотя бы, чтоб ее наказать.

Август. То была последняя, сеньер... Но мы закоптили окорок. Евгения отрежет вам несколько ломтей.

Рыцарь. Она позволяет вам убивать свиней? Какая удача!

Евгения уходит.

Август. Она вас рассердила, рыцарь? Я очень огорчен.

Рыцарь. Она меня рассердила, потому что я грубое животное, как она сказала. В сущности, мы, мужчины, все на один лад, мой старый рыбак. Тщеславны, как индюки. Когда она говорила мне, что я красив,— а я знаю, что не красив,— она мне нравилась. И перестала нравиться, когда сказала, что я трус,— а я знаю, что я не трус.

Август. Вы очень добры, что так это принимаете!..

Рыцарь. О, я вовсе не принимаю это легко. Я зол. Я всегда злюсь на самого себя, когда другие неправы!

Евгения. Не могу найти окорок, Август!

Август уходит вслед за нею.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Рыцарь. Ундина.

Ундина тихонько подходит к столу за спиной рыцаря, который протянул руки к огню и сперва не оборачивается.

Ундина. Меня зовут Ундина.

Рыцарь. Красивое имя.

Ундина. Ганс и Ундина... Это самые красивые имена на свете, правда?

Рыцарь. Да. Или Ундина и Ганс.

Ундина. О, нет! Сперва Ганс. Он мужчина. Он идет первым. Он повелевает... Ундина девушка... Она держится на шаг позади... Она молчит.

Рыцарь. Она молчит! Как, черт возьми, это ей удается?

Ундина. Ганс везде опережает ее на один шаг... На церемониях... У короля... В старости. Ганс умирает первым... Это ужасно... Но Ундина скоро его догоняет... Она убивает себя...

Рыцарь. Что ты плетешь!

Ундина. Надо только пережить один страшный миг. Минуту после смерти Ганса... Но это не долго...

Рыцарь. К счастью, говорить о смерти в твоём возрасте ни к чему не обязывает...

Ундина. В моем возрасте?.. Убейте себя, тогда увидите. Увидите, убью ли себя и я...

Рыцарь. У меня никогда не было ни малейшего желания убивать себя...

Ундина. Скажите, что не любите меня. Увидите, убью я себя или нет...

Рыцарь. Четверть часа тому назад ты меня не знала, и ты хочешь умереть ради меня? Я думал, что мы поссорились из-за форели.

Ундина. О, тем хуже для форели. Форели немножко глупые. Если она не хотела, чтобы ее поймали, ей надо было избегать людей, только и всего. Я тоже глупая. Меня тоже поймали...

Рыцарь. Несмотря на то, что твой неизвестный друг, там, за дверью, рассказал тебе о людях?

Ундина. Он наговорил мне глупостей.

Рыцарь. Понимаю. Ты задавала вопросы, и ты же сама на них отвечала.

Ундина. Не шутите... Он недалеко... Он страшный...

Рыцарь. Ты ведь не думаешь, что я поверю, будто ты кого-нибудь или чего-нибудь боишься?

Ундина. Да, я боюсь, что вы меня покинете... Он сказал, что вы покинете меня. Но он сказал также, что вы не красивы... Раз он ошибся в этом, значит, может ошибиться и в другом.

Рыцарь. А ты какая? Красивая или дурнушка?

Ундина. Это зависит от вас, от того, какую вы меня сделаете. Я бы лучше хотела быть красивой. Хотела бы, чтобы вы меня любили... Хотела бы быть самой красивой.

Рыцарь. Ты маленькая лгунья... Только что, когда ты меня ненавидела, ты похорошела еще больше... Это все, что он тебе сказал?

Ундина. Еще он мне сказал, что если я вас поцелую, я пропала... Напрасно он это сказал... Я и не думала вас целовать.

Рыцарь. А теперь думаешь?

Ундина. Только об этом и думаю.

Рыцарь. Думай издали.

Ундина. О, вы ничего не потеряете. Я поцелую вас нынче же вечером... Но так сладко ждать... Потом мы будем вспоминать этот час... Час, когда вы меня не поцеловали...

Рыцарь. Моя маленькая Ундина...

Ундина. Тот самый час, когда вы мне не сказали, что любите меня... Не ждите больше... Скажите мне это... Вот я, и руки у меня трепещут... Скажите мне это.

Рыцарь. Ты думаешь, что когда любят друг друга, это прямо так и говорится?

Ундина. Говорите! Приказывайте! Какие люди медлительные! А я ничего лучшего и не желаю, как только поскорее оказаться там, где мне надлежит быть!.. У вас на коленях, верно ведь?

Рыцарь. Посадить девушку к себе на колени, в моих латах? У меня уходит десять минут только на то, чтобы отвинтить наплечники.

Ундина. У меня есть способ снимать латы.

Латы внезапно спадают, Ундина стремительно бросается на колени к рыцарю.

Рыцарь. Ты с ума сошла! А мои руки? Думаешь, я стану обнимать первую встречную?

Ундина. У меня есть способ заставить твои объятия раскрыться...

Рыцарь, побежденный, вдруг раскрывает объятия.

Ундина. И сделать, чтобы твои руки сомкнулись.

Он смыкает руки вокруг нее. Из-за окна слышится женский голос.

Голос. Ундина!

Ундина (*поворачивается к окну, разгневанная*).
Замолчи, ты! С тобой не разговаривают!..

Голос. Ундина!

Ундина. Разве я вмешиваюсь в твои дела? Разве ты со мной советовалась, когда выходила замуж!

Голос. Ундина!

Ундина. А ведь он так хорош собою, твой муж! Тюлень с ноздрями без носа! Жемчужное ожерелье — и он тебя получил!.. И даже плохо подобранные жемчужины.

Рыцарь. С кем ты разговариваешь?

Ундина. С соседями.

Рыцарь. Я думал, здесь стоит только один ваш дом.

Ундина. Всюду есть завистницы. Они меня ревнуют...

Другой голос. Ундина!

Ундина. А ты? Только потому, что какой-то вододуй пустил перед тобою водяную струю, ты бросилась в его плавники!

Рыцарь. Чарующие голоса!

Ундина. Мое имя чарующее, а не их голоса!.. Поцелуй меня, Ганс, чтобы навсегда с ними поссорить. Впрочем, у тебя нет выбора!..

Мужской голос. Ундина!

Ундина. Поздно! Уходи!

Рыцарь. Это тот друг, о котором ты говорила?

У н д и н а (кричит). Я сижу у него на коленях! Он меня любит!

М у ж с к о й г о л о с . У н д и н а !

У н д и н а . Я тебя больше не слушаю. Отсюда тебя не слышно... И к тому же слишком поздно... Все уже свершилось. Я его любовница, да его любовница! Не понимаешь? Этим словом они обозначают свою жену...

Шум у кухонной двери.

Р ы ц а р ь (*тихонько сталкивая Ундины на пол*). Вот твои родители, Ундина.

У н д и н а . А, ты умеешь? Я не думала, что ты умеешь!

Р ы ц а р ь . Что, маленькая женщина?

У н д и н а . Размыкать объятия...

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Ундина. Рыцарь. Родители

Е в г е н и я . Извините нас! Мы никак не могли отыскать окорок!

У н д и н а . Это я его спрятала, чтобы остаться наедине с Гансом...

А в г у с т . Ах ты, бесстыдница!

У н д и н а . Нет! Я не теряла времени. Дорогие родители, он на мне женится! Рыцарь Ганс на мне женится!

А в г у с т . Чем глупости болтать, лучше бы матери подсобила.

У н д и н а . Верно. Дай мне скатерть, матушка. Я сама буду прислуживать Гансу. С этой минуты я служанка моего повелителя Ганса.

А в г у с т . Я достал из погреба бутылку, рыцарь. С вашего разрешения мы сейчас ее разопьем.

Ундина. Зеркало, сеньер Ганс, чтобы причесаться перед ужином?..

Евгения. Где ты взяла это золотое зеркало?

Ундина. Полить вам на руки, ваша светлость Ганс?

Рыцарь. Что за великолепный кувшин! У самого короля нет такого...

Август. Мы в первый раз его видим...

Ундина. Вам бы надо научить меня, сеньер Ганс, всему, что мне следует делать. Чтобы от пробуждения до отхода ко сну я была бы вашей примерной служанкой...

Рыцарь. От пробуждения до отхода ко сну, малютка Ундина? Меня очень трудно будет разбудить. Я сплю крепко...

Ундина (*садясь возле рыцаря и прильнув к нему*). Как хорошо! Скажите, как надо теребить вас за волосы, чтобы стряхнуть с вас сон, как разлеплять вам веки пальцами, пока вы отбиваетесь и вертите головой, как насильно разжимать вам зубы, чтобы с поцелуем вдохнуть в вас свое дыхание!

Евгения. Тарелки, Ундина!

Ундина. Ах, матушка, накрой на стол сама. Сеньер Ганс учит меня, как его будить... Прорепетируем, сеньер Ганс! Сделайте вид, будто вы спите...

Рыцарь. Когда так вкусно пахнет едой, это невозможно!

Ундина. Проснись, милый мой Ганс... Уже встала утренняя заря! Получай этот ночной поцелуй и этот утренний поцелуй...

Август. Не сердитесь на нее за эти ребячества, сеньер...

Евгения. Она молода. Она легко привязывается...

Рыцарь. Вот это окорок так окорок!

Август. Закопчен на можжевельнике, рыцарь.

Ундина. Напрасно я тебя разбудила! Зачем будить того, кого любишь? Во сне он весь тянется к тебе! Стоит ему открыть глаза, как он от тебя ускользает! Спите, спите, мой сеньер Ганс...

Рыцарь. Охотно. Еще ломоть.

Ундина. Какая я неловкая! Усыплю тебя, вместо того, чтобы будить... А вечером я, наверное, стану тебя будить, вместо того, чтобы усыплять.

Евгения. Да, да! Хорошая из тебя выйдет хозяйка!

Август. Помолчи минутку, Ундина, я хочу сказать словечко.

Ундина. Конечно я буду хорошей хозяйкой! Ты считаешь себя хорошей хозяйкой, потому что умеешь жарить свинину! Быть хозяйкой — это совсем не то!

Ганс. Вот как? А что же?

Ундина. Быть всем, что любит мой сеньер Ганс. Быть им самим, быть самым прекрасным в нем и самым малым. Я буду твоими башмаками, супруг мой, буду твоим дыханием. Буду бугорком на краю твоего седла. Буду тем, о чем ты плачешь, о чем гредишь... То, что ты сейчас ешь, это я...

Рыцарь. Посолено как раз в меру. Превосходно...

Ундина. Ешь меня! Прикончи меня!

Евгения. Твой отец говорит, Ундина!

Август (*поднимая свой стакан*). Сеньер, раз уж вы оказали нам честь провести ночь в нашем доме...

Ундина. Десять тысяч ночей... Сто тысяч ночей...

Август. Позвольте мне пожелать вам величайшей победы, какую только может одержать рыцарь, и выпить за ту, кого вы любите...

Ундина. Как ты мил, отец!

Август. За ту, что ждет вас, упоенная мечтами...

Ундина. Она больше не ждет его... Кончены мечты...

Август. И что носит имя, которое вы провозгласили самым прекрасным среди всех имен, хотя мне нравится имя Виоланта, но к Виоланте я несколько пристрастен по причине...

Евгения. Да, да, мы знаем, пропусти это...

Август. За самую прекрасную, самую достойную, за черного ангела, как вы ее называете, за вашу даму Берту!

Ундина (*приподнимаясь*). Что ты говоришь?

Август. Я говорю то, что мне сказал сам рыцарь!

Ундина. Ты лжешь! Он лжет! Теперь меня называют Бертой!

Евгения. Не о тебе речь, милочка!

Август. Рыцарь обручен с графиней Бертой. Он женится на ней по возвращении. Не правда ли рыцарь? Это всем известно...

Ундина. Все лгут.

Рыцарь. Моя маленькая Ундина...

Ундина. Смотрите-ка, он оторвался от своей ветчины! Существует какая-то Берта или нет?

Рыцарь. Позволь мне объяснить тебе!

Ундина. Есть Берта или нет?

Рыцарь. Да. Есть Берта. Была Берта.

Ундина. Значит это правда, то, что тот, другой говорил мне о мужчинах! Они тысячей уловок привлекают тебя к себе на колени, они целуют тебя так, что, кажется, раздавят твой рот, их руки ласкают тебя везде, где могут встретить твою кожу, а тем временем думают о какой-то черноволосой женщине по имени Берта...

Рыцарь. Ничего подобного я не делал, Ундина!
Ундина (*жует свою руку*). Ты это делал. Я еще вся разбита... Поглядите на этот укус на моей руке, отец, матушка, это сделал он!

Рыцарь. Вы этому не верите, добрые люди?

Ундина. Я буду самым малым в тебе и самым прекрасным, говорил он. Я буду твоими босыми ногами. Буду тем, что ты пьешь, буду тем, что ты ешь... Это его собственные слова, матушка! А чего только не приходилось для него делать! Весь день, до самой полуночи будить его, умереть ради него через минуту после его смерти!.. Требовал ты от меня этого, да или нет? И все это время он хранил в сердце образ какого-то закопченного демона, которого называет своим черным ангелом...

Рыцарь. Милая Ундина!

Ундина. Я тебя презираю, плюю на тебя!

Рыцарь. Послушай...

Ундина. Я его отсюда вижу, этого черного ангела, у него черпый пушок на верхней губе. Я вижу его голым, этого черного ангела, вижу его волосатое тело; у таких черных ангелов на крестце растет кудрявый хвостик. Это всем хорошо известно.

Рыцарь. Прости меня, Ундина...

Ундина. Не подходи ко мне... Я брошусь в озеро.

Она отворяет дверь. За порогом хлещет дождь.

Рыцарь (*поднялся*). Мне кажется, что уже нет больше Берты, Ундина!

Ундина. Вот, вот! Предавай своих Берт, их тоже!.. Мои бедные родители краснеют за твое поведение.

Август. Не верьте этому, сеньер!..

У н д и н а. Сию же минуту покинь этот дом, или я сюда никогда больше не вернусь... (*Она оборачивается.*) Что ты посмел сказать только что?..

Р ы ц а р ь. Мне кажется, что нет больше Берты, Ундина!

У н д и н а. Ты лжешь. Прощай!

Исчезает.

Р ы ц а р ь. Ундина!

Бежит искать Ундину

А в г у с т. Я сделал то, что следовало.

Е в г е н и я. Да... Ты сделал то, что следовало.

А в г у с т. А было бы еще лучше, если бы я рассказал ему все.

Е в г е н и я. Да. Было бы еще лучше, если бы ты рассказал ему все.

Рыцарь возвращается насквозь промокший.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Рыцарь. Август. Евгения.

Р ы ц а р ь. Она не ваша дочь, верно?

А в г у с т. Верно, сеньер.

Е в г е н и я. У нас была дочь. Но ее похитили, когда ей только что минуло полгода.

Р ы ц а р ь. Кто доверил вам Ундину? Где живет тот, кто доверил ее вам?

А в г у с т. Мы нашли ее на берегу озера. Никто ее от нас не потребовал.

Р ы ц а р ь. Словом, это у вас следует просить ее руки?

Евгения. Она называет нас своими родителями, сеньер.

Рыцарь. Я прошу у вас руки Ундины, друзья мой!

Август. Сеньер, в своем ли вы уме?

Рыцарь. В своем ли уме? Не думаешь же ты, что от твоего слабого винца у меня голова пошла кругом!

Август. О, нет! Это доброе мозельское, совсем легкое.

Рыцарь. Никогда я не бывал в более здравом рассудке. Никогда лучше не сознавал, что говорю. Я прошу у тебя руки Ундины, имея в виду руку Ундины. Я хочу держать эту руку в своей руке. Хочу, чтобы ее рука вела меня к брачному алтарю, в сражение, на смерть...

Август. Сеньер, нельзя иметь сразу двух невест. Слишком много рук получается...

Рыцарь. Кто первая невеста? Может быть, Берта?

Август. Там это известно с ваших слов.

Рыцарь. А ты знаешь Берту, что так за нее заступаешься? Я-то ее знаю. Знаю с той минуты, как увидел Ундину.

Август. От вас мы узнали, что Берта — само совершенство.

Рыцарь. Да, само совершенство, если не считать пушка в уголках губ, не считать ее резкого смеха.

Август. А я-то думал, что первое правило странствующих рыцарей — быть верными...

Рыцарь. Верными романтическим приключениям, да. Я даже буду первым, кто остался им верен, потому что до сего дня мы, странствующие рыцари, были поистине слишком простодушны. Мы открывали волшебные дворцы и возвращались жить в свои замки. Мы освобождали Андромеду², и это давало нам право

в шестьдесят лет выйти в отставку. Мы похищали золото у великанов, и это освобождало нас от соблюдения поста по пятницам... С меня довольно! Не хочу больше набирать ловкость в верховой езде и сочинении всяких небылиц, ведь этого требуют даже от будущих стряпчих. Отныне я совершаю открытия, граблю, женюсь по своему усмотрению: Я женюсь на Ундине...

А в г у с т. Вы совершите ошибку!

Р ы ц а р ь. Ошибку? Отвечай мне по совести, рыбак. Жил был рыцарь, который искал на этом свете чего-нибудь не тусклого, не стертого, не повседневно-го. Он нашел на берегу озера девушку по имени Ундина. Она превращала оловянные тарелки в золотые. Она выходила из дому в бурю и не вымокала под дождем. Она была не только самой прекрасной девушкой из всех, кого он когда-либо встречал; он чувствовал, что она — сама веселость, сама нежность и самопожертвование. Он почувствовал, что она может умереть за него, сделать ради него то, чего не может сделать ни одно человеческое существо, пройти через огонь, броситься в воду, летать по воздуху... Он низко поклонился ей и отправился восвояси, чтобы жениться на черной девице по имени Берта!.. Кто же он после этого?

А в г у с т. Вы неправильно ставите вопрос.

Р ы ц а р ь. Я спрашиваю тебя: кто он? Ты не решаешься ответить. Болван, не правда ли?

Е в г е н и я. Вы уже дали обещание жениться, сеньер.

Р ы ц а р ь. Любезная Евгения, как ты можешь подумать, что я теперь женюсь на Берте, даже если вы откажетесь отдать мне Ундину!

А в г у с т. Если Берта вас любит, рыцарь, она тоже выучится плавать, нырять и летать...

Р ы ц а р ь. Все это басни. Когда девушка тебя любит, она от этого только больше коченеет и сильнее мокнет под дождем, больше подвержена насморкам и вывихам. Стоит лишь взглянуть на лицо влюбленной новобрачной в церкви... Муж задается вопросом: отчего вдруг такая ужасная перемена? А это оттого, что она любит...

Е в г е н и я. Говори, Август!

Р ы ц а р ь. Говори! Если у тебя есть причина отказать мне в руке Ундины, открой мне ее!

А в г у с т. Сеньер, вы просите у нас Ундины. Это большая честь для нас. Но мы отдали бы вам то, что нам не принадлежит...

Р ы ц а р ь. Ты догадываешься кто ее родители?

А в г у с т. Дело не в родителях. Когда речь идет об Ундине, вопрос о родителях как раз самый пустой вопрос. Если бы мы не удочерили Ундины, она и без нас сумела бы выжить и вырасти. Ей никогда не нужны были наши ласки, но стоит полить дождю, как ее никакими силами не удержишь дома. Ей никогда не было нужды в постели, но сколько раз заставляли мы ее спать на поверхности озера. То ли потому, что дети душой угадывают природу, то ли потому, что Ундина это и есть сама природа. Вокруг Ундины живут великие сплы!

Р ы ц а р ь. Потому что она — сама юность!

А в г у с т. Вы так думаете? Когда я женился на тебе, бедная моя Евгения, ты была как раз в ее годах; ты тоже была и пригожа и смела, но озеро оставалось озером, какое я всегда хорошо знал, закрытым, ограниченным берегами, и наводнение оставалось неразум-

ным, и буря была диким зверем. С тех пор, как у меня появилась Ундина, все переменялось...

Рыцарь. Потому что ты теперь более умелый рыбак. Потому что ты стар.

Август. Озеро никогда больше не уносит мои сети, всегда дает мне одинаковый улов — ни на одну рыбищу больше, ни на одну меньше, не затопляет мой баркас, даже если в днище появилась дыра, а я ее не заметил, как было вчера; это что-то непривычное! В первый раз случилось мне конопатить лодку водой...

Рыцарь. К чему ты ведешь? К тому, чтобы я просил ее в жепы у озера?

Август. Не шутите!

Рыцарь. Пусть все озера на свете станут моими тестями, все реки тещами, я буду только рад! Я в наилучших отношениях с природой.

Август. Берегитесь! Верно, природа не любит гневаться на человека. Она проявляет предвзятость в его пользу. Что-то в человеке ее подкупает или забавляет. Она гордится красивым домом или добротной лодкой так же как собака своим ошейником. Она терпит от человека такое, чего не принимает ни от какой другой породы животных, и другие живые существа подвергаются с его стороны такому же вымогательству. Все ядовитое и жгучее, что есть в цветах, в змеях уходит в тень с приближением человека или выдает себя самой своей окраской. Но если человек хоть раз не угодит природе, он погиб.

Рыцарь. А я ей не ужогу, если женюсь на Ундине? Вы-то угодили природе, когда удочерили это дитя? Отдайте мне Ундину, друзья мои!

Август. Отдать вам Ундину! Где она в данную минуту, эта Ундина? Вернется ли когда-нибудь Ундина? Когда она вот так исчезает, нам часто кажется,

что это навсегда! Смотрите, ищите сколько угодно, от нее не остается и следа. Никогда она не желала иной одежды кроме той, что на ней, никогда у нее не было игрушек, сундучка... Когда она уходит, то уходит вся целиком. Когда она уходит, она не возвращается. Ундина — это греза. Нет Ундины. Ты веришь в Ундину, Евгения?

Евгения. Я верю, что у тебя ум за разум заходит, мой бедный Август. Это все мозельское вино... Оно такое коварное... Все равно как история с золотыми блестками...

Август. Ах, да, блестки!

Рыцарь. Ты свихнулся на своих блестках. Что же касается Ундины, то теперь, когда я выслушал твои доводы, я задаюсь вопросом: а вдруг ты прав?.. Я как и ты... будто грежу наяву...

Август. Но я-то хорошо помню, что видел ее, мою маленькую Ундину. Слышу ее голос, ее смех; вижу, как она выбрасывает за окно форель весом в пол-ливра. Но она не вернется, я не удивлюсь, если она будет подавать о себе вести только молниями, бурями, будет говорить, что любит нас, только устами волн, ласкающихся у наших ног, дождя, падающего на наши щеки, либо через морскую рыбу, которая попадет в мою сеть вместе со щуками...

Евгения. Не обессудьте нас сеньер, каждый раз, как он пропустит стаканчик, так и принимается болтать!

Август. И я еще не все рассказал рыцарю! Как выглядел берег вокруг колыбели, где мы нашли Ундину! Весь во впадинах, какие оставляют на песке распростертые тела обнявшихся влюбленных. Их были сотни, тысячи... Словно тысячи пар устремились на край озера и от их любви родилась Ундина...

Евгения. Ну вот, начинается!

Август. И ни единого следа от пальца на ступне, вы меня понимаете? Сотни тел и ни одной ноги!..

Евгения. С вашего разрешения, сеньер, мы пойдем спать!

Август. Совсем свежие отпечатки, усеянные кусточками перламутра и слюды...

Евгения. Опять слюда! Это и впрямь надоест может!.. Пойдем, Август, поговорим об Ундине завтра.

Август. Если она возвратится!

Рыцарь. Возвратится или нет, я буду ее ждать...

Растягивается в кресле.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Рыцарь, потом Ундина.

Глубина жижины становится прозрачной. Появляется русалка.

Русалка. Возьми меня, прекрасный рыцарь.

Рыцарь. Что?

Русалка. Обними меня!

Рыцарь. Простите, что вы сказали?

Русалка. Обними меня, прекрасный рыцарь.

Рыцарь. Обнять вас? С какой стати!

Русалка. Нужно ли мне раздеться донага, прекрасный рыцарь?

Рыцарь. Не вижу в этом необходимости... Как вам угодно.

Русалка. Нужно мне лечь на спину? Или лечь на бок?

Ундина (*внезапно возникает*). Какая же ты тушица! Какой у тебя дурацкий вид!

Русалка исчезает.

Рыцарь (*обнимая Унди́ну*). Моя маленькая Унди́на, что это за комедия?

Унди́на. Это одна из ревнивых соседок. Они не хотят, чтобы я тебя любила! Они говорят, что ты первый встречный. Что любая нахалка может тебя соблазнить...

Рыцарь. Пусть только попробует, любимая!

Новое видение.

Вторая русалка. Не бери меня!

Рыцарь. А теперь эта, что она говорит?

Вторая русалка. Не бери меня, прекрасный рыцарь! Этого хлеба я не ем!

Рыцарь. Какого хлеба?

Унди́на. Раз тебя не победила наглость, они говорят, что ты в два счета соблазнишься стыдливостью... Они говорят, что все бедняги мужчины такие...

Вторая русалка. Не расплетай мои косы, не ласкай мои бедра, прекрасный рыцарь!

Рыцарь. Она недурна! Они послали ко мне самую красивую?

Унди́на. Нет! Самую умную. О, Ганс, миленький, обними меня. Взгляни на эту дуреху... Как глупо, когда женщина сама себя предлагает!.. Ладно, можешь уходить, ты тоже!

Русалка исчезает. Появляется другая.

Рыцарь. Еще одна!

Унди́на. Ну, нет! Так я не играю! Вы должны были появляться только по двое.

Рыцарь. Оставь ее. Она что-то говорит...

Ундина. Пусть убирается! Это песня трех сестер. Против нее не устоит ни один водяной...

Рыцарь. Говори, молодая особа!

Третья русалка.

Hans Wittenstein zu Wittenstein,

Не жить мне без тебя и дня!

Alles was ist dein ist mein.

Люби, не покидай меня!

Рыцарь. Bravo! Это очень мило.

Ундина. Чем мило?

Рыцарь. Это просто. Это очаровательно. Должно быть, приблизительно такую песню поют сирены.

Ундина. Вот именно. Этой песне они и подражают!.. Вот и вторая сестра! Не слушай ее!

Вторая русалка становится рядом с первой.

Рыцарь. Ты мне не доверяешь?

Ундина. О, любимый, не слушай!

Рыцарь. Чего стоят веревки Одиссея³ по сравнению с твоими руками!

Ундина (*русалке*). Ну, ты! Убирайся! Да поживее!

Четвертая русалка.

Люблю тебя с такою силой,

Что бредишь мною ты во сне.

Твой жаркий поцелуй, мой милый,

Вернет и жизнь и радость мне!

Ундина. На том и конец, не правда ли?

Рыцарь. По счастью, еще нет. Вот и третья...

Ундина. Разве ты не видишь, что у нее нет ног, отдельных ног, что у нее хвост... Попроси ее поши-

ре расставить ноги, и ты убедишься... А я настоящая женщина... Я могу сделать это... Смотри!..

Рыцарь. Что ты выдумываешь! Ваша очередь, барышня!

Ундина. Ты воображаешь, что очень весело слушать, как другие говорят то, что ты и сама думаешь, но не умеешь высказать?

Рыцарь. Такова участь всех людей, за исключением поэта Вольффрама фон Эшенбаха⁴, который умеет высказывать то, чего не думает... Тише!

Пятая русалка.

Темнеет. Слышен лай собак...
Я плачу в грустном ожиданье.
Я жду тебя! Горит очаг.
Не отдаляй же час свиданья!

Рыцарь. Восхитительно! Пусть она повторит. Ты выучишь это наизусть для наших званых вечеров...

Ундина. Эй, ты, не смей оставаться ни минуты дольше, уходи!

Русалка. Ты проиграла, Ундина, ты проиграла!

Рыцарь. Что ты проиграла?

Русалка. Пари! Он держит тебя в объятиях, Ундина, но смотрит на меня. Он тебя целует, но слушает меня. Он тебя обманет.

Ундина. Разве ты не знаешь, что у людей принято высказывать свою любовь устами таких дур, как ты, которые поют и читают стихи? Их называют поэтами. Ты поэт. Ты дура!..

Русалка. Если ты позволяешь ему обманывать тебя при посредстве музыки и красоты,— дело твое! Ты проиграла!

Ундина. Нет. Он смеется над вами. Я выиграла.

Русалка. Значит, я могу сказать, что ты принимаешь условие? Что договор остается в силе?

Рыцарь. Какой договор?

Ундина. Да, можешь это сказать. Можешь сказать это зависти, ревности, тщеславию...

Русалка. Вот и прекрасно!

Ундина. Скажи тем, кто копошится, кто плавает, кто растит янтарь, кто покрыт чешуей, кто несет яйца миллиардами...

Русалка. Увидишь, интереснее ли быть живородящей!

Рыцарь. О чем вы толкуете, в конце концов?

Ундина. Иди, скажи им! Уходи...

Русалка. Через минуту все узнают. Включая того, кого я имею в виду?

Ундина. А этого прокляни.

Русалка исчезает.

Рыцарь. Какое бурное объяснение! Какая ярость!

Ундина. Да, это моя семья!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Ундина. Рыцарь.

Они сидят. Она бросается к нему.

Ундина. Теперь ты попался, да?

Рыцарь. Душою и телом...

Ундина. Ты больше не бьешься. Не кричишь и не дергаешь ногами.

Рыцарь. Я ослабел от счастья...

Ундина. Понадобилось всего двадцать минут. На шуку требуется полчаса.

Рыцарь. Потребовалась вся моя жизнь. Еще в детстве крючок срывал меня со стула, из лодки, с коня... Ты тянула меня к себе...

Ундина. Он в сердце, да? Не в губе, не в мякоти щеки?

Рыцарь. Он вонзился слишком глубоко, ты никогда не сможешь его вытащить...

Ундина. Как тебе кажется, я слишком много от тебя потребую, если попрошу оставить наши рыбки метафоры и сказать прямо, что ты меня любишь?

Ганс (*опускаясь на одно колено*). Нет. Вот. Я говорю тебе, что я тебя люблю.

Ундина. Ты уже говорил это раньше?

Рыцарь. Я произносил похожее слово, но оно имело противоположный смысл.

Ундина. Ты часто его произносил?

Рыцарь. Я говорил его всем, кого не любил.

Ундина. Подробнее! Расскажи мне о всех моих победах! Расскажи, кого ты покинул ради меня!

Рыцарь. Пустяки... Почти никого. Всех женщин.

Ундина. Злых, недостойных, бородатых?

Рыцарь. Добрых, красивых!

Ундина. О, Ганс, мне хотелось бы подарить тебе вселенную, и вот я уже отторгаю прекраснейшую её половину. Когда-нибудь ты меня этим попрекнешь.

Рыцарь. Они ничто рядом с тобой. Ты их увидишь...

Ундина. Где я их увижу?

Рыцарь. Там, где они есть. На манежах. На краю колодцев. У греков, торгующих бархатом. Завтра мы едем...

Ундина. Ты хочешь, чтобы мы так скоро оставили наш дом, наше озеро?

Рыцарь. Я хочу, чтобы мир увидел самое совершенное из всего, чем он владеет... Разве ты не знаешь, что ты и есть самое совершенное?

Ундина. Я об этом догадываюсь. Но есть ли у мира глаза, чтобы это увидеть?

Рыцарь. И ты тоже увидишь мир. Вам нельзя больше не замечать друг друга. Мир необыкновенно прекрасен, Ундина!

Ундина. О, Ганс, я хотела бы знать о мире людей только одно: там расстаются?

Рыцарь. Что ты имеешь в виду?

Ундина. Я имею в виду каких-нибудь короля и королеву, которые любят друг друга. Расстаются ли они?

Рыцарь. Я все меньше и меньше тебя понимаю.

Ундина. Сейчас объясню. Возьми, к примеру, акул-катранов. Я не особенно люблю катранов, всегда кажется, будто они охрипли. Но это не так, просто у них есть голосовые связки. А поскольку рот у них всегда открыт, морская соль сушит им бронхи...

Рыцарь. Ты отвлекаешься со своими акулами...

Ундина. Нет, нет! Это просто пример. Как только акулы-катраны составят пару, Ганс, они уже не расстаются никогда. Они проплывают тысячи миль на расстоянии пальца друг от друга, и самка лишь на голову отстает от самца... Так вот, король и королева тоже живут в такой близости? Королева чуть-чуть позади короля, как и подобает?

Рыцарь. Это было бы нелегко. Король и королева имеют каждый свои апартаменты, свои кареты, свои сады...

Ундина. Какое страшное слово «каждый»! А почему?

Рыцарь. Потому что у каждого есть свои дела и свой досуг...

Ундина. Но катраны тоже заняты совершенно разными делами! Им надо себя прокормить. Им надо охотиться, порою преследовать косяки из миллиардов сельдей, у них имеются миллиарды причин плыть одному направо, другой налево. И однако они всю свою жизнь живут прилепившись друг к другу, параллельно. Между ними не протиснулся бы и плоскотелый скат.

Рыцарь. Боюсь, что между королем и королевой могут двадцать раз в день проплывать киты. Король присматривает за своими министрами, королева — за своими садовниками. Их уносят разные течения.

Ундина. Вот, вот, поговорим о течениях. Катранам тоже приходится преодолевать сотни течений! Среди них есть ледяные и горячие. Самец катран может любить холодные течения, а его подруга — теплые... Есть течения более могучие, чем прилив и отлив... Они разбивают в щепы суда. И все же не могут даже на вершок отдалить друг от друга самца и самку акул-катранов.

Рыцарь. Это доказывает, что люди и акулы — животные разной породы.

Ундина. Но ты? Само собою разумеется, что ты меня не покинешь даже на секунду, даже на локоть!.. С тех пор, как я тебя полюбила, мое одиночество начинается в двух шагах от тебя.

Рыцарь. Да, Ундина.

Ундина. Ведь не видется больше, чем жить вплотную друг к другу?

Рыцарь. К чему ты ведешь, маленькая Ундина?

Ундина. О, Ганс, выслушай меня. Я знаю кого-то, кто может соединить нас навсегда, сделает так, что

мы срастемся, как иногда срастаются близнецы, хочешь, я позову его?

Рыцарь. А наши руки, Ундина, ты забыла о них?

Ундина. Руки служат людям, главным образом, чтобы высвободиться из объятий. О, нет, чем больше я думаю, тем яснее вижу, что это единственное средство сделать так, чтобы муж и жена не оказались брошенными на произвол зависти, злобы. Друг, который может соединить нас, уже здесь. Он все сделает. Скажи только слово!

Рыцарь. А разве твои пресловутые акулы срастаются?

Ундина. Ты прав, нет. Но ведь они не бывают в человеческом мире. Нас свяжет в талии пояс из живой плоти. Я уже все обдумала. Он будет гибкий, не помешает нам обниматься.

Рыцарь. А как же война, малютка Ундина?

Ундина. Вот именно. На войне я буду с тобой. Мы будем всадником о двух головах. Враг обратится в бегство. Мы прославимся. Я его позову, хорошо?

Рыцарь. А смерть?

Ундина. Вот именно. Пояс нельзя будет развязать. Я все предусмотрела; увидишь, какая я буду скромная. Я заткну уши, зажмурю глаза. Ты и не заметишь, что я с тобой срослась... Позвать его?

Рыцарь. Нет. Сперва попробуем просто так, Ундина. Потом посмотрим... За сегодняшнюю ночь ты не боишься?

Ундина. Боюсь... Ты не веришь, а я вижу, что ты думаешь... Конечно,— думаешь ты,— она права, я стану сжимать ее в объятиях день и ночь, но время от времени буду оставлять ее только на минутку, чтобы глотнуть свежего воздуха, поиграть в кости...

Рыцарь. Чтобы взглянуть на своего коня...

Ундина. Шути, шути! Я уверена, что ты будешь ждать, пока я засну, чтобы сбегать взглянуть на своего коня... Когда этот ангелок уснет,— скажешь ты себе,— этот ангелок, которого я ни за что на свете не покину на самую короткую минутку, я выйду на добрую долгую минуту и погляжу на своего коня!.. Не дожидаться тебе, чтобы я уснула... Спать будешь ты сам...

Рыцарь. Сомневаюсь, Ундина, милочка... Счастье не даст мне спать всю ночь... Впрочем, мне и в самом деле надо сходить поглядеть на коня. Не только потому, что на заре мы уедем... Но и потому, что я все ему рассказываю.

Ундина. Ах, так? Прекрасно!

Рыцарь. Что ты делаешь?

Ундина. На эту ночь я сама изготовлю пояс. Тебе не помешает, если я обвяжу нас этим ремнем?

Рыцарь. Нет, милая...

Ундина. И этой цепью?

Рыцарь. Нет, милая.

Ундина. И этой сетью?.. Ты скинешь ее, когда я засну. Видишь, я уже зеваю... Спокойной ночи, мой любимый.

Рыцарь. Согласен... Но еще никогда в этом мире мужчина и женщина не бывали так тесно связаны друг с другом.

Ундина вдруг выпрямляется.

Ундина. О, да! Ну, а теперь спи!

Движением рук она навевает на рыцаря дремоту.

Тот снова падает и засыпает.

Русалка. Прощай, Ундина.

Ундина. Эй, ты, позаботься о двух сотнях раненых семг и займись рыбьей молодью. Рано утром проведи двойной косяк под морским водопадом, а в полдень под саргассами. Остерегайся реки, именуемой Рейном. Она для них слишком грузно течет.

Другая русалка. Прощай, Ундина...

Ундина. А ты будешь вместо меня сторожить жемчуга. Найдешь их все в зале гротов... Я сложила их в узор, пусть так и останутся на несколько дней. Тебе это ничего не скажет. Надо уметь читать... Это мое имя...

Водяной царь. В последний раз говорю: не предавай нас! Не ходи к людям!

Ундина. Я иду к одному человеку.

Водяной царь. Он тебе изменит. Он тебя покинет...

Ундина. Не верю тебе.

Водяной царь. Значит, договор остается в силе, дурочка!.. Если он тебя обманет, ты выполнишь условие, позор Озера!

Рыцарь (*поворачивается во сне*). Ундина!.. Украшение Озера!

Ундина. Как удобно, когда можно отвечать сразу двумя устами!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Парадная зала в королевском дворце.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Камергер. Главный смотритель театров. Дрессировщик тюленей. Водяной царь в обличье иллюзиониста.

Камергер. Господа, взываю к вашей изобретательности равно как способности к экспромтам. Через несколько минут король соизволит принимать в этой зале рыцаря фон Виттенштейн, который решил, наконец, после трехмесячного медового месяца представить ко двору молодую супругу. Его величеству угодно, чтобы торжество завершилось дивертисментом... Господин главный смотритель королевских театров, что вы можете нам предложить?

Главный смотритель. «Саламбо»⁵!

Камергер. «Саламбо» — это грустно. И вы нам это уже показывали в воскресенье по случаю годовщины смерти маркграфини.

Главный смотритель. Это грустно, но это готово...

Камергер. Более готово, чем «Орфей», для которого доставили из королевского зверинца волков и барсуков? Более готово, чем «Игра об Адаме и Еве», не требующая костюмов?

Главный смотритель. Ваша светлость, моя театральная карьера держится на том, что я первый понял: для сцены каждого театра одно годится, а другое запрещено, и с этим невозможно не считаться...

Камергер. Главный смотритель, время не терпит!

Главный смотритель. По сути дела, каждый театр построен только для одной пьесы, и един-

ственный секрет управления им состоит в том, чтобы угадать, для какой именно. Задача нелегкая, особенно, когда пьеса еще не написана; отсюда — сотни провалов до того дня, когда под волосами Мелисанды или под доспехами Гектора⁶ на сцену проникает ключ к данному театру, его душа, осмелюсь сказать, его пол...

Ка мергер. Главный зритель...

Главный зритель. Я руководил одним театром, который бывал пуст, когда ставили классиков, и приходил в возбуждение только когда давали фарс с гусарами: то был театр женского пола... Другой — только когда пели хоры кастратов из Сикстинской капеллы, то был извращенный театр. И если в прошлом году мне пришлось закрыть Парковый театр⁷, то по соображениям государственным и ради высокого приличия, ибо он мог выдержать только пьесу, где показывается кровосмешение...

Ка мергер. А ключ к нашей королевской сцене — это «Саламбо»?

Главный зритель. Совершенно верно. При одном имени Саламбо расслабляются напряженные, увы, от природы голосовые связки наших хористов, и мы получаем голоса, звучащие, правда, немного не в лад, но зато громкие. Трели, которые замирают и застревают в горле у Фауста, внезапно обретают живость; те самые колонны, что десять артелей не могли поднять без брусьев и подпорок, сами встают, словно бирюльки, по мановению пальца одного-единственного машиниста сцены. Уныние, неподчинение, пыль стремительно улетают из театра вместе с пресловутыми голубками⁸. Порой, когда я ставлю немецкую оперу, я вижу из своей ложи, как какой-нибудь певец, трепеща от радости, изрыгает

такие громоподобные звуки, что заглушает оркестр и вызывает аплодисменты и довольство публики; а все потому, что единственный среди товарищей по сцене, старательно выводящих нордические арии, этот певец, по рассеянности, поет свою партию из «Саламбо»... Да, ваша светлость, мой театр играл «Саламбо» сотню раз, и однако это единственная пьеса, которую могут по моему требованию симпровизировать мои артисты.

Ка мер гер р. Весьма сожалею. Было бы неуместно показывать паре влюбленных прискорбный исход любви. А ты! Ты кто такой?

Дрессировщик. Я дрессировщик тюленей, ваша светлость.

Ка мер гер р. А что они умеют делать, твои тюлени?

Дрессировщик. Они не поют «Саламбо», ваша светлость.

Ка мер гер р. И совершенно напрасно. Тюлени, поющие «Саламбо», составили бы весьма подходящую интермедию. Впрочем, мне говорили, что у твоего тюленя-самца имеется борода, которая делает его очень похожим на тестя нашего короля?

Дрессировщик. Можно ее сбрить, ваша светлость.

Ка мер гер р. По досадному совпадению, тесть нашего короля не далее как вчера велел сбрить свою... Постараемся избежать даже тени скандала. А ты, последний! Ты кто такой?

Иллюзионист. Я иллюзионист, ваша светлость.

Ка мер гер р. Где твой реквизит?

Иллюзионист. Я иллюзионист без реквизита.

Ка мер гер р. Не шути. Невозможно без необходимого реквизита показать летящую комету с длинным

хвостом или наводнение в городе Ис⁹, тем более, его колокольни, бьющие во все колокола.

Иллюзионист. Нет, возможно.

Пролетает комета. Возникает город Ис.

Камергер. Никаких нет! Нельзя ввести в залу Троянского коня¹⁰, тем более с дымящимися ноздрями, нельзя воздвигнуть пирамиды, тем более, окруженные верблюдами, без необходимого реквизита.

Входит Троянский конь. Встают пирамиды.

Иллюзионист. Нет, можно.

Камергер. Что за упрямец!

Поэт. Ваша светлость!..

Камергер. Оставь меня в покое! Нельзя внешне вырастить Иудейское дерево¹¹, нельзя без реквизита заставить обнаженную Венеру появиться рядом с камергером!

Рядом с камергером возникает нагая Венера.

Иллюзионист. Нет, можно.

Поэт. Ваша светлость!.. (кланяется). Сударыня!

Камергер (ошарашенный). Я всегда задавался вопросом, кто эти женщины, которых вы, маги, принуждаете появляться в таком виде... Разбитные горожанки?

Иллюзионист. Или самолично Венера. Это зависит от умения иллюзиониста.

Камергер. Твое-то умение мне кажется бесспорным... Что ты предлагаешь?

Иллюзионист. С позволения вашей светлости, обстоятельства сами мне подскажут.

Камергер. Это значит оказать тебе большое доверие.

Иллюзионист. Весь к вашим услугам. Могу предложить немедленно в виде пробы маленький дивертисмент лично для вас.

Камергер. Вижу, ты и мысли читать умеешь.

Иллюзионист. Поскольку волнующую вас мысль разделяет весь двор, моя заслуга невелика. Да, ваша светлость, я могу, как вы того желаете, как желают все дамы в городе, поставить лицом к лицу мужчипу и женщину, которые вот уже три месяца избегают друг друга.

Камергер. Прямо здесь?

Иллюзионист. И в эту самую минуту. Только рассадите любопытствующих.

Камергер. Ты строишь себе иллюзии. Правда, это твое ремесло... Но поразмысли, ведь мужчина, о котором идет речь, занимается сейчас последними подробностями придворного туалета своей супруги и с восхищением оглядывает ее. А женщина, со своей стороны, поклялась из ревности и с досады не появляться при дворе.

Иллюзионист. Да. Но предположите, что какая-нибудь собачонка стащит перчатку юной супруги и принесет ее в эту залу... Что сделает супруг? Предположите, что птичка, принадлежащая женщине, выпорхнет из клетки и прилетит сюда? Любимая птичка...

Камергер. Это не продвинет тебя ни на шаг!.. Стражу с алебардой вменено в высокую обязанность удалять собак из королевских покоев. Рядом с клеткой находятся на свободе два сокола без колпачков, принадлежащие принцу.

Иллюзионист. Да... Но предположите, что страж с алебардой поскользнется на банановой кожуре, что газель отвлечет соколов от снегиря.

Ка мергер. В нашей стране неизвестны ни бапаны, ни газели.

Иллюзионист. Да... Нет... Известны, вот уже целый час. Африканский посланник очищал один из этих плодов, следуя за вами на аудиенцию, а среди его подарков я видел животных пустыни. В области магии за вами не будет последнего слова, ваша светлость! Поверьте!.. Подайте сигнал, рассадите зрителей, и вы увидите, как сюда войдут Берта и рыцарь...

Ка мергер. Сходить за дамами!

Поэт. Ваша светлость, зачем делать такое недоброе дело?

Ка мергер. Все равно, все станет известно, не сегодня, так завтра. Вы же знаете, какие языки при дворе.

Поэт. Это занятие придворных, а не наше.

Ка мергер. Любезный мой поэт, когда вы достигнете моего возраста, жизнь покажется вам слишком скучным театральным представлением. Ей в невероятной степени не хватает режиссуры. Я всегда видел, как в жизни запаздывают отдельные сцены, комкаются развязки. Те, кто должен бы умереть от любви, если и умирают, то с большим трудом, уже в старости. Раз уж у меня имеется под рукою волшебник, я наконец позволю себе роскошь поглядеть, как разворачивается жизнь с быстротой и мерой, соответствующими не только любопытству, но и страсти человеческой...

Поэт. Выберите не столь невинную жертву.

Ка мергер. Эта невинная жертва, мой юный друг, отвратила рыцаря от его клятвы. Рано или поздно ее должно настичь возмездие. Если рыцарь и Берта встретятся и объяснятся сегодня, избавив нас от трехмесячного ожидания, которое потребова-

лось бы в жизни, если они коснутся друг друга поутру, если обнимутся вечером, вместо того, чтобы отложить свои объяснения и поцелуй до зимы или до следующей осени, суть интриги не изменится, но она станет более правдивой, более крепко сколоченной, а также и более свежей. В этом немалое преимущество театра перед жизнью, на сцене ничего не успевает прогоркнуть... Начинайте, волшебник!.. Что это за шум?

Паж. Это упал страж с алебардой.

Камергер. Все идет хорошо.

Поэт. Ваша светлость! Негожее это дело ускорять жизнь! Вы лишите ее величайших двух благ — рассеянности и лени. Кто вам сказал, что рыцарь и Берта по небрежности либо по привычке не избегали бы друг друга всю свою жизнь... Что это за крик?

Паж. Это соколы напали на газель.

Камергер. Превосходно! Давайте спрячемся... И вы надеетесь, волшебник, поддерживать такой ход событий в течение всего дня?

Иллюзионист. А вот и птичка...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Берта. Рыцарь.

Рыцарь (*поднимая перчатку*). Наконец-то! Я ее нашел!

Берта (*ловя птичку*). Наконец-то! Я держу ее! Расходятся каждый в свою сторону, не видя друг друга.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

*Спрятавшиеся зрители высовывают головы
и оживляются.*

Поэт. Ах! Можно перевести дух!..

Да мы. Вы смеетесь над нами, камергер?

Камергер. Что за шутки, волшебник?

Иллюзионист. Ошибка режиссуры, как вы изволите выразаться. Сейчас я ее исправлю.

Камергер. Встретятся они или нет?

Иллюзионист. Чтобы не оставалось сомнений в их встрече, я их заставлю столкнуться.

Все снова прячутся за колонны.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Берта. Рыцарь.

Рыцарь (*разглаживая вторую перчатку*). Вот и пара!

Берта (*снова ловя птичку*). Ах, ты опять улетел!
Они резко наталкиваются друг на друга. Берта чуть не падает. Рыцарь хватает ее за руки. Они узнают друг друга.

Рыцарь. Ох, простите, Берта!

Берта. Простите, рыцарь.

Рыцарь. Я вам сделал очень больно?

Берта. Я совершенно ничего не почувствовала.

Рыцарь. Я грубиян?

Берта. Да...

Они медленно идут каждый в свою сторону. Наконец Берта останавливается.

Берта. Приятное свадебное путешествие?

Рыцарь. Чудесное путешествие...

Берта. Блондинка, не правда ли?

Рыцарь. Блондинка. Там, где она, там солнце.

Берта. Солнечные ночи... А я люблю сумрак.

Рыцарь. У каждого свой вкус.

Берта. Так вы, должно быть, страдали в день вашего отъезда, когда целовали меня под сенью дуба?

Рыцарь. Берта!

Берта. А я не страдала... Мне нравилось...

Рыцарь. Моя жена тут, неподалеку, Берта!

Берта. Мне было хорошо в ваших объятиях. Хорошо навсегда!

Рыцарь. Вы сами разомкнули эти объятия! Кто, не теряя ни минуты увел меня в толпу ваших друзей из тщеславия, чтобы похвалиться уже не знаю чем?

Берта. Даже обручальный перстень снимают, чтобы показать его...

Рыцарь. Весьма сожалею. Перстень не понял.

Берта. Он сделал то, что делают все перстни... Он покатился... Под кровать...

Рыцарь. Что означает этот язык?

Берта. Я, несомненно ошиблась, говоря о кровати... Вы спали на гумне, на сене, среди крестьян... Вам приходилось наутро, после ночей любви очищаться щеткой?

Рыцарь. Из ваших слов я заключаю, что у вас еще не было ночей любви.

Берта. Не тревожьтесь. Будут...

Рыцарь. Не сомпеваюсь. Но если хотите послушаться совета на будущее, оставьте своего любимого при себе, не отдаляйте его... Хоть вы, может быть, и не поверите, ваши черты на расстоянии стираются из памяти.

Берта. Будьте покойны, больше я его не выпущу из рук...

Рыцарь. Кто бы он ни был, не отсылайте его, так себялюбиво, далеко от себя, навстречу бессмысленным опасностям и смерти...

Берта. Надо думать, вам было очень страшно в этом лесу?

Рыцарь. Говорят, вы высокомерны. Когда вы его увидите, бегите к нему без колебаний и поцелуйте его на глазах у всего двора.

Берта. Так я и намереваюсь сделать... И даже если мы будем наедине!

*Она целует рыцаря и хочет убежать,
он ее удерживает.*

Рыцарь. О, Берта! Вы сама гордость! Само достоинство!

Берта. Я само смирение... Само бесстыдство...

Рыцарь. Какую игру вы ведете? Чего вы хотите?

Берта. Не сжимайте так мою руку. Я в ней держу птицу.

Рыцарь. Я люблю свою жену. И ничто меня с нею не разлучит.

Берта. Это снегирь. Вы его придушили!

Рыцарь. Если бы лес меня поглотил, вы бы обо мне и не вспомнили. Я вернулся счастливым, и для вас мое счастье непереносимо... Выпустите эту птицу!

Берта. Нет. Его сердце бьется. В эту минуту мне необходимо, чтобы это сердечко билось рядом с моим.

Рыцарь. В чем ваша тайна? Откройте ее мне!

Берта (*показывая ему мертвую птицу*). Вот... Вы его убили.

Рыцарь. Простите, Берта!

*Он опускается на одно колено. Берта с минуты
смотрит на него.*

Берта. Мою тайну, Ганс? Мою тайну и мою вину? Я думала, что вы ее поняли. Она в том, что я верила в славу. Не в мою. В славу человека, которого я любила, которого отличила еще в детстве, которого однажды вечером увлекла под сень дуба, где некогда, маленькой девочкой, вырезала на коре его имя... Так что имя росло с каждым годом!.. Я думала, женщина — это не провозжатая, которая ведет мужчину к трапезе, к отдыху, ко сну, а паж, который загоняет на истинного охотника все, что есть в мире неукротимого и неуловимого. Я чувствовала себя в силах загнать на вас единорога, дракона, даже смерть. Я брюнетка. Я верила, что в этом лесу мой суженый будет сиять моим светом, что в каждой сгустке тьмы он увидит мои очертания, в каждой тени — движение моей руки. Я хотела заманить его в самое сердце той чести, той сумрачной славы, чьим самым скромным символом я была. Я не боялась. Знала, что он станет победителем ночи, раз он смог победить меня. Я хотела, чтобы он был черным рыцарем... Могла ли я подумать, что в один прекрасный вечер все на свете ели расступятся перед белокурой головкой?

Рыцарь. Мог ли подумать я сам?

Берта. Вот моя вина. Я ее признала, и нечего об этом больше говорить. Теперь я буду вырезать имена только на пробковых дубах... Мужчина один со своею славой уже выглядит глупо. Женщина одна со своею славой просто смешна... Тем хуже для меня... Прощайте.

Рыцарь. Простите, Берта...

Берта (*беря из его рук снегиря*). Дайте... Я его унесу.

Расходятся в разные стороны.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Камергер. Иллюзионист. Поэт.

Иллюзионист. Вот!.. Вот сцена, которую можно было бы увидеть лишь следующей зимой, не прибеги вы к моим услугам!

Поэт. Ее вполне достаточно!.. Остановимся на этом!

Камергер. Ни в коем случае. Мне не терпится увидеть следующую!

Все дамы. Следующую, следующую!

Иллюзионист. Как прикажете. Которую?

Дама. Ту, где Ганс, склонившись над рыцарем, которого ранил, видит женскую грудь и узнает Берту.

Иллюзионист. Эта сцена остается для следующих веков¹², сударыня.

Камергер. Ту, где рыцарь и Берта в первый раз говорят об Ундине...

Иллюзионист. Сцену будущего года? Что ж, поглядим.

Все дамы вдруг уставились на лицо камергера.

Камергер. Что это у меня на щеках?

Иллюзионист. А, это издержки метода. У вас на лице борода, и ей уже полгода.

Они снова прячутся.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Берта. Рыцарь.

Они входят непринужденной походкой, один из сада, другая со двора.

Берта. Я вас искала, Ганс!

Ганс. Я вас искал, Берта!

Берта. Ганс, между нами не должно быть ни малейшей неясности. Мне невозможно быть вашим другом, если я не подруга Ундине. Доверьте мне ее на этот вечер. Я переписываю «Энеиду» и «Скорбные элегии» и сама делаю к ним рисунки. Ундина поможет мне позолотить слезы Овидия¹³.

Рыцарь. Спасибо, Берта. Но сомневаюсь...

Берта. Ундина не любит писать?

Рыцарь. Нет, Ундина не умеет писать.

Берта. Как она права! Она может беззаветно отдаваться творениям других людей. Она может читать романы, не завидуя автору.

Рыцарь. Нет, она не читает.

Берта. Она не любит романы?

Рыцарь. Нет. Она не умеет читать.

Берта. Как я ей завидую! Что за прелестная нимфа будет жить у нас среди всех педанток и ханжей! Каким это станет отдохновением лицеизреть наконец саму природу, беспечно предающуюся танцам и музыке!

Рыцарь. Вы этого не увидите.

Берта. Неужели вы настолько ее ревнуете?

Рыцарь. Нет. Она не умеет танцевать.

Берта. Вы шутите, Ганс! Вы женились на женищине, которая не читает, не пишет и не танцует?

Рыцарь. Да. И не декламирует стихи. И не играет на флейте с наконечником. И не скачет верхом. И плачет на охоте.

Берта. А что же она делает?

Рыцарь. Она плавает... Немного...

Берта. Какой ангел! Но берегитесь. При дворе не очень хорошо быть невежественной. Двор просто кишит учителями. Как же будет выглядеть Ундина?

Рыцарь. Так как есть. Как само очарование.

Берта. Как немое очарование или как говорливое очарование? Она имеет право не знать ничего, если умест молчать.

Рыцарь. Как раз насчет этого, Берта, я немного беспокоюсь. Ундина говорлива, а поскольку единственным ее учителем была природа, синтаксис она узнала от древесных лягушек, а произношение от ветра. Сейчас как раз время турниров и охоты: я дрожу при мысли, какие слова могут вырваться у Ундины во время этих зрелищ, ведь каждый выезд, каждая фигура на манеже, каждый поворот имеют свое название. Я обучаю ее безуспешно. Она сбивает меня поцелуем при каждом новом для нее слове, при каждом специальном термине, а их целых тридцать три в одном лишь первом преломлении копий, которое я вчера пытался ей растолковать.

Берта. Тридцать четыре!..

Рыцарь. Верно, черт возьми, вместе с ослаблением ворота получается тридцать четыре! Где была моя голова? Bravo, Берта!

Берта. Вы ошиблись на один поцелуй... Поручите Ундину мне, Ганс. Со мною ей не будет грозить такая опасность. Я знаю толк в сражении на копьях и в псовой охоте.

Рыцарь. Главное, что ей необходимо знать Берта, это отличительные знаки и привилегии Виттенштейнов, а это тайна.

Берта. Когда-то это была почти что и моя тайна. Спрашивайте.

Рыцарь. Если ответите, считайте, что я вам проиграл заклад! Какие цвета должны быть на турнирном щите Виттенштейна при выезде на арену?

Берта. Королевская лазурь, щит разделен на четыре части, в каждой по снегирю с обрубленным хвостом.

Рыцарь. Ай да Берта! А как должен держаться Виттенштейн, преодолевая барьер?

Берта. Копье наперевес. Коня пустить иноходью.

Рыцарь. Какой чудесной женой рыцаря станете вы когда-нибудь, Берта!

Уходят вместе.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Камергер. Иллюзионист. Поэт. Дамы.

Камергер. Bravo! И как же прав Виттенштейн! Графиня Берта умеет все, знает все. Она идеальная женщина: она губит свое здоровье, разрисовывая книжные переилеты!.. Мы просто не дождемся третьей сцены, волшебник!..

Дама. Той, где Берта видит, как Ундина, обнаженная, пляшет с гномами при свете луны.

Иллюзионист. Вы опять путаете, сударыня.

Камергер. Сора Берты и Ундины?

Поэт. Что бы вы сказали, если бы я предложил годовую отсрочку?

Паж. Ваша светлость, приближается время приема.

Камергер. Черт возьми, это верно, увы. Я только успею сходить за юной особой и, поскольку она болтушка, дать ей наставления, которые хотя бы на сегодня избавят нас от неловкости... Но вы, волшебник, не воспользуетесь моим отсутствием, чтобы показать какую-нибудь новую сцену?

Иллюзионист. Только совсем коротенькую.

Камергер. Надеюсь, она не будет связана с этой интригой?

Иллюзионист. Она ни с чем не будет связана. Но доставит удовольствие старому рыбаку, который мне очень по душе.

Камергер уходит. Входят с одной стороны Виоланта, с другой Август.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Август (*направляясь к графине*). Вы и есть графиня Виоланта?

Виоланта. Да, добрый человек... (*Склоняется к нему. Он видит золотую блестку у нее в глазу.*) Чего тебе надо?

Август. Больше ничего... У меня была причина... Это просто чудесно... Благодарствую...

Они исчезают.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Ундина. Камергер. Поэт.

Камергер спускается с лестницы, ведя за руку Ундину и репетируя с нею придворные поклоны.

Камергер. Совершенно невозможно!

Ундина. Я была бы так рада!..

Ка мергер. Превратить обычный третьестепенный прием в водяное празднество практически невозможно... К тому же это бы запретил королевский смотритель финансов: наполнение бассейна водой каждый раз обходится нам в целое состояние.

Ундина. Я бы вам устроила это бесплатно.

Ка мергер. Не настаивайте! Даже если бы наш король принимал князя рыб, пришлось бы из соображений экономии принимать его на суше.

Ундина. Я бы так выиграла в воде!

Ка мергер. Но не мы... Не я...

Ундина. Напротив. Именно вы выиграли бы в особенности. У вас потная рука. В воде это было бы незаметно.

Ка мергер. У меня рука не потная.

Ундина. Потная. Потрогайте ладонь.

Ка мергер. Госпожа супруга рыцаря, чувствуете ли вы себя в силах хоть на минуту прислушаться к советам, которые уберегут вас сегодня от неловкостей и даже скандала?

Ундина. Я готова слушать хоть целый час! Два часа, если вам угодно!

Ка мергер. Слушать, не перебивая?

Ундина. Клянусь! Нет ничего легче...

Ка мергер. Госпожа, двор — место священное...

Ундина. Простите! Одну минутку!

*Направляется к поэту, который держался в стороне,
а теперь идет к ней навстречу.*

Ундина. Вы поэт, не правда ли?

Поэт. Говорят, что да.

Ундина. Вы не очень красивый...

Поэт. И это тоже говорят... Говорят не так гром-

ко... Но я слышу еще лучше, потому что уши поэтов чувствительны только к шепоту.

Ундина. А разве писание стихов не украшает человека?

Поэт. Я был куда безобразнее!

Она смеется. Он отходит в сторону.

Ундина (*возвращаясь к камергеру*). Извините!

Камергер. Госпожа супруга рыцаря, двор — место священное, где человек должен держать в узде двух предателей, от коих не может избавиться: свою речь и свое лицо. Если ему страшно, они должны выражать мужество. Если он лжет — откровенность. Если ему доводится говорить правду, невредно, чтобы она звучала как неправда. Это придает правде двусмысленность, которая поможет при соприкосновении с лицемерием. Возьмем пример, который вы, по своей невинности, выбрали сами. Я отказываюсь от своего привычного примера с запахом пригоревшего жаркого. Да, у меня потная ладонь. Правая ладонь. Левая совершенно суха... Летом она у меня горит... Да, я это знаю и страдаю этим с детства. Когда я касался груди моей кормилицы, она путала мои губы и пальцы. И меня не утешает, что согласно легенде, я унаследовал эту особенность от своего прадеда Онульфа, который нечаянно опустил в святую воду не пальцы, а сжатый кулак... Но какой бы влажной ни была моя ладонь, рука у меня длинная, она дотягивается до трона и распоряжается фавором и опалой... Не понравиться мне, значит поставить под вопрос свое положение при дворе, положение своего мужа, особенно, когда насмеются над моими физическими недостатками, над моим физическим недостатком!.. Впрочем, я не вывожу отсюда никакой

морали... А теперь, прекрасная Ундина, если вы следили за моей мыслью, скажите как придворная дама, получившая предупреждение, какова моя правая ладонь?

Ундина. Потная... Так же как и ноги.

Камергер. Она ничего не поняла! Госпожа...

Ундина. Минуточку, разрешите?

Камергер. Нет! Ни за что на свете!

Она снова идет к поэту, который в свою очередь движется ей навстречу.

Ундина. Какое было ваше первое стихотворение?

Поэт. Самое великолепное.

Ундина. Самое великолепное из ваших стихов?

Поэт. Из всех вообще стихов. Оно также превосходит их, как вы всех остальных женщин.

Ундина. Вы очень скромны в своем тщеславии... Прочитайте его поскорее...

Поэт. Я его не помню. Я сочинил его во сне. А проснувшись, забыл.

Ундина. Надо было сразу записать.

Поэт. Именно это я себе и говорил. Я записал его даже слишком скоро... и записал во сне.

Она тихонько смеется. Он удаляется.

Камергер. Госпожа, допустим, рука у меня потная. Когда вы пожмете руки всем придворным, возможно, вы составите себе другое мнение... Допустим это и допустим, что я это допускаю... Но ведь король вы не скажете, что у него потная рука?

Ундина. Разумеется, нет.

Камергер. Bravo! Потому что он король?

Ундина. Нет! Потому что у него она сухая.

Ка мергер. Вы несносны! Я говорю: в случае, если бы она была потная!

Ундина. Вы не можете об этом судить. Она не потная.

Ка мергер. Ну, а если бы король спросил вас про бородавку у него на носу? Ведь у нашего короля, насколько я помню, имеется бородавка! — Не вынуждайте меня так громко кричать, прошу вас! — Если он спросит вас на что она похожа?

Ундина. Было бы очень странно, если бы монарх, которого ты видишь впервые в жизни, вздумал спросить тебя, на что похожа его бородавка.

Ка мергер. Но, госпожа, мы рассуждаем теоретически! Я просто стараюсь, чтобы вы поняли, что именно нужно было бы сказать, чтобы понравиться вам, если бы у вас самой была бородавка!..

Ундина. У меня никогда не будет бородавок. Можете ждать хоть всю жизнь...

Ка мергер. Она сумасшедшая...

Ундина. Знаете, бородавки выскакивают, когда дотронешься до черепахи...

Ка мергер. Не имеет значения.

Ундина. Впрочем, это не так опасно, как алепский чирей, который выскакивает, когда потрешься о рыбу-ската.

Ка мергер. Если угодно.

Ундина. Или как низкая тварь, которая только что задушила угря... Угорь благороден! Надо, чтобы проливалась его кровь!

Ка мергер. Она невыносима!

Поэт. Сударыня, камергер хочет только сказать, что не надо огорчать тех, кто уродлив, напоминая им об их уродствах.

Ундина. Пусть не будут уродами. Вот я, разве я уродлива?

Камергер. Поймите же, что учтивость — это своего рода помещение капитала, притом из самых выгодных. Когда вы состаритесь, вам скажут, из учтивости, что вы молоды, когда подурнеете, скажут, что вы красивы, и все это совершенно бесплатно.

Ундина. Я никогда не состарюсь...

Камергер. Что за ребячество!

Ундина. Хотите побиться об заклад? О, простите! *(бежит к поэту)*.

Камергер. Госпожа!..

Ундина. Ведь правда, это самое прекрасное на свете?

Поэт. Когда он низвергается со скал, покрывая брызгами цветы белладонны и водосбора, — неоспоримо.

Ундина. Водопад — самое прекрасное на свете? Мне кажется, вы глупеете!

Поэт. Понимаю. Вы говорите о море?

Ундина. О море? Об этом рассоле? Этой пляске святого Витта? Обидно слушать.

Камергер. Госпожа!

Ундина. Ну вот, опять он меня зовет. Какая досада! Мы так хорошо понимали друг друга!

Возвращается к камергеру.

Камергер. И о чем это они там говорят! Госпожа, мы продолжим урок в другой раз. Сейчас я только успею научить вас, как следует ответить на вопрос, который король задаст вам сегодня, как всякой даме, впервые явившейся ко двору, насчет героя, чье имя он носит, насчет Геркулеса. Ему дали это имя, потому что еще в колыбели он раздавил своим

задом змейку-медянку, которая оказалась там по недосмотру. Вы шестая по счету представляетесь ко двору в нынешнем году. Он спросит вас о шестом подвиге Геркулеса¹⁴. Слушайте внимательно, повторяйте за мной и, заклинаю вас святым Рохом, не прерывайте наш разговор и не убегайте поболтать с поэтом.

Ундина. Ах, верно! Я совсем забыла. Спасибо, что напомнили!.. Это очень срочно.

Камергер. Но я вам запрещаю!

Она бежит к поэту.

Ундина. Вы мне нравитесь.

Поэт. Я смущен, но камергер вас ожидает. Что такого срочного вам угодно мне сообщить?

Ундина. Вот что...

Камергер. По-моему, они с ума сошли! Госпожа!

Ундина. Я только что говорила вам о подводных ключах, о ключах, бьющих со дна, когда весна цветет в глубинах озера... Игра состоит в том, чтобы найти место, откуда они бьют. Вода вдруг начинает бурлить среди воды. Пытаешься удержать ее обеими руками. Тебя обдает водой, которая соприкасается только с водой. Такой ключ есть в пруду совсем близко отсюда. Пройдите над ним. Поглядите на свое отражение. Вы увидите себя таким, каков вы на самом деле, — самый прекрасный из людей.

Поэт. Уроки камергера приносят свои плоды.

Камергер. Вальтер, я возлагаю всю ответственность на вас! Когда Геркулес убил рыбу, госпожа...

Ундина. Геркулес убил рыбу?

Камергер. Да, громадную. Лернейскую гидру.

Ундина. Раз так, я затыкаю уши! Я не желаю ничего знать об убийствах.

Камергер. Черт знает что!

Снаружи слышится громкий шум. Появляется иллюзионист.

Камергер. А теперь какая будет сцена?

Иллюзионист. Та, что начинается? Я за нее не в ответе.

Дама. Первый поцелуй Ганса и Берты?

Иллюзионист. Нет, гораздо хуже: первая размовка между рыцарем и Ундиной. Она приходит в положенное ей время.

Появляется Ганс.

Паж. Ваш супруг, госпожа.

Ундина. Иди скорей сюда, Ганс, миленький, вельможный наставник учит меня лгать.

Рыцарь. Оставь меня, мне надо с ним поговорить.

Ундина. Потрогай его ладонь. Увидишь, какая она сухая!.. Хорошо я лгу, камергер?

Рыцарь. Помолчи, Ундина.

Ундина. А ты ужасно некрасивый и я тебя терпеть не могу. На этот раз я говорю правду!

Рыцарь. Замолчи же! Что означает мое место за столом, ваша светлость? Вы сажаете меня после Сальма?

Камергер. Действительно, так, рыцарь.

Рыцарь. Я имею право на третье место от короля и на серебряную вилку.

Камергер. Имели. И даже на первое, и даже на золотую вилку, если бы осуществился некий план.

Но ваш брак предписывает вам четырнадцатое место и ложку...

Ундина. Какая разница, Ганс, милый! Я видела приготовленные блюда... Там четыре целиком зажаренных быка. Я уверена, что на всех хватит.

Смешки.

Рыцарь. Почему вы смеетесь, Бертран?..

Бертран. Я смеюсь, когда у меня весело на душе, рыцарь...

Ундина. Не будешь же ты мешать людям смеяться, Ганс!

Рыцарь. Он смеется над тобой.

Ундина. Он смеется не зло. Он смеется надо мной потому, что находит меня забавной. Я такая и есть, не по своей воле, но забавная. Он смеется из приязни ко мне.

Бертран. Правда, госпожа.

Рыцарь. Моя жена не должна вызывать никакого смеха, даже выражающего приязнь!

Ундина. Тогда он больше не станет смеяться, потому что не захочет сделать мне неприятное, не правда ли, рыцарь?

Бертран. Я буду остерегаться всего, что противоречит вашим желаниям, госпожа.

Ундина. Не обижайтесь на моего мужа... Для меня лестно, что он так ревниво относится ко всему, что до меня касается... Вы не находите, рыцарь?

Бертран. Всем завидно, что он единственный имеет на это право.

Рыцарь. Кто спрашивает вашего мнения, Бертран?

Ундина. Я, дорогой мой, я!.. Тебе бы следовало послушать наставления камергера, Ганс. Не надо

нервничать. Поучись у меня. Ни гром ни потоп не сгонят с моих уст эту улыбку.

К ней подходит иллюзионист. Она узнает своего дядю.

Ундина (*полушепотом*). Это ты? Зачем ты так перерядился? Какую неприятность ты готовишь?

Иллюзионист. Увидишь. Все это ради твоего блага. Прости, если я кажусь тебе докучным.

Ундина. Прощу при одном условии.

Иллюзионист. Каком?

Ундина. О, дядя! Мне нужен покой! Сделай так, чтобы хоть на время этого празднества я не видела чужих мыслей. Это всегда скверно.

Иллюзионист. А что я сейчас думаю?

Ундина (*читающая его мысли, испугана*). Уходи...

Иллюзионист. Через минуту ты позовешь меня обратно, Ундина...

Объявляют о прибытии короля.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Король. Королева. Их свита. Берта. Те же.

Король. Приветствую тебя, рыцарь! Приветствую, маленькая Ундина!

Ундина заметила Берту и, кажется, не видит никого, кроме нее.

Камергер. Ваш реверанс, госпожа!

Она делает реверанс, автоматически, не отводя взгляда от Берты.

Король. Я принимаю тебя, как всех, кого хочу любить, прелестное дитя, в этой зале, посвященной

Геркулесу. Я обожаю Геркулеса. Из всех имен, данных мне при крещении, это имя мне особенно дорого. Я не из тех, кто ведет свое имя от Эрселе, собирателя древесных лягушек... В истории Геркулеса нет никаких лягушек. Более того, лягушка — это единственное животное, которое невозможно представить в карьере Геркулеса. Лев, тигр, гидра. Все годится. Лягушка — ни в коем случае. Не правда ли, месьир Алькуин? ¹⁵

Мессир Алькуин. Чтобы так думать, надо обладать слишком заскоружлым умом, ваше величество, и никакой эты, обыкновенный эпсилон ¹⁶.

Король. Но я заболтался, Ундина... Его подвиги... Я думаю, тебе известно, сколько подвигов совершил Геркулес?

Камергер (*подсказывает шепотом*). Девять...

Ундина (*все так же глядя на Берту*). Девять, ваше величество...

Король. Отлично. Камергер подсказывает немного слишком громко, но твой голосок звучит очаровательно, даже при таком кратком ответе. Ему будет труднее подсказать тебе полное описание шестого подвига, но он изображен на картуше над твоей головой, милочка. Погляди!.. Кто эта женщина, прелестная лицом и фальшивая сердцем, которая хочет соблазнить Геркулеса?..

Ундина (*не отрывая глаз от Берты*). Это Берта...

Король. Что она такое говорит?

Ундина направляется к Берте.

Ундина. Вы, вы его не получите!

Берта. Чего я не получу?

Ундина. Он никогда не будет вашим! Никогда!

Король. Что с этой малюткой?

Рыцарь. Ундина, с тобою говорит король...

Ундина. Если вы скажете еще хоть слово, если дотронетесь до него, я вас убью...

Рыцарь. Замолчи же, Ундина!

Берта. Сумасшедшая!

Ундина. О, король, спасите нас!

Король. От чего спасти тебя, девочка? Какая тебе грозит опасность на празднике, устроенном в твою честь?

Рыцарь. Простите ее. Простите меня...

Ундина. А ты не вмешивайся! Ты уже заодно с ними, со всеми женщинами! Ты уже невольно на их стороне...

Король. Объяснись, Ундина!

Ундина. О, король, разве это не ужасно? У тебя есть муж, которому ты отдала все на свете... Он силен... Отважен... Красив...

Рыцарь. Заклинаю тебя, Ундина...

Ундина. Молчи, я знаю, что говорю... Ты глуп, но красив. И все эти женщины знают это. И все говорят себе: как удачно, что он такой красивый и вместе с тем такой глупый! Как сладко будет обнимать и целовать его, раз он красив. И как легко соблазнить его, раз он глуп. Поскольку он красив, мы получим от него то, чего не можем получить от наших сутулых мужей и хилых женихов. Но все это будет опасно для нашего сердца, поскольку он глуп.

Бертран. Очаровательная женщина.

Ундина. Ведь я права, рыцарь, разве нет?

Рыцарь. О чем ты думаешь, Ундина?

Ундина. Как вас зовут, вас, кто находит меня очаровательной?

Бертран. Бертран, госпожа.

Рыцарь. Замолчите!

Б е р т р а н. Когда дама спрашивает мое имя, я его называю, рыцарь.

К о р о л ь. Прошу вас.

К а м е р г е р. Виконты и виконтессы приближаются для церемонии целования руки!

Б е р т а. Отец, простая крестьянка оскорбляет вашу приемную дочь в вашем собственном дворце,— вы не находите, что это уже слишком?..

Р ы ц а р ь. Ваше величество, позвольте мне навсегда покинуть двор... У меня прелестная жена, но она не создана для общества...

У н д и н а. Видите, как они понимают друг друга? Они само двуличие!

К о р о л ь. Берта не двулична, Ундина.

У н д и н а. Двулична. Она ни разу не посмела вам сказать о вашей...

К а м е р г е р. Госпожа!

К о р о л ь. О моей родственной связи с Геркулесом через Омфалу!.. Я за это не краснею, милая Ундина.

У н д и н а. Нет, просто о вашей бородавке, а ведь это самая прекрасная бородавка, какая может вырасти у короля, и получить ее можно было только от заморской черепахи (*она замечает свою оплошность. Пытается ее исправить.*) Где вы до нее дотронулись? У Геркулесовых столпов?

К а м е р г е р. Маркграфы выступают вперед для церемонии подвязки.

К о р о л ь. Маленькая Ундина, успокойся. Да, ты мне нравишься. Такая редкость, чтобы под этими сводами звучал голос самой любви: мне это отнюдь не неприятно, но ради твоего собственного счастья прислушайся к моим советам...

У н д и н а. О, вам я поверю без всяких возражений.

Король. Берта девица кроткая, справедливая и хочет только одного — любить тебя.

Ундина. Ах, нет, это глубокое заблуждение!

Рыцарь. Прошу тебя, молчи.

Ундина. Ты называешь кроткой девицу, которая убивает снегирей?

Король. Что еще за история со снегирами? Зачем Берте убивать снегирей?

Ундина. Чтобы растревожить Ганса!

Король. Могу тебя заверить, что Берта...

Берта. Отец, я только что поймала своего снегирия, а тут Ганс поздоровался со мной и взял меня за руку. Он сжал ее слишком крепко.

Ундина. Он не сжал ее слишком крепко. У самой слабой женщины кулак становится твердым, как мрамор, когда надо защитить птичку. Если бы у меня была в руке птица, ваш Геркулес, ваше величество, мог бы сжимать сколько угодно, изо всех сил. Но Берта знает мужчин. Они настоящие чудовища себялюбия, их тешит смерть птички. Снегирь был в безопасности в ее ладони, она его раздавила...

Рыцарь. Это я сжал слишком сильно,

Ундина. Это она убила!

Камергер. Ваше величество, владетельные бароны и баронессы...

Король. Ундина, сделала она это или нет, ты поклянешься мне, что отныне оставишь Берту в покое...

Ундина. Раз вы приказываете, клянусь.

Король. Приказываю.

Ундина. Клянусь... При условии, что она будет молчать!

Король. Но ведь это ты говоришь, Ундина!..

Ундина. Она говорит сама с собою, я все слышу... Замолчите, Берта!

Рыцарь. Проси прощения у Берты, Ундина!

Ундина. Мои волосы? Что она говорит о моих волосах? Уж лучше пусть у меня будут волосы, как пакля, по ее выражению, чем такие космы, как у нее, похожие на змей. Поглядите на нее, ваше величество, у нее вместо волос гадюки!

Рыцарь. Проси прощения!..

Ундина. Значит, ты не слышишь! Вы, значит, не слышите? Она говорит, что я гублю себя этим скандалом, что неделя подобной глупости отдалит от меня моего мужа, что останется только подождать, пока я умру с горя... Вот что она говорит, кроткая Берта, вот о чем она кричит! О, Ганс, милый, обними меня перед ней, чтобы ее унижить...

Рыцарь. Не трогай меня.

Ундина. Поцелуй меня при ней! Я воскресила снегиря. Сейчас он живой сидит в своей клетке,

Берта. Что за безумная!

Ундина. Вы его убили! Я его воскресила!.. Кто из нас двоих безумная, кто преступная?

Королева. Бедное дитя!

Ундина. Разве вы не слышите?.. Он поет.

Король. Готова ваша интермедия, ваша светлость? Никогда еще интермедия так не заслуживала своего названия.

Ундина. Ганс, милый, ты на меня сердишься?

Рыцарь. Я не сержусь на тебя, но ты меня опозорила. Ты сделала нас посмешищем всего двора.

Ундина. Не будем здесь больше оставаться. Здесь только король добрый и только королева красивая... Уедем...

Ка мергер (*которому иллюзионист подал знак*).
Подайте руку графине Берте, рыцарь.

Ундина. Его руку Берте? Никогда...

Ка мергер. Протокол, госпожа.

Рыцарь. Вашу руку, Берта.

Ундина. Ее руку? Никогда. К тому же, ты сейчас все узнаешь, Ганс. Послушайте, кто она на самом деле, Берта... И вы все постойте, слушайте, слушайте, кто такая графиня Берта и чего стоит протокол!

Рыцарь. Ундина, это переходит все границы...

Королева. Прошу всех удалиться. Я желаю поговорить с этой девочкой...

Ундина. О, да! Мне надо рассказать королеве один секрет!

Король. Счастливая мысль, Изольда¹⁷.

Ундина. Изольда! О, король, ваша супруга — королева Изольда?

Король. Ты не знала?

Ундина. А Тристан? Где Тристан?

Король. Не вижу никакой связи, Ундина.. Успокойте ее, дорогая Изольда.

Все уходят кроме королевы и Ундины.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Изольда. Ундина.

Изольда. Тебя зовут Ундина, не правда ли?

Ундина. Да. Я и есть ундина, русалка.

Изольда. Сколько тебе лет? Пятнадцать?

Ундина. Пятнадцать лет. И я родилась много веков тому назад. И я никогда не умру...

Изольда. Как вышло, что ты забрела к нам, к людям? Как мог тебе понравиться наш мир?

Ундина. На крутых берегах озера он был чудесный.

Изольда. И остался таким с тех пор, как ты живешь на суше?

Ундина. Есть тысяча способов сделать так, чтобы перед глазами у тебя была вода.

Изольда. А, понимаю! Чтобы мир снова казался тебе великолепным, ты думаешь о смерти Ганса? Чтобы наши женщины опять казались тебе чудесными, ты думаешь, что они отнимут у тебя Ганса?

Ундина. Они хотят отнять его у меня, разве не правда?

Изольда. Судя по всему — да. Ты слишком высоко его ценишь.

Ундина. Мой секрет! Это и есть мой секрет, о королева! Если они отнимут его у меня, он умрет! Как ужасно!

Королева. Успокойся. Они не такие жестокие.

Ундина. Да нет же! Нет! Он умрет, потому что я согласилась, чтобы он умер, если изменит мне.

Изольда. Что ты говоришь? Значит, у водяных духов принято такое наказание?

Ундина. О, нет! У водяных духов не бывает неверных супругов, разве что неверность случится по ошибке или из-за слишком большого сходства, или если вода слишком мутная. Но водяные духи условились, чтобы тот, кто изменил невольно, никогда об этом не узнавал.

Изольда. Но если так, откуда им известно, что Ганс способен тебе изменить? Как могут они понимать само слово измена?

Ундина. Они узнали это слово сразу. Как только увидели Ганса. Раньше у них никогда не возникал вопрос об измене, Никогда до появления Ганса. Но

они заметили красавца верхом на коне, честность на его лице, чистосердечие на устах, и тогда слово «измена» побежало по волнам до самых глубин.

И з о л ь д а. Бедные водяные духи!

У н д и н а. И вот, все, что вызывало во мне доверие к Гансу — его открытый взгляд, его ясная речь, — им казалось предвестием беды, лицемерием. Надо полагать, что сама добродетель человеческая — это уже гнусная ложь. Он сказал мне, что будет любить меня всегда...

И з о л ь д а. И в глубинах вод родилось слово «предать».

У н д и н а. Его шептали даже рыбы. И каждый раз, как я выбегала из хижины, чтобы рассказать о любви Ганса и посмеяться над ними, все они разными голосами или бульканьем кричали мне в лицо это слово. Он гневается оттого, что я выбросила форель, — говорила я. — Он голоден. — Да, — отвечали щуки. — Он тебя обманет. — Я спрятала окорок. — Да, говорили уклейки, он тебя обманет... Вы любите уклек, королева?

И з о л ь д а. У меня еще не сложилось на этот счет определенного мнения.

У н д и н а. Противные мушки. Противные змейки. Знаю я их, этих уклек! И они соблазняли его русалками. Судя по тому, что нам говорили о людях, я думала, что он набросится на них, тем более, что мой дядя выбрал русалок без жабер и без плавников. А он их не тронул и не поцеловал. Я гордилась им. Я бросила им всем вызов. Сказала, что он никогда меня не обманет. Но они только хихикали в ответ. И тогда я совершила ошибку. Я заключила договор.

И з о л ь д а. Какой договор?

У н д и н а. Их царь, мой дядя, сказал мне: «Ты позволишь нам убить его, если он тебе изменит?» Отве-

тить «нет» — значило бы унижить Ганса перед ними, значило бы, что я презираю Ганса. Презираю самое себя! Я сказала «да».

Изо льда. Они забудут. Они изменят свои намерения.

Ундина. О, нет, не верьте этому. Сообщество, где забывают, где меняют намерения, где прощают — человечество, как вы это называете, — занимает во вселенной крохотное место... У нас, так же как у диких животных, как у листьев ясеня, как у гусениц, нет ни отречения ни прощения.

Изо льда. Но как они могут завладеть Гансом?

Ундина. Любая волна, любая вода подстерегает теперь его. Когда Ганс подходит к колодцу, уровень воды вдруг поднимается. Если льет дождь, на Ганса он льет вдвое сильнее. Льет яростно. Вы сами увидите, когда Ганс проходит по саду мимо фонтанов, они от гнева вздымаются до самого неба.

Изо льда. Хочешь моего совета, милая маленькая Ундина?

Ундина. Да, я ундина, русалка.

Изо льда. Ты в состоянии меня выслушать, тебе пятнадцать лет.

Ундина. Пятнадцать лет за один месяц. И я родилась много веков тому назад. И я никогда не умру.

Изо льда. Почему ты выбрала Ганса?

Ундина. Я не знала, что у людей выбирают. У нас не выбирают. Большие чувства сами выбирают нас, и первый встречный водяной становится единственным навсегда. Ганс — первый мужчина, которого я увидела, больше уже выбирать нельзя.

Изо льда. Ундина, исчезни! Уходи!

Ундина. Вместе с Гансом?

Изоolda. Если ты не хочешь страдать, если хочешь спасти Ганса, погрузись в первый же источник... Уходи!

Ундина. С Гансом? Он такой некрасивый в воде!

Изоolda. С Гансом ты узнала три месяца счастья. Надо довольствоваться этим. Уходи, пока не поздно.

Ундина. Покинуть Ганса? Зачем?

Изоolda. Затем, что он не создан для тебя. Затем, что у него мелкая душа.

Ундина. А у меня совсем нет души. Это еще хуже!

Изоolda. Вопрос так не стоит ни для тебя, ни для любого иного существа, кроме человека. Во всем мире душа вдыхается и выдыхается через ноздри и бронхи. Но человек захотел иметь свою, особую душу. Он, глупец, начал обглаживать всеобщую душу. Не существует души собственно человеческой. Есть лишь целый ряд маленьких кусочков души, где произрастают чахлые цветы и чахлые овощи. Человеческие души, вбирающие в себя все времена года, весь ветер, всю любовь, такие души, как тебе нужно, встречаются ужасающе редко. Может быть, одна на весь наш век, одна на всю вселенную. Очень сожалею, она занята.

Ундина. А я ни капельки не сожалею.

Изоolda. Потому что ты не знаешь, что такое водяной с великой душой.

Ундина. Прекрасно знаю. У нас был один такой! Он плавал всегда только на спине, чтобы можно было видеть небо. Он брал в плавники череп мертвой русалки и созерцал его. Для любви ему сперва требовалось одиннадцать дней уединения и непрерывных объятий. Он так всем нам надоел! Даже пожилые русалки избегали его. Нет, единственный человек, достойный быть любимым, это тот, кто похож на всех людей, лицом, как

все, и говорит, как все; отличить от других его можно лишь по бóльшим недостаткам, или неловкости...

И з о л ь д а. Это Ганс.

У н д и н а. Это Ганс.

И з о л ь д а. Но разве ты не поняла, что все вольное и широкое в тебе Гансу виделось узким и мелким? Не это он любил! Ты — воплощение света, а он любил светловолосую девушку. Ты — сама грация, а он любил проказницу. Ты — сама романтика, а он любил романтическое приключение... Как только он догадается о своем заблуждении, ты его потеряешь...

У н д и н а. Он этого не заметит. Если бы на его месте был Бертран, тот бы заметил. Но я предвидела такую опасность. Из всех рыцарей я полюбила самого глупого...

И з о л ь д а. Самый глупый мужчина всегда видит достаточно ясно, чтобы стать слепым.

У н д и н а. Тогда я скажу ему, что я русалка!

И з о л ь д а. Это было бы хуже всего. Может быть, в данный момент ты для него и есть что-то вроде русалки, потому что он не верит, что ты русалка на самом деле. Настоящей русалкой для Ганса станешь не ты, а Берта, если она нарядится в чешуйчатые штаны на каком-нибудь балу-маскараде.

У н д и н а. Раз люди не в состоянии вынести правду, я буду лгать!

И з о л ь д а. Милое дитя, погонишься ли ты за правдой или за ложью, ты все равно никого не обманешь и сможешь предложить людям лишь то, что им больше всего ненавистно.

У н д и н а. Верность?

И з о л ь д а. Нет. Полную ясность. Они ее страшатся. Ясность кажется им наихудшей тайной. Как только Ганс увидит, что ты не сгусток воспоминаний, не ско-

пление плапов на будущее, не клубок впечатлений и желаний, он испугается, и ты пропала. Верь мне. Уходи, спаси его!

Ундина. О, королева, все горе в том, что я не спасу его своим уходом. Если я возвращусь к водяным, они столпятся вокруг меня, привлеченные человеческим запахом. Мой дядя пожелает, чтобы я вступила в брак с одним из них. Я откажусь. Со злости он убьет Ганса... Нет! Я должна спасти Ганса здесь, на суше. Здесь, на земле должна я найти средство утаить от дяди, что Ганс мне изменил, если в один прекрасный день он перестанет меня любить. Но ведь пока еще он любит меня, правда?

Изольда. Вне всякого сомнения. Любит всей душой!

Ундина. Тогда зачем искать, королева? Лекарство у нас в руках! Эта мысль пришла мне в голову только сейчас, во время нашей беседы. Ведь всякий раз, как мне хотелось отвратить Ганса от Берты, я лишь толкала его к ней. Стоило мне дурно заговорить о Берте, как он брал ее сторону... Я буду действовать наоборот. Двадцать раз в день буду говорить ему, что она красива, что она во всем права. И тогда она сделается ему безразлична, станет неправа. Я устрою так, чтобы он видел ее каждый день, причем в самом выгодном для нее свете — под лучами солнца, в парадном платье. И тогда он будет видеть одну лишь меня. У меня уже есть план. Пускай Берта живет с нами в замке Ганса... Тогда они будут проводить жизнь рядом, и получится, что она далеко. Я не упущу ни одного предлога, чтобы оставлять их наедине — во время прогулок, на охоте, и получится, будто они постоянно окружены толпой. Они будут вместе, плечом к плечу, читать свои старинные рукописи; он будет цека к

щеке глядеть, как она раскрашивает свои буквицы; они будут касаться друг друга, задевать друг друга рукою; и тогда они почувствуют себя разлученными, и желание не загорится в них. Тогда я стану для Ганса всем на свете... Как хорошо я понимаю мужчин, не правда ли, королева?.. Вот мое лекарство... (*Изольда поднимается, идет к Ундине и целует ее...*) О, королева, что вы делаете?

И з о л ь д а. Изольда говорит тебе спасибо.

У н д и н а. Спасибо?

И з о л ь д а. Спасибо за урок любви... Пусть небо рассудит. Испробуем русалочий рецепт...

У н д и н а. Да, я русалка.

И з о л ь д а. И целебное зелье из пятнадцати лет...

У н д и н а. Пятнадцать лет за один месяц. И я родилась много веков тому назад. И я никогда не умру...

К о р о л е в а. А вот и они...

У н д и н а. Какое счастье! Я смогу попросить у Берты прощения!

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Те же. Король. Все присутствующие.

У н д и н а. Простите, Берта!

К о р о л ь. Отлично, дитя мое...

У н д и н а. Я была права. Но ведь прощения просят только когда неправы, значит, я была неправа, Берта... Простите.

Р ы ц а р ь. Отлично, Ундина, милая...

В это мгновение появляется волшебник, и Ундина его увидела.

У н д и н а. Отлично... Но она могла бы мне ответить!..

Рыцарь. Что такое?

Ундина. Я здесь склоняюсь перед нею,— а ведь я куда выше ее,— унижаюсь перед нею, хотя чувствую, что гордость так переполняет меня, словно я ношу ее в своем чреве, а она мне даже не отвечает!

Бертран. Это верно. Берта могла бы ей ответить...

Ундина. Не правда ли, Бертран?

Рыцарь. Не вмешивайтесь не в свое дело...

Ундина. Пусть вмешивается. Это его дело.

Король. Берта, эта девочка признала свою вину. Не затягивай неприятное для всех нас положение.

Берта. Ладно, я ее прощаю.

Ундина. Спасибо, Берта.

Берта. При условии, что во время церемоний она будет держать мой шлейф.

Ундина. Хорошо, Берта.

Берта. Мой трен в двенадцать футов длиной.

Ундина. Чем больше футов будет отделять меня от вас, тем больше я буду рада, Берта.

Берта. Пусть она больше не называет меня Бертой, пусть говорит ваше высочество.

Король. Ты неправа, Берта.

Берта. И пусть публично заявит, что я не убивала снегиря.

Ундина. Я это заявлю. Это будет ложь.

Берта. Видите, отец, какая наглость!

Король. Не начинайте все сначала!..

Ундина. Ее высочество Берта не убивала снегиря. Ганс не брал ее за руку... Поскольку Ганс не брал ее за руку, он не пожал ей руку.

Берта. Она меня оскорбляет!

Ундина. Ее высочество Берта не забавляется, выкалывая глаза своим снегирям, чтобы они пели! Утром,

встав с постели, ее высочество Берта не ставит ноги на ковер, сделанный из ста тысяч мертвых снегирей!

Берта. Отец, неужели вы потерпите, чтобы меня так унижали в вашем присутствии?

Король. А зачем ты сама ее на это вызываешь?

Рыцарь. Ундина! Ты говоришь с приемной дочерью короля!..

Ундина. С дочерью короля! Хочешь знать, кто она такая, эта дочь короля? Хотите знать вы все, дрожащие перед нею?

Рыцарь. Да, Ундина, ты напомнила мне, какой порок низкое происхождение!

Ундина. Низкое происхождение, милый мой слепец! Хочешь знать у кого низкое происхождение? Ты, воображаешь, что она родилась от героев, твоя Берта! А я знаю ее родителей! Они рыбаки на озере. И зовут их не Парцифаль и не Кудруна¹⁸. Их зовут Август и Евгения,

Берта. Ганс, велите ей замолчать, а не то вы никогда в жизни больше меня не увидите!..

Ундина. Дядя, ты здесь? На помощь!

Рыцарь (*пытаясь ее увести*). Иди за мной!

Ундина. Покажи им всю правду, дядя! Найди способ показать им правду! Хоть раз в жизни услышь меня, На помощь!..

Внезапно гаснет свет, и камергер объявляет,

Камергер. Ваше величество, интермедия¹⁹...

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Глубина сцены изображает берег озера с хижинкой Августа. Водяной царь разглядывает младенца в тростниковой колыбели, которого приносят ему русалки. С разных сторон из-за кулис поспешно выходят актер и актриса в костюмах Саламбо и Мато.

Иллюзионист. Кто эти двое? Им здесь нечего делать.

Камергер. Это певцы из оперы «Саламбо», Возможно их удержать.

Иллюзионист. Заткните им рот.

Камергер. Заткнуть рот певцам из «Саламбо»? Да это восьмой подвиг Геркулеса.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Одна из русалок (*разглядывая маленькую девочку*). Ну, вот она. И что нам делать с нею?

Водяной царь. Оставьте крестик у нее на шее.

Мато (*поет*). *Ах, почему наемник я простой?*

Маленький водяной. Отец! Она кусается!
ой, ой!

Водяной царь. Верните ей подвеску костяную.

Что старый Август выточил вручную

Из бивня океанского нарвала,

Чтоб с амулетом девочка играла.

Саламбо (*поет*). *Я — дочь сестры любимой Ганнибалы!*

Одна из русалок. Чертовка, оцарапала меня!

Водяной царь. Отныне пусть живет она, храня

Крест и подвеску. Их предназначенье —

Таить до времени секрет ее рожденья.

Саламбо (*поет*). *О, страсть моя! Какое униженье!*

Мато (*поет*). *О, страсть моя! Я гибну от огня!*

Одна из русалок. А правда ль, что однажды,
на охоте,

В корзинке принц нашел ее в болоте,

И во дворце с тех пор она живет?

Водяной царь. Да, с помощью живущих в лопе вод,

Дочь рыбака с душою извращенной
Вдруг станет в замке важною персоной
И обретет корону и почет.
Но срок величья скоро истечет,

Русалка, Блеск золота для мелких душ —
магнит.

Водяной царь. Ее обман сначала будет скрыт,
Но если нас девица оскорбит —
Не избежать ей справедливой мести,

Саламбо (поет). Возьми меня! И с Карфагеном
вместе!

Водяной царь. Как бы прекрасно среди двор-
цовых залов

Ее другое имя не звучало,
То, что она скрывает на груди,
Откроется. И — слава позади.

Мато (поет). Нагая ты! О, дивный взор! Приди!
Русалка. Но крест сломаться может, он непро-
чен...

Другая русалка, Подвеску стащит вор во мра-
ке ночи...

Саламбо (поет). Как вечер свеж! Ах, я озябла
очень!

Мато (поет). Окутайся божественным покровом!
Водяной царь. Поэтому, не ограничься словом,
Я мечу ей плечо значком багровым;
Он до поры от взглядов будет скрыт,
Здесь изображены и крест и кит,

Саламбо (поет). Я овладела им!

Мато (поет). Кем? Мной?

Саламбо (поет). О, нет, Таниг
Священное вернулось покрывало!

М а т о (*поет*). *Обманут я! Теперь мне ясно стало!*
В о д я н о й ц а р ь. А рядом, чтоб она не отрицала,

Родителей ее инициалы:
Пусть не возникает даже и сомнения,
В том, что родная мать ее Евгения.
В тот миг под неба твердью голубою
Она предстанет пред своей судьбою.

(*К Берте*)

Час пробил. Берта, встань перед людьми
И покрывало с плеч своих сними!

Вспыхивает свет. Смятение в зале. Берта встает.

У н д и н а. Решайтесь, Берта!
Б е р т а. Сами решайтесь!

*Ундина срывает с плеч Берты покрывало. На плече
у Берты видны знаки.*

С а л а м б о и М а т о (*поют вместе*). *Любовь лишь
правит в этом дольном мире!*

Одна любовь!..

У н д и н а. Они здесь, дядя?
И л л ю з и о н и с т. Они идут сюда.

*Август и Евгения входят в залу и устремляются к
Берте.*

А в г у с т. Дочка! Дорогая моя доченька!
Б е р т а. Вы! Не смейте меня трогать! От вас пах-
нет рыбой!

Все водяные духи (*неодобрительно*). Ох! Ох!

Е в г е н и я. Дитяtko мое!.. Я так просила тебя
у господа бога!

Б е р т а. О, господи боже, взываю к тебе, сделай
меня хотя бы сиротой!

К о р о л ь. Стыдись, девушка! Вот что, оказывается, было причиной твоей нежности ко мне — мой трон! Ты попросту выскочка и неблагодарная к тому же. Проси прощения у своих родителей и у Ундины.

Б е р т а. Никогда!

К о р о л ь. Воля твоя. Если не будешь повиноваться, я удалю тебя из города и ты окончишь свою жизнь в монастыре.

Б е р т а. Она уже окончена...

Все уходят, кроме Ундины, Берты, Рыцаря.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Берта. Ундина. Рыцарь.

Август и Евгения стоят в глубине залы. Когда Ундина говорит о их королевском достоинстве, кажется, будто на их головах появились золотые короны.

У н д и н а. Простите, Берта.

Б е р т а. Оставьте меня...

У н д и н а. Не отвечайте теперь. Я больше не нуждаюсь в ответе.

Б е р т а. Жалость для меня горше унижения,

Р ы ц а р ь. Мы вас не покинем, Берта!

У н д и н а. Я припадаю к вашим коленям, Берта! Вы родились от рыбака! Отныне вы моя королева. Водяные называют Августа «ваше величество».

Р ы ц а р ь. Что вы теперь будете делать, Берта?

Б е р т а. Я всегда делала то, к чему обязывало меня мое положение...

У н д и н а. Как я вам завидую! Вы будете делать то, что делают дочери рыбака!

Р ы ц а р ь. Не настаивай на этом, Ундина.

Ундина. Настаиваю, Ганс. Надо, чтобы Берта поняла, кто она такая. Пойми и ты. Август — великий король великого королевства. Когда Август хмурит брови, миллиарды форелей трепещут.

Рыцарь. Куда вы пойдете, Берта?

Берта. Куда мне идти? Все от меня отворачиваются.

Ундина. Пойдемте с нами. Ведь ты согласишься принять мою сестру, Ганс? Потому что Берта моя сестра. Старшая сестра. Выше голову, Берта. Вы унаследовали свое достоинство от Евгении. У нас Евгения — королева. Благородна, как Евгения, — говорят пресноводные рыбы.

Рыцарь. Мы не хотим больше жить при дворе, Берта. Ундина права. Нынче же вечером уедемте с нами.

Ундина. Простите, Берта. Извините мою вспышку. Я все время забываю, что для людей то что было, то было. Как трудно у вас жить, когда нельзя взять обратно слова, которые ты произнес всего один раз, когда каждый твой жест сделан раз навсегда. Куда полезнее было бы, если бы слова ненависти, произнесенные другими, превращались бы у людей в слова любви!.. Для меня так оно и есть во всем, что касается вас, Берта...

Камергер (*высовывает голову*). Король желает знать, было ли испрошено прощение.

Ундина. Да, на коленях.

Рыцарь. Поедем, Берта, у меня просторный замок. Вы будете жить, как пожелаете, — одна, если захотите жить одна, в том крыле замка, что выходит к озеру.

Ундина. Ах, близ твоего замка есть озеро? Тогда Берта будет жить в другом крыле.

Рыцарь. В том, что смотрит на Рейн? Как ей угодно.

Ундина. Рейн? Твой замок соседствует с Рейном?

Рыцарь. Только с востока. На юге струятся водопады. Поедем, Берта.

Ундина. О, Ганс, нет ли у тебя замка на равнине без прудов и ключей?

Рыцарь. Идите, Берта, скоро я к вам присоединюсь.

Возвращается к Ундине.

Рыцарь. Откуда такая водобоязнь? Что происходит между тобою и водой?

Ундина. Между водой и мною — ничего.

Рыцарь. Думаешь, я не замечаю? Ты не даешь мне приблизиться даже к ручейку. Ты становишься между мною и морем. Стоит мне присесть на край колодца, как ты уводишь меня прочь.

Ундина. Берегись воды, Ганс.

Рыцарь. Да, мой замок стоит среди вод, и утром я буду принимать душ под своим водопадом, в полдень удить рыбу в своем озере, а вечером купаться в Рейне. Мне знаком в нем каждый водоворот, каждая яма. Если вода рассчитывает меня испугать, она ошибается. Вода ничего не смыслит, вода ничего не слышит!

Уходит. Внезапно взвиваются вверх струи всех водометов вокруг залы.

Ундина. Она услышала!

Идет вслед за рыцарем.

Камергер (иллюзионисту). Браво, браво! Я горю нетерпением увидеть развязку. Когда продолжение?

Иллюзионист. Прямо сейчас, если желаете.

Ка мер гер гер. Но что у меня с лицом? Теперь на нем морщины! Я лысый!

И л л ю з и о н и с т. Вы сами того хотели. За час прошло десять лет.

Ка мер гер гер. У меня фальшивые зубы? Я шепелявлю?

И л л ю з и о н и с т. Продолжать, ваша светлость?

Ка мер гер гер. Нет. Нет! Антракт! Антракт!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Двор замка. Утро бракосочетания Берты и рыцаря.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Берта. Ганс. Слуги.

С л у г а. Хористы прибыли и поднялись на хоры.

Г а н с. Что ты говоришь?

Д р у г о й с л у г а. Он о певцах глаголет, что явились украсить песнею обряд священный брака.

Г а н с. А ты? Ты не можешь говорить по-другому? Более простым языком!

С л у г а. О, лета долгие графине Берте! Да здравствует прекрасная невеста!

Г а н с. Убирайся!

Б е р т а. Не гневайся, о Ганс, в такой чудесный день!

Г а н с. Как, и ты тоже?

Б е р т а. Твоей женой я стану через час, зачем же хмурить брови и сердиться?

Г а н с. Ты тоже! Ты говоришь, как они!

Б е р т а. А что дурного слуги говорят? Они лишь рады нашему блаженству.

Г а н с. Повтори свою фразу... Живо! Живо! Не меняя ни одного слова!

Берта. А что дурного слуги говорят? Они лишь рады нашему блаженству...

Ганс. Наконец-то! Спасибо!

Берта. Ты пугаешь меня, Ганс! Уже несколько дней ты меня пугаешь...

Ганс. Ты все знаешь о Виттенштейнах, узнай же еще и вот что: в тот день, когда дом Виттенштейнов должно посетить несчастье, их слуги без всякого повода начинают говорить торжественным языком. Их фразы становятся ритмичны, слова благородны. Все, чем обычно пользуются поэты, внезапно переходит к прачкам и конюхам. Простой люд вдруг начинает видеть то, чего прежде никогда не замечал — изгибы рек, шестигранники медовых сот. Он думает о природе. Думает о душе... Сегодня случится несчастье.

Берта. Они не говорили стихами. Их фразы не рифмовались.

Ганс. Когда Виттенштейн вдруг слышит, что один из слуг говорит в рифму, читает на память стихотворение, значит пришла смерть.

Берта. О, Ганс, это потому, что в знаменательные дни ухо Виттенштейнов облагораживает все звуки. Но это наверняка справедливо не только для часов скорби, но и для празднеств!

Ганс. Даже свинопасы! И сейчас мы проверим (*слуге*). Ты знаешь, где сейчас свинопас?

Слуга. В долине каменных дубов...

Ганс. Заткни глотку... Сходи за свинопасом.

Слуга. ... в тени акации прекрасной...

Ганс. Бегом!

Берта. О, Ганс, я-то благодарна слугам за то, что нынешним утром все свои смиренные слова они оставили мне, чтобы я могла выразить, как люблю тебя.

Я в твоих объятиях, Ганс. Почему же у тебя такое лицо, чего тебе не хватает в такой день?

Ганс. Мести. Мне надо, чтобы перед лицом всех горожан она признала истинную свою сущность и свое преступление.

Берта. Ты не смог забыть Ундину за те полгода, что она исчезла? Во всяком случае, сегодня как раз подходящий день для забвения!

Ганс. Меньше, чем какой-нибудь другой. Если сегодня ты видишь недоверчивого, униженного, подавленного жениха, это ее работа... Как она мне лгала!

Берта. Она тебе не лгала. Любой другой на твоём месте догадался бы, что она не нашей породы. Разве она хоть раз пожаловалась? Хоть раз воспротивилась твоей воле? Разве ты хоть раз видел ее рассерженной, нездоровой или властной? По каким же признакам распознаешь ты настоящих женщин?

Ганс. По их изменам... Она мне изменила.

Берта. Один только ты не видел. Один только ты не заметил, что она никогда не употребляла слова «женщина». Слышал ты, чтобы она когда-либо сказала: «Так не говорят с женщиной. Так не поступают с женщиной»?.. Нет... Все в ней воцело: «Так не говорят с русалкой, так не поступают с русалкой».

Ганс. Забыть Ундину! Разве она позволяет мне это? Крик, которым она разбудила меня в день своего исчезновения: «Я изменила тебе с Бертраном!» — разве не доносится он до меня каждое утро из реки, из ручьев, из колодцев?.. Разве замок и город не откликаются ежеминутно на этот крик всеми своими фонтанами и акведуками?.. Разве деревянная русалка на башенных часах не вторит этому крику в полдень? Почему она так яростно оповещает весь мир, что изменила мне с Бертраном?

Э х о. С Бертраном!

Б е р т а. Будем справедливы, Ганс. Ведь мы первые обманули ее. Может быть, она застала нас вместе и отомстила.

Г а н с. Где она? Что она делает? Все мои охотники, все рыбаки вот уже полгода тщетно гоняются за нею. И притом она где-то недалеко. На заре у дверей часовни нашли этот букет из морских звезд и морских ежей... Только она могла положить его там насмешки ради...

Б е р т а. Не думай так... Существа из сказочного мира не упорствуют во злобе. Едва разоблаченные, они исчезают, вновь погружаются во тьму... Я думаю, это касается и русалок... Она вновь погрузилась в воду.

Г а н с. Я изменила тебе с Бертраном!.. Кто это сейчас сказал?

Э х о. С Бертраном!

Б е р т а. О, Ганс, мы расплачиваемся за твою ошибку. Что могло соблазнить тебя в этой девушке? Кто убедил тебя, что ты рожден для волшебных приключений? Ты — охотник за феями! Я-то тебя знаю. Если хочешь быть искренним с собою, признайся, что в зачарованном лесу твое сердце билось сильнее всего, когда ты видел какую-нибудь хижину, покинутую дровосеком, заходил туда, пригнув голову на пороге, слышал запах рассохшейся утвари, находил тлеющий уголек, чтоб зажечь свою трубку, жарить дрозда... Я вижу тебя в так называемых заколдованных дворах... Уверена, что тебе не терпелось открыть шкафы, снять с крючков одежды, примерить старые шлемы... Ты думал, будто ищешь привидения. Ты всегда следовал лишь по человеческой тропе.

Р ы ц а р ь. Плохо я по ней следовал.

Берта. Ты с нее сбился, но вновь нашел ее. Той зимней ночью, когда ты сказал мне, что все еще любишь меня, а я убежала, ты вернулся на человеческую тропу,— позади старого замка, когда увидел следы моих ног на снегу. Они были большие, глубокие; они выдавали всю мою усталость, мою тоску, мою любовь. То не были чуть заметные отпечатки ног Ундины, которых не различают даже твои собаки и которые остаются лишь бороздками на суше. То были следы женщины, чреватой человеческой жизнью, беременной твоим будущим сыном, следы твоей жены! На снегу не было обратных следов. Ты принес меня домой на руках.

Ганс. Да, как Бертран, должно быть, унес ее... Чего тебе надо?

Слуга. Вот свинопас, сеньер. Его вы призывали.

Ганс. Ну-ка, подойди поближе, как там твои свиньи?

Свинопас. Рожок мой из лозы, и нож мой из самшита!

Ганс. Я говорю о твоих кабанах, о твоих свиньях!

Свинопас. И под акацией...

Ганс. Замолчи!

Слуга. Он глух, сеньер. Он глух!

Свинопас. ... в тени ее прохладной...

Ганс. Закрой ему рот рукой!

Слуга. Глаголет в руку он, о сотах речь ведет...

Ганс (*другому слуге*). И этому заткни рот...

Второй слуга (*который в свою очередь закрыл рукою рот первому*). Что случилось с ними? Ах, все говорят стихами!

Ганс. Приведите ко мне судомойку. Поняли? Посмотрим, что скажет судомойка.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Берта. Ганс. Рыбаки.

Первый рыбак. Сеньер мой, мой сеньер!

Ганс. Повтори это четыре раза, и получатся стихи,

Второй рыбак. Она у нас! Мы ее поймали!

Ганс. Поймали Ундину?

Первый рыбак. В водах Рейна, пока она пела!

Второй рыбак. Она как глухарь, когда поет,
к ней можно приблизиться!

Ганс. Это она? Вы уверены?

Первый рыбак. Верно говорю, как перед богом.
Она закрыла лицо волосами, но голос у нее чудесный,
кожа бархатная, сложена на диво,— это она, чудо-
вище!

Второй рыбак. Ее сюда ведут, и с нею судьи.

Берта. Какие судьи?

Первый рыбак. Судьи из епископства и импер-
ские судьи, которые ведут дела о сверхъестественных
случаях. Они как раз объезжали округу.

Второй рыбак. Они прибыли из Бингена, что-
бы повесить змею-оборотня.

Берта. Зачем им устраивать судебное заседание
в замке. Разве здание трибунала не свободно?

Первый рыбак. Они говорят, графиня, что ру-
салок всегда судят на возвышенном месте!..

Второй рыбак. И подальше от реки, и еще, что
нужно принять предосторожности, потому что они мо-
гут присосаться к животу, как пиявки, и что к тому
же в этом процессе истец — наш сеньер.

Ганс. Да, истец — я... Я жду этого часа уже пол-
года... Оставь нас, Берта.

Берта. Ганс, не надо тебе снова видеться с Ун-
диной!

Ганс. Я не увижусь с Ундипой, ты же слышишь, что они говорят... Я увижу русалку, существо лишенное человеческой жизни, человеческого голоса, которое меня даже и не узнает.

Берта. Ганс, когда я была маленькой девочкой, я как-то влюбилась в горностаю. Воображаемого. Его не существовало. Но мы спали вместе. У нас были дети. Так вот, даже теперь я с трепетом останавливаюсь перед клеткой с горностаем в зверинце. Он тоже забыл меня. Также забыл, что я надевала на него пурпурный капюшон, что он спас меня от гигантских карликов, что наши близнецы Гениевра и Бертелинга вступили в брак с королем Азии. Он здесь, со своим мехом, своей бородкой, своим запахом. Но мое сердце громко стучит. Но я чувствовала бы себя виноватой, если бы пошла повидаться с ним в этот день, свадебный день..

Слуга. Судья, сеньер.

Ганс. Минуто, Берта, и мы будем спокойны.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ганс. Судья. Толпа.

Первый судья. Чудесно. Срединное расположение. Мы как раз выше царства воды и ниже царства воздуха.

Второй судья. На одном из этих холмов, добрые люди, стоял Ноев ковчег, когда спал потоп и Ной судил чудищ морских, чьи адские пары ворвались под арку через портики... Приветствуем вас, рыцарь.

Ганс. Вы прибыли как раз вовремя.

Первый судья. Тот факт, что мы живем среди сверхъестественных явлений, внушает нам предчувствие, неизвестное нашим коллегам, занимающимся вопросами права либо браконьерства..

Второй судья. К тому же наша миссия куда более тяжкая.

Первый судья. Разумеется, легче разрешить спор о границе между виноградниками двух горожан, нежели о границах между людьми и духами, но в данном случае, как нам представляется, дознание будет вести нетрудно... Мы впервые судим русалку, которая не отрицает, что она русалка.

Второй судья. Ибо нет таких уловок, к коим не прибегли бы эти существа, дабы ускользнуть от нашего допроса, рыцарь. Порою они не упускают случая завлечь нашу мудрость на ложный путь.

Первый судья. Воистину, так. Еще третьего дня они сбили нас с толку, любезный коллега, в этом Крейцнахском деле, когда мы судили мнимую Доротею, служанку помощника бургомистра. Вы были достаточно твердо уверены, что это саламандра. Чтобы убедиться в этом, мы отправили ее на костер. Она изжарилась... Значит, это была русалка.

Второй судья. Равно как и вчера, любезный председатель, с этой Гертрудой, рыжей, с глазами разного цвета, той, что подавала пиво в Тюбингене. Кружки наполнялись сами собою и — чудо, не имеющее прецедента, — без пены. Вы решили, что она русалка. Мы велели бросить ее в воду, привязав за железную нить. А она захлебнулась насмерть. Следовательно, то была саламандра.

Ганс. Вы привели с собою в замок Ундины?

Первый судья. Прежде, чем ввести ее, рыцарь, нам необычайно ценно было бы узнать, поскольку истец — это вы, какого возмездия требуете вы для обвиняемой.

Ганс. Чего я требую? Я требую того же, чего требуют эти слуги и эти девушки! Я требую, чтобы

людям дали право жить спокойно, одним на этой земле. Господь бог отвел нам не так уж много места — ее поверхность, да еще два метра в высоту между небом и адом!.. Не так уж привлекательна жизнь человеческая — надо мыть руки, сморкаться при насморке, волосы у тебя выпадают!.. Чего я хочу, это жить, не чувствуя, как вокруг нас кишат, кипят враждой все эти жизни, существующие вне жизни человечества, эти селетки с женскими торсами, пузыри с детскими головами, ящерицы в очках и с бедрами нимфы.. В утро моей женитьбы я хочу находиться в мире, свободном от их посещений, их недовольства, их совокуплений,— быть одному со своей невестой, наконец-то одному.

Первый судья. Это непомерное требование.

Второй судья. Совершенно очевидно. Нас может смущать то обстоятельство, что они испытывают величайшую радость, видя как мы принимаем ножные ванны, обнимаем своих жен и служанок, сечем своих детей. Но факт неоспорим: вокруг каждого деяния человеческого, самого изменного, самого благородного, они толпятся и образуют хоровод, наспех выраженные в костяк либо бархатистую кожу, курносые или с задом в виде осинога жала, то ли для того, чтобы пожираться, то ли для того, чтобы сотворить чудо...

Ганс. Значит не существовало такой эпохи, такого века, который не был бы ими зачумлен?

Первый судья. Эпохи? Века? Насколько мне известно, рыцарь, был, в лучшем случае, один-единственный день. Один лишь раз я почувствовал, что мир свободен от присутствия этих тварей, этих адских двойников. В августе прошлого года, в окрестностях Аугсбурга. Стояло время жатвы, и ни один плевел не подделывался под колос, никакая ржа — под василек. Я растянулся под рыбиной, надо мною сидела сорока

и не притворялась вороной. Наша Швабия простира-лась до самых Альп, зеленая и голубая, и над нею я не видел другой, воздушной Швабии, населенной ангела-ми с клювами, а под нею — адской Швабии, кипащей красными демонами. По дороге скакал на коне ландскнехт, и его не сопровождал всадник, вооруженный косой. Под майскими деревцами плясали парочками жнецы, и между ними не встревал некто третий, лип-кий, со щучьей мордой. Мельпичное колесо вертелось, меля свою муку, и его не опоясывало другое, гигант-ское колесо, со спицами, ударяющими по спинам голых грешников. Все предавалось труду, крикам, пляске, и все же я впервые вкусил одиночество, одиночество рода людского... Прозвучал рожок дилижанса, и ему не вторила труба Страшного суда... Это был единствен-ный миг в моей жизни, рыцарь, когда я почувствовал, что духи покинули землю, когда внезапный клич при-звал их в иные пристанища, на другие планеты... Если бы это продолжалось, несомненно, пришел бы конец нашей карьере, любезный мой коллега. Но мы ничем не рисковали! Вдруг, в одну секунду ландскнехта на-стигла смерть, парочки оказались втроем, с облаков свесились метлы и клинки... Другая планета пришлось им не по вкусу; они возвращались. В один миг все вернулось обратно. Они оставили все: кометы, небеса, заоблачные игры,— чтобы снова поглядеть, как я вы-тираю пот и сморкаюсь в клетчатый носовой платок... Вот и обвиняемая! Пусть страж следит, чтобы она все время стояла. Если она ляжет на живот, получится как в воскресенье с той женщиной-пиявкой, она очу-тится в Рейне раньше нас...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ундина, Ганс, Судьи, Толпа.

Второй судья. На руках нет перепонок. У нее на пальце кольцо.

Ганс. Снимите его.

Ундина. Ни за что! Ни за что!

Ганс. Это обручальное кольцо, Оно мне сейчас потребуется.

Судья. Рыцарь...

Ганс. И ожерелье тоже. Этот медальон с моим портретом внутри!

Ундина. Оставьте мне ожерелье!

Первый судья. Рыцарь, могу я просить вас не мешать ведению допроса? Ваше негодование, как оно ни понятно, грозит нарушить порядок... Сперва процедура опознания!..

Ганс. Это она!

Первый судья. Да, да! Но где рыбак, который ее поймал? Пусть приблизится поймавший ее рыбак!

Ульрих. В первый раз довелось мне выудить русалку, господин судья. Ах, я так счастлив!

Судья. Мы поздравляем тебя. Что она делала?

Ульрих. Я чувствовал, что поймаю русалку! Целых тридцать лет чувствовал, что когда-нибудь да поймаю. Но вынешним утром я был в этом уверен.

Судья. Я спрашиваю тебя, что она делала, осел!

Ульрих. И я поймал ее живьем! Ту, из Регенсбурга прикончили ударами весел. А эту я только стукнул головою о борт, чтобы оглушить.

Ганс. Правда, скотина, кровь еще течет.

Судья. Отвечай же на вопросы! Она плавала, когда ты ее поймал?

Ульрих. Плавала, показывала грудь и ляжки, Она

может десять минут оставаться под водой, я сосчитал.

Судья. Пела она?

Ульрих. Нет. Она тихонько лает, немного хрипло. Скорее, тьякает. Я очень хорошо помню, что именно она тьякала. Она тьякала: «Я изменила тебе с Бертраном».

Судья. Ты мелешь вздор. Ты понимаешь тьяканье?

Ульрих. Обычное никогда. Тьяканье есть тьяканье. А это понял.

Судья. От нее пахло серой, когда ты ее вытаскивал?

Ульрих. Нет. От нее пахло водорослями, боярышником.

Второй судья. По правде сказать, это не одно и то же! Чем она пахла, водорослями или боярышником?

Ульрих. От нее пахло водорослями, боярышником.

Первый судья. Оставим это, любезный коллега.

Ульрих. От нее пахло запахом, который говорил: «Я изменила тебе с Бертраном».

Судья. Теперь у тебя уже и запахи говорят?

Ульрих. Верно. Вы правы. Запах есть запах. Но этот запах говорил.

Судья. Она отбивалась?

Ульрих. Наоборот! Она позволила себя схватить. Только дрожала! Дрожь ее бедер означала: «Я изменила тебе с Бертраном»!

Ганс. Довольно кричать, болван!

Судья. Извините его, рыцарь. Ничего удивительного, что он заговаривается. Простая душа не может вынести таких встреч. Но свидетельство профессионального рыбака требуется для опознания водяного чудища... Кажется, никаких сомнений не остается.

Ульрих. Перед богом клянусь, что это оно и есть. Голова и грудь у нее как у той, из Нюрнберга, которую вырастили в бассейне. К ней поместили тюленя.. Они играли в мяч.. У них даже были дети.. Я спрашиваю себя, может, это та самая.. Ведь для людей духи двоятся, верно?

Первый судья. Не касайся нынче этого. Спасибо.

Ульрих. А моя сеть? Могу я получить обратно свою сеть?

Первый судья. Ты получишь ее в предписанный срок. На третий день после судебного решения.

Ульрих. Ну, нет! Я хочу получить ее сейчас же. Как же без сети? Мне нынче вечером надо рыбачить!..

Второй судья. Отлично! Уходи прочь. Она копфискована. В ней нет ячеек.

Первый судья. Заканчивайте установление личности, любезный коллега.

Ганс. Стойте! Куда вы идете?

Второй судья. Я также и врач, рыцарь; мне необходимо обследовать тело этой девушки.

Ганс. Никто не будет обследовать Ундины.

Первый судья. Мой коллега — практик, не имеющий себе равных, сеньер. Имепно он установил девственность курфюрстины Йозефы, с целью аннулировать ее брак, и она отдала должное его такту.

Ганс. Я удостоверяю, что данная особа и есть Ундина, этого достаточно.

Второй судья. Сеньер, я понимаю, вам тягостно видеть, как пальшируют ту, кто была вашей подругой, но я могу, не дотрагиваясь до нее, изучить в луну те части ее тела, в которых заметны отличия от тела человеческого,

Ганс. Осматривайте невооруженным глазом и с того места, на котором стоите.

Второй судья. Осматривать невооруженным глазом сетку трехлопастных вен, которую змей искушитель рисует под костяком русалки, представляется мне практически невыполнимой операцией. Не может ли она хотя бы пройти у нас на глазах, скинуть эту сеть, расставить ноги?

Ганс. Не двигайся, Ундина!

Первый судья. Было бы неучтиво с нашей стороны настаивать, да и дознание, в целом, дало удовлетворительные результаты. Есть ли среди вас, добрые люди, кто-нибудь, кто оспаривает, что эта женщина русалка?

Грета. Она была такая добрая!

Второй судья. Это была добрая русалка, вот и все...

Свинопас. Она любила нас. И мы ее любили!

Второй судья. Имеются привлекательные разновидности даже у ящериц...

Первый судья. Перейдем к судоговорению. Итак, вы, рыцарь, истец, в качестве супруга и господина обвиняете эту женщину в том, что, будучи русалкой, она своею сущностью и присутствием произвела в вашем окружении беспорядок и смуту?

Ганс. Я? Никогда!

Первый судья. Вы не обвиняете ее в том, что она внесла в ваш дом сверхъестественное, странное, демоническое?

Ганс. Ундина, демоническое? Кто говорит такую ерунду?

Судья. Мы спрашиваем, рыцарь! Что в этом вопросе необычного?

Водяной царь (*в облике человека из народа*).
Ундина демоническая!

Судья. А ты кто такой будешь?

Ундина. Велите ему замолчать! Он лжет!

Второй судья. В подобном процессе соблюдается свобода слова.

Водяной царь. Ундина демоническая! Наоборот, эта русалка отрицает русалок. Она их предала. Она могла сохранить их силу, их науку. Она могла двадцать раз в день творить то, что вы называете чудесами,— наделить коня своего мужа хоботом, сделать его собак крылатыми. Река Рейн, небо могли бы откликаться на ее голос и показывать невероятные вещи. Так нет же, она выбрала сенной насморк, вывихи, пищу на сале! Это верно, рыцарь?

Судья. Если я правильно вас понял, вы обвиняете ее в том, что она коварно приняла самое подходящее и самое лестное обличье, чтобы похищать человеческие тайны?

Ганс. Я? Разумеется, нет!

Водяной царь. Ваши тайны? Ах, если кто и пренебрегал человеческими тайнами, так это она. Конечно, у людей есть сокровища — золото, драгоценности, но Ундина предпочитала предметы самые низменные: табуретку, ложку... У людей есть бархат и шелк, она предпочитала бумажный плюш. Она, сестра природных стихий, низко обманывала эти стихии: она любила огонь из-за каминных решеток, воду из-за кувшинов и водостоков, воздух — из-за простынь, которые развешивают между ивами. Если тебе надо записывать, писец, пиши вот что: это самая человеческая из всех женщин именно потому, что сделалась женщиной по доброй воле.

Судья. Свидетели утверждают, что она на целые часы запиралась на замок в своей комнате...

Водяной царь. Это верно; а что делала твоя хозяйка, Грета, когда сидела вот так, взаперти?

Грета. Пирожные, господин свидетель.

Второй судья. Пирожные?

Грета. Она трудилась два месяца, пока научилась делать рубленое тесто.

Второй судья. Это одна из самых приятных человеческих тайн... Но рассказывают, что она растила животных в неогороженном дворе...

Свинопас. Да, зайцев. Я приносил клевер.

Грета. И кур. Она сама снимала у них типун с языка.

Второй судья. Ты уверена, милочка, что ее собаки не разговаривали? Или ее кошки?

Грета. Нет. А вот я с ними разговаривала. Я люблю разговаривать с собаками... Они никогда мне не отвечали.

Первый судья. Спасибо, свидетель. Мы учтем это обстоятельство, когда будем выносить судебное определение. Поистине, мы не можем вменить в вину суккубам, инкубам²⁰ и прочим докучным посетителям, то, что они признают превосходство удела человеческого и людской изобретательности, что они ценят наши печенья, нашу луженую посуду, наши пластыри от ран и экземы.

Второй судья. Я лично обожаю рубленое тесто. Перед тем, как ему подойти, она, должно быть, клала туда масло?

Грета. Целыми комками!

Первый судья. Тише. Вот мы наконец дошли до сути дела. Я наконец понял вас, рыцарь. Женщина, этот сеньер обвиняет тебя в том, что вместо лю-

блещей жены, на которую он мог рассчитывать и которую ты на некоторое время вытеснила, ты ввела в его дом существо, целиком поглощенное мелочными делами и презренными житейскими удовольствиями, существо эгоистичное и бесчувственное...

Ганс. Ундина меня не любила? Кто посмел это сказать?

Судья. Поистине, рыцарь, нелегко следить за вашей мыслью...

Ганс. Ундина любила меня так, как никто не любил ни одного человека...

Второй судья. Вы так в этом уверены? Взгляните на нее; послушать вас, выходит, что она дрожит от страха.

Ганс. От страха? Поди, погляди на этот страх через свою лупу, судья! Она не дрожит от страха. Она трепещет от любви!.. Да, потому что теперь мой черед обвинять, и я обвиняю. Возьми свою чернильницу, пи-сец! Надень свой колпак, судья! Когда голова в тепле, легче судить. Я обвиняю эту женщину в том, что она трепещет от любви ко мне, что не знает ни мысли, ни пищи, ни бога, кроме меня. Я бог этой женщины, слышите?

Судья. Рыцарь...

Ганс. Вы сомневаетесь? Какая твоя единственная мысль, Ундина?

Ундина. Ты.

Ганс. Каков твой хлеб, твое вино? Когда ты возглавляла мой стол и поднимала чашу, что ты пила?

Ундина. Тебя.

Ганс. Кто твой бог?

Ундина. Ты.

Ганс. Слышите, судьи? Она доводит любовь до богохульства.

Судья. Не будем преувеличивать. Не усложняйте дело: она хочет сказать, что почитает вас.

Ганс. Ничего подобного. Я знаю, что говорю. У меня имеются доказательства. Ты преклоняла колени перед моим изображением, не правда ли, Ундина? Ты целовала мою одежду! Ты молилась во имя мое!

Ундина. Да.

Ганс. Святые — это был я. Церковные праздники — был я. Кого ты видела в Вербное воскресенье, въезжающим на осле в Иерусалим²⁰, с волочащимися по земле ногами?

Ундина. Тебя.

Ганс. А чем махали над моею головой все женщины, выкрикивая мое имя? То были не пальмовые листья, что это было?

Ундина. Ты.

Судья. Но куда все это заведет нас, рыцарь? Нам надо судить русалку, а не любовь.

Ганс. Однако судебное дело именно в этом и заключается. Пусть любовь предстанет перед этим барьером, пусть предстанет Амур со своим колчаном со стрелами и разукрашенным лентами задом. Это его я обвиняю. Я обвиняю самую истинную любовь в том, что на самом деле она — самая лживая, самую неистовую любовь в том, что она самая низкая, ибо эта женщина, которая жила одной лишь любовью ко мне, изменила мне с Бертраном!

Эхо. С Бертраном!

Первый судья. Мы тонем в неясности, рыцарь! Женщина, которая любит вас до такой степени, не могла вам изменить.

Ганс. Отвечай, ты! Изменила ты мне с Бертраном?

Ундина. Да.

Ганс. Поклянись перед судьями!

Ундина. Клянусь, что я изменила тебе с Бертраном.

Судья. Значит, она вас не любит! Ее утверждения ничего не доказывают: вы поистине не оставили ей выбора в смысле ответа. Любезный коллега, вы, кому удалось уличить саму Женевьеву Брабантскую, когда она уверяла, будто предпочитает своему мужу лесную лань, ноздри своей лани щекам своего мужа, задайте этой русалке три положенных вопроса... Первый...

Второй судья (*указывая на Ганса*). Ундина, когда этот человек бежит, что ты делаешь?

Ундина. Я задыхаюсь.

Первый судья. Второй!..

Второй судья. Если он ушибется, прищемит палец?

Ундина. Я истекаю кровью.

Первый судья. Третий!..

Второй судья. Когда он говорит, когда храпит в постели... Извините, сеньер.

Ундина. Я слышу пение.

Второй судья. В ее словах нет ничего сомнительного. Она кажется искренней!.. И этому человеку, который для тебя — все, ты изменила?

Ундина. Да, я изменила ему с Бертраном...

Водяной царь. Не кричи так громко, я слышу...

Второй судья. Ты любишь только его. Существует только он один. И ты ему изменила?

Ундина. С Бертраном.

Ганс. Ну, вот. Теперь вы все знаете!

Второй судья. Известно ли тебе, какое наказание положено жене, нарушившей супружескую верность? Известно ли тебе, что признание не только не смягчает вину, а лишь усугубляет ее?

Ундина. Да, но я изменила ему с Бертраном. Водяной царь. Ты обращаешься ко мне, не так ли Ундина? Ты вовлекаешь в судебный процесс меня? Как тебе угодно! Мой допрос будет короче, чем допрос твоих судей. Где Бертран, Ундина?

Ундина. В Бургундии. Я должна встретиться с ним там.

Водяной царь. Где изменила ты с ним своему супругу?

Ундина. В лесу.

Водяной царь. Утром? Вечером?

Ундина. В полдень.

Водяной царь. Было холодно? Или тепло?

Ундина. Подмороживало. Бертран даже сказал: «Пусть лед поможет сохраниться нашей любви»!.. Такие слова не забываются.

Водяной царь. Отлично.. Приведите Бертрана... Из очной ставки всегда рождается истина.

Судья. Вот уже полгода, как Бертран исчез. Человеческое правосудие не смогло разыскать его.

Водяной царь. Потому что оно не очень-то могущественно... Вот он!

Появляется Бертран.

Ундина. Бертран, мой возлюбленный!

Судья. Вы граф Бертран?

Бертран. Да.

Судья. Эта женщина утверждает, что изменила с вами рыцарю.

Бертран. Если она так говорит, значит это правда.

Судья. Где это было?

Бертран. В ее собственной спальне, в этом замке.

Судья. Утром? Вечером?

Бертран. В полночь.

Судья. Было холодно? Тепло?

Бертран. В очаге горели поленья. Ундина даже сказала: «Как жарко в преддверии ада»... Такие слова нельзя выдумать.

Водяной царь. Превосходно. Теперь все ясно.

Ундина. Что ты находишь превосходным! Зачем сомневаться в моих словах? Если наши ответы не совпадают, это потому, что мы любили друг друга беззаветно, без удержу, потому что страсть лишила нас памяти... Только сговорившиеся лжецы и преступники отвечают одинаковыми словами!

Водяной царь. Граф Бертран, обнимите эту женщину и поцелуйте ее...

Бертран. Я получаю приказания только от нее.

Первый судья. А ваше сердце вам не приказывает?

Водяной царь. Вели ему поцеловать тебя, Ундина. Как тебе верить, если ты не позволяешь ему тебя поцеловать?

Ундина. Как угодно. Поцелуйте меня, Бертран.

Бертран. Вы этого желаете?

Ундина. Я этого требую. Поцелуйте меня! Это всего одна секунда, одна короткая секунда... Если при вашем приближении, Бертран, я отскочу, стану отбиваться, это будет помимо моей воли. Не обращайтесь внимания.

Водяной царь. Мы ждем.

Ундина. Нельзя ли мне получить плащ, платье?

Водяной царь. Нет. Пусть руки у тебя останутся голыми.

Ундина. Очень хорошо... Тем лучше... Я обожаю, когда Бертран целует меня, лаская мои обнаженные

плечи. Помните тот прекрасный вечер, Бертран!.. Походите!.. Если я закричу, когда вы меня обнимете, Бертран, это потому, что у меня натянуты нервы, потому что сегодня такой день. Не надо обижаться на меня... Впрочем, весьма возможно, что я не закричу...

Водяной царь. Решайтесь.

Ундина. Или если я потеряю сознание. Если я потеряю сознание, вы можете целовать меня как вам будет угодно, Бертран, как вам будет угодно!

Водяной царь. Пора.

Бертран. Ундина!

Он целует ее.

Ундина (*отбываясь*). Ганс! Ганс!

Водяной царь. Вот и доказательство, судья. Для рыцаря и для меня процесс окончен.

Ундина. Какое доказательство? (*судьи поднимаются со своих мест*). Что с тобой? Что ты думаешь? Что если я кричу «Ганс!» Когда Бертран меня целует, это доказывает, что я не изменяла Гансу? Если я по любому поводу кричу «Ганс!» это как раз потому, что я больше не люблю Ганса! Потому что его имя испаряется из меня. Когда я говорю «Ганс», это значит во мне осталась самая его малость. А как я могу не любить Бертрана? Поглядите на него. У него рост, как у Ганса! И лоб, как у Ганса!

Второй судья. Суд говорит.

Первый судья. Рыцарь, наша роль в этом деле окончена. Разрешите огласить наше суждение. Эта русалка виновна в том, что ввела вас в заблуждение, что покинула свою природную среду. Но выясняется, что она принесла сюда, к людям, только доброту и любовь.

Второй судья. Немного больше, чем следует: если люди примутся так любить, это не облегчит нашу жизнь...

Первый судья. Почему она хотела уверить нас в своей связи с Бертраном, этого мы не знаем и не желаем выяснять, поскольку это область отношений между супругами и мы уважаем ваше право проявлять в этом вопросе сдержанность. Пытка и публичная казнь для нее отменяется. Пынче ночью ей отрубят голову без свидетелей, а до тех пор мы назначаем ей в качестве стражей палача и этого человека, в благодарность за его помощь суду.

Указывает на Водяного царя.

Второй судья. И поскольку брачный кортеж ожидает перед часовней, позвольте нам следовать за вами и принести вам наши поздравления!

*Появляется Судомойка; для одних она красавица,
для других замарашка...*

Ганс. Кто это?

Судья. О ком вы, рыцарь?

Ганс. Кто она, та, что движется прямо на меня, как слепая, как ясновидящая?

Судья. Мы ее не знаем.

Слуга. Это судомойка, сеньер, вы ее вызывали.

Ганс. Как она прекрасна!

Первый судья. Прекрасна? Эта карлица?

Грета. Как она прекрасна!

Слуга. Прекрасна? Ей шестьдесят лет!

Судья. Пожалуйста вперед, мы за вами, рыцарь.

Ганс. Нет, нет, сначала положено выслушать судомойку. Мы узнаем от нее конец этой истории... Мы слушаем тебя, судомойка.

Второй судья. Он решился ума...

Судья. Мне жаль его. Но тут можно голову потерять...

Судомойка. Я судомойка. С виду я грязна.

Но чистых чувств душа моя полна.

Ганс. Это рифмуется, не правда ли?

Судья. Ни коим образом.

Судомойка. Занятое незатейливо мое:

Чулки заштопать, починить белье.

Ганс. Вы скажете, что и эти стихи не рифмуются?

Судья. Эти стихи? У вас в ушах звенит. С чего вы взяли, что это стихи?

Свинопас. Разумеется, это стихи!

Судья. Для твоих свиней — да! А для нас это проза.

Судомойка.

Я — судомойка, женщина простая,

Но от любви не меньше я страдаю,

Чем королева или сам король,

И от измен моя не легче боль.

Я в конюха, не в принца влюблена,

Но и моя душа оскорблена

Его обманом: я горю от гнева

И слезы лью, совсем как королева.

Коль пред тобой предстанем мы, о боже,

Поймешь ли ты, что с нею мы похожи,

Что горьких мук на нас одна печать?

Ты с ней меня не станешь различать,

На нас обеих глянешь благосклонно,

Наденешь мне, как у нее, корону

И скажешь: вы страдали, но теперь

Для вас обеих в рай открыта дверь!

Ганс. Это то, что называется стихотворением?
Это стихотворение?

Первый судья. Стихотворение! Я слышал, как замарашка жаловалась, что ее обвинили в краже серебряных ложек.

Второй судья. И что ступни у нее кровоточат с самого ноября.

Ганс. Что она держит сбоку, косу?

Судья. Нет, тряпку.

Грета. Косу, золотую косу!

Слуга. Тряпку.

Свинопас. Косу. И хорошо наточенную. Я в этом толк знаю!

Ганс. Спасибо, судомойка. Я приду на свидание!..
Пойдемте, господа!

Слуга. Служба начинается, сеньер..

Все уходят, кроме Ундины, ее дяди и палача.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Ундина, Водяной царь, который мановением руки превратил палача в красную снежную статую.

Водяной царь. Конец близится, Ундина...

Ундина. Не убивай его..

Водяной царь. Этого требует наш договор. Он изменил тебе.

Ундина. Да, он мне изменил. Да, я хотела, чтобы ты поверил, будто я изменила первая. Но не суди о чувствах людей по нашим меркам водяных духов. Часто мужчины, которые изменяют, любят своих жен. Часто те, кто изменяет, — самые верные. Многие обманывают тех, кого любят, чтобы избежать гордыни, чтобы отречься от любви, чтобы почувствовать себя ничтожными рядом с женщинами, которые для них — все. Ганс хотел сделать из меня лилию своего дома, розу рассудительности, ту, кто никогда не оступается... Он был слишком добр... Он мне изменил.

Водяной царь. Вот ты уже почти женщина, бедная Ундина!

Ундина. У него не было иного выхода... Я иного не вижу.

Водяной царь. У тебя всегда не хватало воображения.

Ундина. Нередко вечерами, после народных гуляний, видишь, как мужья возвращаются опустив голову, с подарками в руках. Они только что изменили. Но их жены сияют.

Водяной царь. Он причинил тебе горе...

Ундина. Конечно. Но и тут мы все еще находимся среди людей. То, что я несчастна, еще не доказывает, будто я несчастлива. Ты в этом ничего не понимаешь; а ведь выбрать на этой земле, пестрящей красотами, единственное место, где непременно встретится измена, двусмысленность, ложь и ринуться туда сломя голову — именно в этом и состоит счастье для людей. Те, кто этого не делают, резко выделяются среди прочих. Чем больше человек страдает, тем более он счастлив. Я счастлива. Я самая счастливая.

Водяной царь. Он умрет, Ундина.

Ундина. Спаси его.

Водяной царь. Что тебе за дело? Человеческая память сохранится у тебя всего еще на несколько минут. Твои сестры трижды призовут тебя, и ты все позабудешь... Я сделаю так, что он умрет в тот самый миг, как ты его забудешь. Это достаточно человечно. Впрочем, у меня даже нет надобности его убивать. Он на пределе своей жизни.

Ундина. Он такой молодой, такой сильный!

Водяной царь. Он на пределе жизни. И это ты убила его. Ундина, ты пользуешься метафорами только, когда дело касается акул-катранов, так вот

вспомни тех акул, которые однажды надорвались на плаву. В разгар бури они с легкостью пересекли Океан. А в один прекрасный день, в мирном заливе, при низкой волне, какой-то орган в них лопнул. Вся стальная сила моря собралась в гребне одной волны! Целую неделю глаза у них были тусклее обычного, губы обвисли... Они говорили, что здоровы... Они умирали... Так и с людьми. Дровосеки, судьи, странствующие рыцари истощают свои усилия не в борьбе с мощными дубами, преступлениями, чудовищами, а в соприкосновении с веточкой ивы, с невинностью, с любящим ребенком.... Жить ему осталось один час...

У н д и н а. Я уступила свое место Берте. Все для него складывается хорошо.

В о д я н о й ц а р ь. Ты так думаешь? У него уже все смешалось в голове. В мозгу у него звучит предсмертная музыка. Эта история о ценах на сыр и яйца, которую рассказала судомойка, нестерпимым гулом отдалась в его ушах. Напрасно ожидают его в церкви; он не рядом с Бертой, он рядом со своим конем... Конь с ним разговаривает. «Прощай, прощай, мой добрый господин,— говорит ему конь,—недолго в вышнем мире будешь ты один!..» — Ибо сегодня его конь изъясняется стихами...

У н д и н а. Я тебе не верю. Слышишь песнопение? Это его венчают.

В о д я н о й ц а р ь. Что ему венчание! Самая мысль о женитьбе соскользнула с него, как кольцо со слишком тонкого пальца. Он бродит по замку. Говорит сам с собою. Он несет околесицу. Так люди выходят из положения, когда натолкнутся на правду, на искренность, на сокровище... Они впадают в безумие, как это у них называется. Внезапно они становятся ло-

гичными, не отрекаются больше, не женятся на тех, кого не любят, обретают рассудительность, присущую растениям, водам, самому господу богу,— они безумны.

У н д и н а. Он прокликает меня!

В о д я н о й ц а р ь. Он безумен.. Он тебя любит!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Ганс. Ундина.

*Он подходит к Ундине сади, как когда-то
в рыбацкой тижине Ундина подошла к нему.*

Г а н с. Меня зовут Ганс.

У н д и н а. Красивое имя.

Г а н с. Ундина и Ганс — это лучшие имена на свете, правда?

У н д и н а. Или Ганс и Ундина.

Г а н с. О, нет! Сперва Ундина! Ундина — это заглавие... Ундиной будет называться сказка, в которой я появляюсь то тут, то там совершеннейшим дураком, просто олухом, в этой истории речь идет и обо мне! Я полюбил Ундицу, потому что она этого захотела, я ей изменил, потому, что так было надо. Я родился для жизни между моей конюшней и псарней... Так нет же. Я, как крыса, попался в ловушку между всей природой и всею судьбой.

У н д и н а. Прости меня, Ганс.

Г а н с. Почему они всегда так обманываются, зовут ли их Артемизией, Клеопатрой²³ или Ундиной? Мужчины, созданные для любви,— это маленькие длинноносые учителя, вислогубые рантье, очкастые евреи; у этих-то есть время доказывать свою любовь, наслаждаться жизнью, страдать... Так нет!.. Женщины бросаются на бедного полководца Антония, на бедного рыцаря Ганса, на жалкого среднего человека... И от-

ныне для него все кончено. У меня вот не было в жизни ни одной свободной минуты, только воевал, чистил коня, возился с гончими псами, ставил капканы! Куда там, надо было прибавить к этому огонь в жилах, яд в глазах, ароматы и горечь во рту. На всем пространстве от неба до ада меня трясали, толкли, коверкали! Не говоря уже о том, что я лишен дара видеть живописную и романтическую сторону жизни.. Не очеь все это справедливо.

У н д и н а. Прощай, Ганс.

Г а н с. И вот вам! В один прекрасный день жепщины тебя покидают. В тот день, когда все становится ясно, когда ты понимаешь, что никогда никого не любил кроме нее; что ты умрешь, если она исчезнет хоть на минуту,— в этот самый день она уходит. Того дня, когда ты снова ее обрел, когда все вновь обретено навсегда, этого дня она не упускает,— ее челн подплывает к берегу, ее крылья распускаются, плавники бьются, она говорит тебе «Прощай».

У н д и н а. Я скоро потеряю память, Ганс.

Г а н с. И настоящее «Прощай», понимаете? Влюбленным, которые обычно прощаются на пороге смерти, суждено немедленно увидеться снова, постоянно сталкиваться друг с другом в будущей жизни, то и дело сближаться, непрерывно проникать друг в друга, потому что они станут теньями в одних пределах. Они расстаются, чтобы никогда больше не расставаться. Но мы с Ундиной уйдем навеки каждый на свой борт. На бакборте — небытие, на штирборте — забвение... Не надо упускать случая, Ундина... Это первое настоящее «Прощай», сказанное на земле.

У н д и н а. Постарайся жить!.. Ты тоже забудешь.

Г а н с. Постарайся жить!.. Легко сказать. Если бы мне хотелось жить! С тех пор, как ты ушла, мне при-

ходится приказывать своему телу делать то, что прежде оно делало само собой. Я смотрю только, если велю своим глазам смотреть. Я вижу траву зеленой только, когда велю своим глазам видеть ее зеленой. Думаешь очень весело видеть черную траву?.. Это управление самим собой так изнурительно. Мне приходится приказывать пяти чувствам, тридцати мускулам, даже костям. Минута невнимания — и я забуду что надо слышать, дышать... Люди скажут: он умер потому, что ему надоело дышать... Он умер от любви... Что ты пришла мне сказать, Ундина? Зачем ты позволила себя поймать?

Ундина. Затем, чтобы сказать тебе, что я буду твоей вдовой Ундиной.

Ганс. Моей вдовой? Верно, я об этом уже думал. Я буду первым из Витгенштейнов, чья вдова не станет носить по мне траур и говорить: «Он меня не видит, надо быть красивой... Он меня не слышит, надо разговаривать для него». Останется только Ундина, все та же Ундина, и она меня забудет... Это тоже не слишком справедливо...

Ундина. Вот, вот. Успокойся... Я приняла меры. Иногда ты упрекал меня в том, что я хожу взад и вперед по комнатам твоего дома, делаю одни и те же движения руками, отсчитываю шаги. Это потому, что я предвидела день, когда мне придется потерять память и вернуться в глубину вод. Я упражняла свое тело, принуждала его к неизменному маршруту. На дне Рейна, лишенное памяти, оно сможет лишь повторять те движения, к которым я привыкла близ тебя. Порыв, что отнесет меня от грота к корню дерева, будет таким же, как тот, что относил меня от моего стола к окну; я буду катать раковину по песку теми же движениями, какими раскатывала тесто для моих

пирожных... Я поднимусь на чердак.. я высуну голову. Среди русалок-сумасбродок всегда будет одна русалка-мещанка. О, что с тобой?

Ганс. Ничего. Я забыл.

Ундина. Что ты забыл?

Ганс. Что надо видеть небо синим... Продолжай!

Ундина. Они будут называть меня русалкой людской породы. Потому что я не стану больше нырять головой вниз, а буду спускаться в воду по лестницам. Потому, что я буду в воде переписывать книги. В воде отворять окна. Все уже готово. Ты не нашел моих светильников, моих настенных часов, моей мебели, потому что я велела все это бросить в реку. Там у них есть свое место, свой этаж. Я уже от них отвыкла. Они кажутся мне неустойчивыми, зыбкими... Но нынче вечером, увы, они представлят мне столь же надежными и прочно стоящими, каковы для меня течения и водовороты. Я не сумею понять в точности, что они такое, но останусь жить близ них. И будет очень странно, если я ими не воспользуюсь, если мне не придет в голову усесться в кресло, зажечь рейнский огонь в подсвечниках. Поглядеться в зеркала... Иногда зазвонят часы. Целую вечность я буду слушать, как они отбивают время.. У меня под водой будет наша спальня.

Рыцарь. Спасибо, Ундина.

Ундина. Так, разлученные забвением, смертью, веками, природными различиями, мы будем хорошо понимать друг друга, будем друг другу верны.

Первый голос. Ундина!

Ганс. Они тебя требуют.

Ундина. Они должны позвать меня трижды. Я все забуду только после третьего зова.. О, милый мой Ганс, дай мне воспользоваться этими последними

мгновениями, спрашивай меня! Оживи воспоминания, ведь через миг они превратятся в пепел. Что с тобой? Ты так побледнел...

Ганс. Меня тоже призывают, Ундина; великая бледность, великий холод зовут меня! Возьми это кольцо, будь моей настоящей вдовой в глубине вод.

Ундина. Скорее! Спрашивай меня!

Ганс. Что ты сказала, Ундина, в тот первый вечер, когда я тебя увидел, когда ты отворила дверь во время бури?

Ундина. Я сказала: «Как он прекрасен».

Ганс. А когда ты застала меня за блюдом с заварной форелью?

Ундина. Я сказала: «Как он глуп»...

Рыцарь. А когда я сказал тебе: «Думай об этом издали»?

Ундина. Я ответила: «Мы потом будем вспоминать этот час... Час, когда вы меня еще не поцеловали».

Ганс. Теперь мы не можем доставить себе удовольствие ждать, Ундина: поцелуй меня.

Второй голос. Ундина!

Ундина. Спрашивай! Спрашивай еще! У меня все уже мешается в голове!

Ганс. Надо выбирать, Ундина: целовать меня или говорить.

Ундина. Молчу!

Рыцарь. Вот судомойка... С виду грязна, но чистых чувств душа ее полна...

Входит судомойка. Она падает замертво.

Ундина. На помощь! На помощь!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Ундина, Берта. Слуги. Грета. На приподнятой плите лежит Ганс со скрещенными руками. Водяной царь.

Берта. Кто зовет?

Ундина. Гансу нехорошо. Ганс умирает.

Третий голос. Ундина!

Берта. Ты убила его. Это ты его убила?

Ундина. Кого я убила?.. О ком вы говорите?
Кто вы?

Берта. Ты меня не узнаешь, Ундина?

Ундина. Вас, госпожа? Как вы прекрасны!..
Где я!.. Как здесь плавать? Все твердое или пустое..
Это земля?

Водяной царь. Это земля..

Русалка (*беря ее за руку*). Покинем ее, Ундина.
Скорее!

Ундина. О, да, покинем ее.. Погоди! Кто этот прекрасный юноша на ложе.. Кто он?

Водяной царь. Его зовут Ганс.

Ундина. Какое красивое имя! Почему он не двигается?

Водяной царь. Он мертв..

Другая русалка (*возникает*). Пора.. Пойдем!

Ундина. Как он мне нравится!.. Нельзя ли вернуть ему жизнь?

Водяной царь. Невозможно!

Ундина (*позволяет увлечь себя*). Как жаль!
Я бы так его любила!

Конец третьего действия

Занавес

ПРИЛОЖЕНИЯ

Д. Л. Чавчанидзе

РОМАНТИЧЕСКАЯ СКАЗКА ФУКЕ

Иногда маленькое произведение заставляет говорить о многом. Такова «Ундина» Фуке. Читая ее, понимаешь, какие точные слова нашел Пушкин, когда через своего Ленского определял духовную жизнь Германии, страны, где смысл бытия казался «заманчивой загадкой», где «подозревали чудеса» как истинную основу реальности,— Германии того самого времени, когда входил в немецкую литературу Фридрих Генрих Карл де ла Мотт Фуке.

Он родился в 1777 г., потомственный барон из французских эмигрантов-гугенотов, некогда осевших в Пруссии и отличившихся на военной службе. Особенно преуспел в этом дед, генерал, получивший и высокий духовный сан: Фридрих Прусский сделал его настоятелем Бранденбургского собора и отдал под его надзор рыцарскую академию, основанную в 1703 г. на небольшом островке близ Бранденбурга,— особую военную школу для дворян. Это заведение, единственное в своем роде, выглядело весьма оригинально для XVIII в., являясь чем-то вроде средневекового рыцарского ордена. Уже после смерти своего верного слуги Фридрих II милостиво вызвался быть крестным его внука. Так с самых ранних лет фигура короля стала для Фуке олицетворением доброты и благородства. Поместье родителей, Лентцке, находилось вблизи города Фербеллина, в местности, где живы были воспоминания и легенды о ратных подвигах немецких князей. Понятия рыцарственности, воинской

доблести и чести носились в воздухе, которым дышал мальчик, и откладывались в детском сознании, чтобы потом перерасти в юношеский идеал. На всю жизнь полюбил он образ рыцаря, преданного королю, готового защищать слабых. Мир рыцарства был миром прекрасного для подраставшего Фридриха де ла Мотт Фуке. Со своими товарищами по играм он учредил «Орден Красного Льва» и взял себе, позаимствовав из Клопштока, имя: Мальвенд Храбрый.

Отец, по семейной традиции страстно тяготевший к военной службе, страдал от того, что оказался неспособен к ней, рано сделавшись инвалидом после падения с лошади. Сын решил тоже стать военным наперекор желанию матери. Мать хотела видеть его образованным человеком, юристом, и довольно рано начала заботиться о хороших учителях. Первым домашним учителем Фуке был молодой кандидат богословия Фрике, мягкий и чувствительный, тонко воспринимавший поэзию и приобщивший своего совсем еще маленького воспитанника к лирике штюрмеров. Для любимых стихов он сочинял простые мелодии, и мальчик пел речитативом вместе с учителем. Но особую роль в его развитии сыграл Август Людвиг Хюльзен, один из первых немецких романтиков, в скором будущем — участник романтического журнала «Атенеум», сотрудник и соратник братьев Шлегель. Он тоже готовился стать теологом, но, как многие умы нового века, мыслил шире, чем позволяли рамки ортодоксального христианского миропонимания. Он увлекался Гомером и идеалами греческой античности, ботаникой и орнитологией, идеями Фихте и Шеллинга, склоняясь, однако, все более к философии пантеизма. Под его руководством Фуке выучил древнегреческий, притом с огромным удовольствием: ла-

тынь, с которой он познакомился раньше, казалась языком мертвых афоризмов и юридических текстов, а через поэзию Гомера открывалась древность величественная и живая.

Постепенно расширялись его знания о литературе других времен и народов. Один из постоянных посетителей родительского дома, патер Дени, имевший некоторые литературные способности, читал ему свои переводы из «Эдды», и в душу будущего писателя навсегда вошел грандиозный и чарующий мир раннего Средневековья. Другой священник, Даниэль Фридрих Криле, готовивший его к конфирмации, познакомил его с творчеством Виланда и «Орлеанской девственницей» Вольтера. Воспринятый вначале лишь как волнующий рыцарский сюжет, появился перед ним гетевский «Гец фон Берлихинген», наконец, Шекспир в переводе Эшенбурга — поэт, обаяние которого он ощутил, когда только еще перелистывал и бегло просматривал том за томом. Представление о мире прекрасного пополнялось впечатлениями от разных проявлений рыцарственности и человечности, обогащая фамильный идеал Фуке.

Довольно скоро он сделал попытку осуществить свой идеал. Начался поход коалиционных армий против революционной Франции, который возглавили прусский король Фридрих Вильгельм II и австрийский император. В сентябре 1792 г. произошло знаменитое сражение при Вальми, где интервентам пришлось повернуть назад; Гете назовет его началом новой эпохи. Но юпоща, у которого в жилах течет кровь королевского воина, не понимает всей сложности происходящего, как не понимает и его отец, который лишь следует по карте за друзьями, принимающими участие во французской кампании. Молодой

Фуке рвется всей душой на театр военных действий. И здесь наступает неожиданное охлаждение в отношениях со столь близким прежде учителем. Хюльзен — единственный в его окружении, кто воспринимает события серьезнее, чем германские ура-патриоты. Его интеллигентную натуру коробит воинственный настрой любимого ученика. В эти годы зачинатели романтического движения пока еще горячо сочувствуют революции, хотя вскоре заявят свою неприязнь к ней, расценив ее как явление буржуазного порядка, чуждого их духовному складу. Фуке, в свою очередь, возмущен безразличием Хюльзена к славе немецкого оружия. В университете он остается недолго. При содействии графа Шметтау, одного из видных участников антифранцузской коалиции и давнего приятеля отца, он в начале 1794 г. становится корнетом кирасирского полка герцога Веймарского и погружается в столь желанную военную атмосферу.

Молодые годы человека впечатлительного и глубоко чувствующего были наполнены сердечными увлечениями и отношениями, многие из которых надолго оставили в нем след. Западногерманский писатель и историк литературы Арно Шмидт, единственный биограф Фуке, с уверенностью высказывает догадки о прототипах его произведений; Эдгар По предполагает прямую автобиографичность высоко ценимой им «Ундины»¹. Достоверно это или нет — не так уж важно. Образы всегда вырастают из личного переживания художника, более емкого, однако, чем простые переживания частной жизни. Фуке должен был рано от-

¹ *Schmidt A. Fouque und einige seiner Zeitgenossen.* Karlsruhe, 1958; *Poe E. A. Undine: a Miniature Romance; from the German of Baron de la Motte Fouque // The complete works, Vol. X, N. Y., 1965,*

крыть для себя сложности человеческой природы и судьбы и независимо от того, как складывалась его собственная судьба, выразить это потом в своих героях. Более важно другое: поступками его героев всегда подтверждаются душевные качества, присущие ему самому,— благородство, неизменное чувство добра и справедливости.

Эти понятия, ассоциировавшиеся у него прежде с обликом дворянина-вассала, приобретают новое олицетворение в живой действительности. Мир с Францией, заключенный в 1795 г., развивает у лучшей части прусского офицерства интерес и симпатии к стране, которая дала свежий импульс всей европейской общественной жизни. Кумиром многих, в том числе и Фуке, делается Наполеон. Приехав в родную усадьбу в отпуск, Фуке с тревогой ждет известий о французском консуле, совершающем египетский поход. Может быть, именно весь политический климат, под воздействием которого ломались прежние взгляды, гибче и острее становился ум, был причиной того, что Фуке не порвал отношений с Хюльзеном, смог оценить эту яркую индивидуальность. После смерти отца он предлагает ему даже организовать в Лентцке небольшое воспитательное учреждение. Вдобавок учителя с учеником связали и родственные узы: кузина Фуке Доротея фон Позерн стала женой Хюльзена. Новое сближение между ними было очень значительно для жизни Фуке в 1795—1799 гг. В эти годы Хюльзен уже близок со Шлегелями, и для Фуке настольной книгой делается журнал «Атенеум», любимым романом — «Франц Штернбальд», написанный молодым Людвигом Тиком. Так совершается приближение к романтической мысли, романтической эстетике, к самому нутру романтизма.

Первый брак Фуке с молоденькой женщиной, чуждой его интересам, оказывается неудачным и завершается разводом; Фуке отдает жене свое родовое поместье, лишаясь собственного дома. Но уже вскоре он обретает на долгие годы дом в Неннхаузене — в поместье отца своей новой жены, Каролипы фон Рохов, женщины современной по всему своему складу и даже одаренной.

Свадебное путешествие приносит ему большие впечатления. Особой вехой на его пути становится Дрезден, оказавшийся в начале 1800-х годов центром немецкого романтизма. Здесь организуется одна из первых общественных касс для поддержки книгоиздательства. Потрясает величие картинной галереи, где в это время работают лучшие мастера романтической живописи: Каспар Давид Фридрих, Филипп Отто Рунге, Антон Графф. Местом встречи энтузиастов нового искусства становится дом поэта Теодора Кернера. Душа дрезденских романтиков — Тик, которого глубоко почитает Фуке. Но отношения с Тиком у него не сложились. Зато сразу возник контакт с Клейстом, когда тот, только что заявивший о себе драматург, появился в Дрездене: сблизили разговоры о военной тематике. Позднее Клейст гостил в Неннхаузене. В нем Фуке нашел еще одно воплощение рыцаря — рыцаря новых времен, берущего на себя ответственность за общественные потрясения. Его самоубийство в 1811 г. Фуке воспринял особенно тяжело, увидев в нем исход болезни человеческой совести. В 1816 г. в журнале «Утренний листок» («Morgenblatt») он напечатает статью о Клейсте, и это будет данью глубокого уважения той особой честности, которая привела замечательного писателя к трагическому концу.

Ко времени поездки в Дрезден, с 1802 г., начинается литературная деятельность Фуке. Еще мальчиком он пробовал писать, проникнувшись темами средневекового цикла короля Артура, и теперь в первых своих произведениях варьирует артуровские сюжеты, призванные прославить высокую мораль рыцарского века. Он не предназначает их для публикации, не хранит (например, кому-то подарил роман «Миннезингеры» — по сути дела выбросил его) и навсегда останется строгим к ним. Но Хюльзен посылал некоторые из его стихотворений Фридриху Шлегелю. С его же рекомендацией Фуке летом 1802 г. посетил в Берлине Августа Вильгельма Шлегеля и прочитал ему фрагмент своей драмы «Роговой Зигфрид в кузнице». В 1803 г. во втором номере журнала «Европа», который издавал в Париже Ф. Шлегель, были напечатаны сцены из «Рогового Зигфрида» и несколько стихотворений молодого автора. По совету Шлегеля они были подписаны псевдонимом Пеллегрин². Под тем же именем в 1804 г. вышли «Драматические пьесы», об издании которых также позаботился старший Шлегель, затем еще несколько сочинений, последним из которых был роман «Альвин» (1806—1807). О романе хорошо отзывался внимательный и доброжелательный к начинающим Жан Поль, навсегда сохранивший симпатию к Фуке; пьесы горячо похвалил Захария Вернер, один из создателей романтической драмы.

Тот же Вернер сразу с уважением заметил, что Фуке — ученик Шлегеля. В эти годы Фуке действительно с радостью учится, и это показательно для немецких романтиков. Широкая образованность отлича-

² «Паломник», «странник» (ит.) — реминисценция стиха Петрарки: «Dolce parole, oneste e pellegrine» (канцона ССХХ).

ла большинство из них, изучить все, что создано человечеством, было для них такой же потребностью, как самое творчество.

«Национальные составные части современной поэзии необъяснимы, если вырвать их из общей связи и рассматривать в отдельности как само по себе существующее целое. Лишь во взаимоотношении они получают опору и смысл. И чем внимательнее рассматривать всю массу современной поэзии, тем больше она предстает составной частью целого. Единство, связующее многие общие свойства в единое целое, не обнаруживается непосредственно в массе ее истории. Это единство, следовательно, мы должны искать за ее пределами... Общие черты, казавшиеся следами внутренней связи, это не столько свойства, сколько устремления и отношения. Сходство одних из них увеличивается по мере удаления от теперешнего столетия, других — по мере приближения к нему»³. Это умозаключение Ф. Шлегеля отражало (или предваряло, как многое в литературной теории романтизма) то ощущение связи с искусством прошлого, то чувство органической преемственности по отношению к нему, которое жило во всех писателях-романтиках. Поэтому их фантазии, смелой до забвения реальности, предшествовало основательное знакомство с тем миром, куда они хотели удалиться от современности, чтобы ту же современность лучше увидеть на расстоянии.

Кроме древнегреческого и латыни, Фуке знал старофранцузский и провансальский; позднее он изучает готский. К отличному знанию английского языка прибавляется знание скандинавских; следуя настоя-

³ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. Т. 1. С. 99—100.

тельному совету А. В. Шлегеля, он изучает итальянский, испанский и португальский. В течение жизни он много переводит: из Гомера, Ксенофона, Тацита, Шекспира, Расина, Сервантеса, Байрона, Томаса Мура. И это тоже было характерно для романтического направления, и более всего в Германии,— приобщить литературу своей страны, своей эпохи к литературе других времен и народов. Из рук своего наставника Шлегеля он получает собрание немецкого миннезанга — копию Большой Гейдельбергской рукописи (подлинник тогда был собственностью Франции). Этот памятник, как и «Песнь о Нибелунгах», старшие романтики, братья Шлегель и Тик, основательно штудируют в 1802—1804 гг., в оживленной переписке обмениваются мнениями, спорят, вырабатывают общую оценку поэзии прошлого.

Вопрос о том, почему немецкий романтизм особенно устремился к Средним векам, в связи с Фуке может быть затронут лишь частично. Надо заметить, что средневековские пристрастия периода иенского и периода гейдельбергского, связанного с антинаполеоновским движением, неоднородны. Свои произведения на средневековые темы Фуке создает главным образом во второй период, но при этом пытается воспроизвести в художественной форме образ Средневековья, сложившийся у Шлегелей.

Для иенского, старшего поколения вся средневековая литература — мифология. «Я все более утверждаюсь в мысли, что все „истории круглого стола“ представляют собой мифы»⁴, — пишет Тик в 1802 г. А. В. Шлегелю, и тот соглашается с ним⁵. Год спустя

⁴ Tieck Ludwig und die Brüder Schlegel: Briefe. Frankfurt/M., 1930. S. 122.

⁵ Ibid. S. 125,

Тик признается, что уже давно только и думает и грезит о рыцарях и их временах⁶. Естественно, что в сюжете или образе, заимствованном из рыцарских веков, он, как и Шлегели, хочет видеть ту или иную модель вечных внутримировых отношений, связей, на которых держится мироздание: Шлегелей удовлетворяло изображение Средневековья у Фуке. Тик отнесся к нему резко отрицательно.

К серьезной обработке средневекового материала Фуке обратился под влиянием своих друзей из когорты основоположников германистики — Бюшинга и Фридриха Генриха фон дер Хагена. В 1808—1810 гг. он написал трилогию «Герой Севера»: «Сигурд, убивающий змея», «Месть Сигурда», «Аслауга» — на сюжеты северного эпоса. Третья часть (история дочери Сигурда Аслауги) особенно точно воспроизводит дух «Эдды», ее художественную специфику. В то время литературные, и тем более читательские круги были весьма мало знакомы со средневековой литературой. Трилогию встретили восторженно: Штольберг и Фосс, Жан Поль и Гофман, Шамиссо и Рахель Фарнхаген. Через несколько лет после выхода «Героя Севера» Гофман произнесет трогательно-задушевную хвалу в адрес Фуке в повести «Новейшие сведения о судьбе Собака Берганца». Речь о нем пойдет в продолжение разговора о Новалисе, который ведут двое собеседников:

«Я думаю, что хотя бы только из уважения к детски-чистому нутру и истинно поэтическому чувству рядом с ним должен быть поставлен один нынешний поэт.

Берганца: Ты имеешь в виду того, кто с поразительной силой заставил зазвучать мощную арфу

⁶ Ibid. S. 148.

Севера, кто с подлинно священным трепетом и воодушевлением вызвал к жизни великого героя Сигурда, чтобы его блеск пронзил лучами тусклые сумерки нашего времени и чтобы перед его могучей поступью разлетелись в пух и прах те, что наряжаются в латы и считают себя не иначе, как героями,— если ты имеешь в виду его, я с тобой соглашаюсь. Он, как неограниченный властитель в царстве чудес, где небывалые образы и события с готовностью являются на зов волшебника...»

А далее, вновь по ассоциации с «детски-чистым» духовным складом Фуке, собеседники вспоминают о Шекспире⁷.

Итак, Фуке поставлен рядом с Шекспиром и Новалисом. Остается только вспомнить, что Шекспира в романтическую эпоху почитают как первого среди поэтов, а с Новалисом связывают представление о великом искусстве воплощения идеала — единственно настоящем искусстве.

Реакция Гофмана на дарование Фуке может показаться субъективной, однако исходя из сказанных им в «Берганце» слов, можно судить о главной причине успеха и «Героя Севера», и всех последовавших за трилогией произведений средневековой тематики,— а Фуке создает их одно за другим, в разных жанрах. Среди них драмы «Эгинхард и Эмма», «Альф и Ингви», «Бальдур», «Хельги», поэма «Рождение и юность Карла Великого», новеллы «Рыцари Аслауги», «Синтрам и его спутники», романы «Волшебное кольцо», «Любовь певца». Перед читателями открывается мир сильных чувств и высоких принципов, подтверждающая догадки о том, что смысл существования человека

⁷ *Hoffmann E. T. A. Fantasiestücke in Callots Manier.* В., Weimar, 1976. S. 167—168,

значительнее и прекраснее, чем это позволяет ощутить буржуазная атмосфера, все более захватывающая и Германию.

Призрак буржуазного перерождения общества раздражал и пугал немецких романтиков, и потому у них часто проскальзывало противопоставление Германии, отстававшей на пути социального развития, как страны «христианской» (Новалис), «скромной» (А. В. Шлегель) «Европе» — так определяли они страны, где победил буржуазный строй. Примечательно, что Фуке, писатель второго романтического поколения, больше был проникнут ощущением диалектичности происходящего, хотя это, конечно, было лишь *ощущение*, не превратившееся у него в *понимание*. Патриот по рождению и воспитанию, он улавливал героическое и возвышенное не только в национальном. Усвоив уроки старших романтиков, в сущности своей, несмотря ни на что, великих космополитов и гуманистов, он искал духовное богатство в культурных напластованиях ушедших времен. Поэтому, вызывая к жизни прошлое, которое большей своей частью легло в основу именно немецкой духовной культуры, он противопоставлял по сути дела не «Германию» и «Европу», а германскую старину и европейскую современность. Его произведения населены не только нордическими гигантами, но и певцами любви позднего Средневековья, и не менее, чем ратные подвиги древности, занимают его те понятия о сложности натуры и судьбы человека, которые утвердились в умах Ренессанса: новелла «Синтрам и его спутники» создана по мотивам гравюры Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол».

С первых дней освободительных войн, с начала 1813 г., Фуке снова под знаменем короля, в армии Блюхера, в полку кирасир. Блюхер и Гнейзенау, из-

вестные военачальники и при этом незаурядные личности производят на него сильное впечатление. Храбрый боец (в одном из сражений под ним убили лошадь), Фуке, однако, чужд тех яростных антифранцузских настроений, которые звучат в эти дни в лирике Арндта, Герреса, Яна. Для него война — возможность выявить лучшие человеческие качества обеих сторон, а лучшее из этих качеств — способность уважать и достоинства противника, и то, ради чего он идет на смерть. Об этом прямо сказано в его маленькой новелле «Нерешенный спор» («Der unentscheidene Wettstreit», 1811). По словам Гюнтера де Бройна, «для рыцаря Фуке война была не средством к достижению цели...»⁸ Обнажать меч надо только во имя идеального, и в этом смысле противники — всегда братья по духу. Идея единства рыцарства всех народов, христианских и нехристианских, нашла выражение в романе «Волшебное кольцо» (1813).

В мемуарных заметках «Чувства, впечатления и воззрения» («Gefühle, Bilder und Ansichten, 1819») Фуке назвал себя Дон Кихотом, и это сравнение возникло потом у всех, кто брался оценивать его натуру. Это всегда чувствовал и его читатель: «У Фуке потрясала богатая, устремленная в одну точку фантазия, связанная с рыцарски-честной отдачей всех других духовных сил, это и делало его Дон Кихотом романтизма», — пишет Эйхендорф⁹. Особенно популярен становится писатель после 1815 г., когда в Германии начинается движение буршеншафтов, первое выступление буржуазной оппозиции. Показательно,

⁸ Бройн Г. де. Бранденбургский Дон Кихот // Встреча: Повести и эссе писателей ГДР. М., 1983. С. 493.

⁹ Eichendorff J. Freiherr von. Historische und literarische Schriften, Vaduz, 1948. S. 392.

что тогда местом студенческих сборов был выбран Вартбург — легендарный символ немецкого средневековья, некогда центр рыцарской культуры, в XVI в. давший пристанище Мартину Лютеру (именно в связи с 300-летием Реформации сюда в 1817 г. съехались немецкие студенты). В образах Средневековья воспринималось, как объясняет тот же Эйхендорф, «противоречие между рыцарем и филистером»¹⁰ — самое сильное переживание романтической эпохи. Понятно, как должна была быть важна роль Фуке.

Впоследствии Гейне прокомментировал: «Наш дела Мотт Фуке — не что иное, как последыш тех поэтов, которые произвели на свет „Амадиса Гальского“ и тому подобные чудеса, и я удивляюсь не только таланту, но и мужеству, с каким этот благородный барон сочинял свои рыцарские романы двести лет спустя после появления „Дон Кихота“. Своеобразна была та эпоха в Германии, когда эти романы появились на свет и с удовольствием были приняты публикой. Что означала в литературе эта страстная любовь к рыцарству и к картинам старого феодального времени? Мне думается, немецкому народу захотелось навсегда проститься со средневековьем; но, расчувствовавшись,— а это так легко случается с нами,— мы решили расцеловаться с ним на прощанье. Мы в последний раз прижались губами к старым надгробным камням»¹¹.

Язвительное высказывание Гейне — в русле всей его полемики с романтизмом. В нем нет исчерпывающего объяснения интереса к Средним векам, но есть объяснение упадка интереса к романтику-автору, пытавшемуся их воссоздать. С 1822—1824 гг. (время,

¹⁰ *Eichendorff J. von. Erlebtes. Lpz., 1967. S. 42—43.*

¹¹ *Гейне Г. Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 5. С. 197—198.*

когда популярность Фуке уже ослабевает) романтизм утрачивает свою ведущую роль в литературе и в Германии, и в Англии, и не только потому, что уходят из жизни Гофман, Шелли, Байрон: он исчезает как *умонастроение*. Новое миропонимание, побеждающее в новой общественной обстановке, и чуждается иллюзий, и демифологизируется; появляется потребность в более гибком и конкретном объяснении вещей. Поздние романтики сами ощущают это; соответственно меняются вкусы и запросы читающей публики.

Но в пору расцвета романтизма, связанную в Германии с именами Брентано, Арнима и братьев Гримм, Гофмана, Шамиссо и Захарии Вернера, Фуке занимает довольно заметное место. Правда, и тогда не все разделяли восхищение, которое он вызывал. Не раз неуважительно отзывался о нем Тик, резко расходясь в оценке Фуке с Ф. Шлегелем. Для него это писатель «совершенно манерный»¹² и вдобавок излишне плодовитый¹³. Шлегель возражал ему: «Я охотно соглашусь с тобой, что Фуке очень уж много пишет, и именно поэтому кое-что слишком поверхностно, если ты это называешь манерностью; но если это можно говорить о такой поэзии, то кто же тогда совсем свободен от манерности? Я очень люблю Фуке, и он доставляет мне, конечно же, все большую радость»¹⁴. В ответ еще сильнее прорывалось раздражение Тика: «Что касается Фуке, то я вижу, что мы с

¹² Tieck Ludwig und die Brüder Schlegel: Briefe. S. 164.

¹³ Перечень сочинений и переводов Фуке занимает в книге А. Шмидта 6 страниц. Многие из них остались неопубликованным, в том числе и перевод романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» со средневерхненемецкого.

¹⁴ Tieck Ludwig und die Brüder Schlegel; Briefe, S. 167.

тобой думаем о нем весьма по-разному. Ни от одного из его писаний я пока еще не получил настоящего и полного наслаждения, они для меня слишком болезненны и манерны, с хилыми претензиями на мужественность и силу, они кажутся мне искажением и недоразумением... лживость и фальшивость слова мало где становятся так очевидны мне, как у него, я читаю у него лишь слова, как выражается Гамлет: Фуке ничего не пережил, мне кажется, ему не дано вообще переживать, как же он хочет сочинять? Все — отблеск отблеска, все — с чужих слов, давно известных...»¹⁵ Спор Тика и Шлегеля происходил в 1813 г. Уже была написана «Ундина», но, видимо, и это произведение показалось Тику (с его потребностью в мифологизированных сюжетах, о которой мы уже упоминали) лишенным глубины мифа. Автор книги «История немецкой души» высказывает подобную догадку, несколько огрубляя понятия: «Списавшая большой успех сказка Фуке об Ундине... переводит тиковскую демонологию природы в бидермайер... точно так же, как и в своих драмах о Сигурде... и романе о волшебном кольце... Фуке оказался не в состоянии поэтически воссоздать мифологическую глубину мира северных саг, хотя ощутимо представлял себе первородные силы природы»¹⁶. Клеменс Brentano, который был примерно такого же мнения о Фуке, как Тик, считал его драмы «пустыми и мертвыми»¹⁷.

Но как бы то ни было, в своеобразном творчестве Фуке явственно выступало то, что давало ему право на признание у своих современников: глубокая не-

¹⁵ Ibid. S. 169.

¹⁶ Müller G. Geschichte der deutschen Seele. Darmstadt, 1967. S. 447.

¹⁷ Письмо к Геппесу 1810 г. // Brentano Clemens. Briefe. Nürnberg, 1951. S. 32.

удовлетворенность действительностью и сочувствие той человеческой индивидуальности, которая не может удовлетвориться ею. Более других должен был оценить это в нем Гофман.

Поводом для их сближения стала повесть «Унди-на», напечатанная весной 1811 г. в журнале их общего друга и издателя Юлиуса Эдуарда Хитцига, единственное из произведений Фукке, вошедшее в мировую литературу. Первый восторженный отзыв о нем появился в печати в 1812 г.: «Такая точно рассчитанная сила, такое сочетание ясности и глубины, такие пропорции изображения встают перед нами на каждой странице...»¹⁸ Австрийский поэт Маттеус фон Коллин написал Фукке: «„Унди́на“ вызывает общие аплодисменты; утонченная красота этого произведения должна вызвать симпатии у всех»¹⁹. Вскоре повесть начали переводить: в 1815 г. появился итальянский перевод, в 1818 — французский, датский, английский (второй перевод на английский язык был сделан в 1830 г. Т. Карлейлем, страстным пропагандистом немецкой литературы). В. Скотт нашел в ней проникновенный показ человеческих страданий, Э. По — «лучший из возможных образцов идеала прекрасного»²⁰. В последний вечер своей жизни читал «Унди́ну» в кругу близких Рихард Вагнер. Фантастическая повесть Фукке дала одну из тех схем внутрочеловеческих законов, которые литература заполняет все новым и новым содержанием, — об этом по-разному свидетельству-

¹⁸ Цит. по кн.: Pfeiffer W. Über Fouques «Undine». Heidelberg, 1902. S. 40—41.

¹⁹ Цит. по кн.: Schwabe J. Friedrich Baron de la Motte Fouque als Herausgeber literarischer Zeitschriften der Romantik. Breslau, 1937. S. 94.

²⁰ Poe E. A. Op. cit., P, 37.

ют сказка О. Уайльда «Рыбак и его душа» и пьеса Ж. Жироду.

Нельзя не обратить внимание на то, как высказались о ней два великих противника немецкого романтизма. Гете, впервые познакомившийся с «Ундиной» во французском переводе, позаботился, чтобы книжку переплели заново, а позднее сказал Эккерману: «Если вы хотите составить себе благоприятное представление о Фуке, почитайте его „Ундины“, она действительно прелестна»²¹. Гейне, который готов был скорее обругать, чем похвалить, все, что принадлежало Фуке, в потоке саркастических фраз не мог не сказать об особой поэтичности повести: «Но что за чудесная поэма эта „Ундина“! Сама поэма есть поцелуй: гений поэзии поцеловал спящую весну, и весна, улыбаясь, раскрыла глаза, и все розы заблагоухали, и все соловьи запели, и благоухание роз, и пение соловьев наш милейший Фуке облек в слова и назвал все это „Ундиной“»²².

В 1819 г. Сигизмунд Рухль, директор картинной галереи в Касселе, писавший картины на исторические темы, пришлет Фуке в Неннхаузен рисунки к его тексту²³. А в июле 1812 г. Гофман пишет из Бамберга в Берлин Хитцигу: «Буря, дождь, вода, стекающая потоками, постоянно напоминали мне о дядюшке Кюлеборне, которого я из своего готического окна громким голосом призывал успокоиться, а так как он грохочет нечленораздельно и с ним не поговоришь, я затеял подчинить его себе при помощи хитрых

²¹ *Эккерман И. П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 259.

²² *Гейне Г.* Указ. соч. Т. 4. С. 427.

²³ Менее примечательными иллюстраторами «Ундины» были Э. Штейнбрюк и Ю. Шнорр фон Карольсфельд.

штук, которые называются нотами. Иными словами: „Ундина“ должна дать мне великолепный материал для оперы. Вы не согласны со мной?»²⁴. Через две недели он повторяет уже как просьбу: «Вы знаете, что мне плохо удастся переложение прозы стихами и поэтому будет трудно сделать из „Ундины“ оперу. Так не могли бы Вы среди Ваших друзей, имеющих поэтическое дарование, найти кого-нибудь и уговорить сделать для меня переработку „Ундины“?»²⁵

Сделать эту переработку взялся сам Фуке. И теперь уже ему отправляет письмо Гофман в августе того же года: «Счастливая звезда взошла над моими музыкальными трудами, ибо, как сообщает мне мой друг Хитциг, Вы сами, господин барон! хотите переработать Вашу великолепную, задушевную „Ундину“ для моего музыкального сочинения. Не могу выразить словами, как я, читая ее, думал... воплотить глубокую сущность романтических персонажей в звуках... по-настоящему проникнуть в их полную тайны природу и познать ее... День и ночь вижу и слышу я милую Ундину, рокочущего Кюлеборна, блистательного Хульдбранда, и, простите, господин барон, мне не терпится начать писать музыку! Настоятельная просьба, не заставляйте меня долго ждать. С величайшим уважением и почтением называю себя,
господин барон!

душевно преданным Вам. Гофман»²⁶.

Получив это письмо, Фуке начинает работу над либретто, которое заканчивает менее чем через год. А еще через год Гофман приехал в Берлин, где они

²⁴ *Hoffman E. T. A. Briefwechsel, München, 1967, Bd. I, S. 339.*

²⁵ *Ibid. S. 342.*

²⁶ *Ibid. S. 347.*

впервые встретились лично как настоящие друзья.

О процессе работы над музыкой Гофман со свойственной ему манерой скрывать особенно сильные переживания за дурачеством рассказывал: «С Ундиной мы ведем превосходную жизнь. Она посещает меня каждое утро и приносит (бог знает, где она это берет) прекрасные цветы и всякие разноцветные блестящие камни, и вот мы сидим и играем, как дети, пока солнце не окажется совсем высоко,— тогда она спешит прочь, и как только она уходит, все цветы вянут и камни теряют блеск»²⁷. В 1815 г. опера была закончена, однако премьера состоялась только в 1816-м. Вначале Гофман предполагал поставить оперу в Вюрцбурге, но вновь назначенный попечитель королевских театров граф Брюль, один из друзей Фуке, сумел заинтересовать «Ундиной» наследного принца и добился постановки в берлинском театре в день рождения короля. Она была подготовлена тщательно и со знанием дела. Сам Фуке достаточно понимал в искусстве сцены (в детстве, мечтая о военных подвигах, он иногда задумывался, не стать ли ему актером; в начале 1810-х годов в Берлине ходили слухи, что он возглавит новый театр, который предполагалось открыть). Гофман в свое время в Бамберге расписывал театральные кулисы и оказался хорошим помощником известному Карлу Фридриху Шинкелю, уже прославившемуся своими декорациями к «Волшебной флейте». Главную партию исполняла выдающаяся певица Иоганна Ойнике, дирижировал Бернгард Ромберг.

Конечно, это был более триумф Гофмана, чем Фуке. Первый композитор-романтик Карл Мария фон Вебер писал в своей рецензии: «В тексте оперы „Ун-

²⁷ Ibid., S. 457,

дина“ кое-что можно было бы прояснить и уточнить, сделать более связным; тем отчетливее и выразительнее те формы и контуры, в которых дал жизнь опере композитор. Это поистине единый сплав... В целом это произведение — одно из самых одухотворенных, какие появились в наше время. Это прекрасный результат проникновения в тему и осмысления ее, достигнутый благодаря незаурядной работе мысли и учету воздействия всего художественного материала, произведение, доведенное до уровня высокого искусства благодаря прекрасным, врезающимся в память мелодиям... Если бы Гофман в ближайшее время снова подарил миру что-то столь же значительное, как эта опера...»²⁸ Однако «Ундина» в музыке Гофмана, как и в литературном творчестве Фуке, осталась лучшим, неповторенным созданием. Но ей была суждена недолгая жизнь, и исследователи как Фуке, так и Гофмана, затрудняются объяснить причину этого. Возможно, дело было в неудачном либретто, которое «рабски держалось повествования»²⁹. Возможно, утратила очарование новизны музыка, когда через несколько лет появился «Волшебный стрелок» Вебера. Во всяком случае, поставленная заново в Праге в 1821 г., опера провалилась. До нашего времени дожили лишь увертюра и ария Ундины, исполняемые в концертах.

Уже в 30-е годы Фуке сделал новое либретто, и новую оперу написал Карл Гиршнер, капельмейстер театра в Данциге, где и ставил ее на протяжении семи лет. Следующие музыкальные обработки «Ундины» — опера австрийца И. Риттер фон Зейфрида

²⁸ *Hoffmann E. T. A. Sein Leben in Bildern.* Lpz., 1961. S. 33.

²⁹ *Pfeiffer W.* Op. cit. S. 64.

«Ундина, невеста из водяного царства», балеты А. Гюроветца и Г. Шмидта — последний был поставлен Тальони в Берлине в 1836 г. Когда в 1837 г. он был дан при дворе по случаю обручения принцессы Елизаветы с принцем Карлом Гессенским, король Фридрих Вильгельм III вручил присутствовавшему там Фуке специально изготовленную золотую медаль. Последняя обработка — опера Альберта Лорнитца (1845), которая, по мнению Э. Клессмана, настолько же представляет собой «чистейший бидермайер», как гофмановская опера — «чистейший романтизм»³⁰.

В литературном наследии Гофмана запечатлен еще один момент сотрудничества и духовного содружества с Фуке, которое сложилось в итоге совместной работы над оперой «Ундина». В 1811 г. Фуке написал новеллу «Иксион». Это совсем маленькое произведение звучит удивительно в унисон большой теме Гофмана — теме несовместимости и разрыва поэтической природы с убогой повседневностью. Иксион в античной мифологии — своего рода максималист, пожелавший соблазнить Геру, вместо которой Зевс подослал ему облако, а затем в наказание спустил в Тартар и привязал к огненному колесу. Молодой барон Вальборн, поэт, соприкоснувшись с жизнью, пережив сильное чувство к женщине, которая не ответила на его любовь, бросил свой круг, ушел от мира и поселился тайно от всех в отдаленной сельской местности. Соотнеся реальную суть всего окружающего со своими мечтами, он пришел к выводу, что обнимал облако вместо богини. Прибежище он нашел в собственной фантазии: увенчав себя короной из золотой бумаги, раз и навсегда поверил, что он — Иксион в Фессалии. Хорошие люди, которые увидели в нем попросту ду-

³⁰ *Kleßmann E.* Die deutsche Romantik. Köln, 1979, S. 14,

шевнобольного,— любимая им прежде женщина и некий молодой лифляндец, случайно ставший свидетелем его безумств,— пытались было помочь ему, но почувствовали полное бессилие (добрые люди, но плохие музыканты,— сказал бы Гофман, понимая под хорошим музыкантом только того, кто живет вразрез с общими нормами здравого смысла). Зато участие в судьбе несчастного сблизило этих двоих и вскоре привело к благополучному супружеству. Когда год спустя они смотрели в театре историю греческого Иксиона и вспомнили о Вальборне, тот на мгновение, как призрак, вдруг появился рядом с ними и с ироническим сочувствием прокомментировал: «Здесь иметь дело с Иксионом куда приятнее». Вскоре им стало известно, что Вальборн скончался как раз в тот самый вечер, когда привиделся им в театре.

Если говорить кратко, новелла достойна принадлежать перу самого Гофмана. Если обстоятельнее, то необходимо сказать, что здесь у Фукке намечены ситуации и образы, которые потом — после 1811 г.— легли в основу многих произведений его великого друга. Самое раннее из них — «Дон Жуан» (1813), где исполнительница роли Донны Анны появляется перед героем в тот самый момент, когда в действительности умирает у себя в номере. Поэт Иксион в своей Фессалии — Ансельм в Атлантиде («Золотой горшок», 1815). Добрая женская душа, которая сочувствует помешанному, не догадываясь, что он видит в мире больше, чем все разумные, а потом счастливо вступает в брак с другим, — Клара в «Песочном человеке» (1815). Наконец, безумец, выходец из знатной семьи, порвавший со всеми благами и удалившийся в лесное уединение,— прообраз знаменитого Серапиона («Серапионовы братья»), который впервые появляется в замыс-

лах Гофмана в 1818 г. Число примеров можно умножить. Само собой разумеется, это говорит не о заимствованиях Гофмана у Фуке, а о большой близости, сходстве мировидения того и другого. Но именно в силу этого Гофман прямо ввел барона Вальборна в свое произведение и тем самым обессмертил его: мало кто помнит героя новеллы «Иксион», зато все знают персонаж «Крейслерианы», второе Я капельмейстера Крейсlera. В 1814 г., после первой встречи Фуке и Гофмана, в третьем номере журнала «Музы» («Die Musen, eine norddeutsche Zeitschrift») были напечатаны два письма: от барона Вальборна капельмейстеру Крейслеру и от Крейсlera Вальборну с предисловием Гофмана и Фуке. С этих писем начинается и вторая часть «Крейслерианы» (1815) после краткого предупреждения: «Осенью прошлого года издатель этих страниц приятно проводил время в Берлине с титулованным автором „Сигурда“, „Волшебного кольца“, „Ундины“, „Короны“ и др.» Тут и родился замысел, исходивший, видимо, от Гофмана, сблизить двух мечтателей-максималистов, не приемлющих жизни такой, как она устроена. Оба уходят из нее, и каждый оставляет другому письмо:

Другу и товарищу в любви, страдании и смерти!
Для передачи в мир, рядом с большим терновым кустом, на границе рассудка³¹.

Читатель «Крейслерианы» может убедиться в полном сходстве героев Гофмана и Фуке («твои слова могут стать моими мелодиями, а мои мелодии — твоими словами») (С. 69). Это в сущности один и тот же образ романтика, для которого «нет в жизни ничего

³¹ Гофман Э. Т. А. Крейсleriана. Житейские воззрения Кота Мура. Дневники. М., 1972. С. 62, Далее цит. по этому изд., с. в тексте.

более скорбного, более губительно-ужасного, чем Юнона, превратившаяся в облако» (С. 66). Гофман нашел поразительно точные слова для того, что Фуке еще раньше попытался выразить в лице своего Иксиона. Это мироощущение всего позднего романтизма.

Как известно, в Крейсере воплотилась вся личность его создателя; позднее в письмах к Фуке он иногда подписывался: «Гофман, он же Крейслер». Трудно в такой же степени отождествлять Фуке с Вальборном, но можно утверждать общность жизненной и эстетической позиции двух писателей, их умонастроения и человеческих симпатий. Именно поэтому Фуке был близок к кругу Гофмана. Комментаторы последнего (за редким исключением³²) называют Фуке среди прототипов «Серапионовых братьев»: это ироничный Лотар. Во всяком случае, он часто появлялся на «серапионовских» встречах в Берлине, часто принимал Гофмана, Шамиссо, Хитцига и других в Неннхаузене.

В числе близких знакомых Фуке были Рахель и Карл Август Фарнхаген фон Энзе. Неннхаузен посещали А. В. Шлегель и В. Гумбольдт. Владелица поместья, Каролина Фуке, сама писавшая рассказы и романы, по общему мнению критиков не заслуживающие внимания, поддерживала там атмосферу живых литературных контактов. Насмешливый Гофман отметил, что «роль хозяйки дома удается ей лучше, чем роль литератора»³³. Биографы Фуке довольно много говорят о том, что он был подавлен энергией и властью жены, к тому же, вероятно, еще и тем, что не имел своего состояния. Каролина не была для

³² В частности, в комментариях в кн.: *Hoffmann E. T. A. Die Serapionsbrüder. Weimar, 1978. Bd. I. S. 626.* — Фуке не указан среди прототипов.

³³ *Hoffmann E. T. A. Briefwechsel. Bd. II. S. 78.*

него «родственной душой», но смерть ее в 1831 г. он пережил тяжело, тем более что это был и конец Неннхаузена, всего заведенного Каролиной быта. А вскоре Фуке пришлось покинуть Неннхаузен, переехать в Галле, потом в Берлин. Дети Каролины от первого брака, как и общая дочь Мария, не примирились с его новой женитьбой на женщине тридцатью годами моложе его, происходившей из бюргерской семьи и жившей в доме на положении компаньонки. Но этот брак вовсе не был счастливым. Альбертина Фуке родила двух сыновей (второго — через несколько дней после смерти мужа) и сделала еще один перевод «Ундины» на французский язык. В 1840 г. Фуке выпустил «Автобиографию», в которой попытался оценить прожитую жизнь. Итог этой жизни у многих вызывает иронию. Через десять лет после его смерти Грильпарцер писал, что теперь при имени человека, которого в Германии когда-то ставили рядом с Гете, «лица расплываются в насмешливой улыбке»³⁴. В очерке Гюнтера де Бройна последняя глава названа: «Бедный Фуке». Столько трудившийся в литературе и не ставший большим писателем. Готовый отдать женщине все сердце без остатка и не нашедший счастья. Мечтавший о рыцарских подвигах и развлекавший в конце жизни королевский двор почтительно подносимыми сочинениями и оригинальными сценариями празднеств³⁵. Поистине действительность сильно ограничила все его мечты, как это часто случалось с романтическими героями, начиная с того,

³⁴ Grillparzer. Werke: In 3 Bd. Weimar, 1980. Bd. I. S. 223.

³⁵ См. воспоминания дочери писателя: *Fouque Marie de la Motte. Vom Leben am preußischen Hofe, 1815—1852*. В., 1908.

кого причислили к ним немецкие романтики,— с Дон Кихота. И то, что уже в немолодые годы Фуке должен был зарабатывать литературным трудом, пока не выручила пенсия Фридриха Вильгельма IV, который с юных лет чтит автора «Ундины» (так осуществилась в XIX в. заветная идиллия Средневековья: король наградил любимого певца, бедного рыцаря!), и то, что в последние годы своей жизни он много пил и январской ночью 1843 г. умер на лестнице своего дома,— все это немного напоминает судьбы тех, о ком любил писать Гофман: неудачников, смешных, но только не жалких.

Фуке всегда готов был помогать другим, всегда шел навстречу чужому таланту. Важная сторона его деятельности — издание журналов с целью широкой пропаганды творчества романтиков: «Времена года» («Jahreszeiten», 1811, переданный затем Хитцигу), «Музы» (1812—1814), «Издание для женщин» («Frauentaschenbuch», альманах 1815—1821), «В часы досуга» («Für müßige Stunden», 1816—1821), «Берлинские листки для немецких женщин» («Berlinische Blätter für deutsche Frauen», 1829—1830). Он писал предисловия к произведениям Шамиссо и Эйхендорфа. Он разыскал в 1826 г. приехавшего в Берлин Грильпарцера, чтобы свести его с берлинскими литераторами.

Художественное наследие Фуке еще не получило полного освещения в общей панораме немецкого романтизма. А. Шмидт утверждает, что оно нуждается в многотомной разработке³⁶. Столь же категорично Гюнтер де Бройн утверждает обратное: «...Фуке всегда оставался второстепенным писателем, по его вынесло на волне времени, которой соответствовал его стиль и в свете которой он смог выглядеть первосте-

³⁶ Schmidt A. Op. cit. S. 7—8.

пенным»³⁷. Надо согласиться с тем, что у Фуке заслуживает внимания не только «Ундина». И все-таки только «Ундина» обрела настоящий успех.

«Ундина» — единственное произведение Фуке, в котором ярко выразилась тенденция романтизма, сложившаяся еще в иенский период: увидеть жизнь глубже, чем позволяет реальное, лежащее на поверхности. Новый художественный фонд — средневековая поэзия и открытый усилиями гейдельбержцев фольклор — помогал найти средства, чтобы воспроизвести эту глубину, «безликое — вочеловечить». Так заявляло о себе настойчивое стремление нового века возродить тот синтез зримого и «подозреваемого», который в ходе развития рационализма распался на понятия естественного и сверхъестественного.

Поэтическое наследие Средних веков, не знавших такой дифференциации, оказывалось для этого прекрасным образцом — в понятия христианского чуда в свое время мощной струей влились дохристианские представления. И если католические догмы в бурную романтическую эпоху переосмыслились, иногда идеализировались, приспособлялись для понимания усложнившегося мира, то «натурфилософия» раннего Средневековья органически вписывалась в представление романтиков об «универсуме», предполагавшее единство духа и материи. Мифологизированное мировосприятие в той или иной мере разделяли романтики других стран. Так, откликаясь на повесть Фуке, Скотт писал: «Сама по себе вера в сверхъестественное, при том, что она может выродиться в суеверие и нелепость... тесно связана с закономерностями самой при-

³⁷ Бройн Г. де. Указ. соч. С. 497.

роды человеческой, которые подсказывают нам, что... тут же по соседству с нами и вокруг нас существует некий призрачный мир, устои которого недоступны людскому разуму»³⁸.

Характерной особенностью философского мышления была идентификация человека и природы. Стоит задуматься над тем, что похвалу «Ундине», приведенную выше, Гете заключил словами: «Конечно, это был превосходный материал, и нельзя даже сказать, что поэт извлек из него все возможное, но тем не менее „Ундина“ очень мила»³⁹. Что подразумевал он под «превосходным материалом» — угадать трудно, но возможно, именно феномен природы со всей сложностью ее структуры, где значительную часть составляет человек. В том же 1828 г., к которому относится отзыв Фукe, Гете мог всерьез говорить, что он общается с виноградными лозами: «...они нашептывают мне интереснейшие мысли, да и вообще я мог бы порассказать вам о них много диковинных историй»⁴⁰. Как и для романтиков, для него не подлежал сомнению изначальный контакт между материально сущим и духовным, природным и собственно человеческим, их взаимная открытость и взаимная отзывчивость.

Разумеется, гетевские строгие воззрения ученого-естествоиспытателя отличались от романтического представления об «универсуме». В частности, напряженность контакта человека и стихии (при его абсолютной необходимости и неизбежности) он мог представлять себе и как трения между такими составными стихийной сфeры, как суша и вода (последнее прямо

³⁸ *Скотт В.* Собр. соч.: В 20 т. М.; Л., 1963. Т. 20. С. 602—603

³⁹ *Эккерман И. П.* Указ. соч. С. 259.

⁴⁰ Там же. С. 255.

связано с темой «Ундины»): «...суша постоянно хочет подчинить себе воду и заставить ее затвердеть в виде земли, скалы или льда, хочет сделать ее своей принадлежностью. Столь же беспокойно стремится и вода разорвать сушу, которую она неохотно покидает, в своей бездне»⁴¹. Символика воды в поэтическом творчестве Гете разнообразна⁴², может быть, и в силу этого «Ундина» не до конца удовлетворяла его.

Однако на примере Фуке можно убедиться, что, развиваясь от Средних веков, натурфилософская мысль закрепились в романтизме не только учением Шеллинга. Ею проникнуты написанные в 1825 г. новеллы «Софи Ариэль» и «Карлик и Фьяметта», хотя здесь из-за невысокого художественного уровня эта мысль звучит слабее, чем в «Ундине». В романе «Волшебное кольцо» (1813) природа, воплощенная в образе морского царя, регулирует человеческие дела и проблемы. Более чем за десять лет до Фуке то же самое представил Новалис в романе «Генрих фон Офтердинген», притом с несравненной широтой философского осмысления. Нельзя не согласиться с Гюнтером де Бройном, который, сопоставляя эти два произведения, низводит «Волшебное кольцо» до уровня тривиальной романтики⁴³. Но в нем живее, чем у Новалиса, передана взаимная ностальгия природы и человека — в оригинальной вставной новелле о любви молодого рыцаря к волчице, девушке-оборотню: невозможность счастья доводит юношу до гибели, а ответом его чувству навеки остается тоскливый ночной вой волчицы над его могилой. Эта едва ли не самая поэтичная стра-

⁴¹ Goethes Werke. Hamburg. 1966. Bd. XIII. S. 309.

⁴² См.: *Loeb E.* Die Symbolik des Wasserzyklus bei Goethe. Paderborn; Wien, 1967.

⁴³ *Бройн Г. де.* Указ, соч. С. 498,

ница романа свидетельствует, как горячо убежден писатель в существовании связи между жизнью людей и тем, что скрыто в природе. А. Шмидт с полным основанием замечает о Фуке, что ревностный евангелист «по своей натуре подсознательно был изрядным язычником»⁴⁴.

«Поэт постигает природу лучше, нежели разум ученого», — говорил Новалис, который был не только поэтом, но и ученым, выдающимся для своего времени горным инженером⁴⁵. Сюжеты и образы романтиков наглядно раскрывали идеи Парацельса, натурфилософа XVI в., с которым был знаком и Гете: познание природных тайн осуществляется в интенсивной жизни человеческой души. Влияние Парацельса отражено у Новалиса в схеме ненаписанного продолжения «Генриха фон Офтердингена»⁴⁶, в таких произведениях Гофмана, как «Золотой горшок», «Королевская невеста» и «Стихийный дух»; отклики на него заметны у Эйхендорфа («Из жизни бездельника»), у Тика, Арнима и Брентано, Герреса, Гейне⁴⁷.

Отвечая на вопрос об источниках сюжета «Ундины», Фуке называл книгу Парацельса в издании Кон-

⁴⁴ Schmidt A. Op. cit. S. 189.

⁴⁵ Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 94.

⁴⁶ «Люди, животные, камни, растения и звезды, стихи, звуки, краски сходятся, как одна семья, действуют и говорят, как один род» (Избранная проза немецких романтиков. Т. I. М., 1979. С. 341).

⁴⁷ Влиянию Парацельса на западноевропейскую литературу посвящен ряд работ: Müller B. Die Gestalt des Paracelsus in Sage und Dichtung. Wien, 1935; Reclam E. H. Die Gestalt des Paracelsus in der Weltliteratur/Germanisch-romanische Monatsschrift. Bd. XI, 1964; Frenzel E. Motive der Weltliteratur, Stuttgart, 1980.

рада Вальдкирха: «Книга о нимфах, сильфах, карликах, саламандрах и подобных им духах» («Buch von Nymphen, Sylphen, Zwergen, Salamandern und dergleichen Geistern», 1590). В. Пфейффер указывает, что из этой книги заимствована прежде всего героиня повести, дух водной стихии, воплощенный в женском существе⁴⁸. Согласно Парацельсу, ундины обретают душу, вступая в брак с человеком, «с мужчиной, происходящим от Адама»⁴⁹. Тот, кто взял в жены ундины, не может обижать ее вблизи воды, иначе она исчезнет бесследно. Но если это случилось и ундины исчезла, муж не должен считать ее умершей и не имеет права жениться вновь — иначе она вернется и принесет ему смерть. Как можно убедиться, и вся канва сюжета Фуке намечена в натурфилософском сочинении более чем двухсотлетней (по отношению ко времени Фуке) давности.

Благодаря опоре на Парацельса, сюжет повести как бы изымается из сферы чистой фантастики, сказочного вымысла и приобретает некую видимость реальной основы. Может быть, именно поэтому и у читателя остается от него ощущение не столько сказочности, сколько жизненности, воздействия скрытых жизненных закономерностей.

В книге Парацельса развернуто олицетворение природы, возникшее еще на стадии языческого мифа, — хотя, конечно, уже в духе философии Ренессанса, полагающей все явления микро- и макрокосмоса сконцентрированными в человеке. Парацельс заставлял вспомнить о средневековом наследии. Другим источ-

⁴⁸ В различных мифологиях вода выступает в роли женского начала. См.: Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 240.

⁴⁹ *Paracelsus. Werke.* Basel, 1590. Bd. IX. S. 61.

ником сюжета «Ундины» В. Пфейффер считает сказание о рыцаре Петере фон Штауфенберге, относящееся к первым десятилетиям XIV в.⁵⁰, и при этом справедливо отмечает его принципиальное сходство с возникшей во второй половине того же века историей Мелузины. Возвращаясь из странствий, рыцарь встречает морскую фею, и тайная любовь, которая завязывается между ними, делает рыцаря не только счастливым, но и богатым. Возлюбленная лишь берет с него клятву никогда не вступать в брак, однако он, вынуждаемый сородичами, нарушает эту клятву и даже открывает священнику свою тайну. Через три дня рыцарь умирает.

Соотнесенность (или несоотнесенность) человека и существа, противостоящего миру людей,— одна из тем, мимо которых не могли пройти немецкие романтики. Только их интерес к изображению двух взаимовторгающихся начал был разного рода. У Новалиса это был интерес к самому характеру средневекового мышления, полагавшего мироздание единой цельной системой. Арнима, который включил (в сокращенном виде) штауфенбергское сказание в «Волшебный рог мальчика» («Ritter Peter von Staufenberg»), волновали сами по себе создания народной фантазии — «старые корни», на которые «с болью натываются» его современники⁵¹. Фуке же старинная «сказочность» привлекла прелестью и величием скрываемых под ее покровом человеческих переживаний, уходящих свои

⁵⁰ Сохранилось в рукописи XVI в. В. Пфейффер присоединяется к исследователям, оспаривающим более раннюю датировку, согласно которой сюжет приписывался Гартману фон Ауэ.

⁵¹ Arnim L. A. von. Werke in einem Band. B.; Weimar, 1981. S. 349—350.

ми истоками во всеобщую, всеобъемлющую загадку Природы.

Напрашивается еще одна, не отмеченная Пфейффером аналогия — с романом начала XIII в., восходящим, по-видимому, как и весь артуровский цикл, к кельтской саге. Фуке был известен роман «Ивейн» в вариантах и Кретьена де Труа, и Гартмана фон Ауэ. Это история любви рыцаря и феи Лаудине, жены могущественного хранителя чудесного источника, со страшной силой прорывающегося через загораживающий его камень при приближении людей. Ивейн, как позднее и Штауфенберг, обещал фее не покидать ее, но не сдержал слова, так как тосковал по двору короля Артура (у Кретьена), рвался к своим рыцарским обязанностям (у Гартмана) и причинил Лаудине страдания. Правда, роман заканчивается примирением влюбленных ⁵².

Сопоставив воспроизведение штауфенбергского сказания у Арнима и Фуке, В. Пфейффер сделал вывод, что последний не удовлетворился вариантом «Волшебного рога мальчика», «чересчур простым»⁵³, именно потому, что его серьезно увлекали идеи Парацельса. Эту мысль надо продолжить: судя по всему, учение Парацельса служило писателю аргументированным подтверждением неразгаданности человеческого бытия, что, как известно, составляло важнейшую проблему всего романтизма. Отсюда содержание «Ундины» — не только более богатое, чем в сказании о Штауфенберге, но и высоко поэтичное по сравнению с тем, что оставил Парацельс, следовательно, не простая иллюстрация к

⁵² О фее Лаудине см.: *Bungartz P. Quelle und Funktion der Feendarstellung in der mittelhochdeutschen Epik.* München, 1981.

⁵³ *Pfeiffer W. Op. cit. S. 21.*

последнему. Благодаря Парацельсу Фуке приблизился к развитому в Средние века ощущению «запредельного», к миропониманию, предусматривавшему иные формы проявления человеческого, чем начавшийся XIX век. В итоге в «Ундине» появился один из вариантов диалога с далеким прошлым, в котором искали мировое целое, чтобы противопоставить его «атомистичной» современности; диалог подразумевал не только прямую преемственность, но и преломление и расхождение понятий двух эпох, разделенных большим жизненным опытом человечества.

Собственно средневековый колорит в повести схематичен, почти условен (кое-какие обычаи феодального замка, куртуазное «служение» странствующего рыцаря Хульдбранда Бертальде, приемной дочери герцога) и не передает исторически конкретной картины рыцарских времен. Гораздо важнее очевидные параллели с произведениями Средних веков в самой художественной структуре повести, и это явно не простая стилизация, а показатель глубинной близости автора к понятиям и представлениям тех, кому он следует.

Первая из таких параллелей — в трактовке любви.

Любовь — природа, одна из линий, на которых основано повествование, — в традициях средневековой литературы, где любовь отождествляется с женщиной, предназначенной давать жизнь. В определении рода любви не была последовательной лишь латинская поэзия, изображавшая ее то в виде Венеры, то в виде Амура: отголоски этого можно найти и в национальных литературах, например в «Титуреле» Вольфрама фон Эшенбаха. Но у лучших куртуазных немецких лириков это непременно Госпожа Любовь (*frô minne*), а в драматичной истории Тристана и Изольды неист-

ребимое чувство исходит именно от женщины: Изольда в сговоре с дикой природой.

Героиня Фуке не единственный и не первый в романтизме случай олицетворения стихии в женском образе. В 1801 г. в романе Брентано «Годви» появилась песня о Лорелей, обладающей губительным очарованием, и это волшебство — ее месть за обманутую любовь. Женская натура, надломленная и одновременно опасная, занимает прочное место в немецкой романтической лирике, варьируется у самого Брентано, у Эйхендорфа, Гейне и других, неизменно сливаясь с образом воды — моря, реки, ручья — силы притягательной и разрушительной. Но именно разрушительный импульс, вкус к мести преобладает в Лорелей над страданиями любви: зло берет в ней верх над добром, и зло же при том остается источником обаяния. Это по сути дела романтическое утверждение «амбивалентности» душевных побуждений, которое по-разному раскрывалось и во французской монодии, и у Байрона, и у немецких романтиков. У последних «сама идея женской власти была... подготовлена тем культом женщины и женского начала, который установился в их кругу»⁵⁴.

В Ундине нет рокового очарования традиционной «девы воды», в ней только лишь прелесть своеобразия и чистоты, и то, что она в итоге совершает, не выглядит коварным торжеством над человеком. Убивая Хульдбранда, она переживает самый страшный миг собственных мучений. Как у авторов Средневековья, у Фуке любовь однозначно добра. Она навсегда превратила Ундицу из существа чуждого людям в пол-

⁵⁴ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 375.

ноценную личность, исполненную доброты и жертвенности; Ундина любит всех — и выросшую ее рыбацкую семью, и даже свою соперницу Бертальду. Более того, в образующемся «треугольнике» она одна наделена способностью к настоящему чувству; тем самым этот высший признак человеческого духа отнесен к сфере первородного, не предусмотренного в упорядоченной жизни людей. Параллель «любовь — природа», безусловно лежащая в самой основе и темы Лорелей, у Фуке заострена, выведена на первый план. Поэтому любовь вершит судьбы на самом высшем уровне — на уровне жизни и смерти.

По аналогии со средневековыми романами («Клижес» Кретьена де Труа, романы о Тристане и Изольде⁵⁵, «Флуар и Бланшефлор» неизвестного автора XII в.), где любви подчинены все другие отношения между людьми, Фуке также делает любовь организующим центром сюжета. Тем самым создается «вычлененность» (выражение А. Д. Михайлова⁵⁶) мира, в котором живут герои, из реальности, и достигается это в обоих случаях благодаря фантастическим ситуациям — жанру романа в Средние века они присущи не меньше, чем сказке XIX столетия⁵⁷. Разумеется, характер фантастики на двух разных этапах искусства далеко не одинаков и требует особого разбора. Вспомним только, что и для создателей, и для чита-

⁵⁵ Несколько ослаблена роль любви в романе Готфрида Страсбургского «Тристан». См.: Михайлов А. Д. Легенда о Тристане и Изольде // Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976. С. 682.

⁵⁶ Михайлов А. Д. Молодые герои Кретьена // Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980. С. 445.

⁵⁷ Средневековые романы часто возникали на материале легенд, где фантастическое является неотъемлемым элементом.

телей средневековых произведений фантастическое — чудесное — всегда было потенциально возможным, реальным. Для нового времени оно — антипод реальности, а для романтизма чаще всего средоточие идеала, что означает полную невозможность осуществления, абсолютную нереальность.

Отсюда в «Ундине» иная тональность повествования о любви, чем в средневековом романе. В последнем, нередко написанном стихами, чудеса, совершающиеся во имя любви или ее силой, будничны, прозаичны. Прозаическому произведению Фуке именно фантастическое ядро придало силу *лирического* воздействия, что и побудило Жуковского переложить прозу стихами, а Гофмана — перевести слова на язык музыки, единственный язык, в котором оформляется невоплотимое. Из того же различия проистекает и завершение сюжета, противоположное средневековому. Там, где чудо увязывается с действительностью, любовь находит свое место как правомочное явление жизни. В «Ундине» же любовь должна погибнуть, уйти из мира людей, лишь заявив о себе, как делает это время от времени разбушевавшаяся стихия. Более того, как при всяком вторжении стихии, это приводит к общей катастрофе.

К средневековой традиции восходит еще одна особенность сюжета Фуке — «вписанность» человеческой судьбы в природу. В рыцарской литературе природа постоянно сопутствует действиям, намерениям, чувствам героев и явно волнует автора. Она неодинаково подается в разных произведениях, даже, как замечают медиевисты, в разных жанрах⁵⁸ (хотя это уточ-

⁵⁸ *Naumann H. Deutsche Kultur im Zeitalter des Rittertums, Potsdam, 1938. S. 178,*

нение не вполне правомерно), но так или иначе является неотъемлемой частью куртуазного литературного стиля. В миннезанге (то же в провансальской и старофранцузской лирике) природа, в целом мягкая, гармонирует с любовными отношениями, упорядоченными кодексом куртуазной морали. Их утонченности и благородству, которые сами по себе за редким исключением не допускают драматизма, она соответствует как украшение, как декорация, создающая мягкость и красоту куртуазного быта. Такого же рода стилизованная, культивированная природа появляется и в некоторых романах («Флуар и Бланшефлор», «Тристан» Готфрида Страсбургского). Но есть и другой, более глубокий ее образ: хранительница тайн, темных или светлых,— в зависимости от этого она оказывается враждебной или дружественной человеку. Тут природа дисгармонирует с рыцарским миром, где все четко, зримо и упорядоченно. Например, в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха дикий лес — путь, которым должен пройти герой, чтобы попасть в иррациональную атмосферу мира Святого Граля, столь нетипичного по сравнению с образцово-рыцарским, артуровским. В этой второй роли выступает природа у Фуке. Настороженное любопытство к дикому таинственному лесу испытывает Бертальда, воплощающая собой куртуазное общество. Как уже сказано, ее отношения с Хульдбрандом до появления Ундины точь-в-точь воспроизводят любовь-«служение». В духе традиционной героини рыцарской эпохи Бертальда — надменная и своенравная, а интерес Хульдбранда к ней стимулируется тем, что к нему она благосклонней, чем к другим в своем окружении. Залог своей милости, перчатку, она обещает с требованием, чтобы он отправился разузнать, что таится в лесу. Прихоть

эта — словно вызов природе, обернувшийся против самой Бертальды. Лес приводит рыцаря к Ундине, и он сразу ощущает различие между «служением» и подлинной любовью. «Гнать прочь от себя того, кого любишь, да еще в такой лес, о котором ходит худая слава! Уж от меня-то этот лес и все его тайны не дождались бы ничего подобного!» — возмущается Ундина. И Хульдбранд сразу отдается обаянию живого, отказываясь от искусственного, куртуазного.

А. Шмидт отмечает, что ситуация, в которой находится рыцарь, — мужчина между двумя женщинами — характерна для всего творчества писателя⁵⁹. Добавим: и для романтизма в целом, как выражение человеческой раздвоенности между потребностью гармонии с окружающим миром и неким «демоническим» началом, отрицающим обыденный мир; самый яркий пример этого дают произведения Гофмана. Но сложность отношений мужчины и женщины в повести Фуке помножена на сложность отношений между людьми и природой, и это придает теме любви глубокую философичность, при том что на фоне многих других романтиков Фуке едва ли может считаться философом. Здесь отображена принадлежность человека живой природе и одновременно разрыв с ней. Проблема получает уже не руссоистскую, а чисто романтическую заостренность: это разрыв в самой личности, и он глубоко драматичен, он свидетельствует о том, как тоскует по слиянию с бесконечным человек, ограниченный своей реальной сущностью. По сути дела это та же самая драма земного бытия, которая у Гофмана скрыта под густой романтической иронией, позволяющей обратить драму в шутку и счастливо завершить судь-

⁵⁹ Schmidt A. Op cit, S, 186,

бу героя. Фуке не обладал широтой мирочувствия своего великого собрата, гофмановская проническая позиция была ему чужда. Отсюда единственно возможное решение конфликта, исход столкновения двух полярных притяжений — смерть Хульдбранда.

Согласно представлениям, сложившимся задолго до романтизма, от природы исходит сила, облагораживающая и созидающая человеческую натуру. Способность чувствовать пробудила в рыцаре Ундина, поэтому и его отношения с Бертальдой, когда он к ним возвращается, становятся уже иными. Каждого из них Ундина вольно или невольно заставляет узнать страдание и сострадание.

Но у позднего романтизма есть и прочное убеждение в изначальной дисгармонии между человеком и природой, так как у каждой из этих двух сторон по отношению к другой есть своя правда и своя жестокость. Чем активнее вторгается в жизнь людей дух стихии, тем сильнее вопреки ему начинают действовать законы человеческого сердца. Когда вследствие замысла Кюлеборна Бертальда из блистательной дочери герцога превращается в простую девушку-рыбачку, у Хульдбранда впервые появляется рыцарское желание защитить ее, обездоленную. Когда после новых происков Кюлеборна Бертальда пытается бежать от Хульдбранда и попадает в опасность, она окончательно одерживает верх над Ундиной в его душе. Любовь Хульдбранда и Бертальды крепнет как союз против злых сил природы. Кюлеборн, воплощающий эти силы, не понимает, что человеческие связи сложнее природного порядка вещей, где все справедливо, последовательно и однозначно, и люди правы в своем сопротивлении ему. Но они жестоки к Ундине, потому что не замечают, что она, подобно им, имеет душу, кото-

рую дала ей любовь, и не только сочувствует им, но и разделяет их незащищенность перед породившей ее стихией. Полюбив рыцаря, она сразу начинает бояться и чуждаться Кюлеборна, и не напрасно. Именно он дает толчок для разрушения ее счастья, конца ее человеческой ипостаси.

Чудо и величие натуры Ундины в том, что она соединяет в себе два противостоящих начала. Она неизмеримо выше, чем стихийный дух: «...у него нет души, он... способен отражать лишь внешнюю сторону мира, внутренняя же сущность остается ему недоступной». Но она выше и человека, который в своем многогранном бытии, в своем многочувствии пренебрег простой и мудрой справедливостью природы. С точки зрения этой справедливости настоящая любовь не допускает сердечного отклонения, а высокомерие по отношению к тем, кто дал тебе жизнь, преступно. Хульдбранд и Бергальда нарушили эти элементарные законы и несут за это наказание. Судьба же Ундины оказывается вдвойне драматична: она выполняет миссию, возложенную на нее карающей стихией, и при этом страдает так, как может страдать лишь человек.

Н. Я. Берковский пишет: «„Ундина“ Фуке есть миф. „История Петера Шлемиля“ Шамиссо — то же самое. В лучших новеллах Тика, написанных в лучший его период, просвечивают основы мифа природы и человека. „Романсы о розах“ Клеменса Брентано, „Эликсиры дьявола“ Э. Т. А. Гофмана тоже суть мифологические построения, причем осложненные и громоздкие, не сравнимые по простоте и ясности с созданиями Шамиссо и Фуке»⁶⁰. Эти соображения в целом верные.

⁶⁰ Берковский Н. Я. Указ. соч. С. 60.

Названные произведения Фукe и Шамиссо — мифы «из новых времен», в которых романтизм запечатлел свое представление о мире. В «Ундине» затронута одна из проблем и Brentано, и Гофмана, художников, конечно, более значительных и сильных, чем Фукe: обреченность необыкновенной натуры, оказавшейся среди заурядных и страдающей от того, что она одинока по причине дарованной ей исключительности.

В повести Фукe мир перевернутый, каким воспринимали его романтики, «мир наизнанку», создается особым образом. Здесь человеческое бытие уже настолько удалено от естественного хода вещей, что естественное становится злом, оборачиваясь против отринувшего его человека. Но, с другой стороны, здесь ощущается средневековая целостность мира. То, что индивидуальность героини восходит к «первопричине» — природе, делает мир насколько перевернутым, настолько же и устойчивым.

В гибели Хульдбранда, которую приносит ему поцелуй Ундины, торжествует истинная любовь. Только потеряв Ундину, рыцарь всем своим существом вспомнил, что любил ее. Признаки утраты и тоски ясно видит на его лице священник, который противится его новому браку. И Ундина возвращается с морского дна, чтобы напомнить ему о нем самом, о том, чему он в действительности принадлежит. Поэтому для Хульдбранда смерть не только наказание, но и спасение, возврат к себе самому. Соединение его с Ундиной происходит за пределами преходящего: остающийся на долгие времена могильный холм и расстилающийся вдоль его подножия ручеек — такова картина, завершающая произведение, смягчающая и просветляющая трагизм,

«Рыцарь — любовь — смерть» — триада, распространенная в литературе рыцарской эпохи. Следом за Тристаном умирает Изольда; отдельные обработки легенды запечатлели торжество любви в образе вечно живой природы: на удаленных одна от другой могилах вырастают два дерева, которые тянутся друг к другу и сплетаются⁶¹. У Кретьена де Труа и Гартмана фон Ауэ («Эрек») мнимая смерть героя способствует возрождению любви между ним и Энитой. О том, что смерть не означает конца любви и не разлучает тех, кто любит, свидетельствуют песни от лица вдовы в миннезанге, прежде всего у Рейнмара фон Хагенау. Смерть придает любви бессмертие природы и тем противопоставляет любовь всем другим земным ценностям. Художественная структура повести Фуке отражает один из аспектов средневекового миропонимания, отличающих *немецкий* романтизм, для которого связь человека с мирозданием, с вечным, непреходящим, всегда оставалась в центре внимания, человеческая душа рассматривалась как составная часть «широкой неземной мелодии какого-то неизведанного потока, проходящего через весь мир»⁶². Сравнение принадлежит Эйхендорфу, современнику и единомышленнику автора нашей повести, где частичка всемирного потока, Ундины, душа Хульдбранда, возвращает его, человека, великому целому Природы (в постановке оперы Гофмана на этом сделан акцент: в объятиях Ундины Хульдбранд оказывается поглощен фонтаном).

В природе, опровергающей узкий рационализм, для немецкого романтизма была скрыта *идеальная* сущ-

⁶¹ См.: Михайлов А. Д. Легенда о Тристане и Изольде. С. 652—653.

⁶² *Eichendorff J. von. Gesammelte Werke*, В., 1962. Bd. II, S. 293.

ность вещей, изначально выведенная за пределы реальной жизни (представление о «запредельности»,— конечно, уже вопреки Средним векам, собственно от XIX в., утвердившегося в понятии о трагическом разладе целого и его части). «Фантастическая» первооснова повседневности у романтиков других стран не получила масштабного изображения и чаще выступала лишь на *уровне стиля*, как заимствование из немецкой литературы. Показателен в этом отношении пример Скотта, который в начале своего пути тяготел к «мифологическому» мышлению (хотя был далек от диапазона, заданного немцам Новалисом, оставаясь в рамках достаточно конкретизированной народной фантазии). В зрелый же период «Скотт интересовался народными поверьями и мифологией, так как суеверия, на его взгляд, характеризуют состояние умов и уровень культуры данной эпохи»⁶³. Поэтому фантастическое не было органическим элементом его образной системы. В его романах «Монастырь» и «Аббат» дух воды, Белая дева, загадочно связанная с судьбой рыцарского рода,— лишь романтическая стилизация, по его собственному свидетельству⁶⁴, сознательная дань влиянию «Ундины». И не говоря уже о том, что Белая дева весьма слабо ассоциируется у читателя с героиней Фуке, ее образ, как справедливо заключает Б. Г. Рейзов, противоречит «общему тону повествования, действие которого было обусловлено причинами реального и исторического характера»⁶⁵.

Скотт, увлекшийся «Ундиной» как образцом для подражания, не знал, что в Германии с ее автором

⁶³ Рейзов Б. Г. «Монастырь»: [Комментарии] // Скотт В. Указ. соч. Т. 9. С. 530.

⁶⁴ Скотт В. Указ. соч. С. 14—15.

⁶⁵ Рейзов Б. Г. Указ. соч. С. 530.

связывали замыслы, несколько позднее осуществленные в Англии им самим и еще позднее в Америке Купером. В 1812—1815 гг. Фердинанд Бенеке, собравший материалы по истории древних саксов, настоятельно предлагал их прославленному Фуке для художественной обработки. Цель этого он видел в том, чтобы «воодушевить сегодняшних немцев силой былых времен»⁶⁶. Соображения Бенеке, вызванные, видимо, усилившимися тогда тенденциями национального самосознания, неожиданно раскрывают важную перспективу развития европейской литературы. Обрисовывая тип романа, который он предназначал перу Фуке, Бенеке подчеркивал, что это должно быть «создание вольной поэзии, соответствующее, однако, тем временам и... представляющее не политические картины, а натуру человека той эпохи не как мертвую зарисовку, а как живую жизнь. Всякое уподобление так называемому историческому роману, который вволю выписывает реально существовавшие лица, должно быть отброшено... Если вы решитесь,— продолжал далее Бенеке,— на серию таких произведений, то в итоге постепенно вырастет цельное поэтическое сопровождение или скорее живописно-наглядное изображение (подобие картинной галереи) для будущего целостного исторического описания»⁶⁷. Перед нами замысел, приближающийся к тому, что осуществил в Англии Скотт.

Фуке не создал ничего подобного. Между тем идея Бенеке была весьма актуальна — это косвенно подтверждает Эккерман, сообщая мнение Гете относительно Фуке: «Всю жизнь занимался изучением древней

⁶⁶ Цит. по: *Schmidt A. Op. cit. S. 345.*

⁶⁷ *Ibid.*

Германии, но ничего путного из этих занятий так и не извлек»⁶⁸. «Серационов брат» никогда не присматривался к конкретно-исторической специфике прошлого, а искал в нем «абстрактный образ мира. Мир, запутанный, как лабиринт, на кайме которого подстерегают дикие страны и народы,— как переход к хаосу»⁶⁹. И это производило сильное впечатление на романтическую Германию, вскоре исчезнувшее бесследно, если не считать, что спустя некоторое время именно в Германии появился Рихард Вагнер.

Хотя и в связи с Вагнером о Фуке вспоминают довольно вяло, великий композитор, конечно же, шел его путем, и дело не только в том, что он обращался к средневековым сюжетам. Как и у Фуке, у Вагнера тип человека, чувства человека мифологизированы, прошлое проступает в чертах настоящего, создавая ощущение вечности. То «историческое и социальное направление»⁷⁰, которое, по словам В. Г. Белинского, задал XIX столетию Скотт, не было суждено немецкому романтизму. В создании исторических картин его мастера не стали в ряд с романтиками других стран. Зато в создании мифа о лабиринте человеческой души, о вселенском хаосе, который уместается в человеке, они едва ли имеют соперников. Фуке это удалось лучше всего в «Ундине», потому-то лишь это его произведение сохранило силу художественного воздействия.

Современный читатель может вовсе не воспринимать натурфилософских корней повести, но при этом чувствовать ее глубину. Для него за сказочной алле-

⁶⁸ Эккерман И. П. Указ. соч. С. 259.

⁶⁹ Schmidt A. Op. cit. S. 187.

⁷⁰ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 2. С. 225.

горией встает жизненная ситуация, история драматических отношений между тремя столь разными человеческими индивидуальностями, драма трех человеческих душ, такая типичная для жизни независимо от времени действия.

Если отвлечься от Парацельса, в Ундине нетрудно увидеть необыкновенную женскую натуру, которая по своим качествам настолько превосходит обычных людей, что не может быть счастлива среди них и потому обречена на страдание. Хульдбранда, обыкновенного человека, она может увлечь как чудо из какого-то лучшего мира, но раздражает и тяготит его в повседневном бытии. Можно видеть в Ундине и безграничную власть женственности, не подлежащую разгадке и объяснению, которую действительно впору принять за явление какой-то таинственной сферы, лежащей вне разума и воли человека. Эта власть не позволяет освободиться от нее в новом чувстве до самой смерти. Убивая Хульдбранда силой своей любви, Ундина навеки возвращает его себе, а Бертальда остается на земле одна.

Достоверно воспроизведенные побуждения средневекового рыцаря, защитника слабых и обиженных, сливаются со сложной внутренней борьбой мужчины, сильного, который так или иначе принимает на себя ответственность за слабых — за каждую из женщин. Именно поэтому для него дороже становится та, которая больше пострадала. Оттого-то он в большей или меньшей степени оказывается виновен перед обеими и несет наибольшую кару. Незащищенный перед женской слабостью, так же как и перед силой женского очарования, он расплачивается за слезы женщины своей жизнью.

Читатель мог бы задуматься и над судьбой Берталды, виновной по сути дела лишь в том, что она, обыкновенное дитя человеческое, оказалась втянута в суровую игру стихийных сил. Но, как истовый романтик, сосредоточенный на идеальном, Фуке не дает нам почувствовать трагедию заурядности. В раннем немецком романтизме заурядное просто не было предметом изображения. Только позднеромантический, гофмановский охват реального мира включит в себя показ переживаний и заурядного существа либо в окраске злой иронии, либо в тоне грустного признания его притязаний на полноту земной жизни; во всех случаях изображение будет лишено проникновенности.

Если же вернуться к оценке «Ундины» великим Гете, можно предположить, что поэту, написавшему за два года до ее появления роман «Избирательное сродство», а за три года до рождения ее автора — «Страдания юного Вертера», не хватало здесь многогранности жизненных сложностей, многообразия чувствующих душ. Проблема любви была для него столь же неисчерпаема, как и проблема природы. Фуке же лишь наметил разные уровни человеческого чувства, предоставив читателю более догадываться, чем увидеть.

Тончайшие узоры человеческой психологии разбросаны по всей сказочной ткани повести. XX век, далеко ушедший в своем мировоззрении от романтизма, ценит в сюжете «Ундины» прежде всего психологическую правдивость. Современный исследователь Фуке возмущается Пфейффером, акцентировавшим натурфилософскую основу и средневековые источники произведения, и считает, что оно — просто-напросто «явная исповедь в творчестве»⁷¹.

⁷¹ Schmidt A. Op. cit, S. 186,

Но в XX веке повесть Фуке была воспринята и глубже — как миф, отражающий и цельность природы, и обособленность от нее человеческого мира, строгое разграничение сфер, из которых каждая имеет свою законченность. Все это новая эпоха осветила по-новому. Потому весь романтический драматизм сюжета, построенный на столкновении идеального и реального, кажется сплошной гармонией по контрасту с тем, как он преломился в пьесе Жана Жироду.

У Жироду нет идеального начала ни в одной из сфер. Здесь человек сильнее, чем природа, потому что он сумел внести в нее хаос своего бытия. Природа уже лишена пугающего величия, она, сопротивляясь человеку, освоила его средства: хитрость, бесстыдство, ложь (вспомним, как являются к рыцарю русалки, чтобы не допустить его соединения с Ундиной). В отличие от героини Фуке Ундина Жироду воюет за свое счастье и оказывается гораздо активнее и ожесточеннее Берты; не менее, чем ее сопернице, ей присущи мелочность и коварство. Внести в мир людей справедливость, *логику сердца* она пытается способами, выработанными этим самым миром. Нелепые диссонансы, возникшие в человеческом обществе, вырываются за его пределы, приобретают вселенский, космический характер. Жироду выражает это словами: «Он (человек.— Д. Ч.) начал обглаживать всеобщую душу».

У Фуке природа избирательна — Ундина повстречалась достойнейшему из рыцарей. У Жироду тот, кого она выделяет, Ганс фон Виттгенштейн цу Виттгенштейн, — ничтожество рядом с истинным рыцарем Бертраном, способным по достоинству оценить чудо. «Человеческие души, вбирающие в себя все времена года, весь ветер, всю любовь... встречаются ужасающе редко», но, найдя такую душу, Бертрана, Ундина лишь

использует ее, чтобы спасти рыцаря «самого глупого» — своего Ганса. От замысла Фуке сохранилось только одно: логика любви; здесь в вихре всеобщего безрассудства она торжествует, выделяясь, как нить, способная вывести из лабиринта.

Жироду вместил в свое произведение много проблем, не связанных с основной сюжетной линией, но там, где он отталкивается от миропонимания создателя «Ундины», мы видим, как трагически сместилось по сравнению с романтической эпохой устоявшееся соизмерение естественного и окультуренного, примитивного и очеловеченного, соотношение добра и зла. У Жироду изображение всего этого столь же опрокинутое, как и у других авторов нашего взбудораженного столетия, которые кладут в основу своего произведения какой-либо миф.

И это тоже подтверждает художественную правду создания Фуке. Воздавая по заслугам великому стихотворному переводу В. А. Жуковского, нельзя не заметить, что русская «Ундина» — более совершенная безусловно поэтическая сказка, а немецкий прозаический оригинал, пусть не доведенный его создателем до совершенства, — более жизненная история,

Е. В. Ланда

«УНДИНА»
В ПЕРЕВОДЕ В. А. ЖУКОВСКОГО
И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

В бореньях с трудностью силач необычайный.

П. А. Вяземский

В 1835 и 1837 гг. в «Библиотеке для Чтения» появились фрагменты повести «Ундина» Фуке в переводе Жуковского. Сначала были опубликованы выдержки из трех первых глав «Ундины», а затем полный текст перевода с четвертой по десятую главу включительно. Главы еще не имели названий: их заменял отступ одного отрывка от другого. Обе публикации редакция сопровождала небольшими вступительными заметками и примечаниями ¹.

В заметке 1835 г. «Ундину» представляли читателям как «одно из прелестнейших творений знаменитого „Певца во стане русских воинов“», не обмолвившись ни словом о Фуке. Далее редакция приносила извинения, что позволила себе «выдергивать» из глав отдельные места, «портя» тем самым «поэму», но потребность скорее поделиться с читателями своим «восхищением», «наслаждением» от «поэзии нежной, сладкой и восхитительной» побудила издателей дать хотя бы такие отрывки ².

В 1837 г. редакция, наоборот, писала, что печатает «едва третью часть поэмы», чтобы не нарушать «удо-

¹ Ундина: Старинная повесть // Библиотека для чтения. 1835. Т. XII. С. 7—14; Ундина: Старинная повесть // Библиотека для чтения. 1837. Т. XX. С. 5—32.

² Там же. Т. XII. С. 7.

вольствие тех, которые будут читать целое сочинение».

В марте 1837 г. «Ундина» вышла отдельным изданием, украшенным 20 гравюрами, а несколько позже — в VIII томе «Стихотворений» Жуковского. Иллюстрированное издание открывалось портретом поэта, гравированным Н. Уткиным³.

«Библиотека для Чтения» в разделе «Литературная летопись» отметила появление «Ундины». Редакция отзывалась об «Ундине» как об «одном из прекраснейших явлений» и едва ли не самом прекрасном в русской словесности 1837 г., «...одном из прекраснейших перлов русской поэзии»⁴.

Хотя в «Литературной летописи» было приведено полностью заглавие книги, о Фуке как авторе «Ундины» по-прежнему не заходила речь.

Задолго до появления перевода трех начальных глав «Ундины» в «Библиотеке для Чтения», в 1815 г., поэт прочитал повесть Фуке. В письмах из Дерпта 1816 г. к Ал. Ив. Тургеневу Жуковский не раз упоминает «Ундину» Фуке. «Купи мне и поскорее пришли „Ундину“, — писал он 17 августа. — Весьма, весьма, одолжишь. Она мне очень пужна». 24 августа Жуковский напомнил Тургеневу о своей просьбе: «Опять повторяю просьбу об Ундине. Она продается и отдельно, и с другими повестями, напечатанными в 4-х книжках под титулом „Die Jahreszeiten“ (журнал, издававшийся Фуке). Купи для меня все, если найдешь. Очень, очень буду обязан. Чтобы раззадорить тебя,

³ Ундина: Старинная повесть, рассказанная на немецком языке в прозе бароном Ф. Ламотт Фуке. На русском в стихах — В. Жуковским [илл. Г. Майделя]. СПб., 1837.

⁴ Библиотека для чтения. 1837. Т. XXI. С. 33.

скажу, что эта книжка нужна моей Музе»⁵. В сентябре Жуковский просил еще раз прислать «Унди́ну», и наконец получил долгожданную книгу. Из письма 1817 г. к Д. В. Дашкову, младшему товарищу по Московскому пансиону, видно, что Жуковский сразу, вопреки утверждению Зейдлица, замышлял перевести повесть Фуке стихами, а не прозой⁶. Предлагая Дашкову быть его «соиздателем» альманаха «Аониды», продолжающего «Аониды» Карамзина лишь с той «отменою», что в издание «входила бы и проза», поэт намеревался «выдавать ежегодно по две малые книжки». Жуковский подробно останавливался на их содержании. «Одна из сих малых книжек,— писал он,— должна состоять вся из одних русских сочинений в стихах и прозе», но добавлял при этом, что «переводы в стихах позволяются». Замечание, характерное для начала XIX в.: перевод воспринимают как собственность не переводимого автора, а стихотворца-переводчика, как достояние уже русской литературы.

«В „русскую книжку“,— обещает Дашкову Жуковский, он даст „сказку в прозе“, которой сюжет уже готов. Два отрывка в прозе также готовы [в голове]. Первую половину „Ундины“ в стихах»⁷. «Ундина» в ту пору была готова, конечно, тоже лишь в голове.

Состав второй «малой книжки» должен был представлять «собрания переводов образцовых немецких писателей, также в стихах и прозе». Наряду с именами

⁵ Письма В. А. Жуковского к Ал. Ив. Тургеневу. М., 1895. С. 159—161.

⁶ Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского (1783—1852). По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. С. 155.

⁷ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. с приложением его писем, библиографии и портрета: В 6 т. СПб., 1878. Т. VI. С. 439—441.

Гете, Гердера, Шиллера, Тика, Новалиса Жуковский назвал и Фуке: рассказы немецкого романтика он расценивал как «многое множество прекрасного»⁸. В библиотеке Жуковского в Томске есть произведения Фуке в разных изданиях. Среди рукописей поэта там хранится заметка от 12 июля 1816 г., отразившая его размышления о природе оригинальности автора, а также о придании русской поэзии истинно оригинального характера; она проясняет во многом, почему Жуковский переводил и Фуке. «У иностранцев,— записывает Жуковский,— только <наследовать> оригинальных — тех, которые сообразны со своим веком. Но воспитанники прежних, а не подражатели чужим в своем веке. Таких оригинальных авторов в наше время немного:— Гете, Шиллер, Фуке»⁹.

Восхищаясь творчеством Фуке в целом, Жуковский, однако, завершил перевод лишь «Ундины». Издание тщательно продуманных «Аонид» (вплоть до «обвертки» и «картинок») не состоялось: повесть Фуке предстала перед читателями спустя два десятилетия.

Знакомство Жуковского с «Ундиной» Фуке предшествовало его непосредственному знакомству с самим автором. Они встретились впервые в Берлине в конце 1820 г., а затем не раз встречались, но, вопреки утверждению Зейдлица, дружески не сблизились»¹⁰. «В лице Ла-Мотта Фуке,— записал Жуковский в „Дневнике“ свое первое впечатление от облика немецкого писателя,— нет ничего, останавливающего внимание.

⁸ Там же.

⁹ Янушкевич А. С. Книги по истории и теории российской словесности в библиотеке В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 30.

¹⁰ Зейдлиц К. К. Указ. соч. С. 156.

Есть живость в глазах: он имеет талант, и талант необыкновенный, он способен, разгорячив воображение, написать прекрасное; но это не есть всегдашнее, зависит от расположения, находит вдохновением; автор и человек не одно, и лицо его мало изображает того, что чувствует и мыслит автор в некоторые минуты. Разговор наш состоял из комплиментов и продолжался недолго»¹¹. У Жуковского, ощущавшего жизнь и поэзию в их нерасторжимой связи, такое раздвоение автора и человека, конечно, не вызывало симпатий.

За перевод «Ундины» Жуковский принимался несколько раз, надолго прерывая свою работу. Лето 1831 г. было, как известно, творчески исключительно благоприятным для Жуковского: он провел его в Царском Селе в тесном общении с Пушкиным, и оба поэта, шутя состязались, писали сказки. «Сказка о царе Берендее» была создана одновременно со «Сказкой о царе Салтане». Возможно, работа над стихотворным переложением прозаической сказки, особое лирическое освоение этого малого эпического жанра, творческая близость с Пушкиным побудили Жуковского вплотную заняться «Ундиной».

Друзья поэта, конечно, были в курсе его замыслов, и еще до выхода отдельного издания «Ундины», 14 февраля 1836 г. Вяземский писал из Парижа А. И. Тургеневу: «Жуковский перекладывает на русские гексаметры „Ундину“. Я браню, что не стихами с рифмами; что он Ундину сажает в озеро, а ей надобно резвиться, плескаться, журчать в серебристой речке»¹². «Жуковский уехал недель на шесть, кажется так, к Протасовой близ Дерпта пить воды и писать „Ун-

¹¹ Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1901. С. 82—83.

¹² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. III. С. 300.

дину¹³», — сообщил он опять А. И. Тургеневу летом того же года¹³. В ответных письмах А. И. Тургенев настойчиво просит Вяземского напомнить Жуковскому, чтобы поэт прислал ему «Ундину» с *надписью* вместе с очередным томом его сочинений¹⁴.

А. И. Тургенев получил «Ундину» с автографом Жуковского: «Другу Тургеневу от Жуковского (1799—1837)»¹⁵. Это красноречивые даты: не только скорбное напоминание о Пушкине; одновременно Жуковский как бы намекал на связь «Ундины» с Пушкиным: с тем летом, проведенным поэтами вместе в Царском Селе.

Вяземский отнюдь не удивлялся тому, что Жуковский переводил прозу Фуке стихами, — это не противоречило пониманию норм перевода в 1830-е годы. Он возражал против избранного Жуковским метра, считая, по-видимому, что гекзаметр не привется в русской поэзии¹⁶.

Выбор гекзаметра для перевода Жуковский подробно объяснил в письме к И. И. Дмитриеву от 12 марта 1837 г., посылая ему «особенный» экземпляр «Ундины» с иллюстрациями Майделя; он просил «учителя принять благосклонно приношение ученика» и далее писал: «Наперед знаю, что вы будете меня бранить за мои гекзаметры. Что же мне делать? Я их люблю; я уверен, что никакой метр не имеет столько разнообразия, не может быть столько удобен как для высокого, так и для самого простого слога. И не должно ду-

¹³ Там же. С. 322.

¹⁴ Там же. С. 350, 353.

¹⁵ *Гинзбург М.* Редкий экземпляр «Ундины» // *Книжные новости.* 1936. № 19. С. 24.

¹⁶ О нежизнеспособности гекзаметра в русской поэзии см.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. II. С. 553.

мать, чтобы этим метром, избавленным от рифм, писать было легко. Я знаю по опыту, как трудно. Это вы знаете лучше меня, что именно то, что кажется простым, выпрыгнувшим прямо из головы на бумагу, стоит наибольшего труда»¹⁷.

Позже, в 1845 г., в письме к И. В. Киреевскому Жуковский подчеркивал принципиальное отличие своего «сказочного гекзаметра» от гекзаметра «гомерического»: «сказочный гекзаметр» был как бы связующим звеном между прозой и стихами, т. е. мог «не быв прозаическими стихами, быть, однако, столь же простым и ясным, как проза, так чтобы рассказ, несмотря на затруднение метра, лился бы как простая непринужденная речь...»¹⁸.

В «Ундине» Жуковского в поэтической форме гармонически соединился возвышенный духовный мир и мир идиллически-простой, буднично-реальный, а также сказочный и фантастический. «Сказочный гекзаметр» создал изумительно подходящее поэтическое одеяние для «Ундины», и повесть прозвучала как оригинальное произведение, написанное на русском языке.

В 1830-е годы чисто романтическая проза уже не вызывала интереса в России и воспринималась порою даже не без иронии. Симптоматично, что на прозаический перевод «Ундины», выпущенный в 1831 г. Александром Дельвигом под псевдонимом А. Влигде¹⁹ и вполне отвечающий нормам хорошего перевода тех лет, читатели совершенно не обратили внимания, не-

¹⁷ Жуковский В. А. Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 526.

¹⁸ Жуковский В. А. Соч., 1878. Т. VI. С. 48.

¹⁹ Де-ла Мот-Фуке. Ундина, волшебная повесть/Пер. А. Влигде. СПб., 1831.

смотря на появившуюся в том же году положительную рецензию в «Литературной газете»²⁰. Только позже некоторые историки литературы упоминают А. Влигде как первого русского переводчика этой повести Фуке.

Создание «Ундины» как *стихотворной* повести не было неожиданным явлением в творчестве Жуковского: идиллии 1816—1818 гг. «Овсяный кисель» и «Красный карбункул» из Гегеля, неопубликованные стихотворные переложения повестей Л. Тика «Белокурый Экберт», «Эльфы», сказки Гриммов «Царевич-Шиповник» и др. говорят об упорном желании поэта эпически охватить действительность, слить лирическое и прозаическое содержание, обогатить прозу гармонией поэзии²¹.

Такой переход от прозы к поэзии при переводе вполне закономерен для индивидуальности Жуковского-переводчика и вытекает из его понимания поэзии как универсального начала искусства вообще. «Искусство — поэзия в разных формах», — писал он в статье «Об изящном в искусстве». Помимо того, Жуковский считал, что поэзия открывает несравнимо большие возможности при переводе. «Одна из главных прелестей поэзии, — говорил Жуковский в статье „О переводах вообще и в особенности о переводах стихов“, — состоит в гармонии, в прозе она исчезает (Жуковский имеет в виду прозу оригинала. — *Е. Л.*), или не может быть заменена тою гармониею, которая свой-

²⁰ Литературная газета. 1831. № 23. Раздел «Библиография». С. 189.

²¹ Янушкевич А. С. Романтизм В. А. Жуковского как художественная система. Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1985. С. 28.

ственна прозе (имеется в виду опять же проза оригинала.— *Е. Л.*)»²².

Видимо, Жуковский ощущал скрытую в прозе Фуке гармонию, и это побудило его перевести повесть немецкого романтика стихами. Внес поэт и особую стройность в композицию «Ундины», дав всем главам одинаковый зачин: «О том, как...». У Фуке такого единообразия не было.

Если вспомнить при этом часто цитируемые слова Жуковского, что «переводчик *в прозе* есть раб, переводчик *в стихах* — соперник»²³, то, возможно, и этот стимул сыграл свою роль, когда речь зашла о переводе такого близкого поэту сюжета: появилось желание обрести полную творческую свободу, хотя надо оговорить, что Жуковский никогда не был скован при перевыражении оригинала.

Русский читатель восторженно встретил «Унди́ну», очарованный прелестью ее стиха и потрясенный совершенно необычным сюжетом.

В самом мотиве близости русалки и человека не было ничего нового для читателя: холодная наяда или завлекала коварно мужчину, могла «защекотать», чтобы погубить его, или же сама испытывала влечение к человеку, но тоже заманивала его к себе в глубокие воды. В обоих случаях человек погибал. Такой сюжет встречается в разных вариантах в фольклоре многих народов.

Поскольку в истории русской культуры участвовала именно «Унди́на» Жуковского, а с «Унди́ной» Фуке читатель встречается лишь сейчас, необходимо сказать

²² Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 356, 283.

²³ Там же. С. 189.

несколько слов о переводе Жуковского вообще, преобразившем героиню немецкого романтика и сосредоточившемся именно на мистическом замысле повести.

В «Ундине» мы сталкиваемся с совершенно иными событиями: дитя моря, русалка-ундина приходит к человеку, чтобы в освященном христианской церковью брачном союзе обрести высшую ценность человека — бессмертную душу, неповторимую личность. Вот это ядро сюжета «Ундины» заимствовано Фуке у немецких натурфилософов, а именно у Парацельса, и было совершенно новым, ошеломляющим читателя²⁴.

Имеется много работ о переводах Жуковским произведений самых различных жанров с разных языков, однако о переводе «Ундины» специального исследования на русском языке нет²⁵. В монографиях о Жуковском о переводе этой повести Фуке имеются лишь беглые замечания самого общего характера.

Что касается поразительного своеобразия творческого почерка Жуковского-переводчика, то исследователи давно — еще современники и сам поэт — отметили однозначность для него личного творчества и переводов, его способность так перевыражать оригинал, находя «у себя в воображении такие красоты, которые могли бы служить *заменой*»²⁶ образов оригинала, что, сохраняя порою почти буквальную близость к подлиннику, переведенное произведение оведалось при-

²⁴ *Paracelsus Theophrast. Liber de nymphis, sylphus, pygmaeis et salamandris et de caeteris spiritibus.* Basel, 1559.

²⁵ См. перечень работ о Жуковском-переводчике в кн.: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 14/15. На нем. яз. о пер. «Ундины» см.: *Eichstädt H. Zukovskij als Übersätzer.* München, 1970. S. 89—133.

²⁶ *Жуковский В. А.* Эстетика и критика. С. 189.

сущей Жуковскому мечтательностью, грустью, гуманностью, особенно становилась ощутимой нравственная оценка происходящего.

Сожалая в письме к Фогелю, что он не может послать ему никакого немецкого перевода своих «гиперборейских бедных стихов», поэт указывает надежный способ ознакомиться с его творчеством: прочесть в оригинале баллады и «Орлеанскую деву» Шиллера, «Лесного царя» Гете, ряд произведений Гебеля и Рюккерта, а также «Undine in Hexameter v. Fouqué».

То, что Жуковский предлагает Фогелю прочесть «Ундиону» Фуке, написанную гекзаметрами, говорит о многом: поэт так сжился со своим переводом, настолько «присвоил» стихотворную повесть, что в эту минуту он забывает о прозаической форме оригинала.

«Читая все эти стихотворения,— заключает свое письмо Жуковский,— верьте или старайтесь уверить себя, что они все переведены с русского, с Жуковского, или *vice-versa* (лат.— наоборот): тогда будете иметь полное, верное понятие о поэтическом моем даровании, гораздо выгоднее того, если бы знали его *in naturalibus* (лат.— в действительности)»²⁷.

Но этого перевыражения оригинала Жуковский достигал в каждом произведении конкретными, пригодными именно для данного текста приемами, ибо поэт, сохраняя свой почерк, переводил не на один манер: его перевод, как двуликий Янус, соединял в себе облик переводимого автора и самого Жуковского, включал в себя ведущие лейтмотивы его творчества.

Вяземский, как и многие друзья Жуковского, часто печалившийся, что поэт-Жуковский растрчивает свой талант в труде переводчика, в послании

²⁷ Русский архив. 1902. Кн. 2, вып. 5. С. 145.

«К В. А. Жуковскому» (1819) настолько точно и впечатляюще определил его дарование переводчика, что строка «В бореньях с трудностью силач необычайный» стала крылатыми словами. Пушкин, утверждавший, что «переводный слог его (Жуковского.— *Е. Л.*) останется всегда образцовым», эти слова стихотворения Вяземского в своих письмах не выделял как цитату, считая их, видимо, бесспорно всеобщим достоянием²⁸. Поэтому порой этот афоризм даже приписывают Пушкину.

Те современники, которым дорого и близко было творчество Жуковского, сразу восприняли «Ундину» как еще одно его новое произведение, настолько повесть Фуке была «преображена» поэтом в духе его стилистики. Были привычны эмоциональному восприятию поэзии Жуковского и ее элегическая грусть, и свободный от архаизмов язык, гибкий, плавный, мелодичный, подвижный благодаря частому анжанбеману, исполненный естественной интонации при выражении и мысли, и чувства, насыщенный эпитетами, излюбленными Жуковским: милый, кроткий, невнятный, тихий, задумчивый, грустный, туманный, а также и сложными эпитетами, к которым поэт приучил слух читателя своими переводами баллад, в особенности Шиллера, например вечно-незыблемый, лазурно-ясный, жалобно-стенающий, стрелоносный, небесно-величавый, сереброрунные, безрадостно-блаженные, сладкопамятный и др., но уже в иных сближениях. Присутствовали в тексте «старинной повести» и привычные и близкие читателю словосочетания: прелесть тихая, души очарованье, воображенье сердца, судьбы очарованье, тихая гармония, обитель тишины, туманная даль,

²⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937—1949. Т. XIII. С. 48, 135, 183.

счастье мирское, прозрачная пелена и отдельные слова, необходимые Жуковскому для тонкого анализа психологии персонажей,— душа, мир души, умиление, прошлое и т. д.²⁹ Словом, несмотря на гекзаметр, якобы антиромантический размер, в «Ундине» вновь стала «жизнь и поэзия одно» («Я музу юную бывало...»), и к «старинной повести» в полной мере применима строфа из этого же стихотворения:

Все, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы,—
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!—

как и строки из отрывка «Невыразимое»:

Невыразимое подвластно ль выраженью?
Святые таинства, лишь сердце знает вас.

Как часто в тексте «Ундины» встречается слово «невыразимое», невыразимое речью, именно по отношению к героине, после обретения ею души:

...но сладкий,
Полный глубокой любовью *взгляд*, какго дотоле
Рыцарь в лазоревых глазках ее не встречал,
беззаветно

Выразил все.

(Гл. VIII, с. 152)

²⁹ Подробности см. в кн.: *Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения.* Пг., 1918. (Курсив в тексте «Ундины» мой.— *Е. Л.*)

...когда же с ней говорил он, *ответа*
Не было, взор один отвечал;

(Гл. VIII, с. 154)

Тихий, *немой разговор* начался между ними из
нежных

Взглядов и вздохов.

(Гл. IX, с. 162)

Верность до гроба, верность «здесь» и «там» — лейт-мотив жизни Ундины — тоже была ранее не раз воспета Жуковским, достаточно напомнить баллады «Эолова арфа», «Рыцарь Тогенбург», «Теон и Эхин» и др.

Сюжет «Ундины» как таковой Жуковский точно сохранил, однако в характеристику отдельных персонажей, прежде всего Ундины, описания некоторых эпизодов он внес существенные коррективы: он то детально разрабатывал сказанное Фуке мимоходом, то сокращал оригинал, вовсе опуская несущественные для него бытовые подробности и описания.

Унди́на превращается у русского поэта из безжалостного и своенравного духа водной стихии в своевольное, доброе и капризное дитя. У Жуковского более подробное и поэтичное описание ее внешности. Он пользуется для этой трансформации Ундины до брака с Гульбрандом уменьшительными словами: «бровки», «глазки», «маленькая ножка», давая иную мотивировку ее поступкам, чем Фуке: все шалости, непокорность — проявление ее «детской запальчивости». Детскость — вот причина прихотливости, беспечной холодности Ундины; она — дитя и не понимает огорчения взрослых людей. Эта метаморфоза облика Ундины, духа водной стихии, связана с различным восприятием

обоими писателями мира природы и ее стихийных сил. У Фуке духи стихий безжалостны и жестоки; они воплощают в себя равнодушие природы к страданиям человека. У Жуковского духи стихий — шаловливые дети, не понимающие в своей незрелости любви и сострадания, доступных только сердцу человека. Вот почему до брака с Гульбрандом жалость и горе людское чужды Ундине из-за детского непонимания. Слово «дети» все время сопутствует Ундине до брака с Гульбрандом, а затем почти исчезает из текста.

Нам представляется, что изменения в характере любого персонажа, кроме Ундины и рыбака, несущественны. Жуковский, как часто было свойственно ему из-за его гуманного отношения к человеку, мягкой, доброй снисходительности его натуры к человеческим слабостям, смягчил злобность Бертальды, резкую суровость рыбацки, но не это принципиально меняет тональность повествования или сюжет; преобразуется глубинное содержание старинной повести.

Важно отметить серьезное, уважительное отношение Жуковского к простому человеку: умиление его простодушием, честностью, его повседневным скромным трудом, невзирая на его низкое социальное положение и бедность, — отношение в корне отличное от барственной доброжелательности Фуке.

Почти устойчивым эпитетом становится слово «честный», когда речь заходит о рыбаке. Но в основном переобразование — преобразование текста Фуке связано с изменением облика Ундины — его поэтизацией, гармоничной цельностью, идеальной женственностью, а также благодаря последовательной стилистической трансформации оригинала (тут не ограничивается преобразование лишь переходом от прозы к поэзии) в духе стилистики самого Жуковского: многозначность слов,

отказ от второстепенных бытовых деталей, чтобы не затемнять эмоциональные, духовные состояния, при всем эпическом спокойствии нарастание динамики текста за счет перехода от косвенной речи к прямой и снятии также всех рассуждений Фуке в духе расхожей житейской мудрости.

Посмотрим, как трансформируется облик Ундины до брака с Гульбрандом. У Фуке рыцарь встречается с «белокурой девушкой поразительной красоты», у Жуковского образ несравнимо более высокого плана дается в нескольких строках:

...Вдруг растворилася настезь
Дверь, и в нее белокурая, *легкая станом,*
с веселым
Смехом *впорхнула* Ундина, как *что-то воздушное,*

(Гл. I, с. 111)

«Увидев прекрасного рыцаря,— пишет Фуке,— застыла (Ундина.— *Е. Л.*) в изумлении» (с. 11). Жуковский продолжает все более детально и осязательно воссоздавать облик Ундины:

...Но, увидя
Рыцаря, вдруг замолчала она, и *глаза голубые,*
Вспыхнув звездами под сумраком черных ресниц,
устремились
Быстро на гостя...

(Гл. I, с. 111)

Поэт продолжает творить героиню в ее разных эмоциональных состояниях. Так, увидев прекрасного рыцаря,

...Ундина
Долго смотрела, *пурпурные губки раскрыв,* как
младенец;
Вдруг, встrepенувшись резвою птчкой, она
подбежала

К рыцарю, стала пред ним на колена...

(Гл. I, с. 111)

Всецело принадлежит Жуковскому и тончайшее описание внешнего и духовного облика Ундины в 5-й главе:

...Но мирной сей жизни была душою Ундина.
В этом жилище, куда суеты не входили, каким-то
Райским виденьем сияла она: чистота херувима,
Резвость младенца, застенчивость девы,
причудливость Никсы,
Свежесть цветка, порхливость Сильфиды,
изменчивость струйки...
Словом, Ундина была несравненным,
мучительно-милым,
Чудным созданием; и прелесть ее пронизала,
томила
Душу Гульбранда, как прелесть весны, как
волшебство
Звуков, когда мы так полны болезненно сладкою
думой,
... и все то было волшебною, тайной,
Сетью, которую мало-помалу опуталось сердце
Рыцаря...

*Но, им обладая,
Той же силе она и сама покорялась...*

• • • • •
*Но Ундина любила — любила беспечно, как любит
Птичка, летая средь чистого неба.*

(Гл. V, с. 135, 136)

В этих строфах очень изящно и тонко дан намек на происхождение Ундины: «причудливость Никсы», «изменчивость струйки».

Вслед за Зейдлицем все, кто касался «Ундины», обязательно указывали на опущенный в переводе конец 7-й главы — вечер после венчания Гульбранда и Ундины и подробности пробуждения новобрачных в начале 8-й главы³⁰. Справедливее было бы говорить, что касается конца 7-й главы, не о «девственном» умалчивании Жуковского, а о перестановке акцентов: вместо традиционно погашенных свечей и новобрачного, уносящего свою невесту на руках в опочивальню, являются строки, передающие пылкость и преданность любви Ундины:

Голос ее так глубоко из сердца раздался, что рыцарь
Все позабыл и в порыве любви протянул к ней

объятья;

Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась к милому в руки
Ундина,

Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела.

(Гл. VII, с. 151)

У глубоко религиозного Фуке героиня тоже и набожна, и смиренна, и кротка, но в русском тексте все эти черты усиливаются, выделяются интонациями стиха. Тихая, глубокая грусть пронизывает старинную повесть Жуковского, овеивает саму Ундину с момента ее брака с Гульбрандом. В этой скорби с особой силой, говоря словами Белинского, ощущается «выстраданность его (Жуковского.— Е. Л.) романтизма». Этой «выстраданностью», печалью по утраченному исполнено письмо к А. П. Елагиной от 3 ноября 1835 г. Сообщая о смерти одного любимого им «пансионского знакомого», Жуковский пишет: «Сколько уж положено в могилу! Чтобы несколько воскресить прошедшее, я принялся за стихи; пишу Ундину, с которой позна-

³⁰ Зейдлиц К. К. Указ, соч., С., 159,

комился во время оно и от которой так и дышит прошлую молодостью»³¹. Напомним, что весь октябрь 1835 г. он переводил «Ундину». Молодость Жуковского, как известно, не была радостной, часто мучительной, и, видимо, мысли о Маше Протасовой, Александре Воейковой, тоска по идеальному женскому образу вообще всплывали у Жуковского, когда он создавал свою русскую «Ундину». «Для сердца прошедшее вечно», — вырезал он надпись на рельефном портрете, сделанном в 1833 г. и преподнесенном Мойеру в 1841 г. Ундина как воплощение именно Вечной Женственности была в XX в. воспринята Александром Блоком. После брака Ундина преображается:

...Потом и Ундина
Вышла; они хотели пойти к ней навстречу,
но стали
Все неподвижны: так знакома и так незнакома
Им в красоте довершенной она показалась.
(Гл. VIII, с. 153)

Она преображается в кроткую, беспредельно преданную любимому женщину чистой души и высокой набожности:

...и осталась она с той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой,
в то же
Время девственно чистым, божественно милым
созданьем.
(Гл. VIII, с. 153)

³¹ Уткинский сборник, 1904. С. 60. О записях в дневнике Жуковского, вспоминающего свое прошлое при написании им «Ундины», см. также: *Веселовский А. Н. В. А. Жуковский...* С. 245, 232—233.

И еще одна деталь, принципиально важная для понимания образа Ундины, созданного Жуковским: поэт опустил при переводе заключительного абзаца 8-й главы, что, глядя на свою прелестную жену, рыцарь чувствует себя счастливее, «чем греческий скульптор Пигмалион, которому госпожа Венера превратила прекрасную статую в живую возлюбленную». Этот образ у Фуке не правомочен и, пожалуй, появился для «украшения» текста. Пигмалион молил богов оживить прекрасную бездушную статую, одухотворить материю. Ундины же — олицетворение водной материальной стихии — сама пришла в мир за душой, телесное всеми своими силами устремилось к духовности. Благодаря любви и освящению в браке именно плотской любви Ундине была дарована душа, высшая ценность личности. В этом был мистический смысл слов Парацельса о возможности брачного союза духов стихий и людей, творений божиих, возможность одухотворения сил природы, не данного самим божеством, а достигнутого его созданиями.

Психологическая глубина и сложность душевной жизни героини, переданная оксюморонами, присущи Ундине после плотского союза с человеком, освященного брачным таинством.

Совсем по иному воспринимает она мир своих бывших сородичей, водяных духов:

...он (Струй.— Е. Л.) мне, упрямый, не верит;
в бездушной

Бедной жизни своей никогда не будет способен
Он постигнуть того, что в любви и страданье
и радость

Так пленительно сходны, так близко родня, что
разрознить

Их никакая сила не может...

(Гл. XIII, с. 186—187)

Можно приумножить примеры того, как Жуковский создавал углубленный психологический образ кроткой, смиренной, верной Ундины, проникнутой ответственностью за дарованную ей богом душу, но мы приведем еще лишь один. Ундина по воле водяных стихий должна умертвить рыцаря за измену; и он просит ее поднять покрывало, если облик ее теперь не безобразен и страшен:

...«Охотно, возлюбленный мой»,— покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первых,
блажепных

Дней предстала...

(Гл. XVIII, с. 218—219)

Жуковский говорит не только о внешней прелести Ундины, но и о прелести души ее — милой, любящей.

Итак, родилась русская «Ундина». Это было тотчас отмечено современниками. В апреле того же года, как вышла в свет «Ундина», в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» появилась концептуальная и подробная рецензия П. А. Плетнева. Концепция Плетнева примечательна и для восприятия «Ундины» в России тех лет, и для понимания задач и творческого процесса перевода в конце 1830-х годов как особой формы оригинальной творческой деятельности поэта³².

Плетнев при создании художественного произведе-

³² Плетнев П. А. «Ундина» Жуковского // Собр. соч. СПб., 1885. Т. 1. С. 279—288. Перепечатано из «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“ на 1837 г.» (10 апр. № 15).

ния различает две стадии: «поэтическую мысль» и «самую поэзию или исполнение мысли», причем, говоря словами Плетнева, поэтическая мысль и ее воплощение не всегда «отражаются из одной души»³³.

Слияние поэтической мысли и самой поэзии бывает доступно лишь гениям, например Сервантесу. И тем не менее Фуке, «второстепенный немецкий поэт» в «некотором смысле стал на одной линии с гением, от которого, впрочем, отделен расстоянием неизмеримым»³⁴. Фуке, пишет Плетнев, посетила «одна из счастливейших мыслей для поэзии»³⁵, и воплощение этой мысли — «труд его есть прекрасный подвиг»³⁶. И обрисовка персонажей повести, и развитие сюжета, и язык автора — все получает одобрение Плетнева.

Плетнев первый резко отделил «Ундицу» Фуке от перевода Жуковского, который обрел право оригинального произведения в русской литературе, благодаря переложению переводчиком прозаического текста в стихотворную форму. «Мы, русские, — писал Плетнев, — в этом случае были гораздо счастливее немцев. *Наш переводчик постигнул назначение „Ундины“ в художественном мире* и с торжеством ввел ее туда, где самая идея указывала ей место: обстоятельство, *на- всегда разлучившее* (курсив мой. — Е. Л.) немецкую „Ундицу“ с русской и убедительно показавшее разницу между двумя поэтами»³⁷. Именно поэтическая форма, считал Плетнев, давала «предметам» возможность выявить их «надлежащую законную живость... силу и блеск образов, гибкие, верные, неразлучные с поэти-

³³ Там же. С. 280.

³⁴ Там же. С. 280—281.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 285.

³⁷ Там же. С. 286—287.

ческой идеей звуки»³⁸. Эти слова Плетнева близки взглядам самого Жуковского на поэзию.

«Если Фуке не чувствовал во всем этом нужды для своей „Ундины“, он недосмотрел в ней лучших сторон... Жуковскому она обязана лучшим существованием», — утверждал Плетнев³⁹.

«Простота и естественность народных сказок отличает „Ундину“ Фуке, но самое создание Струя, — пишет Плетнев, — указывает на ту степень, которую он (Фуке. — Е. Л.) мог бы занять как поэт». Однако — и в этом квинтэссенция статьи Плетнева — Фуке «не оценил своего счастья... богатейший для поэмы предмет обрисовался в душе его как содержание для прозаической сказки»⁴⁰.

Слово «сказка» после Плетнева закрепилось в русской критике за «Ундиной» Фуке, и если порою мельком вспоминали об оригинале и его авторе, то «Ундину» всегда называли «сказкою», тогда как сам Фуке считал ее повестью (*Eine Erzählung*). «Давно уже не выходило книги, — писал Плетнев, — которая бы так заняла все классы читателей, как „Ундина“»⁴¹. Под «классами читателей» Плетнев подразумевал, конечно, больше возрастные группы, чем разные сословия.

Популярность «Ундины» в 1830—1840-е годы была настолько велика, что не обошлось и без забавных недоразумений. В 1838 г. в приложении к чешскому журналу «Квети» появилась заметка о «новом произ-

³⁸ Там же. С. 287.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 286.

⁴¹ Там же. С. 287.

ведении Жуковского „Ундине“, причем автор назвал «Ундину» «цветком русской поэзии»⁴².

С большой горячностью вслед за Плетневым эту же мысль высказал в 1850-е годы М. Достоевский: «Когда вы читаете „Ундину“...— вы читаете Жуковского, вы пленяетесь Жуковским,— писал он в статье „Жуковский и романтизм“,— и совершенно забываете справиться, верно ли все это с подлинным. Поэт сам сознавал это, назвав общее собрание своих произведений *сочинениями*. Когда перевод становится вечным достоянием литературы, он перестает уже быть переводом... Пусть в других литературах есть своя „Ундина“, свой „Наль и Дамаянти“... русские никогда не забудут своих, русских произведений, и озаглавленных этими именами»⁴³.

Восприятие «Ундины» Жуковского в России зависело от жизненных интересов русской литературы, от устремлений читающей публики в разные периоды XIX—XX вв.

Современники порою ощущали кровную связь со «старинной повестью», порою отдельные строфы соотносили со своими личными, интимными переживаниями.

Уже в начале июля 1837 г. Гоголь с нетерпением писал из Бадена Н. Я. Прокоповичу, своему близкому товарищу по гимназии: поручая получить у Плетнева

⁴² Францев В. А. Чешские переводы произведений В. А. Жуковского и статьи о его жизни и деятельности // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1877. Отд. 2. С. 49.

⁴³ Достоевский М. М. Жуковский и романтизм // Пантеон. 1852. Т. III, кн. 6. С. 39.

первую книжку «Современника» за 1837 г., он добавлял: «Присоедини к этому „Ундину“ и еще, если вышло что-нибудь замечательного»⁴⁴. Гоголь не стал дожидаться ни дарственного экземпляра, ни запрошенного у Прокоповича, а, как сообщал в 1837 г. в письме своим друзьям, прочитал в Бадене экземпляр, преподнесенный поэтом Смирновой. «В Бадене,— писал он В. О. Балабиной, матери своей ученицы М. П. Балабиной,— я встретился еще раз с Смирновой... У ней прочитал я „Ундину“ Жуковского. Чудо, что за прелесть! И вы и Марья Петровна будете восхищены ею,— это я знаю наперед»⁴⁵. Семью Балабиных, дружную с Плетневым, Гоголь ставил очень высоко: он считал ее «единственной по доброте» и, видимо, находил, что не только поэтические достоинства старинной повести, но и сам облик Ундины, олицетворяющий беспредельную доброту и альтруизм, будет близок Балабиным.

Из переписки тех лет интересно отметить, что 9 августа 1838 г. 16-летний Ф. Достоевский, сообщая из Петербурга брату Михаилу список читаемых им книг, наряду с «Фаустом» Гете, «Историей» Полевого называет и «Ундину» Жуковского⁴⁶. Старинная повесть была на слуху у сотрудников «Современника» и в середине 1840-х годов. Об этом свидетельствует эпитафия из «Ундины»—«Лет за пятьсот и поболее случилось»—к коллективному рассказу «Как опасно предаваться честолюбивым снам. Фарс совершенно неправдоподобный, в стихах с примесью прозы. Соч. гг. Пружинина, Зубоскалова, Белопяткина и К^о». Фарс был опубли-

⁴⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. XI. С. 101.

⁴⁵ Там же. С. 106.

⁴⁶ Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 47.

кован в альманахе «Первое апреля» в 1846 г. в Петербурге. Белопяткин и Пружинин — псевдонимы Некрасова, Зубоскалов — коллективный псевдоним Григоровича и Достоевского. В фарсе высмеиваются нападки литераторов, боровшихся с натуральной школой, — Кукольника и Булгарина. Белинский весьма одобрил этот рассказ; об архаизме своих противников Некрасов, Достоевский и Григорович сразу же заявили эпиграфом — первой строкой из «Ундины»⁴⁷.

Приглушенную реминисценцию этой строки из «Ундины» можно обнаружить в рассказе в стихах Я. Полонского «Анна Галдина (Из преданий одного уездного городка)», хотя и в несколько искаженном виде: «Лет пятьсот тому назад...»⁴⁸. Искажение как раз подтверждает то, что стих часто повторяли, он стал своего рода синонимом глубокой архаичности, и, естественно, к 1890-м годам (времени создания этого произведения Полонского) претерпел известные изменения.

Очень своеобразно воспринял «Ундины» Герцен. Вскоре после выхода книги он пишет из Вятки своей невесте Н. А. Захарьиной: «Сейчас прочел я „Ундины“ Жуковского — как хорош, как юн его гений. Я пришлю ее тебе. Вот два стиха, служащие лучшим выражением моего прошлого письма⁴⁹, продолжением его:

⁴⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Художественные произведения. Т. 1. С. 321 и коммент. 512—514.

⁴⁸ Полонский Я. П. Полн. собр. стихотворений: В 5 т. СПб., 1896. Т. 5. С. 329.

⁴⁹ А. И. Герцен имеет в виду письмо от 18—23 июня 1837 г., в котором он писал Н. А. Захарьиной, что она для него «все — поэзия, религия, все небесное начало души, искупление» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. XXI. С. 176).

В душевной долине волна печально трепещет и бьется; Влившись в море, она из моря назад не польется.

Мы два потока,— раскрывает Герцен смысл этих строк для него,— ты — широкий, ясный, отражающий вечно голубое небо с солнцем. Я — бурный, подмывающий скалы, ревущий судорожно — но однажды слитые, не может быть раздела. Пусть люди делают, что хотят, *волна назад не польется*»⁵⁰.

Строки из «Ундины» выражали для Герцена напряженную романтическую любовь его к Н. А. Захарьиной и нерасторжимость их отношений.

В «Записках одного молодого человека», в главе «Юность», эти же строки Герцен прочитывает в соответствии со своими размышлениями о связях личности и общества. Говоря о мировой логике развития всего человечества и отдельной личности, Герцен подчеркивает, что достоинством юноши является способность жить в романтическом мире и что «совершеннолетие покажет необходимость частной жизни; почка, принадлежавшая человечеству, разовьется в отдельную ветвь, но, как говорит Жуковский о волне,—

Влившись в море, она назад из него не польется»⁵¹, т. е. отдельная личность включится в общественную практическую жизнь, и такая «душа, однажды предавшаяся универсальной жизни, высоким интересам, и в практическом мире будет выше толпы»⁵². Не искажая смысла строки, Герцен не совсем точно цитирует Жуковского, и неудивительно, ведь «Записки одного молодого человека» появились через несколько лет после издания «Ундины», но слова Жуковского произвели,

⁵⁰ Там же. С. 179, 28 (?) — 30 июня 1837 г.

⁵¹ Герцен А. И. Указ. соч. М., 1954. Т. I. С. 276.

⁵² Там же.

видимо, на Герцена сильное впечатление, и он переосмыслил их еще и в социально-философском плане⁵³.

«Записки» создавались как раз в тот период жизни Герцена на грани 1830—1840-х годов, когда он отходил от романтического и идеалистического мировосприятия, отдавая, однако, должное «шиллеровскому» началу для юности. Такую оценку юности он сохранил и далее: «Записки...» Герцен включил в 1862 г. в третий том автобиографической эпопеи «Былое и думы». Мы останавливаемся так подробно на контексте, окружающем строку Жуковского, потому что «юношеский энтузиазм», говоря словами Белинского, «есть необходимый момент в нравственном развитии человека» и тот, кто был лишен его, «никогда не будет в состоянии понимать поэзию — не одну только поэзию, создаваемую поэтами, но и поэзию жизни»⁵⁴. «Ундина» и юность — понятия нерасторжимые, и неудивительно, что с течением времени все более юным делался круг ее читателей, которые затем проносили сквозь жизнь этот обаятельный идеальный женский образ.

И еще раз Герцен, находясь в Новгороде, тоже в философском контексте вспомнил «Ундину» в письме к А. А. Краевскому от 3 февраля 1842 г. Он писал о «Феноменологии духа» Гегеля: «...вот прекрасные листки фантазии ощищены, но сочные плоды действительности тут. Исчезли Ундины — но полногрудая дева ждет...»⁵⁵. Ундина как воплощение фантазии и романтизма отстывает перед реальной действительностью,

⁵³ «Записки...» были опубликованы в «Отечественных записках» (1840, № 12; 1841, № 8) за подписью Искандер.

⁵⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1953—1959. Т. VII. С. 221.

⁵⁵ Герцен А. И. Указ. соч. М., 1961. Т. XXII. С. 128.

один исторический тип мышления сменяется другим.

Совершенно по особому, резко отлично от современников и последующих поколений, воспринял «Унди́ну» В. Ф. Одоевский. Он не пошел вслед ни за Фуке, ни за Жуковским. Впервые на его три предельно краткие заметки, в которых речь идет об «Унди́не», указал П. Н. Сакулин, отметив, что цикл повестей о духах стихий («Сильфида», «Саламандра») Одоевский намеревался пополнить еще одной повестью — «Унди́на»⁵⁶. Но примечательно, что первый план повести (всего несколько строк) озаглавлен не «Ундипа», а «Унди́н»⁵⁷. Здесь Одоевский пишет только о Дяде Струе, его проказливом нраве и причудах. Отношение Струя к Петербургу и его обитателям исполнено сарказма, издевки. Струй любит Петербург потому, что город «расположен на болоте», а петербургские салоны «потому, что в них много воды», как и в «англинской нравственности» и философии, царящих в этих салонах⁵⁸. В другой заметке сама Унди́на тоже не присутствует. Когда ее хотят вызвать, прибегнув к волшебному порошку, вместо Ундины появляется Струй и начинает проказить, не давая закипятить воду, подливая ее в суп и вино и т. п. У Одоевского принципиально иной замысел повести, чем у Фуке и Жуковского, — отнюдь не лирический. Это едкие нападки на петербургское общество, и главный персонаж — Струй, всячески высмеивающий петербургский свет.

Одоевский, знаток немецкой культуры, конечно, знал повесть Фуке и раньше, но перевод «Ундины»

⁵⁶ Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мысли — писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 2. С. 80.

⁵⁷ ГПБ. Л. Ф. В. Ф. Одоевского. Оп. 1. Пер. 20. Л. 69.

⁵⁸ Там же.

Жуковским, возможно, напомним ему о водяных духах, когда он стал замышлять повести «Сильфида» и «Саламандра». Одоевский не только читал перевод Жуковского, но и принял его замечательную переводческую находку — имя «Дядя Струй» для Кюлеборна.

К «Ундине» — этой «старинной повести» в полной мере приложимо замечание Белинского, что «произведения Жуковского не могут восхищать всех и каждого во всякий возраст: они внятно говорят душе и сердцу в известный возраст жизни или в известном расположении духа»⁵⁹. Для современников она соответствовала их «расположению духа», и оно вновь стало благоприятным для «Ундины» на грани XIX—XX вв. вплоть до первой мировой войны; в остальные же десятилетия «старинная повесть» больше соответствовала «юной душе».

Судьба стихотворного перевода Жуковского прозаической повести де ла Мотт Фуке «Ундина» уникальна для истории русской переводной литературы: за 150 лет, прошедших с появления этой повести на русском языке, ни один переводчик не пытался заново перевести «Ундины» Фуке, хотя, как правило, всякое иноязычное произведение, заинтересовавшее читателей, переводилось неоднократно спустя какое-то время, получая в какой-то мере новую переводческую интерпретацию в соответствии с новым прочтением оригинала и новыми требованиями к искусству перевода. Но, естественно, не появлялось потребности в переводе «своего», «оригинального произведения».

Не считая того, что в каждом собрании сочинений Жуковского и, как правило, во всех сборниках избранных его произведений читатель мог познакомиться с «Ундиной», повесть вышла отдельной книгой 13 раз,

⁵⁹ Белинский В. Г. Указ. соч. Т. VII. С. 221.

причем пик изданий пришелся на 1900—1910-е годы, когда утверждался символизм.

На грани 1830—1840-х годов образ Ундины появляется в стихах столь разных поэтов, как В. Г. Бенедиктов и В. К. Кюхельбекер. В 1839 г. Бенедиктов создает цикл стихов «Путевые заметки и впечатления. (В Крыму)», где в 7-м отрывке «Потоки» поэт пишет о жажде, терзающей путника от зноя крымского солнца:

Мать-природа! Где же жалость?
Дай воды! Хоть каплю! — Нет!
Словно высох целый свет⁶⁰,—

и эта жажда столь сильна, что даже возлюбленная поэта могла бы порадовать его, только став воплощением вождеденной водной стихии. В его воспаленном воображении возникает страстная мечта, чтобы

В миг подобный вам она
Вдруг явилась, вся полна
Красоты и обаянья,
Неги, страсти и желанья,
Вся готовая любить,—
В миг сей мыслью, может быть,
Вы б исполнились единой:
«О, когда б она Ундиной
Или нимфой водяной
Здесь явилась предо мной!»

Поэт переходит на другой размер и со свойственным для Бенедиктова гипертрофированием и конкретной, наглядной материализацией его метафорической системы пишет, как дева вся растеклась в потоках струй

⁶⁰ Бенедиктов В. Г. Стихотворения // Большая серия. 2-е изд. Л., 1983. С. 193—194.

от плеч, рук до груди и

...рассыпалась каскадом
И расхлынулась волной!

Такие строки производят комическое впечатление.

Стиль Бенедиктова, конечно, далек от добродушной и мудрой простоты «старинной повести» Жуковского, который очень деликатно давал понять о связях своей героини с водной стихией; только оскорбленная рыцарем, она растворяется реально в волнах Дуная, а после погребения своего супруга превращается в ручей, обвивающий его могилу.

Позже, в апреле 1852 г., вскоре после смерти Жуковского в стихотворении «Воспоминание», посвященном памяти Жуковского и Пушкина, Бенедиктов говорит о Жуковском прежде всего как о «Певце Ундины», чья поэзия «льется звучными слезами». Противопоставляя поэтов друг другу и обоих «жалкому обществу», Бенедиктов пишет, что их роднит вдохновенье.

В далекой Сибири В. Кюхельбекер, которому друзья, как и другим декабристам, посылали книги, в особенности примечательные новые произведения, прочел «Ундину» Жуковского. Это видно из реминисценции в стихотворении к его любимой ученице в Акше, Вассе Александровне Разгильдяевой (Васиньке), написанном 22 июля 1841 г. (Васинька должна была вскоре покинуть город):

Фантазия, Ундина, Пери,
(Любое имя выбирай),
Ах! скоро за тобою двери
Затворятся.— Прощай! Прощай!⁶¹

⁶¹ Кюхельбекер В. Соч.: В 2 т. Л., 1967. Т. 1. С. 305.

Любопытно отметить, что Жуковский как-то сложно ассоциировал преданность жен декабристов с беспредельной преданностью Ундины. В письме от 11 апреля 1837 г. к Н. Н. Шереметевой, дочь которой была замужем за сосланным декабристом И. Д. Якушкиным, Жуковский провел интересную аналогию. «Целую ваши ручки,— писал он Н. Н. Шереметевой,— моя милая Н. Н., и посылаю вам мою дочку У н д и н у, которую прошу принять с благосклонностью и верить, что я, крестный отец ея, люблю вас как душу»⁶². Тут «дочка» упоминается не случайно; в 1826 г. Шереметева писала поэту о страданиях своей дочери Настасьи Васильевны, последовавшей за мужем в Сибирь. Жуковский был и родственными, хотя и дальними, узами связан с Шереметевой: ее сын женился на дочери М. А. Мойер-Протасовой.

Если у Кюхельбекера упоминание Ундины соотносится с образом милой и прелестной девушки, то у поэта К. И. Коренева, недолго печатавшегося в журналах 1840-х годов, Ундина противопоставляется женщине, сдавшейся пошлой повседневности:

Ах, Марья Павловна! Какой волшебник злой
Провел вам на челе угрюмые морщины?
Как скоро стали вы помещицей простой,
Уездной барыней из маленькой ундины!⁶³

Реминисценции у таких незначительных поэтов, как Коренев, свидетельствует об огромной популярности «Ундины» в те годы.

В 1841 г. в «Современнике» и «Москвитянине» публикуется стихотворение поэта пушкинской плеяды

⁶² Жуковский В. А. Сочинения. Т. VI. С. 501.

⁶³ Цит. по антологии: Русская муза. СПб., 1907. С. 159.

Н. М. Языкова «Ундина»⁶⁴, написанное в конце декабря 1839 г. и включенное затем автором в собрание его стихотворений. Смысл сводится к реплике Сальери:

...«Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».

Пушкин с его «виртуозным лаконизмом», говоря словами Анны Ахматовой, минуя всевозможные житейские обстоятельства, передает мрачное состояние героя в двух словах — «мысли черные»; у Языкова 23 с половиной строки, написанных в форме послания некоему другу, посвящены всему тому, что привело к душевному разладу его лирического героя, причем стихотворение «Ундина» воспринимается как диалог поэта с самим собою, и местоимения «ты», «твой», «тебя» звучат здесь как сугубо личные. Тяжелое душевное состояние лирического героя связано и с «осенним днем», и с тем, что комфорт его «приюта» лишь внешний («янтарное пламя камина...»), а «любимый труд — от скуки и тоски заступник твой надежный» и «тихая мечта... чуждаются тебя»; тогда, по мысли поэта, ни жженка, ни пир «товарищей-друзей» не рассеют его хандру. Успокоить его и наполнить смыслом такой день может лишь одно:

...читай Жуковского «Ундину»:
Она тебя займет и освежит; ты в ней
Отраду верную найдешь себе скорей.
Ты будешь полон сил и тишины высокой,
Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,

⁶⁴ Современник. 1841. Т. XXII. С. 181; Москвитянин. 1841. Ч. V, № 9; Языков Н. 55 стихотворений. М., 1844; он же. Новые стихотворения. М., 1845.

Ни песня юности, ни чаш заздравный звон,
И был твой грустный день как быстролетный сон!

О реакции современников можно судить и по их более поздним воспоминаниям. В «Литературных и житейских воспоминаниях», написанных И. С. Тургеневым уже несколько десятилетий спустя после появления «Ундины», он рассказывает о «Литературном вечере у Плетнева», состоявшемся вскоре после выхода перевода Жуковского. На этом вечере разговор зашел о новинках современной литературы: О «Ревизоре», об «Ундине» и некоторых второстепенных стихотворцах. «Хозяин дома, — вспоминал Тургенев, — сказал несколько слов о Жуковском, об его переводе „Ундины“, который появился около того времени роскошным изданием, с рисунками — если не ошибаюсь — графа Толстого»⁶⁵. Тургенев ошибался, гравюры были выполнены Майделем. Зная рецензию Плетнева, можно представить себе, что говорилось об «Ундине» в тот вечер. Неясно, читал ли уже тогда Тургенев «Ундину», но, что он прочел перевод Жуковского и знал некоторые строфы наизусть к 1840 г., можно судить по заметкам из «Записки о Станкевиче»; в ней Тургенев описывает дни, проведенные им в Риме со Станкевичем в начале того года. Во время прогулок по Риму они осматривали вместе разные достопримечательности, и Тургенев однажды произнес перед мраморной статуей св. Цецилии строки Жуковского из 3-й строфы стихотворного посвящения к «Ундине»:

И Прелести явленьем по привычке
Любуется, как встарь, душа моя.

«Станкевич заметил — что плохо тому, кто по привыч-

⁶⁵ Тургенев И. С. Собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1967. Соч. Т. XIV, С. 17,

ке любит прелестью, да еще в молодые годы»⁶⁶, имея в виду, конечно, самого Тургенева, а не Жуковского.

Интерес к «Ундине» сохранил Тургенев и значительно позже, так как в письме к Стасюлевичу он просил прислать ему экземпляр «Ундины», имея в виду издание 1875 г., которое входило в издаваемую Стасюлевичем серию «Русская библиотека»⁶⁷.

Сам Жуковский направил уже в 1840-е годы «Ундину» в русло и детского чтения. Об этом можно судить по воспоминаниям некоего Ф. Тимирязева (его отец был в коротких отношениях с Жуковским). Решив составить для своего, тогда восьмилетнего сына библиотечку детских книг, отец Тимирязева высказал это намерение Жуковскому, который тотчас объявил: «Я сам выберу все книги для твоего сына; поедem вместе». И они вдвоем ездили по книжным магазинам, Жуковский «тщательно» отбирал все нужное, «и когда выбор был окончен, он во главе всех купленных книг положил иллюстрированное издание своей „Ундины“, написав предварительно на заглавном листе собственноручно следующие слова: „Моему юному другу на память от автора“». «Этот экземпляр „Ундины“, — завершает Ф. Тимирязев свои воспоминания об упомянутом эпизоде, — по сие время хранится как драгоценное воспоминание о нашем незабвенном поэте»⁶⁸.

Еще более широкий круг читателей ознакомился с «Ундиной» и смог оценить этот шедевр Жуковского благодаря вышедшей в сентябре 1843 г. IX книжке «Отечественных записок»: она содержала вторую

⁶⁶ Тургенев И. С. Указ. соч. Т. VI. С. 393.

⁶⁷ Тургенев И. С. Указ. соч. Письма. Т. XI. С. 30.

⁶⁸ Тимирязев Ф. Страницы прошлого // Русский архив. 1884. Кн. 1. С. 320—321.

статью Белинского из цикла его статей «Сочинения Александра Пушкина». В ней наряду с другими проблемами Белинский рассматривал значение европейского романтизма и великое историческое значение для русской поэзии вообще творчества Жуковского, который, считал Белинский, «одухотворив русскую поэзию романтическими элементами, сделал ее доступной для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина»⁶⁹.

Рассматривая подробно творчество Жуковского, Белинский отмечает «Ундину» как «одно из самых романтических его произведений»⁷⁰. Вслед за Плетневым «Ундину» Фуке он называет обыкновенной сказкой, которая в стихах Жуковского «явилась прекрасным поэтическим созданием. Основная мысль ее — олицетворение стихийной силы природы». Особенно Белинский обращает внимание на слияние буднично-реального мира с миром чудесного. «Нельзя довольно удивиться, — пишет Белинский, — как искусно наш поэт умел слить фантастический мир с действительным миром и сколько заповедных тайн сердца умел он разоблачить и высказать в таком сказочном произведении»⁷¹. «Ундина» — произведение, овеянное тихой скорбью, светлой печалью. «По красоте поэтическим „Ундина“ есть такое создание, которое требовало бы подробного разбора, — писал Белинский, — и потому мы ограничимся указанием на одно из самых романтических мест этой поэмы»⁷². Белинский приводит полностью первые 16 строк из 16-й главы «Ундины» «О том, что после случилось с рыцарем»:

⁶⁹ Белинский В. Г. Указ. соч. Т. VII. С. 221.

⁷⁰ Там же. С. 199—200.

⁷¹ Там же. С. 199.

⁷² Там же. С. 199—200.

Как нам, читатель, сказать: к сожаленью иль
к счастью, что наше
Горе земное не надолго?..

К слову Белинского прислушивались все прогрессивно настроенные молодые, а иногда уже и не молодые люди России, «Отечественные записки» выписывали в разных, самых отдаленных губерниях России. То, что Белинский в годы угасания романтизма и засылка поэтов — эпигонов этого литературного течения, отдал должное «самому романтическому произведению Жуковского» — «Ундине», — еще более утвердило ее как нечто бесспорно прекрасное.

«Ундина», как произведение позднего творчества Жуковского, не осталась вне влияния новых поисков русской литературы ни в области эпического жанра, ни подхода к человеку и окружающему его миру. «Оттого, — отмечал Белинский, — ее романтизм как-то сговорчивее и делает более уступок рассудку и действительности»⁷³.

Поразительно, что Гоголь, отнюдь не разделявший в эти годы взглядов Белинского, тоже отмечал, что «Ундина» отличается по своей тональности от предшествующих произведений Жуковского. «В последнее время в Жуковском стал замечаться перелом поэтического направления... Самая задумчивость уступила место светлости душевной. Плодом этого, — развивал далее свою мысль Гоголь, — была «Ундина», творение, принадлежащее вполне Жуковскому... Полный создатель светлости этого поэтического созданья Жуковский. С этих пор он добыл какой-то прозрачный язык... Даже прежняя воздушная неопределенность стиха его исчезла: стих его стал крепче и тверже; все приуготов-

⁷³ Там же. С. 200.

лялось в нем на то, дабы обратить его к передаче совершеннейшего поэтического произведения („Одиссеи“)»⁷⁴ Итак, движение к эпичности поэтического повествования у Жуковского было замечено современниками: выдающимся критиком и гениальным писателем.

В годы господства натуральной школы критика, естественно, уже не интересуется «Ундиной», ее романтически-философской проблематикой. Тем не менее «старинная повесть» Жуковского сохраняет своего читателя, преимущественно подростков и юношество, что видно из ряда высказываний русских композиторов. Не случайно в 1875 г. «Ундина» выходит в серии «Русская библиотека» как учебное издание⁷⁵, а в XX в.— в издании «Копейка»⁷⁶. «Старинная повесть» Жуковского сохраняется в репертуаре повседневного домашнего чтения, становится частью повседневного детского мира всякой читающей семьи — как бы элементом культуры быта.

Со смертью Жуковского после торжественных и прочувствованных некрологов «Ундиной» начинает заниматься академическая наука. Выходят статья С. И. Шевырева⁷⁷, серия статей А. Д. Галахова⁷⁸ в

⁷⁴ Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. VIII. С. 378—379.

⁷⁵ Жуковский В. А. Ундина // Русская библиотека/Изд. М. Стасюлевичем. Вып. IV. СПб., 1875. 75 к.

⁷⁶ Жуковский В. А. Ундина в изд. «Копейка» // Избр. соч.: В 2 т. Пг., 1916.

⁷⁷ Шевырев С. Русская словесность: О значении Жуковского в русской жизни и поэзии. Речь, произнесенная в торжеств. собр. имп. Моск. ун-та 12.I.1853.

⁷⁸ Галахов А. Д. Серия статей о Жуковском // Отечественные записки. 1852. № 11; 1853. № 6. Что касается сочинений П. А. Плетнева (СПб., 1885), то они содержат перепечатанную статью об «Ундине» от 1837 г.

«Отечественных записках», ни один серьезный курс русской литературы XIX в. не обходится без анализа творчества Жуковского-романтика. Почти всегда попутно говорится и об «Ундине», но ничего более глубокого и нового, чем было сказано о ней Плетневым и Белинским, мы не встретим в этих статьях и книгах. «Ундина» живет «тихо», но неуклонно среди читателей, а новые перспективы открываются перед ней в другой сфере искусства — в музыке. «Ундина» переходит в мир более условный, живущий еще романтическим и чисто лирическим содержанием, — в мир оперного искусства.

В 1848 г. на сцене русской оперы в Петербурге появляется «Ундина», опера А. Ф. Львова, директора придворной капеллы, автора мелодии императорского гимна «Боже, царя храни» на слова Жуковского и одновременно полковника и флигель-адъютанта Бенкендорфа. В своих «Записках» А. Львов пишет, что в 1844 г. он принялся за вторую оперу «Ундина»*. «Либретто, — сообщает он, — написал мне граф Влад. Соллогуб»⁷⁹. Публика очень холодно приняла «Ундину», хотя увертюра к этой опере, заново оркестрованная Балакиревым, считается лучшим сочинением Львова⁸⁰. Сохранился экземпляр этой увертюры с дарственной надписью Д. В. Стасову: «Дорогому Дмитрию Васильевичу на добрую память об авторе и инструментаторе увертюры. 11 февраля 1902 г. М. Балакирев». Возобновленная в 1860 г. в Мариинском театре опера опять

* Таким образом, указанная А. Гозенпудом дата создания Львовым «Ундины» — 1842 г. — не точная. См.: Оперный словарь. М., Л., 1965.

⁷⁹ Русский архив. 1884. Кн. 3. С. 79.

⁸⁰ Ouverture de l'opéra Undine/Composée par Alekxis Lvoff; Instrumentée par M. Balakireff. Leipzig; St. Petersburg; Moscou, London, S. a.

успеха не имела. В 1863 г. вышло отдельное издание либретто «Ундины», в заглавии которого подчеркивалась связь оперы с «Ундиной» Жуковского⁸¹. Но еще ранее Влад. Соллогуб опубликовал в собрании своих сочинений пьесу «Ундина», написанную в стихах, преимущественно хореем, под заглавием: «Ундина. Опера в 3-х действиях»⁸².

Соллогуб не ссылается на Жуковского, хотя текст в его сочинениях значительно точнее сохраняет сюжет поэта. Писатель, по своим связям близкий к семейству Карамзиных, встречавшийся с Пушкиным, Жуковским, Гоголем, он, по всей вероятности, не считал либретто, «Ундины», особенно вариант 1848 г. шедевром, и ни в «Воспоминаниях», подробно характеризуя А. Ф. Львова, ни в своих сочинениях даже не упомянул о своей причастности к созданию оперы, ни словом не обмолвился об «Ундине» Жуковского.

Скорее всего, текст «Ундины», опубликованный в сочинениях Соллогуба, был создан в 1842 г., но подвергся исключительно «жесткой» переработке во имя чисто оперных эффектов, привычных публике тех лет. Но в обоих вариантах Соллогуб проявил завидное непонимание самого существенного в содержании «Ундины» и характера самой героини: Ундина не добровольно пришла к людям, посланная водными стихиями (родителями), «чтобы обрести бессмертную душу», а сама соблазнилась земной любовью и — это

⁸¹ Ундина: Опера в 3-х действиях (сюжет заимствован из поэмы Жуковского)/Музыка А. Ф. Львова. СПб., 1863. Имени автора либретто на титульном листе нет.

⁸² Соллогуб В. А. Ундина: Опера в трех действиях/Музыка А. Ф. Львова // Сочинения. СПб., 1856. Т. IV,

подчеркнуто в либретто,— как «хитрая наяда», завлекла рыцаря. Старец Водопад, отец Ундины, вытеснил из текста Струя. У Соллогуба стихии враждебны союзу людей и водяных духов, Ундина страшится земной любви, и Водопад соответственно поет:

Милый друг, тебе известно,
Что ты дочь лазурных вод.
Знай же... страсти бестелесной
Смертный сердцем не поймет⁸³.

Слова, давшие возможность для самых причудливых толкований на грани XIX—XX вв. о взаимоотношениях Ундины и рыцаря. Любопытно отметить, что в оперной трактовке именно человек смертен, его бессмертная душа несущественна, а бессмертны как раз духи, вопреки тексту Жуковского.

Ундина, «хитрая наяда»,— резвое существо, распеваящее беспечно арию:

Водопад мой дядя,
Ручеек мой брат⁸⁴.

(хотя Водопад как персонаж назван отцом Ундины)

Не дружись, Ундина,
С хитрыми людьми,
Смерть у них, Ундина,
И огонь в крови!
Берегись, Ундина,
Берегись любви.

В тексте «Сочинений» В. А. Соллогуба ария Ундины содержала строки, близкие в известной мере мисти-

⁸³ Ундина. С. 32.

⁸⁴ Там же. С. 82—83.

ческим идеям немецких натурфилософов, привлёкшие к себе внимание Жуковского:

Я бедная Ундина,
Не от людей я рождена;
Но душу я любовью
С тобой найти должна ⁸⁵.

Объятия рыцаря зажигают «огонь» любви в груди Ундины, и она ощущает свою душу и ее связь с мировой душой без таинства венчания, столь важного для Парацельса и Жуковского.

Ах!
О счастье!.. миг блаженный,
Душа во мне кипит;
Душа, душа с вселенной
Восторгом говорит;
Я сердце понимаю,
Я жить хочу любя,
Я радуюсь, страдаю,
Я чувствую себя ⁸⁶.

Одного чувства без таинства брака в отличие от Жуковского оказывалось достаточным, чтобы Ундина обрела душу.

В опере подземные духи открывают Водопаду, что Ундина и рыцарь могут быть счастливы только «между братьев бестелесных». Выразительна для оперы тех лет заключительная картина: Ольбранд и Ундина поют:

Счастье солнцем воссияло,
Радость светлым днем;
Все земное прахом стало,
В вечность перейдем ⁸⁷.

⁸⁵ *Соллоуб В. А.* Указ. соч. С. 251—252.

⁸⁶ Там же. С. 257.

⁸⁷ Ундина. С. 62.

Ольбранд падает из объятий Ундины мертвым у розового куста. Апофеоз стихий: наяды, nereиды, тритоны, дельфины образуют живописные группы. Рыцарь и Ундина в светлых одеждах, украшены фантастическими цветами моря; рыцарь на коленях перед Ундиной. Водопад благословляет их на вечное счастье. Последняя ремарка: «Все дышит радостью, весельем, счастьем». Занавес. Как далеко это от той грусти, которая овеивает последние главы «Ундины» в переводе Жуковского.

Если на сцене Ундина спокойно выполняет закон водяных духов, карающих за любовную измену смертью, то в пьесе Соллогуба она все же страдает, «уплакивая» рыцаря. И в горести она поет Гульбранду:

Твой милый прах
Я не покину,
Я с ним в слезах
Солью Ундину,
Твою Ундину,
В слезах, в слезах,
В слезах!⁸⁸

По окончании арии Ундина исчезает в кустах, вместо нее брызжет фонтан. Сцена завершается гимном хора:

Свершилось чудное, а нам
Смириться должно перед небом,
Внимать его священной воле,
И прославлять его дела⁸⁹.

Примечательно, что рыцарь и на сцене, и в пьесе Соллогуба умирает у розового куста: писатель, вероят-

⁸⁸ Там же. С. 291.

⁸⁹ Там же. С. 292.

но, видел в этом символ романтической любви и ее гибельную власть над человеком.

Настают годы, когда «Ундина» привлекает к себе внимание выдающихся русских композиторов. А. Н. Серов задумывает, как сообщает К. И. Званцов, дебютировать оперой «Ундина»⁹⁰. «Он (Серов.— *Е. Л.*) и его мать Анна Карловна,— пишет музыкальный критик и либреттист К. И. Званцов,— до страсти любили это произведение („Унди́ну“.— *Е. Л.*). Я до сих пор убежден, что Жуковский во всю жизнь не написал ничего лучшего: перед „Ундиной“ бледнеют все его так называемые переводы». Нам было известно «по рецензии Карла Марии Вебера, что опера фантаста Гофмана... была превосходна; нам было известно, что представленная некогда на Петербургской сцене „Ундина“ Львова никуда не годилась; вот мы и затеяли свою „Унди́ну“»⁹¹.

Для Серова прежде всего характерно глубокое понимание текста Жуковского и желание воссоздать его на сцене с возможно предельной близостью. Все, бывшее до отъезда рыцаря с Ундиной, должно было войти в пролог. Первое действие происходило уже в Имперском городе. Второе и третье — в замке Рингштеттен. Появился у Серова и паптер Лаврентий, и Струй. В первом действии была и сцена в Черной долине, примирение Ундины с рыцарем. Плаванье по Дунаю и исчезновение Ундины в его волнах. Действие третье должно было начаться вещим сном рыцаря, затем женитьба рыцаря на Бертальде, по приказанию которой отваливают камень с колодца. Появление Ундины,

⁹⁰ Званцов К. И. Александр Николаевич Серов в 1857—1871 гг.: Воспоминания о нем и его письма // Русская старина. 1888. Авг. С. 371.

⁹¹ Там же.

смерть рыцаря и его погребение завершали оперу. Но это был только сжатый план сюжета ⁹².

Сохранились лишь отдельные наброски. Каждый стих Жуковского — строка гекзаметра — разбивался на две строчки цезурой. Так, например,

В душевной долине волна
Печально трепещет и бьется.
Влившись в море, она
Из моря назад не полетится.

Званцов пишет, что он дал обещание себе и Серову составить все либретто только из стихов Жуковского, связывая и прерывая их, где было бы необходимо, своими собственными, но самыми незаметными ⁹³. Однако намерения Серова остались из-за его нетерпеливого характера и стремления скорей добиться успеха «только благими намерениями» ⁹⁴.

В 1868 г. П. И. Чайковский решает написать оперу на сюжет «Ундины» Жуковского. Как свидетельствует видный музыкальный критик Н. Д. Кашкин, современник, бывший в курсе личных замыслов композитора, Чайковский нашел это либретто гр. Соллогуба в смирдинском издании его «Сочинений» ⁹⁵, следовательно, он создавал музыку к менее пошлой редакции, чем давало сценическое либретто «Ундины» Львова. Чайковский видел перед собою кроткую, любящую Ундину.

В феврале 1868 г. в письме к А. И. Чайковскому композитор упоминает, что спешит закончить оперу «Воевода», так как у него «уже имеется в виду другое

⁹² Там же. С. 372.

⁹³ Там же. С. 378.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Кашкин Н. Д. Воспоминания о П. И. Чайковском. М., 1954. С. 35.

либретто»⁹⁶. Впервые непосредственно о работе над новой оперой он сообщает тоже А. И. Чайковскому, однако не говорит о ее сюжете, желая «до некоторого времени оставить в тайне» эту работу, чтобы удивить всех летом, и что он «уже навалял пол-оперы»⁹⁷. В феврале того же года Чайковский открывает брату, что он «с большим жаром» принялся за «Ундицу»⁹⁸. Его «пленяет сюжет ужасно», все свободное время он посвящает опере. К середине апреля композитор завершает вчерне «Ундицу» и начинает «инструментовку первого действия». «Своей оперой,— радуется Чайковский,— на этот раз я очень доволен и работаю с увлечением»⁹⁹. Композитор хотел, чтобы опера пошла в Петербурге, так как о Большом театре в Москве не могло быть и речи: дирекция и публика были охвачены италияноманией.

С. А. Гедеев, директор императорских театров, обещал Чайковскому поставить оперу в ноябре 1869 г., если композитор пришлет партитуру к сентябрю. Чайковский выполнил это условие, а вот Гедеев своего обещания не сдержал. «Вчера,— писал композитор 18 ноября 1869 г. А. И. Чайковскому,— я получил грустное известие из Петербурга: опера моя в нынешнем сезоне не может идти...»¹⁰⁰ Чайковский был в затруднительном положении, да и «в нравственном же отношении оно (это известие.— Е. Л.) подействовало на меня тоже очень скверно... Представь себе, что в Петербургской дирекции только неделю тому назад

⁹⁶ Музыкальное наследие Чайковского: Из истории его произведений. М., 1958. С. 18.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 20.

узнали, что моя опера там лежит уже три с половиной месяца», — завершал он с горечью речь о своей «Ундине»¹⁰¹.

Отрывки из оперы «Ундина» — интродукция, ария Ундины и финал из 1-го действия (хор поселян и дуэт Ундины и Гульбранда) были исполнены 10 марта 1870 г. в Большом театре.

Исполнение этих отрывков расценивалось как событие в музыкальном мире. В газете «Московские ведомости» в музыкальном фельетоне от 15 марта 1870 г. сообщалось, что ожидается исполнение отрывков «из новой оперы П. И. Чайковского „Ундина“, которая приобрела лестную известность в музыкальном мире прежде, чем поставлена на сцену»¹⁰².

Однако «Ундина» не была поставлена ни в этом, ни в следующем сезоне, и Цезарь Кюи с удивлением писал в «С.-Петербургских ведомостях»: «„Ундина“... забракowana, представлена не будет, и мотивами неодобрения послужили, как я слышал, якобы ультра-современное направление музыки, небрежная оркестровка, отсутствие мелодичности. Признаюсь, все это меня немало поражает»¹⁰³.

В 1878 г. Чайковский рассказывал Н. Ф. фон Мекк о истории творческого замысла своей оперы: «Роясь в библиотеке сестры, я попал на „Ундину“ Жуковского и перечел эту сказку, которую ужасно любил в детстве. Нужно Вам сказать, — продолжал Чайковский, — что в 1869 г. я уже написал на этот сюжет оперу и представил ее в дирекцию театров. Дирекция *забраковала* ее. Тогда мне это показалось очень обидно и несправедливо, но впоследствии я разочаровался в

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

своей опере и очень радовался, что ей не удалось попасть на казенные подмостки. Года три тому назад я сжег партитуру»¹⁰⁴. Свой взгляд на либретто Соллогуба композитор высказал в письме к А. И. Чайковскому: «„Ундина“, — писал он 23 апреля 1870 г., — хоть и грубо скроенное либретто, но так как она подходила под склад моих симпатий, то дело и шло очень скоро»¹⁰⁵. Опера одно время затерялась в дирекции театров, но затем была найдена, так как, говоря словами Чайковского, она была ему «крайне нужна». Как опера «Ундина» не состоялась, но фрагменты ее были использованы в музыке к «Снегурочке». На мелодию арии Ундины из 1-го действия «Водопад мой дядя» композитор положил арию Леля «Земляничка-ягодка». «Марш из „Ундины“, вошедший по свидетельству Кашкина во вторую часть «Второй симфонии» (*Andantino marciale, quasi moderato, Es-dur*), представлял собою в опере свадебное шествие Бертальды и Гульбранда из 3-го действия. Тема дуэта Ундины и Гульбранда, послужившая, как пишет Кашкин, для одного *Adagio* в балете «Лебединое озеро», вошла в пятый танец лебедей из 2-го действия (*Andante non troppo, Ges-dur, эпизод più mosso*)¹⁰⁶.

Сюжет «Ундины» глубоко взволновал композитора, его лирико-романтический характер был близок Чайковскому, и он позже, в 1878 г., намеревался написать новую оперу. Некоторые отрывки из «Ундины» 1870 г. сохранились в рукописных копиях, а также имеется автограф — наброски финала 3-го действия (из сцены смерти Гульбранда)¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Там же. С. 21.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Кашкин Н. Д. Указ. соч. С. 87, 207.

¹⁰⁷ Там же. С. 207.

«Я опять начинаю увлекаться этим сюжетом и поручил брату Модесту составить мне сценариум»,— писал композитор 30 апреля 1878 г. Н. Ф. фон Мекк¹⁰³. В мае того же года он пишет А. И. Чайковскому, что «засадил» Модеста за либретто для оперы «Ундина» Жуковского¹⁰⁹. Но мысль написать оперу на сюжет трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» отвлекает его от «Ундины», и в сравнении с Шекспиром, говорил Чайковский, Ундина, Бертальда, Гульбранд кажутся величайшим ребячеством и вздором¹¹⁰. В 1886 г. композитор снова возвращается к мысли об «Ундине» Жуковского: в дирекции императорских театров И. А. Всеволожский и Петипа предложили ему написать музыку к балету «Ундина». Чайковский увлекся этим замыслом и решил сразу же после окончания оперы «Чародейка» приняться за «Унди́ну». Либретто должен был написать М. И. Чайковский. Однако разные недомогания помешали композитору сразу же писать музыку к балету, и он попросил И. А. Всеволожского отсрочить постановку. «Речь идет не только о том,— писал композитор,— чтобы состряпать как-нибудь обыкновенную балетную музыку; я имею дерзость замыслить жанровый шедевр, а для этого мне нужно, главным образом, время...» «Ундина,— отвечал И. А. Всеволожский,— не должна быть мимолетным явлением, она должна жить, как Жизель, Коппелия, остаться в репертуаре и очаровывать наших внуков, как чаровала нас»¹¹¹. Модест Чайковский писал либретто для «Ундины», отвлекаясь для других замыслов. Составленный им «сценариум» балета не одобрили ни Петипа, ни сам

¹⁰⁸ Музыкальное наследие Чайковского. С. 128.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. С. 186.

П. И. Чайковский¹¹². Замысел так и остался замыслом, хотя уже в газетах писали о намерении композитора сочинить музыку для балета «Ундина», что невероятно раздражало П. И. Чайковского¹¹³.

Приближался конец века: исподволь зарождался символизм. В числе своих великих учителей символисты называли и Жуковского. Его романтическое мировосприятие, отношение к поэзии, слову, своим героям снова становилось близким, творчески необходимым. Характерно, что в 1893 г. и С. Рахманинов обращается к мысли написать оперу «Ундина»; М. И. Чайковский берется составить ему либретто¹¹⁴. Попутно он предлагает свой «сценариум» и Петру Ильичу. Однако Чайковский отказывается; мотивировка его исключительно интересна: она позволяет понять его восприятие «Ундины» как произведения пленительно-поэтического, интимно-лирического, которое в дальнейшем будет свойственно Блоку и Цветаевой.

Отказываясь еще раз сочинять музыку для оперы «Ундина», П. Чайковский писал брату: «Хоть очень печально,— но должен разочаровать тебя. Либретто распланировано великолепно... поэзия, сколько возможно, сохранена, многое... тоже очень эффектно! И все-таки я не могу написать „Ундины“. Причин несколько. Во-первых... многое из того, что особенно пленяет меня в поэме, не вошло в него (текст либретто.— Е. Л.): например, поездка в *фуре*, забивание *колодца*¹¹⁵ и другие подробности.., а то что вошло в иных местах вследствие необходимости сценической,

¹¹² Музыкальное наследие Чайковского, С. 187.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С. 128.

¹¹⁵ Вспомним, что и Серова пленяли события в Черной долине, снятие камня с колодца и сцена погребения.

перестало быть в полной мере поэтическим. Например, сцена, когда она его *уплакивает*, для меня невозможна иначе, как в спальне, у постели наедине. Вся прелесть пропала от того, что у тебя это при всех, на площади. Оно, может быть, эффектно, — но уж меня больше не пленяет. А разве можно поместить в сценарии то, что в последний раз, когда я читал „Ундину“, заставило меня плакать особенно? Я говорю о том, как при погребении рыцаря она обратилась в ручеек и обвинила собою могилу, чтобы никогда не расставаться с дорогим прахом. Одним словом, я хочу сказать, что, несмотря на твое искусство, *Ундина*, т. е. та, которая меня восхищает и трогает, *невозможна на сцене*. А что касается условной, оперной, более или менее опрозаиченной *Ундины*, то ведь одну оперу на этот сюжет я уже написал»¹¹⁶.

Чайковский переслал сценарий С. Рахманинову, но и Рахманинов не написал оперы «Ундина». Последним из выдающихся русских композиторов сочинял музыку для оперы «Ундина» С. Прокофьев, который предъявил часть ее партитуры на экзамене в 1904 г., когда 13-летним подростком поступал в Петербургскую консерваторию. Композитор в «Автобиографии» подробно рассказывает, как зародилась у него мысль писать «Ундину» и что из этого вышло»¹¹⁷. По приезде в Петербург мать часто водила юного композитора в оперу, там они познакомились с поэтессой и переводчицей М. Г. Веселковой-Кильштетт, переведшей «Русских женщин» Некрасова на французский язык, которая, заметив, что мальчик ищет сюжет для оперы, предложила для него написать либретто «Ундины». Прокофьев читал Жуковского, а Кильштетт начала писать либретто по

¹¹⁶ Музыкальное наследие Чайковского. С. 128—129.

¹¹⁷ Прокофьев С. Автобиография. М., 1973.

Фуке. Для хода сюжета — это несущественно, но, однако, важно, что Прокофьев был под впечатлением облика русской «Ундины», и это сказалось в музыке целого ряда сцен, особенно в заключении. Опера писалась с 1904 по 1907 г. Сначала, прочитав Жуковско-го, юный композитор составил план всей оперы из 5 актов и 10 картин. Но требовались сокращения, он с горечью писал отцу осенью, что остановились на 5-ти действиях и 6-ти картинах и поэтому опера «более удалена от действительности», т. е. от замысла и текста Жуковского ¹¹⁸.

С музыкой «Ундины» были знакомы Глиэр, Римский-Корсаков, Лядов, Глазунов, Танеев, которому особенно понравился балет струек в первом действии; он был оркестрирован одними духовыми инструментами ¹¹⁹. Показательно для будущего стиля зрелого Прокофьева.

Кильштетт медлила с либретто, и написание оперы затянулось до 1907 г. В этом Прокофьев видел «порочность» творческого процесса, так как музыка тринадцатилетнего мальчика не удовлетворяла 16-летнего юношу ни профессионально, ни эмоционально. В 1906 г., не закончив 2-го акта, он взялся за 4-й, начиная со сцены в лодке. Конец оперы был дан в спальне, где тоскующий Гульбранд томится с Бертальдой. Появляется Ундина и убаюкивает его до смерти.

Патер восклицает: «Ундина, ты?»

Ундина: Да, я пришла, Гульбранда укачала.

Душа его чиста от зла, как в день блаженного начала.

Два тихих аккорда завершали оперу ¹²⁰.

¹¹⁸ Там же. С. 176.

¹¹⁹ Там же. С. 242.

¹²⁰ Там же. С. 177.

Так же, как и Чайковского, Прокофьева отталкивала всякая помпезность в решении этой сцены. Лиризм, интимность, тишина и торжественность смерти — вот как ощущал он конец «Ундины». Мечтал Прокофьев поставить «Ундину» на ученическом спектакле в консерватории, но замысел этот не осуществился.

Из клавира «Ундины» сохранилось 109 страниц с авторской датировкой: 3-й акт, 1-я картина — «Двор замка с колодцем» (1907), 3-й акт, 2-я картина — «Лодка на Дунае», 4-й акт — «Зала замка Рингштеттен» (1907)¹²¹.

Итак, после провала А. Львова на сцене оперного театра в Петербурге опера «Ундина» в России больше не ставилась. В то же время всю вторую половину XIX в. и в начале XX в. на Западе шла «Ундина» немецкого композитора А. Лортцинга (1801—1851), а именно ее вторая редакция 1847 г., поставленная сначала в Вене, а затем исполняемая с успехом и в других театрах Германии и Европы.

В 1885 г. либретто этой «Ундины» перевел Г. С. Вальяно¹²². Сюжет «Ундины» Лортцинга сохранил лишь основные опорные точки сюжета Фуке (свадьба, роковая тайна, отвергнутая, сон у колодца, незванная гостья на пиру) и, кроме того, включал мщение Кюлеборна. Ввел Лортцинг и комические бытовые персонажи — кравчего и повара Фейта, а также оруженосца Ганса, обменивающихся шуточками в духе

¹²¹ Там же. Примеч. к с. 177.

¹²² Лортцинг А. Ундина: Фантастическая опера в 4 действиях и 6 картинах/Пер. с нем. Г. С. Вальяно; с соблюдением многих стихов из произведений В. А. Жуковского. Надпись цензуры: К представлению дозволено 5-го апреля 1885 г. Русский цензурный фонд театральной библиотеки в Ленинграде, № 76513.

комических персонажей Шекспира. Помимо всего, исключительно пышная свита герцога, неоднократное появление духов создавали типично оперные эффекты. Конец резко отличался от «Ундины» Фуке: она являлась на пышной свадьбе своего бывшего супруга рыцаря Гуго с Бертальдой и убивала его прикосновением руки. Буря, насланная в отмщение Кюлеборном, разрушала замок. Гуго и Ундина исчезали.

В последней картине предстал подводный хрустальный дворец и стоящий на возвышении Кюлеборн, у ног его Ундина и Гуго. Кюлеборн прощал Гуго во имя любви Ундины, восклицая:

Судите же, имеющие душу,
Жестоко ли бездушных мщение.

Завершал оперу хор:

Не заботясь ни о чем,
В мирном счастье мы живем.

Популярность «Ундины» Жуковского была так велика, что переводчик включил многие стихи Жуковского, то приводя их точно, то давая очень близкий к ним текст. На фоне сюжета «Ундины» Лортцинга это выглядит довольно забавно, но таково было влияние текста русской «Ундины», что он был необходим переводчику.

В 1892 г. появляется опять опера Лортцинга в переводе Г. А. Арбенина, только без стихов Жуковского. Рукопись Арбенина полностью списана с текста Вальяно. И на него тоже было получено разрешение цензуры ¹²³.

¹²³ Ундина: Фантастическая опера в 4 действиях и 6 картинах/Пер. с нем. Г. А. Арбенина; Музыка Альберта Лортцинга. К представлению дозволено 6 апреля 1892 г. Русский цензурный фонд театральной библиотеки в Ленинграде, № 35515.

В 1898 г. появляется анонимная переработка «Ундины» Жуковского, но уже предназначенная для драматической сцены¹²⁴, тоже получившая одобрение цензора драматических театров.

Эта переделка представляла собой контаминацию мотивов из А. Лортцинга с «Ундиной» Жуковского. Ничего принципиально нового в ней не было, чего нельзя сказать о пьесе П. А. Висковатого «Ундина»¹²⁵. Висковатов (иначе Висковатый /1842—1905/ — историк литературы и автор либретто к «Демону») состоял в переписке с Зейдлицем и написал предисловие к его книге о Жуковском.

Эпиграфом к своей драме Висковатый поставил строки Жуковского. Посвящает Висковатый драму памяти В. А. Жуковского и памяти графа А. К. Толстого («дорогого мне человека»).

В предисловии изложена концепция автора. «Меня всегда поражало,— пишет Висковатый,— драматическое положение Ундины... „дитя природы“... внезапно переносится в сложные условия общественного быта людей». У Висковатого Ундина не просто приобрела бессмертную душу, но сознательно восприняла христианское учение, «видя в нем основы и суть души»¹²⁶.

После брака с рыцарем она превращается в какого-то мудрого проповедника принципов раннего христианства. Она даже вступает в богословский спор с

¹²⁴ Ундина: Феерия в 3 действиях, 7 картинах. Переделана из старинной повести В. Жуковского с сохранением его стихов. Русский цензурный фонд театральной библиотеки в Ленинграде, № 49330.

¹²⁵ Висковатый П. А. Ундина: Драма в 5 действиях и 8 картинах. Русский цензурный фонд театральной библиотеки в Ленинграде, № 17121. К представлению дозволено. СПб., 5 июля 1901 г.

¹²⁶ Там же. Л. III.

патером Лаврентием, который требует, чтобы Бергальда удалась из замка Рингштеттен.

Ундина: Нет, не годится так... Не по завету,
Отец, ты, Божий человек, ты, пастырь,
Учитель, духовник, — а говоришь,
Как мой бездушный дядя! — Где душа в вас?
Расходится у вас со словом дело,
По-вашему я поступать не буду¹²⁷.

Ундина Висковатого любит землю, весь «пестрый мир», а больше всего человека, но она чувствует себя теперь чужой и в прежнем мире, и среди людей, нарушающих божьи законы. Эти мысли она «излагает» в 30 строках своих философских размышлений о душе. Рыцарь у Висковатого тщеславный, раздражаемый противоречивыми чувствами человек, жаждущий пиров, веселья, «женщины, а не русалки». В день свадьбы он хотя и вспоминает порой Ундину, но не тоскует по ней и не исполнен грустных предчувствий, как у Жуковского. Струй хочет убить Гульбранда за измену, но Ундина мужественно решается сама свершить грозный суд над Гульбрандом.

Я знаю наш закон. Я знаю: ожидает
Гульбранда смерть...

У Висковатого измена Гульбранда лишает Ундину души, «он (рыцарь.— *Е. Л.*) воспарит на небеса», а «она хрустальной струей разольется, уплакав его»¹²⁸.

Висковатый рассказывает, что не раз говорил с А. К. Толстым о драматизме «Ундины» и указывал писателю на этот сюжет. Приносил он А. К. Толстому и план своей драмы. Так что, возможно, А. К. Толсто-

¹²⁷ Там же. Л. 49.

¹²⁸ Там же. Л. 67.

му не чужда была такая трактовка, потому что Висковатый не упоминает о каких-либо возражениях с его стороны ¹²⁹.

Пьеса, как видно по карандашным пометам, рассматривалась режиссером, но все же поставлена не была. В 1917 г. вторично в электропечати Я. Кравицкого вышла «Ундина» Висковатого, только без предисловия. Это издание тоже получило разрешение цензора на постановку в ноябре 1917 г. ¹³⁰

Как и в редакции 1901 г., пьеса завершалась упреками патера Лаврентия Бертальде, которая нарушила волю господню:

Ты разлучила,
Ты душу сгубила,
Бог покарал! ¹³¹

В обеих редакциях философский спор Струя и патера Лаврентия о добре и зле, о превосходстве мира стихий и природы или мира человека, живущего по данному Богом закону. Ундина — христианка, мыслящая, мыслящий атеист Струй и защитник догм религии Лаврентий — такая расстановка персонажей была в духе религиозных исканий, охвативших определенные круги русского общества начала века: именно эти искания и наложили свой отпечаток на драму Висковатого.

Если у Висковатого мы видели Ундиноу-интеллектуала, то в 1909 г. в пьесе Елизаветы Гармер «Унди-

¹²⁹ Там же. Л. IV.

¹³⁰ Висковатый П. А. Ундина: Драма в 5 действиях, 8 картинах. Русский цензурный фонд театральной библиотеки в Ленинграде, № 19381.

¹³¹ Там же. Л. 67.

на»¹³² развитие сюжета и сама Ундина уже идут под знаком декаданса. Здесь борение страстей: платонической у Ундины, земной у рыцаря, а сверх всего безумное вожделение Струя к Ундине. Брак рыцаря и Ундины платонический. Религиозность Ундины, страсти Струя сопровождаются желанием Ундины «служить» людям: ее тревожит, почему вопреки учению Христа есть богатые и бедные. Автор разумно отметил, что его сюжет заимствован лишь «отчасти», давая интерпретацию более чем далекую и от Фуке, и от Жуковского.

Ундина согласна, чтобы рыцарь был мужем Бертаальды, а ей лишь братом. Ундина у Гармер убивает не рыцаря, а любовь рыцаря к ней, благословляет его на счастливый брак с Бертаальдой, и даже Струй, твердивший ранее:

Ундина! милая, тоскою
Себя напрасно не губи.
О, сжался лучше надо мною,—
Меня, Ундина, полюби!¹³³—

проникается великой самоотверженностью Ундины, преодолевает свою земную «жадную» страсть и вместе с Ундиной устремляется на снежные вершины. Ундина молится:

Благодарение судьбе
За все, что мне она послала:

¹³² *Гармер Е.* Ундина: Фантазия в 5 действиях. Разрешено к представлению. СПб., 21 июля 1909 г. Русский цензурный фонд театральной библиотеки в Ленинграде, № 391422. Машинопись не пропумерована.

¹³³ *Гармер Е.* Указ, соч. Действие 5, картина 6.

Живого Бога я познала,
Я душу чувствую в себе ¹³⁴.

Струй тоже познает Бога, мысли и чувства его очищаются. Ундина для него святыня, он готов разделить ее тернистый путь. Пьеса-фантазия заканчивается ремаркой:

«Взявшись за руки, они медленно идут по сцене в ореоле сияния, вдохновенно устремивши взор вперед».

Ни одно из этих произведений поставлено не было.

Серьезное и глубокое восприятие «Ундина» находит у Александра Блока и Марины Цветаевой.

В статье «О реалистах», в последнем ее разделе, посвященном «Мелкому бесу» Соллогуба, Блок задумывается о состоянии души современного человека и видит в ней два полюса: «Недотыкомку» — низкое, грязное и тупое, и высокое, которое он воплощает в облике Ундины. Человек ищет, а пока он ищет, ему свойственны взлеты и падения.

«...С одной стороны,— пишет Блок — дурак Передонов устроил пожар уездного клуба, а с другой — Недотыкомка зажгла перед дураком Передоновым мировой костер».

«Кто же эта Недотыкомка? Мечта или действительность? — задумывается Блок.— В романтической „Ундине“ рыцарь все ищет вечную женственность, а она все рассыпается перед ним водяной струйкой в серебристых струйках потока. Когда же умер и был похоронен рыцарь, зеленый могильный холм его обтекла эта серебристая водяная струйка. И это была милая, верная сердцем до гроба — Ундина»¹³⁵. «И бывает,— продолжает поэт свою мысль,— что погаснет фонарь светлого сердца у такого ищущего человека, и „веч-

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 128.

ная жепственность“, которой искал он, обратится в дымную синеватую Недотыкомку. Так бывает, и это бесполезно скрывать... Пусть скажут, что мои слова *кощунственны*». Блок признает кощунственность таких сопоставлений, но человек должен «пытать естество»¹³⁶. Эта мысль о противоречивости души, об изменчивости облика идеала, о вечном движении дум, чувств постоянно присутствует у поэта. «Но страшно мне, изменишь облик ты» — лейтмотив первых десятилетий его поэзии. Ундина оказывается одним из символов Вечной Жепственности, воплощением которой была и Прекрасная Дама.

И есть у Блока одна реминисценция из «Ундины», характерная для поэта: в драме «Роза и крест» Гаэтан поет:

Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!¹³⁷

В 13-й главе «старинной повести» Ундина говорит рыцарю о Струе:

...никогда не будет способен

Он постигнуть того, что в любви и страданье
и радость

Так пленительно сходны...

(Гл. XIII, с. 186—187)

Воспоминания Марины Цветаевой о ее детстве и страстной в те годы привязанности к «Ундине» не только сами по себе уникальны, — они и универсальны, так как позволяют постичь, как «старинная повесть» Жуковского влияла на детское сознание, проникла в мир неосознанных детских эмоций, очаровыв-

¹³⁶ Там же. С. 129.

¹³⁷ Блок А. Указ. соч. Т. 4. С. 233.

вала юного читателя в России, сохранявшего потом память об «Унди́не» на всю жизнь.

Анастасия Цветаева вспоминает, что они «присваивали» себе мир, и каждая считала своей собственностью каких-то людей, уголок сада, игрушки и... книги. «Так мы разделили две наилюбимейшие поэмы: „Унди́ну“ взяла Муся. „Рустема и Зораба“ получила — взамен — я. Так мы делили — все»¹³⁸.

Цветаева росла в атмосфере напряженной романтики, которую как бы излучала ее мать, выдающаяся пианистка, не получившая возможности сделать музыку своей профессией. Она умерла, когда Цветаевой было 12 лет.

В очерке «Мать и музыка» Цветаева вспоминает, как неразрывно сливался для нее мир «Унди́ны» с миром музыки¹³⁹. Это слияние началось сразу же, с изучением гаммы. «Это до — ре вскоре обернулось у меня огромной, в половину всей меня, книгой —... пока что только ее... крышкой (рояля.— *Е. Л.*), но с такой силой и жутью прорезающимся из этой лиловизны золотом, что у меня до сих пор в каком-то определенном уединенном *унди́нном* месте сердца — жар и жуть»...¹⁴⁰

Мать, пишет Цветаева, предвидела близкий конец и «... торопилась с нотами, с буквами, с „Унди́нами“... точно знала, что не успеет, все равно не успеет всего...»¹⁴¹. Ноты! Как сурово обучала мать музыке девочку, и все же позже она скажет: «Хроматика — самое обратное, что есть грамматике,— Романтика. И Драма-

¹³⁸ *Цветаева А.* Воспоминания. 3-е изд. М., 1983. С. 24.

¹³⁹ *Цветаева М.* Мать и музыка // Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 94—119.

¹⁴⁰ Там же. С. 94.

¹⁴¹ Там же. С. 98.

тика»¹⁴². И романтизм открывался девочке из слияния «Ундины» и музыки.

«...Но больше всего,— рассказывает Цветаева,— из всего ранне-рояльного я любила — скрипичный ключ. Слово — такое чудное и протяжное и именно непонятностью своей (почему скрипичный, когда — рояль?)»¹⁴³. И у девочки скрипичный ключ вызывал сразу воспоминания о другом, своем, поэтическом ключе — ключе Жуковского и Пушкина. «И еще другой ключ,— завершала Цветаева эти строки,— *Born*¹⁴⁴, ключ *Oheim Kühleborn*¹⁴⁵. Дядя Струй, из жемчужной струи разрастающийся в смертоносный поток... И еще ключ — другой:

...холодный ключ забвенья,
Он лучше всех жар сердца утолит!»¹⁴⁵

В детстве Цветаева часто сидела под роялем, и для нее открывался «рояль изнизу», как весь «подводный, подрояльный мир»¹⁴⁷. «Рояль для меня навсегда отождествлен с водою, с водою и зеленью, листовным и водным шумом»,— подчеркивает Цветаева¹⁴⁸.

Такая связь порождалась самыми будничными обстоятельствами: за роялем стояли цветы, и мать то заливала волнами музыки, то поливала цветы, и в воображении Марины создавался единый подводный мир музыки. Так Цветаева слышала гармонию, музыку «Ундины», прелесть этого неторопливого, легко скользящего стиха, не говоря уже о романтическом содер-

¹⁴² Там же. С. 101.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ *Born* (нем.) поэт.— ключ.

¹⁴⁵ *Oheim Kühleborn* (нем.), уств.— дядя холодный ключ.

¹⁴⁶ Цветаева М. Указ. соч. Т. 2. С. 103.

¹⁴⁷ Там же. С. 113.

¹⁴⁸ Там же. С. 114.

жании всего произведения, ощутила прелесть и обаяние самой Ундины.

Цветаева, несмотря на свои исключительные музыкальные способности, считала себя «немузыкальной». «Вся моя „немузыкальность“, — сказала она, — была — всего лишь *другая музыка!*»¹⁴⁹. «Каково же мне было, после невыносимого волшебства тех ежевечерних ручьев (тех самых ундинных, лесноцаревых, „жемчужны струи“) слышать свое... „игранье“»¹⁵⁰.

И позже в своем творчестве она не забыла «Ундины». В стихотворении «Я сейчас лежу ничком...» (1913), обращенном к одному из друзей тех лет, она писала:

Если бы вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
— Слышите, мой ученик? —

В золоте и серебре
Саламандра и Ундипа ¹⁵¹.

Еще в детстве она ощутила связь женского образа, Ундины, с водой и музыкой. Женщина и вода, устойчивое тождество в фольклоре. Русалки ведь персонификация водной, женской стихии. И что Цветаева сознавала глубинную мифологическую связь этого тождества, мифологические мотивы сюжета Фуке — Жуковского, свидетельствует заметка в Записной книжке 1919 г. по поводу поэмы «Стенька Разин»: «Персияночка Разина и Ундина. Смерть водою. Обенх лю-

¹⁴⁹ Там же. С. 115.

¹⁵⁰ Там же. С. 106.

¹⁵¹ Цветаева М. Избр. произведения. М.; Л., 1965. С. 60.

били, обеих бросили. Сон Разина (в моих стихах) — сон Рыцаря у Lamotte Fouqué и Жуковского. И оба: и Разин, и Рыцарь должны были погибнуть той же смертью; только Персияночка приходит со всем коварством нелюбящей женщины и Персии „за башмачком“, а Ундина со всей преданностью любящей женщины и той Германии, — за поцелуем»¹⁵². Той Германии — Германии Гете и романтизма. Женщина — вода — гибель — вот мифологема, которую строит Цветаева. Она прочла фольклорный подтекст литературной сказки. Так Блок и Цветаева каждый нашли свое в «Ундине», очень важное для их мировосприятия и творчества.

«Ундина» сыграла необычайную по своей значительности роль в формировании детского и юношеского эмоционального мира в России. И хочется закончить этот обзор словами ученого потому, что они предельно точны: «„Ундина“ — одна из самых поразительных переводческих удач Жуковского, а для русской культуры — такое достояние, без которого, ненаучно выражаясь, и жить невозможно»¹⁵³.

¹⁵² Там же. С. 737.

¹⁵³ *Аверинцев С. С.* Размышления над переводами Жуковского // *Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского*. М., 1985. Т. 2. С. 554.

ПРИМЕЧАНИЯ

ФУКЕ. УНДИНА

Первая публикация текста появилась в 1811 г. в периодическом издании, которое выпускал Фуке: «Времена года. Ежеквартальник романтической поэзии», в «Весеннем выпуске» («Die Jahreszeiten. Vierteljahrschrift für romantische Dichtungen», «Frühlings-Heft»). В том же году «Ундина» вышла отдельным изданием. Последнее прижизненное издание произведения Фуке относится к 1841 г.

Для настоящей книги текст взят по изданию: Fouques Werke. В.; Leipzig; Wien; Stuttgart, 1908.

- ¹ «Посвящение». — Впервые было предпослано тексту во втором издании (1814 г.). Было перепечатано среди стихотворений Фуке в 1820 г., затем в его автобиографии («Lebensgeschichte», 1840).
- ² «...зовут его господин Хульдбранд фон Рингштеттен». — Родовое имя героя повести совпадает с фамилией автора; как пишет Фуке в биографии своего деда («Lebensbeschreibung des Generals Fouque», 1824), старофранц «la Motte» означает «окрестность замка», что соответствует немецкому «Ringsstätten».
- ³ «...внутри нее копошились, играя серебром и золотом, маленькие кобольды». — По германской мифологии кобольд — дух природы, подобие русского домового; обычно представляется в виде карлика.
- ⁴ «...а если случалось, что ржанье его коня словно бы вопрошало и звало к рыцарским подвигам... тогда он успокаивал себя тем, что Ундина ведь совсем не дочь рыбака, а вернее всего, происходит из какого-то удивительного чужеземного княжеского рода». — Таким образом герой оправдывает свое пребывание в рыбацкой хижине ради Ундины, рассматривая это как служение даме высокого происхождения, что тоже входило в обязанности рыцаря.
- ⁵ «...Немало рыбаков заслушивались сладостным пением русалок...» — Аналогия с балладой Гете «Рыбак» (1779).

- ⁶ «...Пигмалион, которому госпожа Венера оживила его мраморную статую...» — Сюжет, рассказанный в 10-й книге «Метаморфоз» Овидия. Примечательно, что Фуке именуется античную богиню любви так, как она фигурирует в средневековых произведениях: «госпожа»; связано это с тем, что в рыцарскую эпоху наряду с понятием служения даме существовало понятие служения Любви.
- ⁷ «...ибо он сам пережил нечто подобное и страшится даже тени этих воспоминаний». — Эти слова дали повод говорить об автобиографической основе повести. А. Шмидт обращает внимание на то, что одяние героя — фиолетовое с золотым — повторяет цвета герба де ла Мотт Фуке (*Schmidt A. Fouque und einige seiner Zeitgenossen. Karlsruhe, 1958. S. 120, 186*). Г. Пфейфер косвенно подтверждает создание «Ундины» как непосредственное отражение момента личной жизни автора: Фуке, обычно подробно распространявшийся о своих творческих планах, об этой повести сообщает лишь вскользь в двух письмах — к Жану Полю и к Фарнхагену фон Энзе в 1811 г., незадолго до ее появления (*Pfeiffer W. Über Fouques «Undine». Heidelberg, 1902. S. 3*).
- ⁸ «Но никогда не делай этого на воде или хотя бы вблизи какой-нибудь воды». У Парацельса: «Известно, что если они (ундины.— Д. Ч.) бывают обижены мужчинами на воде или у воды в любом ее виде, то после этого становятся бессмертными, только уходят в воду и больше никогда не появляются» (*Paracelsus. Werke. Basel, 1590. Bd. IX. S. 65*).
- ⁹ «...ты подвластна нашим духам стихии и должна осудить и лишит его жизни, если он вступит в новый брак...» — у Парацельса: «Может случиться, что муж возьмет новую жену, и тогда она (ундина.— Д. Ч.) приходит и приносит ему смерть» (*Paracelsus. Op. cit. S. 66*).

В. А. ЖУКОВСКИЙ. УНДИНА

«Ундина» — перевод прозаической повести немецкого романтика де ла Мотт Фуке (1777—1843). Поэт переводил эту повесть в 1831—1836 гг.

Фрагменты из первых трех глав «Ундины» были опубликованы в «Библиотеке для чтения» в 1835 г. (Т. XII. С. 7—14), там же в 1837 г. (Т. XX. С. 5—32) были напечатаны IV—X главы «Ундины».

Уже в марте 1837 г. читатели смогли ознакомиться с полным текстом «Ундины»; она появилась одновременно в двух изданиях: «Ундина», старинная повесть, рассказанная на немецком языке в прозе бароном Д. Ламотт Фуке, на русском языке в стихах В. Жуковским СПб.: Изд-во Смирдина, 1837. Один тираж этой книги содержал замечательные гравюры немецкого художника Г. Майделя, который изготовил их, живя вместе с Жуковским в Эллистфере, другой тираж такого же формата (in quarto) был выпущен без иллюстраций. Летом 1837 г. вышло 4-е издание «Стихотворений» Жуковского, в него поэт тоже включил «Ундину» (СПб., 1837. Т. VIII).

Тексту «Ундины» Жуковский предпослал стихотворное посвящение вел. кн. Марии Николаевне и обращенное к ней предисловие.

Сохранилась рукопись первых 20 строк перевода повести Фуке гекзаметрами, датированная 18 ноября 1831 г. (ГПБ. Жуковский В. А. Ф. 286 II. Ед. хр. 30). Согласно дневниковым записям и пометам в рукописях Жуковский переводил затем «Ундину» 9 декабря 1832 г. по н. ст., и в течение декабря он перевел 3 главы и написал 15 строк 4-й. 4 февраля 1833 г. он подвел итог сделанному и записал в «Дневнике»: «Поправляя Ундину» (*Жуковский В. А. Дневники/Изд. И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 250, 252, 254*). За 1834—1836 гг. «Дневники» не сохранились, и приходится исходить из хронологических помет на рукописях: с 17 по 30 октября 1835 г. были переведены 4—8 главы. После перерыва чуть свыше полугода Жуковский перевел одиннадцать последних глав (9—19). Под текстом стоят две даты: «Эллистфер, 17 июля 1836 г.» и ниже: «25 июля все кончено». Видимо, за эту неделю Жуковский отредактировал весь переведенный текст «старинной повести».

В последнем прижизненном издании сочинений поэта предисловие к «Ундине» уже отсутствует. Остаток только посвящение. Публикуемый нами текст

«Ундины» повторяет текст IV тома этого издания сочинений Жуковского с изменением орфографии и пунктуации согласно современным нормам русского языка, если внесенные поправки не нарушают стилистической системы автора (*Жуковский В. А. Стихотворения. 5-е изд. СПб., 1849. Т. IV*).

¹ В предисловии к вел. кн. Марии Николаевне от 26 июля 1836 г. Жуковский касается лишь позднего этапа своего «общения» с «Ундиной» — с момента правки первых трех глав.

«Повинуясь воле, которую мне было особенно приятно исполнить, — писал поэт, — я рассказал русскими стихами „Ундины“. В 1833 г., находясь в Швейцарии и живя уединенно на берегу Женевского озера (в деревеньке Верне близ Мантрё), написал я первые три главы этой повести. По возвращении моем в Россию занятия другого рода надолго отвлекли меня от начатого поэтического труда; и только в нынешнем году я мог опять за него приняться. Последние главы Ундины написаны в сельском уединении близ Дерпта, где я провел половину лета и мог по-прежнему посвятить досуг свой поэзии. Еллисффер, 26 июля, 1836. Ж.»

Учтивые уверения Жуковского, что он только исполнитель чужой воли, не следует понимать излишне буквально: они означают, что поэта, возможно, поторавливали осуществить его замысел. Как мы видели выше из письма Жуковского к Дашкову, желание перевести «Ундины» стихами возникло в те годы, когда поэт еще не был «своим» человеком при дворе (он стал заниматься с вел. кн. Александрой Федоровной лишь в конце октября 1817 г.), а главное, вел. кн. Мария Николаевна, которой адресовано предисловие, еще не родилась.

В данном случае уточнение адресата стихотворного посвящения и предисловия к «Удине» важно не только во имя достоверности самого литературного факта: оно помогает правильно понять творческие стимулы поэта. С выяснением адресата была как раз некоторая путаница.

Начало ей положил Зейдлиц, сказав, что стихотворение «Бывали дни восторженных видений...» по-

священо наследнику, а предисловие обращено к императрице (*Зейдлиц К. К.* Указ, соч. С. 155).

Зейдлицу возражал уже П. А. Плетнев. «Внимательному читателю,— писал он,— станет ясным, к кому относятся «посвятительные перед „Ундиною“ стихи, когда он сравнит их со стихотворением Жуковского „Праматерь внуке“, написанным в 1819 г. на первое причащение в. кн. Марии Николаевны» (*Плетнев П. А.* Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 104). Я. Я. Грот, издавший «Сочинения и переписку Плетнева», всецело был с ним согласен и сожалел, что мнение Зейдлица «обыкновенно разделяют даже другие биографы поэта».

Адресат был точно установлен после выхода каталога И. Бычкова «Бумаги В. А. Жуковского»: черновик предисловия к «Ундине», не имеющий личного обращения, Бычков занес в перечень рукописей как черновик предисловия к вел. кн. Марии Николаевне (Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную библиотеку в 1884 г. Изд. И. Бычкова. СПб., 1901, № 39). «Прошу...— писал Жуковский в этом черновике,— принять с благосклонностью новый и быть может последний труд моей устарелой Музы: прошу принять его *в знак* и со временем *на память* моей душевной к Вам привязанности, которая, как Вы знаете, началась еще у Вашей колыбели» (ГПБ. Ф. 286, I, Жуковский. Ед. хр. 39^г).

Бычков не мотивировал, чем он руководствовался, определяя адресат предисловия. По-видимому, он совершенно справедливо сопоставил упоминание о привязанности, начавшейся еще у колыбели, со строчками стихотворения «Праматерь внуке»:

Мое дитя, со мною от купели
Твой первый шаг житейский соверши...—

а также со строками стихотворения 1851 г. «В. кн. Марии Николаевне. Приветствие от русских, встретивших ее в Бадене»:

...смотрю
В лицо, столь мне знакомое, которым
От колыбели вашей до цветущих

Лет милой младости, день за день, я
Так любовался.

Сравнив приведенные строки хотя бы с пятой
строфой стихотворного посвящения:

Перед пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвен я стоял.
«Кто обречен святому новоселью
Тобой в жильцы?» — судьбу я вопрошал,

становится ясно, что адресатом и посвящения, и предисловия могла быть только вел. кн. Мария Николаевна. Для Жуковского, видимо, сам факт знакомства с человеком еще в его младенчестве был овеян особой поэтичностью, которая не утратила своего обаяния и спустя многие годы.

После выхода каталога Бычкова в дореволюционных изданиях XX в. адресатом стихотворного посвящения и предисловия к «Ундине» считалась вел. кн. Мария Николаевна.

И неожиданно в своем обстоятельном комментарии к двухтомнику стихотворений В. А. Жуковского Ц. Вольпе назвал адресатом и посвящения, и предисловия вел. кн. Александру Николаевну (*Вольпе Ц. Жуковский. Стихотворения. Л., 1940. Т. II. С. 541*). Вслед за ним все советские комментаторы, не соотнося ни предисловия к «Ундине» с его черновиком, ни посвящения с приведенными выше стихотворениями Жуковского, повторяют утверждение Вольпе, хотя, вероятнее всего, это была или его простая описка, или невыправленная опечатка.

Лишь Хильдегард Эйхштедт, исследовательница из ФРГ, в своей книге о Жуковском-переводчике возразила Вольпе и адресатом стихотворного посвящения опять назвала вел. кн. Марию Николаевну (*Eichstädt H. Žukovskij als Übersätzer. Drei Studien zu Übersetzungen aus dem deutschen und Französischen. München. S. 91—92*).

² «...легкая станом... воздушно» — интерполяция Жуковского.

³ пропуск 7 строк. См. текст «Ундины». С. 16.

⁴ «...сердито... слезки» — интерполяция Жуковского.

⁵ Биография рыбака написана Жуковским.

- ⁶ «*Но мирной сей жизни... чистого неба*» — интерполяция Жуковского.
- ⁷ Опущен эпизод с обручальными кольцами Ундины. Текст «Ундины». С. 38—39.
- ⁸ См. копец главы 7-й и начало 8-й «Ундины» Фуке, принципиально измененный Жуковским. См. выше. С. 43.
- ⁹ «*Лесной обыватель...*» — у Фуке «барон фон Кюлеборн». См. текст «Ундины». С. 51.
- ¹⁰ «*Ты смелый рыцарь... волну...*» — аллитерации Фуке Жуковский передает, вводя еще внутреннюю рифму в свой сказочный гекзаметр.
- ¹¹ Пропуск целого абзаца. См. текст «Ундины». С. 54.
- ¹² «*...с небесным она поцелуем...*» — эпитет Жуковского.

УНДИНА

Волшебная опера в 3-х актах
 Либретто Фридриха де ла Мотт Фуке

Либретто оперы Э. Т. А. Гофмана представляет собою интересный литературный памятник: оно написано самим Фуке и позволяет судить, какие изменения писатель считал возможным и нужным внести в сюжет своей повести, чтобы она приобрела необходимую для оперы сценичность, не утратив главного в авторском замысле.

Как, на первый взгляд, ни различны концовки повести «Ундина» (Ундина, обратившаяся в ручей, навеки обвивает могилу рыцаря) и либретто (завершающий оперу хор прощает рыцарю любовь к русалке и отпускает его к водяным духам для вечного блаженства с Ундиной), романтическая идея магической силы любви, примиряющей людей и духов стихий, сохраняется.

Премьера состоялась 3 августа 1816 г. в Королевском Национальном театре в Берлине. Опера выдержала 23 представления. «И первый и последующие многочисленные спектакли, — отмечает исследователь, — имели огромный успех — крупнейший в жизни Гофмана-композитора» (*Житомирский Д. В. Гофман и музыкальный театр // Художественный мир*

Э. Т. А. Гофмана, М., 1982. С. 122). После пожара в театре сохранились лишь 2 партитуры, написанные рукою Гофмана, печатный текст либретто и партитура с пометками дирижера.

«Музыка Гофмана,— пишет далее Д. В. Житомирский,— подчеркнул то, что ему было ближе всего в сказке Фуке: любовь как пробуждение души, мотив о природной стихии, холодной и грозно-таинственной, мотив демонических сил, скрыто управляющих драмой жизни» (Указ. соч. С. 123). Анализ музыковеда позволяет заключить, что историческое значение оперы Гофмана «Ундина» определяет ее «музыкально-драматические тенденции... Именно они делают произведение Гофмана важным звеном в истории музыки XIX в.» (Там же).

Композиторы XIX и начала XX в. не раз обращались к этой повести Фуке или к ее переводу, но уже получали либретто, так сказать, «из вторых рук», написанное посредственными литераторами по мотивам оригинальной «Ундины» (например, С. Прокофьев), а чаще ее перевода (например, П. И. Чайковский).

Перевод либретто Фуке публикуется на русском языке впервые. Перевод осуществлен с текста, приведенного в клавирауспуге «Ундина. Волшебная опера», изданном Г. Пфитцнером в 1906 г. в Лейпциге («Undine». Zauberauszug in drei Akten v. E. T. A. Hoffman. Klavierauszug neu bearbeitet v. H. Pfitzner, Leipzig, 1906).

Ж. ЖИРОДУ. УНДИНА

Ипполит Жан Жироду (1882—1944) — один из наиболее значительных французских писателей периода между двумя мировыми войнами. Родился в провинциальном городке Беллаке, уже в детстве обнаружил блестящие способности, в числе первых окончил престижное педагогическое заведение в Париже Эколь Нормаль Сюперьер, после чего получил место наставника в знатном семействе в Германии. С этого времени начинается серьезный интерес Жироду к немецкой истории и культуре, углубленное изучение германской

филологии (чему способствовало прекрасное знание языка). Впоследствии в качестве высокопоставленного дипломата Жироду подолгу жила в Германии, продолжал свои историко-литературные занятия, особенно увлекаясь эпохой Гете и немецкими романтиками.

Фронты первой мировой войны Жироду прошел в качестве сержанта французских войск и проявил личную отвагу, однако не поддавался шовинистической пропаганде и, оставаясь патриотом, сумел сохранить уважение к культурным ценностям немецкого народа. Уже в ту пору он был убежденным антимилиитаристом.

В писательских кругах имя Жана Жироду стало известно еще до войны. В последующие два десятилетия он опубликовал около десятка романов, создавших ему популярность у читающей публики. Но определяющую роль в литературной судьбе Жироду сыграла встреча в 1926 г. с выдающимся французским актером и режиссером Луи Жуве, который побудил его обратиться к драматургии. С этого момента и до конца жизни писателя продолжалось творческое содружество Жироду и Жуве, — эти два имени неразрывно связались в сознании современников. Жироду стал постоянным автором труппы Жуве, сочетавшей смелый театральный эксперимент с возрождением на сцене классики. В парижском Театре Елисейских полей, затем театре Атений, руководимых Жуве, в течение многих лет произведения других драматургов ставились только между пьесами Жироду, заслонившими его известность как романиста.

В историю национальной и мировой культуры Жироду вошел как основоположник французской интеллектуальной драмы. Уже первая его пьеса «Зигфрид» (1928), переделанная из его же романа «Зигфрид и лимузинец» (1922), пьеса антивоенная и протившовинистическая, явилась скорее драмой идей, нежели драмой полнокровных человеческих характеров, и строилась по логике философской притчи. И в дальнейшем в драматургии Жироду не умолкала напряженная идейная дискуссия по важнейшим нравственным и философским проблемам, дискуссия, облеченная в изощренную и причудливую художественную форму. Эстетическая утонченность стиля, сочетание простоты и сложности, интеллектуализма и лирики, поэтической

фантазии и быта, перегруженность культурно-историческими ассоциациями и аллюзиями, ирония и парадоксальность, пристрастие к пародии и к виртуозной словесной игре — все эти особенности Жироду как художника создали ему репутацию элитарного, «прециозного» писателя. Однако он обращался со сцены к широкой аудитории и на протяжении всего творчества утверждал общечеловеческие нравственные ценности — доброту, человечность, красоту естественных чувств, любовь к родине, радость сопричастности природе. Разумеется, Жироду не свойственна была такая активность и определенность гражданской позиции, какая отличала, например, Роллана, но он жил вопросами и тревогами своего времени и отражал их опосредованно, по-своему, не отступая от идеалов гуманизма и демократии.

Немаловажно в этой связи то обстоятельство, что после вторжения гитлеровских войск во Францию Жироду уже в мае 1940 г. оставил высокий пост при коллорационистском правительстве в Виши, жил отдельно от семьи, переезжал с места на место, может быть, выполняя задания антифашистского Сопротивления; во всяком случае, его внезапную смерть в гостинице «Кастиль» в Париже 31 января 1944 г. восприняли в прогрессивных кругах с большой долей вероятности как расправу со стороны оккупантов или профашистских сил.

Подобно многим писателям XX в., Жироду охотно обращался к легенде, к мифу, как к некоей универсальной форме, которая позволяла через нее давать свое собственное толкование судеб мира и человека. Отталкиваясь от древнего сюжета, резко осовременивая проблематику, Жироду ставил на обсуждение в своих интеллектуальных драмах острые вопросы сегодняшнего дня. Так, одна из его лучших пьес «Троянской войны не будет» (1935) прозвучала предостережением о вновь нависающей военной угрозе; драма на библейский сюжет «Содом и Гоморра» (1942—1943) была вызвана к жизни трагедией войны и фашистской оккупации. Так же и «Унди́на» с ее сказочным сюжетом и светлой поэзией должна оцениваться с учетом исторического контекста. Эта пьеса была впервые поставлена 27 апреля 1939 г., уже после аннексии Австрии, после

Мюнхенского соглашения, за четыре месяца до начала второй мировой войны. И в самой драме, и в ее сценической интерпретации первые зрители ощутили элегическую печаль об утраченной миром гармонии, предчувствие беды, желание защитить красоту и человечность.

Выпущенная к премьере театральная программа предварялась предисловием самого Жироду, в котором сообщалось об обстоятельствах создания «Ундины». По его словам еще в 1909 г. профессор Шарль Андле, возглавлявший в Сорбонне изучение немецкой литературы, поручил студенту Жану Жироду написать и представить ему на следующей неделе комментарий к сказке де ла Мотт Фуке. Это послужило толчком к замыслу, который через много лет вылился в создание драмы «Ундина»; Жироду посвятил ее памяти своего учителя. Сюжет сказки был хорошо известен во Франции, так как «Ундина» де ла Мотт Фуке неоднократно, не только в XIX, но и в XX в. переводилась на французский язык.

В своей пьесе Жироду лишь приблизительно следует за оригиналом, вкладывает в сюжет иное содержание, меняет характеры и состав персонажей, вводит новые сцены, эпизоды, лица действия, сочиняет принципиально другой финал. Простодушная романтическая сказка, тесно связанная с немецким фольклором, становится под пером Жироду явлением иной, французской литературной традиции, берущей начало в философской повести XVIII в. Здесь бросаются в глаза откровенная условность, вызывающее нарушение историзма и игра анахронизмами, блестящий диалог, лукавая ирония, временами переходящая в сатиру (как при изображении королевского двора), постоянные переключки с современностью. В пьесе содержится много-много пародия — на литературные и театральные клише, на рыцарскую романтику, средневековую экзотику, книжную ученость. Вместе с тем «Ундина» полна проникновенного лиризма, поэтической фантазии и скрытого драматизма, нарастающего к концу действия. За сказочным сюжетом просматривается одна из сквозных тем творчества Жироду: столкновение живой цивилизации с естественным миром правды, добра и любви, своеобразно «руссоистское» противопоставление поэтической природы прозаическому обществу, осно-

Примечания

ванному на неравенстве и корысти. Таков смысл притчи о любви Ундины и Рыцаря.

Встреча с Ундиной внутренне преображает Ганса, в скованном предрассудками узнике нелепого (в пьесе условного) феодального мира высвобождается духовность, выявляется истинная человеческая сущность. И приземленный, почти комедийный персонаж первых сцен как бы переселяется в сферу поэзии. Но вновь попав к людям, ко двору, Ганс снова оказывается во власти ложных ценностей и идет навстречу своей гибели, ибо силы природы восстают против человека, нарушившего непреложный закон Жизни. Неразрешимый конфликт между подлинной и выдуманной жизнью, поэзией и прозой, добром и злом разрывает душу Ганса, губит счастье Ундины, и только в трагическом и светлом финале вопреки разлуке, смерти и забвению теплится хрупкая надежда на неугасимость любви, на возможность воссоединения человека с природой.

Не случайны в «Ундине» мотивы раздвоения человека, тяги к обретению внутренней цельности, мотив потери памяти и возможности начать жизнь сначала. Эти темы проходят через все творчество Жироду, начиная с «Зигфрида»; особенно ярко они звучат в созданной незадолго до «Ундины» драме «Интермеццо» (1933), где многие коллизии «Ундины» перенесены на почву современной французской провинции и поэзия родной природы, полет фантазии причудливо переплетаются с реальным бытом. В обеих пьесах гимн природе и неприятие ложного общественного устройства парадоксальным образом уживаются с поэтизацией повседневности. В «Ундине» это видно в бытовых сценах первого акта, в завершающем эпизоде, где Ганс размышляет о судьбе заурядного «среднего человека», в речах Ундины о «русалке-мещанке», которая унесет с собою под воду милые привычки и аксессуары обыденного человеческого существования.

Как и во многих произведениях Жироду, в «Ундине» намечена тема народа (более отчетливо она прозвучит в драме «Безумная из Шайо», 1944). Носители нравственного идеала, высокого человеческого достоинства — это старые рыбаки Август и Евгения, противопоставленные безнравственности придворной клики.

Простые люди, труженики близки к природе, которая чтит их превыше земных властителей («Когда Август хмурит брови, миллиарды форелей трепещут»). Рыбаков не смущает, что Ундина не мокнет под дождем, бегаёт по воде, спит на поверхности озера, они любят ее, как родное дитя; но вооруженный рыцарь, закованный в латы, для них чужак и посланец враждебного мира. Мысль о равенстве королей и людей из народа возникает и в песенке Судомойки, двоящегося персонажа, неспроста выбранного автором на роль вестника смерти Рыцарю. Жироду не ставит в своих произведениях социальных акцентов, но они временами прорываются даже в его пьесе-сказке, лишней раз подтверждая ее гуманистическую основу.

Небезынтересна и сценическая судьба «Ундины». Премьера прошла с большим успехом, на нее откликнулись все парижские газеты¹, поместившие восторженные отзывы и о самой пьесе и о ее постановке, о игре Луи Жуве в роли Рыцаря и актрисы Мадлен Озрей в роли Ундины (юность исполнительницы позволила Жироду уменьшить возраст Ундины с семнадцати лет, как было задумано в соответствии со сказкой де ла Мотт Фуке, до пятнадцати лет). Однако большая часть рецензентов восприняла пьесу как феерию (статьи в «Candide», «Revue Universell», «Annales»), восхищалась внешним блеском, сценической изобретательностью постановщиков, машинерией, декорациями и костюмами известного театрального художника Павла Челищева, «магией» стиля Жироду, не пытаясь проникнуть в нравственно-философское содержание пьесы. Все же были и попытки более углубленного истолкования «Ундины». Так, критик газеты «Mercure de France» увидел в ней не только столкновение реальности и идеала, человека и природы, протест против «фальшивого общества», но также некий «политический миф», изображение «буколического сообщества, созданного для солнца и игр в воде». Рецензент «Annales» отмечал «проницательный ум» и острую мысль Жироду. Интересен отзыв «Revue de Deux Mondes», в котором утверждалось, что стиль «Ундины» адекватен стилю цветных мультипликационных фильмов,

¹ См.: Theatre, P., 1939, N 465.

Примечания

и предсказывался такой же успех этой пьесе на сцене, какой имела «Белоснежка и семь гномов» Диснея на экране.

«Ундина» была сыграна только один раз, после чего половина труппы Жуве оказалась мобилизована в армию. Лишь в феврале 1940 г. Луи Жуве удалось возобновить «Ундицу», которая шла на сцене до середины мая,— почти до вторжения гитлеровской армии во Францию и падения Парижа. Цензура фашистских оккупантов запретила все пьесы Жироду как «антикультурные». Писатель начал хлопотать о разрешении труппе Луи Жуве выехать на гастроли в Южную Америку, и 27 мая 1940 г. она отбыла в Бразилию. Гастроли затянулись на целых четыре года, так как известному своими антифашистскими убеждениями Луи Жуве невозможно было продолжать творческую деятельность в оккупированной Франции. В тяжелых условиях труппа играла в 54 городах Южной Америки, Кубы и Гаити, причем «Ундина» неизменно входила в ее репертуар. С окончанием войны и возвращением труппы Жуве на родину «Ундина», уже после смерти ее автора, вновь появилась на парижской сцене. В последующие годы вплоть до кончины Жуве (1952) эта пьеса игралась во всех гастрольных поездках — от Польши, Австрии, Западной Германии до стран Африки, Канады и США. Пресса отметила спектакль на Бродвее в Нью-Йорке с Одри Хэпберн в роли Ундины. В послевоенные годы «Ундина» ставилась и на одном из театральных фестивалей во Франции под открытым небом.

Многие французские литературоведы и критики считают «Ундицу» шедевром Жироду. «Жироду остается для нас прежде всего создателем „Интермеццо“ и „Ундины“, — писал А. Моруа².

¹ ...по Фарамондскому и Осмондскому лесам...— Эти леса на территории древней Бретани были местом действия многих средневековых рыцарских романов, описывающих необычайные приключения героев в их чащах.

² ...мы освобождали Андромеду...— По древнегреческому мифу, дочь эфиопского царя красавица Андромеда.

² Моруа А. Литературные портреты. М., 1970. С. 291.

меда была обречена в жертву морскому чудовищу и прикована к прибрежной скале; герой Персей освободил Андромеду и взял ее в жены. Этот сюжет был использован в средневековых рыцарских романах «античного цикла».

- ³ ...*веревки Одиссея*.— Проплывая мимо острова сирен, которые завлекали моряков чарующим пением, а затем предавали лютой смерти, предусмотрительный Одиссей велел своим спутникам залепить уши мягким воском, а себя приказал накрепко привязать веревками к мачте корабля («Одиссея», песнь XII).
- ⁴ *Вольфрам фон Эшенбах* (1170—1220) — крупнейший немецкий рыцарский поэт, автор любовных песен и романов.
- ⁵ ...«*Саламбо*».— Здесь и далее Ж. Жироду зло насмеяется над оперой французского композитора Эрнеста Рейера «Саламбо» (1890), которая, по его мнению, опошлила знаменитый одноименный роман Г. Флобера (1863), положенный в основу либретто. ...*под волосами Мелисанды или под доспехами Гектора*...— Еще один пример нарочитых анахронизмов Жироду. Герой мифа о Троянской войне Гектор мог быть персонажем театральных спектаклей в разные времена. Мелисанда — персонаж драмы бельгийского драматурга Мориса Метерлинка «Пеллеас и Мелисанда» (1891).
- ⁷ *Парковый театр* — возможно, намек на Олений парк, где в XVIII в. находился тайный гарем французского короля Людовика XV и происходили ночные оргии.
- ⁸ ...*улетают из театра вместе с пресловутыми голубками*...— В романе Флобера голубки — атрибут богини Танит, покровительницы Карфагена; Саламбо в качестве жрицы этой богини окружена голубками, которым она пригоршнями бросает зерна («Саламбо», гл. X).
- ⁹ ...*наводнение в городе Ис, тем более колокольни, бьющие во все колокола*.— Имеется в виду старинная кельтская легенда, ставшая известной во Франции по сборнику бретонских народных песен «Барзас Брейз» (1839), опубликованному виконтом Эрсаром де ла Вильмарке: прекрасная Дагю, дочь короля Градлона, в ночь после пиршества в городе Кэр-Ис,

- похитила у отца ключ от потайной двери, чтобы впустить своего любовника, но этим открыла плотины, и хлынувшие воды океана затопили город. С тех пор бретонские рыбаки порою слышат в море звон церковных колоколов подводного города. Эту балладу использовал А. Блок (см. *Жирмунский В. М.* Драма Александра Блока «Роза и крест». Л.: Изд-во МГУ, 1964).
- ¹⁰ *Троянский конь* — деревянный конь с запрятанными внутри вооруженными войсками, посредством которого хитроумный Одиссей решил вопрос об овладении греками Троей (греч. миф.).
- ¹¹ *Иудейское дерево*.— Имеется в виду декоративное дерево, которое перед появлением круглых блестящих листьев покрывается по всему стволу и ветвям розово-красными цветами. Завезенное из Средиземноморья, культивировалось и во французских парках.
- ¹² *Эта сцена останется для следующих веков...*— Вероятно, намек на аналогичную сцену в поэме «Освобожденный Иерусалим» итальянского поэта эпохи Возрождения Торквато Тассо (1544—1595): крестоносец рыцарь Танкред узнает в смертельно раненом им в бою мавританском витязе красавицу Клоринду, в которую влюблен.
- ¹³ *Я переписываю «Энеиду»... позолотить слезы Овидия.*— Древнеримский поэт Вергилий (I в. до н. э.— I в. н. э.), автор «Энеиды», пользовался уважением в эпоху рыцарской культуры позднего средневековья; знакомство с латинской поэзией входило в комплекс рыцарского, «куртуазного» воспитания. Младший современник Вергилия поэт Овидий был сослан императором Августом на берега Дуная и в «Скорбных элегиях» выразил тоску изгнанника по Риму.
- ¹⁴ *...Он спросит вас о шестом подвиге Геркулеса.*— Согласно греческому мифу, герой Геркулес (Геракл) совершил двенадцать подвигов. Шестым по счету его подвигом была очистка конюшен царя Авгия.
- ¹⁵ *...Мессир Алькуин.*— Жироду не раз давал своим персонажам имена реальных исторических лиц. Алкуин (738—804) — английский теолог, был одним из учителей в Палатинской школе, основанной франкским императором Карлом Великим.

- ¹⁶ ...никакой эты, обыкновенный эпсилон...— Имя Геркулес по древнегреческому написанию начиналось буквой «эта» (Η); имя Эрселе начинается со сходной по звучанию буквы эпсилон (Σ).
- ¹⁷ *Изольда*.— Выбор этого имени для королевы, действующей в пьесе, связан с рыцарским романом о Тристане и Изольде и намекает на скрытую сердечную драму королевы, о чем глухо упоминается в тексте.
- ¹⁸ ...не *Парцифаль* и не *Кудруна*...— Рыцарь Парцифаль и прекрасная дева Кудруна — персонажи германского средневекового рыцарского эпоса, герои обширных поэм, названных их именами.
- ¹⁹ ...*Интермедия*.— Эта стихотворная интермедия, как отметила и французская критика, является пародией на мелодраму с ее стереотипными ситуациями (подкинутый ребенок с опознавательными знаками, сцена «узнавания», меняющая судьбу персонажа, наказанный порок и торжествующая добродетель и т. д.). Пародийность подчеркивается вмешательством не имеющих никакого отношения к происходящему певцов из «Саламбо» (прием, которым Жироду пользовался и в некоторых других своих пьесах).
- ²⁰ ...*суккубы, инкубы*.— По терминологии средневековой христианской церкви — демоны, духи зла; инкуб — демон мужского рода, суккуб — женского.
- ²¹ ...*на осле в Иерусалим*...— Согласно Евангелию, Иисус Христос в сопровождении учеников въехал в Иерусалим верхом на осле, и народ восторженно приветствовал его как нового царя Иудейского.
- ²² ...*Артемизия, Клеопатра*.— Артемизия, царица Галикарнаса, в Карию; по преданию в 353 г. до н. э. воздвигла своему умершему супругу Мавзолу гробницу (мавзолей), считавшуюся одним из семи чудес света. Как и египетская царица Клеопатра VII (I в. до н. э.), известная своей страстью к римскому полководцу Антонию, упоминается здесь в качестве символа беззаветной женской любви.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фридрих де ла Мотт Фуке.

С. Руль. В рыбацкой хижине. Рисунок к повести Фуке «Ундина».

К. Д. Фридрих. Ущелье скал.

К. П. Брюллов. Портрет В. А. Жуковского.

Портрет Иоганны Ойнике — исполнительницы партии Ундины в опере Э. Т. А. Гофмана.

К. Ф. Шинкель. Замок Рингштеттен. Декорация к опере Э. Т. А. Гофмана.

Э. Т. А. Гофман. Автопортрет.

Сцена из спектакля Жана Жироду «Ундина» (Париж, 1939).

Жан Жироду. Фотография.

Сцена из спектакля Жана Жироду «Ундина» (Париж, 1939).

Шмуцтитул Г. Майделя к 1-му изданию «Ундины» в переводе В. А. Жуковского (СПб., 1837).

Г. Майдель. Иллюстрация к IX главе 1-го издания «Ундины» в переводе В. А. Жуковского.

Г. Майдель. Иллюстрация к XIII главе 1-го издания «Ундины» в переводе В. А. Жуковского.

СОДЕРЖАНИЕ

Фуке. Ундина. Перевод с нем. <i>Н. А. Жирмунской</i> . Стихотворные переводы <i>В. А. Дымшица</i> . . .	5

ДОПОЛНЕНИЯ

<i>В. А. Жуковский</i> . Ундина	104
Ундина. Волшебная опера в 3-х актах. Либретто Фридриха де ла Мотт Фуке. Перевод с нем. <i>Е. В. Ланда</i> и <i>В. А. Дымшица</i>	223
Жан Жироду. Ундина. Пьеса в 3-х действиях. По мотивам сказки графа де ла Мотт Фуке. Пере- вод с фр. <i>С. Р. Брахман</i> . Стихотворные переводы <i>И. Я. Шафаренко</i>	300

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Д. Л. Чавчанидзе</i> . Романтическая сказка Фуке	421
<i>Е. В. Ланда</i> . «Ундина» в переводе <i>В. А. Жуков-</i> <i>ского</i> и русская культура	472
Примечания	
Фуке. Ундина (<i>Сост. Д. Л. Чавчанидзе</i>)	537
<i>В. А. Жуковский</i> . Ундина. (<i>Сост. Е. В. Ланда</i>)	538
Ундина. Волшебная опера в 3-х актах. Либ- ретто Фридриха де ла Мотт Фуке. (<i>Сост.</i> <i>Е. В. Ланда</i>)	543
Жан Жироду. Ундина. (<i>Сост. С. Р. Брахман</i>)	544
Список иллюстраций	554

ФРИДРИХ ДЕ ЛА МОТТ ФУКЕ
УНДИНА

Утверждено к печати
Редакционной коллегией
серии «Литературные памятники»
АН СССР

Редактор издательства
Н. А. Алпатова
Художник
С. А. Литвак
Художественный редактор
Н. Н. Михайлова
Технический редактор
Л. Н. Золотухина
Корректоры
В. А. Алешкина, Л. И. Кириллова

ИБ № 46366

Сдано в набор 07.09.89

Подписано к печати 15.03.90

Формат 70×90^{1/32}

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 20,84. Усл. кр. отт. 22,01

Уч.-изд. л. 24,1

Тираж 30 000 экз. Тип. зак. 837

Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»

630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ,
ИМЕЮЩЕЙСЯ В НАЛИЧИИ
НА СКЛАДАХ
ВСЕСОЮЗНОЙ ФИРМЫ
«АКАДЕМКНИГА»

ДЕЛИЛЬ Ж.
САДЫ

Поэма. Пер. с фр.

(Литературные памятники)

1987. 231 с. 1 р. 90 к.

Поэма Делиля (1738—1813)— значительное явление в литературе. В ней был высказан ряд мыслей, составивших свод эстетических правил садового и паркового искусства, излагалась история этого искусства в разных странах, а попутно формулировались эстетические и нравственные идеи. В сочинении Делиля были черты, не свойственные эстетике классицизма, предвосхищающие эстетику нового направления: эмоционально окрашенные, «живые» пейзажи, лирические отступления, красочные, смелые эпитеты. Гете писал, что «новейшие поэты научились у Делиля писать хорошие стихи». В этом смысле «Сады»— манифест романтического направления и в садово-парковом искусстве, которое имело огромное значение для материальной и духовной культуры, для всей эстетической атмосферы жизни в европейских странах.

САРМЬЕНТО ДОМИНГО ФАУСТИНО

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

*Жизнеописание Хуана Факундо Кирого,
а также физический облик, обычаи
и нравы Аргентинской республики*

(Литературные памятники)

1988. 272 с. 3 р. 70 к.

«Самого его звали Тигром Пампы, и, сказать по правде, это прозвище очень подходило ему... Факундо — это воплощение примитивного варварства, он не знал никакого подчинения; его ярость была яростью зверя; грива черных курчавых волос падала ему на лоб и на глаза, свисая длинными космами, подобно змеям на голове Медузы Горгоны; голос его был хриплым, а взгляды ранили, как кинжал...» Человек-ягуар Факундо становится общественным деятелем и превращает историю в масштабное продолжение своего необузданного характера.

Книга Сармьенто — это «биография» Аргентины у истоков ее истории. В ней все, как в жизни, — и свет, и тьма, и надежды, и трагедии. В ней — уроки и заветы будущему. Она неповторима, как неповторима история Аргентины, всей Испанской Америки, ее культуры, одним из главных строителей которой был Сармьенто,

Книги можно приобрести
в ближайшем магазине
«Академкнига»
или заказать в магазине
«Книга — почтой»
по адресу:
117393 Москва,
ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2.

Повесть немецкого писателя

Фридриха де ла Мотт Фуке

(1777—1843)

«Ундина»

(на темы народного сказания о любви русалки к рыцарю)

занимает значительное место

в западноевропейском романтизме.

Она раскрывает одну из особенностей

романтического миропонимания,

построенного на представлении

о сложной связи между человеком и природой,

по-своему выражает

важнейшую проблему писателей романтиков

всех стран, особенно сильно выраженную в Германии:

противоречие между идеалом и действительностью.

«Ундина» привлекла читателей жизненностью своей темы —

темы человеческих чувств и страданий, и это стало

причиной того, что ее довольно скоро стали переводить

на языки других стран.

В А Жуковский сделал стихотворный перевод «Ундины»,

и для русского читателя она оставалась до сих пор

поэтическим произведением. Включение перевода

Жуковского в издание позволяет сопоставить

оригинальное сочинение и его обработку

русским поэтом.

В «Дополнениях» публикуются также

либретто Э. Т. А. Рофмана

«Ундина»

и пьеса французского писателя XX в.

Жана Жироду

«Ундина»

